ПРОДАНО БОЛЕЕ 55 МИЛЛИОНОВ КНИГ ПО ВСЕМУ МИРУ

Ю НЕСБЁ

КРОВАВАЯ ЛУНА

ЭТОТ УБИЙЦА ОВЛАДЕЕТ ТВОИМ РАЗУМОМ...

ХАРРИ ХОЛЕ. СЕРИЯ ДЕТЕКТИВОВ

Кровавая луна
Ю Несбё

Аннотация
Ю Несбё — Кровавая луна
ПРОЛОГ
ГЛАВА 1. Пятница
ГЛАВА 2. Пятница. Цена
ГЛАВА 3. Суббота
ГЛАВА 4. Суббота. Кроличья нора
ГЛАВА 5. Суббота. Хвост скорпиона
ГЛАВА 6. Суббота. Жизнь на Марсе
ГЛАВА 7. Воскресенье
ГЛАВА 8. Воскресенье. Тетрис
ГЛАВА 9. Понедельник
ГЛАВА 10. Понедельник. Лошади
ГЛАВА 11. Понедельник. Обнаженный
ГЛАВА 12. Понедельник. Вращающееся кресло Вегнера
ГЛАВА 13. Понедельник. Группа Эуне
ГЛАВА 14. Понедельник. Нюхательный патрон
ГЛАВА 15. Вторник
ГЛАВА 16. Вторник. Seamaster
ГЛАВА 17. Вторник. Самая интересная часть человечества

ГЛАВА 18. Вторник. Паразит
ГЛАВА 19. Вторник. Звоночки
ГЛАВА 20. Среда
ГЛАВА 21. Среда. Напряжение нарастает
ГЛАВА 22. Четверг. Долг
ГЛАВА 23. Пятница. Желтое бревно
ГЛАВА 24. Пятница. Каннибал
ГЛАВА 25. Пятница. Кокаиновый блюз
ГЛАВА 26. Пятница. Цемент
ГЛАВА 27. Суббота
ГЛАВА 28. Суббота. Последний акт
ГЛАВА 29. Суббота. Tapetum Lucidum
ГЛАВА 30. Воскресенье
ГЛАВА 31. Воскресенье. Крупные млекопитающие
ГЛАВА 32. Воскресенье. Орангутанго
ГЛАВА 33. Понедельник
ГЛАВА 34. Понедельник. Трансъевропейский экспресс
ГЛАВА 35. Вторник
ГЛАВА 36. Среда
ГЛАВА 37. Среда. Отражения
ГЛАВА 38. Четверг
ГЛАВА 39. Четверг. Декоративная капуста
ГЛАВА 40. Четверг. Отсутствие страха
ГЛАВА 41. Четверг. Скорость реакции

ГЛАВА 42. Пятница
ГЛАВА 43. Пятница. Алиби
ГЛАВА 44. Пятница. Интервью
ГЛАВА 45. Пятница. Коллектор
ГЛАВА 46. Пятница. Кровавая луна
ГЛАВА 47. Пятница. Черныш
ГЛАВА 48. Пятница. Лес
ГЛАВА 49. Пятница. Кольцо
ГЛАВА 50. Пятница. Пропущенные вызовы
ГЛАВА 51. Пятница. Прим
ГЛАВА 52. Пятница. Сирены
ГЛАВА 53. Пятница. Дурачок
ГЛАВА 54. Четверг

Аннотация

Пропали две молодые женщины. Они незнакомы друг с другом, но в последний раз их видели на одной вечеринке. Когда тело одной из них находят со свежими швами вдоль линии роста волос, начинается охота на убийцу с очень специфическими склонностями. Для поимки этого преступника требуется детектив с очень специфическим складом ума.

Только Харри Холе может остановить этого изобретательного психопата. Но Харри ушел — уволился из полиции, уехал в Лос-Анджелес. Похоже, ничто не может заманить его обратно в Осло. Если только кто-то из его близких не окажется под угрозой. В этом деле есть нечто большее, чем это кажется на первый взгляд. Время идет, надо найти другую пропавшую девушку, прежде чем число погибших возрастет.

Этот убийца проник в голову Харри.

И теперь он идет за тобой...

Этот текст — результат тщательной правки и редактуры другого текста, выложенного

на этом же сайте и являющегося переводом с английского. В данном тексте исправлены неточности, допущенные в указанном тексте, они выверены по норвежскому оригиналу, а многие фрагменты (в том числе и отсутствующие в исходном тексте) полностью переведены заново. Объективности ради указаны имена всех переводчиков, а также внесшей огромный вклад в "выравнивание" текста редактора Светланы Бондаренко.

Ю Несбё — Кровавая луна

Солнце превратится во тьму и луна — в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный.

— Книга пророка Иоиля, 2:31

ПРОЛОГ

— Осло, — произнес мужчина, поднося стакан виски к губам.

— Ваш любимый город? — спросила Люсиль.

Он уставился перед собой, словно обдумывая ответ, затем кивнул. Пока он пил, Люсиль пристально рассматривала его. Даже сидя на барном стуле, мужчина возвышался над ней. Люсиль уже стукнуло семьдесят два; ее собеседник выглядел моложе на десять, а может, и на двадцать лет. Сложно определить возраст алкоголика. Его лицо и тело были словно вытесаны из дерева — сухие, резкие, жесткие линии. Бледная кожа. Сетка синих капилляров, отчетливо проступающая на носу, и покрасневшие белки светлых, цвета полинявшей джинсы глаз наводили на мысль, что жил он трудно. Много пил. Больно падал. Но, возможно, крепко любил: в те несколько месяцев, за которые он стал постоянным клиентом в «Тварях», она не раз замечала боль в его глазах. Словно побитая собака, вышвырнутая из стаи, — всегда один в конце барной стойки рядом с Бронко, механическим быком Бена, владель-

ца бара. Бен забрал быка со съемок невероятно дрянного фильма «Городской ковбой», где работал реквизитором. Бык служил напоминанием о том, что Лос-Анджелес воздвигся вовсе не на успешном кино, а на куче мусора из неудавшихся человеческих судеб и напрасно вложенных денег. Более восьмидесяти процентов всех снятых фильмов ожидали полный провал и финансовый крах, и при плотности населения, как в Мумбаи, процент бездомных людей здесь был выше, чем в остальных Соединенных Штатах. Автомобильные пробки душили город, выдавливали из него жизнь, а уличная преступность, наркотики и насилие пытались перехватить у них первенство. Однако солнце сияло. О да, эта чертова калифорнийская стоматологическая лампа никогда не выключалась, и ее безжалостный свет заставлял сверкать все стекляшки этого фальшивого города так, будто они были настоящими бриллиантами, подлинными свидетельствами успеха. Если бы они только знали! Люсиль принадлежала к тем, кто знал, потому что она была там, на подмостках. И за кулисами.

Человек, сидящий рядом с ней, наверняка никогда не выходил на подмостки — людей из этого бизнеса она узнавала моментально. Но он

не был похож и на того, кто смотрит на сцену с восхищением, надеждой и завистью. Пожалуй, он был из тех, кому это совершенно безразлично. Из тех, кто увлечен чем-то своим. Может быть, он музыкант? Вроде Фрэнка Заппы — сочиняет свою непостижимую музыку в каком-нибудь подвале здесь, в Лорел-Каньоне, но не обрел известности и никогда уже не обретет?..

После того как этот новичок несколько раз посетил бар, они с Люсиль стали обмениваться кивками и короткими приветствиями — обычное дело для тех, кто с утра посещает заведения для заядлых выпивох. Но сегодня она впервые подсела к нему и угостила выпивкой. Вернее, оплатила напиток, который он заказал, когда увидела, как Бен возвращает ему кредитную карту с видом, ясно говорящим, что лимит превышен.

— А Осло вас любит? — спросила она. — Вот в чем вопрос.

— Едва ли, — ответил он.

Затем провел рукой по коротким, песочного цвета волосам, тронутым сединой, и она заметила, что вместо среднего пальца у него металлический протез. Далеко не красавец, и багровый шрам в форме буквы «J» от угла рта до уха, будто у рыбы, попавшей на крючок, не добавлял

ему симпатии. Однако было в нем что-то… что-то почти привлекательное и немного опасное, как у некоторых ее коллег из этого города. Кристофер Уокен. Ник Нолти. Широкоплечий, но так могло казаться по контрасту с худобой тела.

— О-хо-хо, ну их-то мы и хотим больше всего на свете, — вздохнула Люсиль. — Тех, кто не отвечает нам любовью. Тех, кто, как мы считаем, полюбит нас, если мы еще чуть-чуть постараемся.

— А чем вы занимаетесь? — спросил мужчина.

— Пью, — ответила она, поднимая свою порцию виски. — И кормлю кошек.

— Хм.

— Полагаю, на самом деле вы хотите знать, кто я такая. Ну, я… — она сделала глоток, раздумывая, какую версию ему озвучить. Вариант для вечеринок или правду. Она поставила стакан на стол и решила, что выберет последнее. К черту.

— Актриса, сыгравшая одну большую роль — Джульетту. Та экранизация «Ромео и Джульетты» до сих пор остается лучшей, но ее больше никто не помнит. Одна главная роль… Звучит не очень впечатляюще, но все же это планка, которой не смогли достичь большинство актеров этого города. Была замужем три раза. Дважды

— за состоятельными режиссерами, и от них я уходила с выгодными бракоразводными соглашениями — опять же, этим может похвастаться далеко не каждая актриса. А третий муж был единственным, кого я любила. Актер — красивый, как Адонис, и безденежный, бессовестный, абсолютно недисциплинированный. Он промотал все мои деньги до последнего пенни и бросил меня. Я до сих пор люблю его, гори он в аду.

Она допила свой виски, поставила стакан на барную стойку и жестом попросила Бена налить еще.

— А поскольку меня всегда привлекает несбыточное и недоступное, я вложила деньги, которых у меня нет, в кинопроект с очень заманчивой главной ролью пожилой дамы. С умным сценарием, актерами, которые действительно умеют играть, и режиссером, который заставляет зрителя задуматься. В общем, любому здравомыслящему человеку ясно, что фильм обречен на провал. Но я мечтательница, неудачница, типичный «ангелочек» Лос-Анджелеса.

Мужчина со шрамом в форме буквы «J» улыбнулся.

— Ну ладно, хватит самоиронии, — сказала она. — Как тебя зовут?

— Харри.

— Ты немногословен, Харри.

— Хм.

— Швед?

— Норвежец.

— От чего-то бежишь?

— А похоже, что бегу?

— Да. Вижу, ты носишь обручальное кольцо. Бежишь от жены?

— Она умерла.

— А. Убегаешь от горя, — Люсиль подняла стакан, как для тоста. — Хочешь знать, какое место в мире *я* люблю больше всего? Вот это самое — Лорел-Каньон. Только не сейчас, а в конце шестидесятых. Тебе стоило побывать там, Харри. Если ты тогда уже родился.

— Да, я уже слышал такое.

Она указала на фотографии в рамках, что висели на стене позади Бена:

— Все музыканты зависали здесь. Кросби, Стиллз, Нэш и этот… как звали последнего парня?

Харри снова улыбнулся.

— «The Mamas and the Papas», — продолжала она. — Кэрол Кинг. Джеймс Тейлор. Джони Митчелл. — Она сморщила нос. — Ну а эта выглядела и разговаривала, как ученица воскресной школы,

но спала с одним из тех, о ком я говорю. Даже запускала когти в Леонарда — он прожил с ней месяц или около того. Мне позволили одолжить его на одну ночь.

— Леонард Коэн?

— Единственный и неповторимый. Милый, очаровательный мужчина. Немного научил меня искусству стихосложения. Большинство людей делают одну и ту же ошибку: придумав хорошую строку, они ставят ее первой, а дальше пишут что-нибудь с нелепой принудительной рифмой[1]. А штука в том, что первой строкой надо сделать как раз эту рифму, и тогда никто ее не заметит. Возьми, например, песню Леонарда Hey, that's No Way to Say Goodbye. Сначала ты создаешь прекрасное «Твои волосы на подушке разметались, как вихрь золотой», а затем, чтобы приклепать хоть какую-то рифму, пишешь банальное «Я любил тебя рано утром, поцелуем гоня твой покой», — и все испорчено. Но если поменять порядок строк и написать: «Я любил тебя рано утром, поцелуем гоня твой покой, Твои волосы по подушке разметались, как вихрь золотой» — вот тогда стих приобретает истинную элегантность. Мы воспри-

[1] Notes: 1

Принудительная рифма — рифма из слов, почти совпадающих по звучанию.

нимаем его так, поскольку думаем, что именно в *этом* порядке строки возникли в голове поэта. Вообще-то, ничего удивительного: люди склонны верить, что происходящее сейчас — это результат произошедшего раньше, а не наоборот.

— Хм. Значит, происходящее сейчас — следствие того, что случится в будущем?

— Именно, Харри! Ты понял, да?

— Не уверен. Можешь привести пример?

— Конечно. — Она осушила стакан. Похоже, он что-то понял по самомУ ее тону, потому что вздернул бровь и окинул бар быстрым взглядом.

— Сейчас происходит вот что: я расскажу тебе, как случилось, что я задолжала денег за фильм, который так и не появился в прокате, — произнесла она, глядя на пыльную парковку через грязное окно с полузакрытыми жалюзи. — И это не случайность, а скорее следствие того, что скоро произойдет. Видишь вон тот белый «камаро», припаркованный около моей машины?

— И внутри него двое парней, — уточнил он. — Стоит там уже двадцать минут.

Она кивнула. Слова Харри подтвердили, что ее догадка о его профессии верна.

— Я заметила эту машину сегодня утром возле моего дома в Каньоне, — сообщила она. — Не

могу сказать, что это большая неожиданность — они уже делали мне предупреждение и обещали прислать коллекторов. Неофициальных. Кредит мне дал не банк, если ты понимаешь, о чем я. И когда я подойду к своей машине, эти джентльмены наверняка захотят поговорить со мной. Догадываюсь, что в деле предупреждений и угроз они настоящие профессионалы.

— Хм. И зачем ты рассказываешь это мне?

— Затем, что ты полицейский.

Он снова поднял бровь.

— Я?

— Мой отец был полицейским, и, видимо, вы, ребята, во всем мире похожи. В общем, я хочу, чтобы ты проследил за происходящим. Если они станут кричать и угрожать, я хотела бы, чтобы ты появился на крыльце и… ну, понимаешь, выглядел как коп, чтобы они отвалили. Слушай, я даже уверена, что до этого не дойдет, но мне было бы спокойнее под твоим присмотром.

С минуту Харри рассматривал ее.

— Окей, — просто сказал он.

Люсиль удивилась. Не слишком ли легко он согласился? Однако в его глазах было при этом что-то непоколебимое. Что-то, что заставляло верить ему. С другой стороны, она верила и

Адонису. И режиссеру. И продюсеру. Целиком и полностью.

— Я пошла, — заявила она.

* * *

Харри Холе держал стакан. Слушал еле уловимое шипение тающих кубиков льда. Не пил. Он был на мели, на самом дне, и собирался растянуть удовольствие от этой порции, насколько возможно. Его взгляд остановился на одной из фотографий на стене за барной стойкой. На снимке был Чарльз Буковски, один из любимых авторов его молодости, перед фасадом «Тварей». Бен говорил ему, что снимок сделали в семидесятых. Буковски стоял в обнимку с приятелем, скорее всего ранним утром; оба были в гавайских рубашках, с блестящими глазами и со зрачками размером с булавочную головку. Они улыбались так триумфально, будто после изнурительного пути наконец достигли Северного полюса.

Харри опустил взгляд на кредитную карту, которую Бен бросил на барную стойку перед ним.

Лимит исчерпан. Пусто. Выбрано до дна. Миссия выполнена. Миссия заключалась в том, чтобы пить, пока не останется ничего. Ни денег, ни дней, ни будущего. Оставалось только проверить,

хватит ли ему смелости — или трусости — покончить со всем. В комнате дешевого мотеля, под матрасом, лежал пистолет «Беретта». Он купил этот пистолет за двадцать пять долларов у бездомного, обитавшего в одной из голубых палаток вдоль Скид-Роу. В пистолете было три пули.

Он положил кредитку на ладонь, плотно сомкнул вокруг нее пальцы и повернулся, чтобы посмотреть в окно. Увидел пожилую даму, гордо идущую к парковке. Она была такой маленькой. Как воробышек — легкая, хрупкая и сильная. Бежевые брюки и в тон им короткий пиджак — в этой старомодной, но со вкусом подобранной одежде было что-то из восьмидесятых. Она шла с той же стремительностью, с какой каждое утро входила в бар, чтобы эффектно предстать перед аудиторией от двух до восьми человек.

— Люсиль пришла! — провозглашал Бен и тут же начинал без всяких просьб смешивать ее обычную «отраву» — виски сауэр.

Мать Харри умерла от рака в онкологической больнице «Радиум». Ему тогда было пятнадцать, и это стало первой пулей, пробившей его сердце. Люсиль напоминала ее — но не тем, как входила в комнату, а своим мягким, улыбчивым и в то же время грустным взглядом, говорившем о доброй

и кроткой душе. И беспокойством, с которым она расспрашивала знакомых о последних новостях, об их здоровье, любовных перипетиях, друзьях и родных. И уважением, которое она проявляла к Харри, когда снова и снова позволяла ему мирно сидеть в самом конце барной стойки. Его мать, женщина неразговорчивая, была серым кардиналом семьи, ее нервным центром, и тянула за ниточки так незаметно, что любой легко поверил бы: решения принимал отец. Мать, которая всегда была готова заключить сына в теплые объятия, всегда всех понимавшая, которую он любил больше всех на свете и которая стала потом его ахиллесовой пятой. Однажды, когда он учился во втором классе, в дверь мягко постучали и показалась мать с коробкой для завтрака, которую он забыл дома. Лицо Харри невольно засияло, едва он увидел мать, но тут послышался смех нескольких одноклассников. Тогда он вылетел из класса в холл и яростно отчитал ее: она его позорит, она должна уйти, ему не нужна еда. Она лишь грустно улыбнулась, отдала ему коробочку с завтраком, погладила по щеке и ушла. Потом Харри не заговаривал об этом. Разумеется, она все поняла, как всегда понимала. И в тот вечер, когда мальчик отправился спать, он тоже понимал:

причина его смущения не в ней. А в том, *что* увидели все вокруг. Его любовь. Его уязвимость. В последующие годы он несколько раз хотел извиниться, но это казалось глупым.

Снаружи, у бара, над гравием поднялось облако пыли, и на мгновение оно окутало Люсиль, старавшуюся удержать на месте солнечные очки. Харри увидел, как дверь «камаро» открывается и из нее выходит мужчина в темных очках и красном поло. Мужчина встал перед автомобилем, загородив Люсиль дорогу.

Харри думал, что теперь эти двое начнут разговаривать. Но мужчина шагнул вперед, схватил Люсиль за руку и потащил к автомобилю. Харри видел, как каблуки туфель Люсиль зарываются в гравий. А еще увидел, что у «камаро» не американские номера. Он вскочил с барного стула. Подбежал к двери, распахнул ее ударом плеча и, ослепленный ярким солнцем, едва не слетел с крыльца. Осознал, что далеко не трезв. Направился к машинам на стоянке. Глаза постепенно привыкали к свету. За парковкой, через дорогу, которая петляла по зеленому склону холма, стоял какой-то полусонный универмаг, но вокруг не было ни души, кроме Люсиль и парня, пытавшегося затащить ее в машину.

— Полиция! — закричал Харри. — Отпусти ее!

— Пожалуйста, не вмешивайтесь, сэр, — крикнул парень в ответ.

Харри подумал, что когда-то этот человек занимался тем же, чем и он: только полицейские в подобных ситуациях могут использовать вежливые просьбы. Еще Харри подумал, что без драки не обойдется, а первое правило ближнего боя довольно простое: не жди, побеждает тот, кто атакует первым и чья атака агрессивнее. Он не остановился, и противник, должно быть, понял его намерения, потому что отпустил Люсиль и достал что-то из заднего кармана. Теперь в его руке был пистолет, и этот пистолет Харри мгновенно узнал: прямо на него был направлен «Глок-17».

Харри притормозил, но не остановился. Увидел глаза мужчины, увидел, как тот целится. По дороге проехал пикап, и шум от него наполовину заглушил слова стрелка:

— Возвращайтесь, откуда пришли, сэр. Живо!

Но Харри продолжал идти на него. Осознал, что по-прежнему держит в правой руке кредитную карту. Вот так все и кончится? На пыльной парковке чужой страны, под потоками солнечного света, без денег, навеселе, он попытается сделать то, что не мог совершить для своей матери и для

всех, кто когда-либо был ему дорог.

Он прикрыл глаза и сжал кредитную карту в ладони — рука из-за этого стала похожа на стамеску.

В голове крутилось название песни Леонарда Коэна: «Hey, that's No Way to Say Goodbye». *Эй, еще не время нам сказать «прощай»*.

«Ну нет, черт возьми, как раз самое время».

ГЛАВА 1
Пятница

Восемь часов вечера. Уже полчаса, как сентябрьское солнце сошло с небосвода Осло и всем трехлетним детям давно пора спать.

Катрина Братт вздохнула и прошептала в трубку:

— Тебе не спится, дорогой?

— Бабуска плохо поет, — ответил сквозь шмыгание носом детский голосок. — Ты где?

— Мне пришлось пойти на работу, дорогой, но скоро я буду дома. Хочешь, мама немного споет?

— Да.

— Тогда тебе надо закрыть глазки.

— Хорошо.

— Про Черныша?

— Да.

Катрина Братт запела низким, глубоким, грустным голосом: «Ах Черныш, ах козлик мой, не вернулся ты домой…»[2]

Она понятия не имела, почему вот уже почти

---

[2] Notes: 2
Все стихи в книге переведены sonate10.

сто лет норвежские дети засыпают под песенку мальчика, который удивляется, почему его любимый козлик Черныш не вернулся с пастбища домой, и боится, что того задрал медведь и теперь козлик лежит, окровавленный, мертвый, где-то в горах.

И тем не менее после первого же куплета она услышала, что дыхание Герта стало спокойнее и глубже, а после второго в телефоне послышался шепот свекрови:

— Заснул.

— Спасибо, — ответила Катрина. Она так долго сидела на корточках, что пришлось опереться рукой о землю. — Я постараюсь вернуться пораньше.

— Не спеши, дорогая. И не надо благодарить. Это я благодарна, что ты разрешаешь нам проводить с ним время. Знаешь, он так похож на Бьёрна, когда спит.

Катрина сглотнула. Когда ей говорили что-нибудь в этом роде, она никогда не могла ответить ничего внятного. Не потому, что не скучала по Бьёрну и не потому, что не радовалась, когда родители Бьёрна узнавали его черты в Герте. А потому, что это не было правдой.

Она переключилась на то, что происходило

рядом.

— Ну и ну, вот это колыбельная! — сказал Сон Мин Ларсен. Он подошел и присел на корточки рядом с ней. — «Может, мертвый ты лежишь…»

— Понимаю, но он хочет слушать именно ее, — вздохнула Катрина.

— Ну, тогда пусть слушает, — улыбнулся коллега.

Катрина кивнула.

— Ты когда-нибудь задумывалась, что в детстве мы ждем безусловной любви от родителей, но ничего не даем взамен? Что в детстве мы, по сути, паразиты? Но потом мы вырастаем — и все полностью меняется. Как думаешь — в какой момент мы перестаем верить в то, что нас можно безоговорочно любить такими, какие мы есть?

— Ты имеешь в виду — когда *она* перестала верить?

— Да.

Они посмотрели на мертвую молодую женщину, лежащую на земле. Ее брюки и трусы были спущены до щиколоток, молния на пуховике застегнута наглухо, до самого верха. Лицо, обращенное к звездному небу, казалось белым как мел в свете прожекторов, которые расставили среди деревьев работники криминалистического

отдела. На щеках темнели потеки размазавшейся туши. Волосы, выбеленные химикатами, прилипли к одной стороне лица. Губы были накачаны силиконом. Накладные ресницы нависали над глазами, словно карнизы: и над тем глазом, что остекленело смотрел сквозь детективов, и над тем, вместо которого зияла пустая глазница. Возможно, тело так хорошо сохранилось, потому что в нем было много синтетики, плохо поддающейся разложению.

— Похоже, это Сюсанна Андерсен? — произнес Сон Мин.

— Думаю, да, — ответила Катрина.

Они служили в разных отделах полиции Осло: она — в отделе по расследованию насильственных преступлений (сотрудники называли его криминальным отделом), а он — в специальном агентстве норвежской полицейской службы Крипос[3].

Сюсанна Андерсен, двадцати шести лет, числилась пропавшей без вести уже семнадцать дней. В последний раз ее видели на записях камер

---

[3] Notes: 3

Национальная служба уголовного розыска, является национальным экспертным центром полиции в области борьбы с организованной преступностью и другими серьезными преступлениями, в том числе с коррупцией.

наблюдения у станции метро Скюллерюд — то есть в двадцати минутах ходьбы от места, где нашли тело Сюсанны. В деле о другой пропавшей женщине, Бертине Бертильсен, единственной зацепкой был автомобиль, брошенный на автостоянке в парковой зоне на холме Грефсенколлен. Цвет волос женщины, лежавшей перед ними, был похож на тот, что зафиксировала камера наблюдения у метро, тогда как Бертина, по словам родных и друзей, перед пропажей была брюнеткой. Кроме того, на ногах трупа не было татуировок, а у Бертины была — логотип «Louis Vuitton» на лодыжке.

Стоял сентябрь, сухой и относительно прохладный, и, судя по цвету трупных пятен — голубых, пурпурных, желтых, коричневых — тело могло пролежать на открытом воздухе около трех недель. Это же подтверждал запах газа, постепенно выделявшегося изо всех отверстий на теле. Еще Катрина заметила под ноздрями трупа фрагменты белых, тонких, похожих на волосы нитей. Грибок. В большой ране на горле ползали желтовато-белые слепые личинки. Катрина видела подобное так часто, что отнеслась к этому зрелищу почти равнодушно. Мясные мухи, по словам Харри, верные, как преданные болельщики «Ли-

верпуля», появляются независимо от времени, места, дождя, солнца, ведомые запахом диметилтрисульфида, который тело начинает выделять с момента смерти. Самки откладывают яйца, а через несколько дней вылупляются личинки и поедают гниющую плоть. Личинки окукливаются, превращаются в мух и ищут трупы, чтобы отложить в них собственные яйца, а через месяц, когда проходит отпущенный им срок, умирают. Таков их жизненный цикл. «Не так уж отличается от нашего, — подумала Катрина. — Вернее, не так уж отличается от моего».

Катрина огляделась. Криминалисты, одетые в белое, бесшумными призраками перемещались между деревьями и отбрасывали жуткие тени всякий раз, когда полыхали вспышки их камер. Лес был большим: лесной район Э́стмарка простирался далеко, почти до самой Швеции. Тело обнаружил бегун. Точнее, его собака — ее спустили с поводка, и она убежала с узкой гравийной дорожки в лес. Начинало темнеть, и бегун, включив налобный фонарик, последовал за ней, постоянно окликая ее. В конце концов он нашел собаку, радостно виляющую хвостом, рядом с мертвым телом. Вообще-то о вилянии хвостом в отчете ничего не было, но Катрина представляла

себе это именно так.

— Сюсанна Андерсен, — прошептала она, сама не зная, кому именно это говорит. Возможно, умершей, чтобы дать ей утешение и уверенность в том, что ее наконец нашли и узнали.

Причина смерти была очевидна. Разрез поперек тонкой шеи походил на улыбку. Личинки мух, прочие насекомые и, возможно, звери уничтожили почти всю свернувшуюся кровь убитой, однако Катрина разглядела следы кровавых брызг на вереске и на стволе дерева.

— Ее убили здесь, — произнесла она.

— Похоже на то, — отозвался Сон Мин. — Как думаешь, ее изнасиловали? Или надругались уже после того, как убили?

— После, — ответила Катрина, светя фонариком на руки Сюсанны. — Ни один ноготь не сломан, следов борьбы нет. Я попробую уговорить судмедэкспертов провести предварительное исследование тела в эти выходные. Посмотрим, что они скажут.

— А полное клиническое вскрытие?..

— Результатов не будет минимум до понедельника.

Сон Мин вздохнул.

— Что ж, полагаю, обнаружение Бертины

Бертильсен с перерезанным горлом где-то на Грефсенколлене — всего лишь вопрос времени.

Катрина кивнула. За последний год они с Сон Мином познакомились поближе, и он подтвердил свою репутацию одного из лучших детективов Крипоса. Многие считали, что он займет пост старшего инспектора в тот самый день, когда Уле Винтер уйдет в отставку, и с этого момента управление отделом станет на порядок лучше. *Возможно*, станет. Потому что были и те, кому не нравилось, что главный следственный орган страны может возглавить урожденный южнокореец, некогда приемный ребенок, да еще и гомосексуал, к тому же любитель одеваться в стиле британской аристократии. Его твидовый охотничий жакет классического покроя и высокие сапоги из кожи и замши составляли резкий контраст с одеждой Катрины — тонким пуховиком фирмы «Патагония» и кроссовками «Gore-Tex». Когда был жив Бьёрн, он называл ее стиль «горпкор»; как она поняла, это было международное обозначение людей, которые надевают одно и то же и для выхода в паб, и для похода в горы. Сама она предпочитала называть свою манеру одеваться адаптацией к роли матери маленького ребенка. Но приходилось признать, что

Катрина стала приверженцем более сдержанного и практичного стиля потому, что была уже не молодым мятежным следователем, а начальницей криминального отдела.

— Как ты думаешь, что это? — спросил Сон Мин.

Катрина знала, что они оба имеют в виду одно и то же, но не готовы сказать об этом вслух. Пока не готовы. Катрина прочистила горло.

— Во-первых, для начала выясним, что произошло, используя то, что у нас здесь есть.

— Согласен.

Катрина надеялась, что впредь она часто будет слышать от сотрудников Крипоса слово «согласен». О да, конечно, она с радостью примет любую предложенную ей помощь. Крипос дал понять, что их организация готова содействовать с момента, когда была объявлена пропавшей Бертина Бертильсен: та исчезла ровно через неделю после Сюсанны и при удивительно похожих обстоятельствах. Обе женщины вышли из дома во вторник вечером, не сказали никому, куда и зачем идут (по крайней мере, никому из тех, с кем беседовали полицейские), и с тех пор их никто не видел. Были и другие обстоятельства, связывавшие этих двух женщин. Узнав о них,

полицейские отбросили версию, что Сюсанна попала в аварию или покончила с собой.

— Ладно. — Катрина встала. — Пора доложить боссу.

Она немного постояла, пережидая, когда кровь разойдется по онемевшим ногам. Потом включила фонарик на мобильнике и двинулась обратно, стараясь ступать по своим следам, которые оставила, идя к месту преступления. Оказавшись за оградительной лентой, натянутой по стволам деревьев, Катрина набрала в телефоне первые буквы имени главного суперинтенданта. Будиль Меллинг откликнулась после третьего гудка.

— Это Братт. Извини, что звоню так поздно, но, кажется, мы нашли одну из пропавших женщин[4]. Убита — перерезано горло; нашли следы крови — вероятно, артериальной; скорее всего, имело место изнасилование или действия сексуального характера. Абсолютно уверена, что это Сюсанна Андерсен.

— Это очень плохо. — Голос главного суперинтенданта был совершенно бесцветным. Катрина

---

[4] Notes: 4

Катрина обращается к своему непосредственному начальнику на «ты», потому что в норвежском языке нет такой формальной формы обращения на «вы», как в русском. Все называют друг друга по имени или фамилии и на «ты», независимо от пола, возраста, статуса и социального положения.

тут же представила деревянное лицо Будиль Меллинг, ее бесцветную одежду и невыразительную жестикуляцию, ее бесконфликтную семейную жизнь и безрадостный секс. Однажды Катрина оказалась свидетелем вовсе не равнодушной реакции, которую проявила главный суперинтендант, но это было единственный раз и в связи с тем, что скоро должен освободиться пост начальника полиции. Катрина не считала Меллинг неквалифицированной — просто полагала ее невыносимо скучной. Засевшей в защите. Трусливой.

— Созовешь пресс-конференцию? — спросила Меллинг.

— Хорошо. Ты хочешь…

— Нет, пока у нас нет подтвержденного опознания тела, веди ты.

— Значит, вместе с Крипосом? Их люди были на месте происшествия.

— Хорошо, давай так. Если это все — у нас гости.

В паузе после этих слов Катрина услышала негромкий разговор на заднем плане — кажется, дружеский обмен мнениями, когда один собеседник подтверждает и развивает то, что сказал другой. Социальные связи. Вот с чем предпочи-

тала работать Будиль Меллинг. Она наверняка разозлится, если Катрина снова заговорит на запретную тему. Катрина предложила это сразу же, как только объявили о пропаже Бертины Бертильсен и возникло подозрение, что обеих женщин мог убить один и тот же человек. Сейчас она тоже ничего не добьётся, Меллинг ясно дала это понять, свернув разговор. Катрине нужно просто забыть об этом.

— Еще кое-что, — сказала она и позволила словам повиснуть в воздухе, пока переводила дыхание.

Босс опередила ее:

— Мой ответ — нет, Братт.

— Но он наш единственный специалист по этому вопросу. И он лучший.

— И он же худший. Кроме того, слава богу, он больше не *наш*.

— Журналисты обязательно будут спрашивать, где он и почему мы не…

— И ты просто скажешь правду — что мы не знаем, где он. Вообще-то, если вспомнить, что случилось с его женой, да прибавить его неуравновешенность и злоупотребление психоактивными веществами — я не могу и представить, чтобы он участвовал в расследовании этого убийства.

— Мне кажется, я знаю, где его найти.

— Оставь это, Братт. Обращение к прежним героям при первых же сложностях воспринимается как скрытое пренебрежение к людям, которые работают под твоим началом в криминальном отделе. Что будет с их самооценкой и мотивацией, если ты скажешь, что хочешь подключить эту развалину без значка? Это называется плохим руководством, Братт.

— Хорошо. — Катрина мучительно сглотнула.

— Отлично. Я ценю, что ты считаешь, что все хорошо. Что-нибудь еще?

На мгновение Катрина задумалась. Что ж, выходит, Меллинг на самом деле может вступить в конфликт и показать зубы. Отлично. Она посмотрела на серпик луны над верхушками деревьев. Прошлой ночью Арне — молодой мужчина, с которым она встречалась чуть меньше месяца — сказал ей, что через две недели будет полное лунное затмение, так называемая «кровавая луна», и им надо отметить это событие. Катрина понятия не имела, что такое «кровавая луна», но она, по-видимому, случалась раз в два-три года, и Арне был так воодушевлён, что у нее не хватило духу сказать, что, наверное, им не стоит планировать что-то в столь отдаленном будущем, как

через пару недель, ведь они едва знают друг друга. Катрина никогда не боялась конфликтов, не боялась прямоты — вероятно, она унаследовала это от отца, полицейского из Бергена. У отца было больше врагов, чем дождливых дней в Бергене, зато его дочь научилась определять, когда следует удержаться от схватки, а когда броситься в атаку. Однако, хорошенько подумав, она поняла, что, в отличие от разборок с мужчиной, роль которого в ее жизни пока не определена, в *этот* бой ей вступить придется. Лучше сейчас, чем позже.

— Только одно, — сказала Катрина. — Если кто-нибудь спросит об этом на пресс-конференции — могу я так ответить этому человеку? Или родителям следующей жертвы?

— Что ответить?

— Что полиция Осло отказывается от помощи человека, вычислившего и задержавшего трех серийных убийц из этого города, потому что, по нашему мнению, это может повлиять на самооценку некоторых наших коллег?

Воцарилось долгое молчание, и теперь до Катрины не доносились отголоски дружеской болтовни. Наконец Будиль Меллинг откашлялась:

— Знаешь что, Катрина? Ты хорошо потруди-

лась над этим делом. Продолжай в том же духе, проведи пресс-конференцию, отоспись в выходные, а в понедельник поговорим.

Они окончили разговор, и Катрина позвонила в Институт судебно-медицинской экспертизы. Но вместо официального звонка она набрала личный номер Александры Стурдзы, молодой сотрудницы института. У Александры не было ни семьи, ни детей, и она не особенно возражала, когда приходилось задерживаться на работе. Конечно же, Стурдза ответила, что они с коллегой осмотрят тело уже завтра.

Катрина стояла, глядя на лежащую на земле мертвую женщину. Возможно, то, что она собственными усилиями добилась своего положения в этом мужском мире, не позволяло ей избавиться от презрения к женщинам, которые добровольно решили зависеть от мужчин. Обе — и Сюсанна, и Бертина — жили за счет мужчин, и их связывало даже большее: у обеих был один и тот же любовник тридцатью годами старше них — Маркус Рёд, крупный магнат, сделавший состояние на недвижимости. Жизнь этих девушек, их существование зависели от мужчин с деньгами и работой, которые содержали их, безработных и безденежных, взамен получая красивое молодое

тело, а также — в том случае, если из отношений не делалось тайны — наслаждение от зависти других мужчин. Однако Сюсанна и Бертина, в отличие от детей, знали, что любовь к ним не безусловна. Рано или поздно хозяин бросил бы их, и им пришлось бы искать нового человека, которым можно питаться. Или который позволяет питаться собой — зависит от точки зрения.

Бывает, значит, и такая любовь? Почему бы и нет? Что с того, что мысль о ней вгоняет в депрессию?

Между деревьями со стороны гравийной дороги Катрина увидела синий огонек машины «скорой помощи». Машина шла бесшумно. Катрина подумала о Харри Холе. Да, в апреле он дал о себе знать: прислал открытку с фотографией Венис-Бич и почтовым штемпелем Лос-Анджелеса. Словно сигнал с затаившейся на океанском дне подводной лодки, пойманный гидролокатором. Коротко: «Пришли денег». Всерьез ли это — Катрина не знала. И с тех пор никаких вестей.

Полная тишина.

Последний куплет колыбельной, до которого она сегодня не допела, зазвучал у нее в голове:

Отзовись-ка, козлик мой,

Я узнаю голос твой,
Возвратись, Черныш, к нему,
К пастушонку своему.

ГЛАВА 2
Пятница
Цена

Как обычно, пресс-конференция была организована в конференц-зале полицейского управления. Настенные часы показывали без трех минут десять, и пока Мона До, криминальный репортер газеты «Верденс Ганг»[5], вместе со своими коллегами ждала, когда представители полиции займут места на трибуне, здесь собралось довольно много журналистов. Более двадцати человек — и это в пятницу вечером. Она уже успела обсудить со своим фотографом, «продаются» ли двойные убийства в два раза лучше одиночных, или тут работает закон убывающей доходности. Фотограф считал, что качество важнее количества, и коль скоро жертва — молоденькая коренная норвежка, она соберет больше кликов, чем, например, два судимых сорокалетних наркомана. Или чем два или даже три мальчика-иммигранта из какой-нибудь банды.

---

[5] Notes: 5

«ВГ» — в переводе «Поступь мира» — одна из самых больших газет Норвегии.

Мона До была, в общем, с ним согласна. Пока сообщили о гибели только одной из пропавших девушек, но скоро наверняка станет известно, что вторую постигла та же участь. И да — обе они были молодыми, хорошенькими и при этом коренными норвежками. Но проще от этого не становилось. Она не понимала, как это подать. Выразить тревогу о людях молодых, невинных и беззащитных? Или акцентировать внимание на других фактах, которые обычно цепляют читателя: на сексе, деньгах — словом, той жизни, которую читатели хотели бы для себя.

Кстати, о желании иметь то, что есть у других. Она посмотрела на мужчину лет тридцати в переднем ряду. На нем была фланелевая рубашка по хипстерской моде этого года и шляпа фасона «свиной пирог»[6], как у Джина Хэкмена из «Французского связного».

Это был Терри Воге из газеты «Дагбладет», и его источникам информации Мона До могла только завидовать. С тех пор, как всплыла история с двумя пропавшими девушками, он стал задирать нос

---

[6] Notes: 6

Шляпа с цилиндрической тульей, имеющей небольшое углубление сверху, и достаточно широкими полями, по форме напоминает канотье. Свое английское название pork pie — «пирог со свининой» (англ.) — получила из-за того, что ее форма напоминает форму классического британского пирога со свининой.

перед всеми. Именно Воге первым написал, что Сюсанна Андерсен и Бертина Бертильсен были из одной тусовки. И он же нашел информатора, который сообщил, что папиком обеих девушек был Рёд. Это раздражало. И не только потому, что Воге был конкурентом. Раздражало даже само его присутствие здесь.

Словно услышав мысли Моны, он обернулся и увидел ее. Широко улыбаясь, отсалютовал, прикоснувшись к полям своей идиотской шляпы.

— Ты ему нравишься, — констатировал фотограф.

— Знаю, — ответила она.

Симпатия Терри Воге к Моне возникла после его неожиданного возвращения в газетную журналистику в качестве криминального репортера и после того, как Мона До совершила ошибку, дружелюбно отнесясь к нему на семинаре — подумать только — по журналистской этике. Остальные журналисты избегали Воге, как зачумленного, так что ее отношение, видимо, расположило Терри к ней. Он стал обращаться к Моне за тем, что называл «советами» и «подсказками». Как будто ей было интересно стать наставником Терри Воге, да и вообще иметь с ним что-то общее; в конце концов, все знали, что

слухи о нем возникли не на пустом месте. Но чем отстраненнее она вела себя с ним, тем навязчивее он становился. Звонил по телефону, стучался в соцсети, будто случайно зависал в барах и кафе, где бывала она. И ей понадобилось некоторое время, чтобы понять: его интересует именно она. Девушка никогда не пользовалась популярностью у мужчин: коренастая, широколицая, с «унылыми», по словам матери, волосами, и крабьей походкой (у нее был врожденный дефект бедра). Кто знает, пыталась ли Мона возместить этот дефект, но однажды она начала ходить в тренажерный зал и стала еще более коренастой. Однако теперь она могла поднять 120 килограммов в становой тяге и заняла третье место на национальном чемпионате по бодибилдингу. А поскольку жизнь научила ее, что никто — по крайней мере, она сама — ничего не получает за просто так, девушка развила в себе напористое обаяние, чувство юмора и твердость характера. С такими свойствами можно было забыть о мире розовых пони, зато благодаря им она завоевала неофициальный титул королевы криминального репортажа… и Андерса. Андерса ценила больше. Ну, чуть больше. Неважно. Хотя внимание других мужчин — в том числе Воге — было новым и

приятным ощущением, но о том, чтобы исследовать эту область дальше, речи не шло. Мона была уверена, что объяснила Воге эту позицию предельно ясно — если не словами, то уж точно интонациями голоса и языком тела. Но тот видел и слышал только то, что *хотел* видеть и слышать. Иногда, заглядывая в его вытаращенные глаза, она задавалась вопросом, не сидит ли он на какой-то дряни или же у него просто не все дома.

Однажды вечером он приперся в тот же бар, что и Мона, а когда Андерс пошел в туалет, Воге тихо, едва слышно из-за музыки, но все же, видимо, не так уж и тихо произнес: «Ты моя». Она притворилась, что не расслышала, но он продолжал стоять на месте, уверенный и спокойный, с хитрой улыбкой на лице — словно теперь у них двоих был общий секрет. Черт бы его побрал!

Мона терпеть не могла выяснять отношения, поэтому ничего не рассказала Андерсу. Впрочем, она знала, что Андерс отлично справился бы с этим, но все равно не рассказала. Что Воге о себе вообразил? Что он новый альфа-самец в их маленьком болотце и ее интерес к нему будет расти вместе с его репутацией криминального репортера, который всегда на голову опережает остальных? А он и вправду опережает, тут и

обсуждать нечего. Если Мона и хотела чего-то, что было у других — так это снова перехватить лидерство в гонке, а не быть одной из тех, кто пытается успеть за Терри Воге.

— Как ты думаешь, откуда он берет информацию? — шепотом спросила она фотографа.

Тот пожал плечами:

— Может, опять выдумывает.

Мона покачала головой.

— Нет, сейчас есть веские основания ему верить.

Маркус Рёд и его адвокат Юхан Крон даже не пытались опровергнуть то, что написал Воге, и это подтверждало его слова.

Воге не всегда был королем криминальной журналистики. В прошлом с ним случилась скандальная история, которая приклеилась к нему намертво и не отклеится никогда. История о юной певичке со сценическим псевдонимом Джини, предпочитающей ретро-глэм в стиле Сьюзи Квадро — если кто-то еще помнит Сьюзи. Это произошло лет пять или шесть назад. И самое скверное было не в том, что Воге фабриковал фейки о Джини и публиковал их, а в том, что, как поговаривали, на какой-то вечеринке он, захотев переспать с этой девочкой-подростком, подсыпал

в ее бокал рогипнол.

В те времена Терри Воге, музыкальный журналист в одной бесплатной газете, видимо, был без ума от Джини; он восхвалял ее из рецензии в рецензию, тем не менее при попытках сблизиться получал отказ. Но он продолжал появляться на концертах и оставаться на послеконцертные вечеринки — вплоть до той ночи, когда он, по слухам, подсЫпал что-то девчонке в питье и утащил ее в номер, который забронировал в том же отеле, где остановилась группа Джини. Когда парни из группы сообразили, что происходит, они ворвались в номер, а там на кровати Терри Воге лежала в полной отключке полураздетая Джини. Парни так избили Терри, что он пару месяцев провалялся в больнице с проломленным черепом. Джини и ее группа, должно быть, решили, что Терри получил сполна, а может, просто не захотели связываться с судебным преследованием. Так или иначе, ни одна из сторон в полицию не сообщила. Но с тех пор восторженным отзывам Терри пришел конец. В обзоре на каждую новую песню он писал о распущенности Джини, злоупотреблении наркотиками, плагиате, о невыплатах остальным участникам группы, о ложной информации в заявках на гранты для поддерж-

ки гастролей… Когда дюжину его публикаций передали в Комиссию по жалобам на прессу, выяснилось, что половину из них Воге просто выдумал. Его уволили, и следующие пять лет он был персоной нон грата для норвежских СМИ.

Как ему удалось вернуться, оставалось загадкой. Хотя загадка, пожалуй, была несложная. Воге понял, что с музыкальной журналистикой покончено, и стал вести блог о криминальных происшествиях. Читателей у него становилось все больше, пока наконец «Дагбладет» не заявила, дескать, нельзя ставить крест на карьере молодого журналиста только потому, что в ее начале он допустил пару ошибок, и не взяла его на работу внештатным корреспондентом. И теперь этот внештатник публиковал материалов больше, чем любой штатный репортер.

Воге наконец отвернулся от Моны, когда полицейские вошли в зал и заняли свои места на трибуне. Среди них были двое из полиции Осло: инспектор отдела по расследованию насильственных преступлений Катрина Братт и начальник отдела информации по фамилии Кедзиерски, с гривой вьющихся волос а-ля Боб Дилан. Пришли и двое представителей Крипоса: Уле Винтер, похожий на терьера, и Сон Мин Ларсен,

по обыкновению щеголевато одетый и с модной стрижкой. Мона сделала вывод, что полиция Осло и Крипос уже решили вести расследование совместно. Союз демократичной «Вольво» и аристократичной «Феррари».

Большинство журналистов подняли смартфоны с включенными диктофонами, заодно делая снимки. Но Мона До вела рукописные заметки, а фотосъемку предоставила коллеге.

Как и ожидалось, узнали они немногое. В Эстмарке, в парковой зоне рядом со станцией Скюллерюд, была найдена мертвая женщина, которую опознали как Сюсанну Андерсен. Предположительно это убийство, но следствие пока не располагает информацией, позволяющей озвучить причину смерти, последовательность событий, имена подозреваемых и так далее.

Началась обычная развлекаловка: журналисты сыпали вопросами, сидящие на трибуне — в основном Катрина Братт — повторяли «без комментариев» и «мы не можем на это ответить».

Мона До зевнула. Они с Андерсом хотели отметить начало выходных поздним ужином, но теперь этим планам пришел конец. Мона записала все сказанное на конференции, но у нее было ощущение, что она не услышала ничего нового.

Похоже, Терри Воге чувствовал то же самое. Он не делал никаких заметок и не вел запись. Просто откинулся на спинку стула и наблюдал с легкой, почти торжествующей улыбкой. Не задал ни одного вопроса — словно уже получил все ответы, в которых был заинтересован.

Когда остальные журналисты выдохлись и Кедзиерски, начальник отдела информации, набрал было воздуха в грудь, чтобы закончить пресс-конференцию, Мона высоко подняла авторучку.

— Да, «ВГ»? — по лицу начальника отдела информации было ясно: давайте коротко, выходные на подходе.

— Как вы считаете — будет ли достаточно квалификации ваших специалистов, если выяснится, что преступник — из тех, кто продолжит убивать, то есть если он…

Катрина Братт приподнялась в кресле, наклонилась вперед и перебила:

— Как мы уже сказали, у нас нет никаких веских оснований утверждать, что существует какая-то связь между этой смертью и любыми другими возможными преступными деяниями. Что касается объединенных ресурсов криминального отдела и Крипоса — осмелюсь сказать, что их достаточно, судя по тому, что мы знаем об этом

деле на данный момент.

Мона отметила осторожную формулировку инспектора: «знаем на данный момент». И еще обратила внимание, что Сон Мин Ларсен в кресле рядом с Катриной Братт не кивнул в ответ на эти слова и не выразил своего мнения по поводу общих ресурсов.

Пресс-конференция окончилась, и Мона с остальными журналистами вышла в теплую осеннюю ночь.

— Что думаешь? — спросил фотограф.

— Думаю, они счастливы, что у них есть тело, — ответила Мона.

— Счастливы, говоришь?

— Да. Сюсанна Андерсен и Бертина Бертильсен мертвы уже несколько недель, и за эти несколько недель у полиции не появилось ни единой зацепки, кроме той вечеринки у Рёда. Так что да — я думаю, они счастливы, что перед выходными у них появился хотя бы один труп, по которому они могут получить какие-нибудь подсказки.

— Черт, Мона, да у тебя прямо рыбье хладнокровие.

Мона удивленно посмотрела на него. Задумалась на мгновение.

— Спасибо, — сказала она.

* * *

Было четверть двенадцатого, когда Юхан Крон наконец нашел на улице Томаса Хефти свободное место, чтобы припарковать свой «лексус», а потом по номеру отыскал здание, куда его попросил приехать клиент, Маркус Рёд.

По признанию коллег, пятидесятилетний адвокат Юхан Крон считался одним из лучших адвокатов Осло. А так как он был медийной персоной, обыватели и вовсе считали его самым лучшим. Будучи более известным, чем подавляющее большинство его клиентов, обычно не он посещал их на дому — клиенты сами приходили к нему, предпочтительно в офис юридической фирмы «Крон и Симонсен» на улице Розенкранц в обычное рабочее время. И все же звонки и визиты на дом случались. Адрес, по которому приехал Крон, не был домом Рёда — официально тот проживал в пентхаусе площадью 260 квадратных метров в одном из новых зданий в Ослобукте[7].

Следуя инструкциям, полученным полчаса назад по телефону, Крон нажал на домофоне кнопку

---

[7] Notes: 7

Ослобукта — жилой микрорайон в гавани Осло, рядом с Оперой и новым музеем Мунка.

с надписью «Barbell Eiendom[8]» — названием компании Маркуса Рёда.

— Юхан? — зазвучал в домофоне запыхавшийся голос владельца компании. — Пятый этаж.

Над дверью зажужжало, и Крон толкнул ее, открывая.

Лифт выглядел подозрительно. Крон предпочел подняться по лестнице — широкой, с дубовыми ступенями и литыми чугунными перилами, которые имели форму, уместную в зданиях работы Гауди, а не в старинном, роскошном норвежском особняке.

Дверь на пятом этаже была приоткрыта. Из помещения доносились звуки перестрелки. Когда Юхан вошел и заглянул в гостиную, то, увидев там голубоватый свет, понял, что перестрелка действительно идет. Перед большим экраном с диагональю не менее ста дюймов спиной к нему стояли трое. Крупный мужчина в центре комнаты был в очках виртуальной реальности и держал в каждой руке по игровому контроллеру. Двум другим было лет по двадцать, и они, очевидно, просто смотрели на экран, который был нужен им, чтобы видеть то же, что и человек в

---

[8] Notes: 8

Eiendom — собственность. То есть фирма Рёда занималась операциями с недвижимостью.

VR-очках. Там виднелись какие-то окопы времен Первой мировой войны, судя по каскам бегущих на зрителя немецких солдат. Крупный мужчина с контроллерами палил по солдатам.

— Йес! — крикнул один из молодых людей, когда последний немец рухнул на землю и его голова взорвалась под каской.

Здоровяк снял VR-очки и повернулся к Крону.

— Ну, хотя бы здесь навели порядок, — заключил он с довольной улыбкой.

Для своего возраста Маркус Рёд был красив. Широкое лицо, лукавый взгляд, бронзовая от искусственного загара гладкая кожа и густые, как у двадцатилетнего, блестящие черные волосы, зачесанные назад. Конечно, на талии уже осели лишние килограммы, но высокий рост скраывдвал это. Самым же притягательным был горящий в его глазах огонь. Бурная энергия Рёда поначалу очаровывала людей, потом ошеломляла, и в конце концов он надоедал им до смерти. Но к этому моменту он получал от человека все, чего хотел, и тот мог идти на все четыре стороны.

Уровень энергии Рёда мог меняться; менялось и его настроение. Крон подумал, что это как-то связано с белым порошком: его следы Юхан увидел под ноздрей Рёда. Все это Крон знал — и мирился с

этим. Не только потому, что Рёд платил ему в полтора раза больше его обычного гонорара, чтобы, как он выразился, гарантировать безраздельное внимание, лояльность и желание добиться результата. Главным для Крона стало то, что Рёд был клиентом его мечты: человек высокого статуса, с многомиллиардным состоянием и таким одиозным имиджем, что, как ни парадоксально, согласие адвоката работать с ним выглядело скорее смелостью и принципиальностью, чем поисками выгоды. И теперь, пока не будет завершено это дело, придется просто принимать как должное, что его могут вызвать в любой момент, даже в пятницу вечером.

По знаку Рёда двое юношей вышли из комнаты.

— Знаешь игру «War Remains», Юхан? Нет? Чертовски классная видеоигра, но в ней ни в кого нельзя выстрелить. Это, — Рёд кивнул на экран, взял графин и налил виски в два хрустальных бокала, — вроде как ее копия, и разработчик копии хочет, чтобы я вложил деньги в его проект. Они пытаются сохранить магию «War Remains», но предоставляют возможность — как бы точнее выразиться — повлиять на ход истории. Ведь именно этого мы хотим, верно?

— Я за рулем. — Крон отгородился ладонью от стакана, который протягивал ему Рёд.

Мгновение Рёд смотрел на него, будто не понимая, почему собеседник отказывается. Потом громко чихнул, опустился в дизайнерское кожаное кресло и поставил оба бокала на стол перед собой.

Крон уселся в соседнее кресло.

— Чья это квартира? — спросил он и тут же пожалел о своем вопросе. Юристу спокойнее знать ровно столько, сколько нужно для дела, и не больше.

— Моя, — ответил Рёд. — Использую ее как… что-то вроде убежища.

По движению плеч и хитрой гримасе Маркуса Рёда Крон догадался, *что* тот имеет в виду. У Крона были клиенты с такими квартирами. Когда он сам завел интрижку на стороне — к счастью, это уже осталось в прошлом — он понял, как много может потерять, и стал подумывать о покупке этакого, как выражался его коллега, «холостяцкого гнездышка для не холостяков».

— Ну, и что нас ждет впереди? — спросил Рёд.

— Теперь, когда Сюсанну опознали и установили причину ее смерти, начнется новая фаза расследования. Ты должен быть готов к вызовам

на новые допросы.

— То есть на меня будет направлено еще больше внимания.

— Если только полиция не найдет на месте преступления что-нибудь, что исключит тебя из списка подозреваемых. Будем на это надеяться.

— Так и думал, что ты скажешь нечто в этом роде. Но я больше не могу сидеть на месте и надеяться на лучшее, Юхан. Ты знаешь, что моя фирма «Barbell Eiendom» за последние две недели потеряла три крупных контракта? Прозвучали какие-то надуманные отговорки — дескать, они ждали, что прибыли будут выше, и так далее — никто не осмелился сказать прямо, что все дело в статьях «Дагбладет» обо мне и девочках и что они не хотят быть связанными с делом о возможном убийстве или боятся, что меня арестуют, а фирма накроется медным тазом. Если я буду сидеть сложа руки и надеяться, что банда низкооплачиваемых тупоголовых копов сделает свою работу, «Barbell Eiendom» может обанкротиться задолго до того, как они обнаружат доказательства моей невиновности. Нам надо работать на опережение, Юхан. Мы должны доказать общественности, что я невиновен. По крайней мере, узнать правду в моих интересах.

— И как?

— Нужно нанять собственных детективов. Первоклассных. В лучшем случае они найдут убийцу. В худшем — покажут общественности, что я пытаюсь докопаться до истины.

Юхан Крон кивнул.

— Позволь отметить слабые стороны этого плана.

— Валяй. — Рёд чихнул.

— Во-первых, все лучшие детективы уже в Крипосе — там платят больше, чем в криминальном отделе. Допустим, что кто-то из них согласится прервать карьеру ради одного краткосрочного задания. Он должен будет уведомить об этом свое начальство не позднее, чем за три месяца, а еще у него останется обязательство не разглашать сведения о пропавших без вести лицах, и это делает его, по сути, бесполезным для нас. Во-вторых, это плохо повлияет на твою репутацию. Миллионер финансирует расследование? Это медвежья услуга самому себе. Если твои детективы найдут что-то обеляющее тебя, все вокруг тут же увидят в этом нечто очень подозрительное; другое дело, если то же самое обнаружит полиция.

— Вот как, — улыбнулся Рёд, взял салфетку и вытер нос. — Люблю, когда цена соответствует

качеству. Ты хорош в своем деле — ты указал на проблемы. Теперь докажи, что ты лучший — расскажи, как мы можем эти проблемы решить.

Юхан Крон сел прямо.

— Спасибо за доверие, но решение будет очень непростое.

— Что это значит?

— Ты упомянул, что нужны первоклассные детективы. Есть детектив, которого, пожалуй, можно назвать лучшим. Его прошлые результаты, безусловно, подтверждают это.

— Но?..

— Но он больше не служит в полиции.

— По твоим же словам, это скорее преимущество.

— Я имею в виду, что для этого есть веские причины.

— Какие именно?

— С чего бы начать… Пренебрежение субординацией. Грубая халатность при исполнении служебных обязанностей. Алкоголизм — он приходил на работу пьяным. Зафиксировано несколько случаев насилия с его стороны. Злоупотребляет психоактивными веществами. По его вине — хотя он и не был за это осужден — погиб по крайней мере один его коллега. Словом,

на его совести, пожалуй, больше преступлений, чем у большинства тех, кого он задерживал. И наконец, насколько мне известно, работать с ним — сущий кошмар.

— Многовато. Почему ты вообще заговорил о нем, раз он такой асоциальный?

— Потому что он лучший. И потому что он мог бы быть полезен для второй твоей цели — показать, что ты пытаешься докопаться до истины.

— Вот как?

— Он один из немногих детективов, у которых благодаря раскрытым делам есть определенный авторитет в обществе. У него имидж бескомпромиссного человека, которому наплевать на условности. Конечно, это слишком утрированно, однако людям нравятся мифы такого рода. Его репутация помогла бы развеять подозрения о том, что результаты нашего расследования проплачены.

— Ты стоишь каждого пенни, Юхан Крон, — ухмыльнулся Рёд. — Именно этот человек нам и нужен!

— Проблема в том…

— Нет! Просто предлагай ему еще больше денег, пока он не согласится.

— …в том, что, похоже, никто точно не знает,

где он находится.

Рёд поднял стакан с виски, но не стал пить, только хмуро уставился на хрусталь.

— Что ты имеешь в виду под «точно не знает»?

— Иногда я сталкиваюсь по работе с Катриной Братт, главой криминального отдела. Когда я спросил ее об этом человеке, она упомянула, что в последний раз получала от него весточку откуда-то из большого города. Но она не знала, где именно он находится и что там делает. Скажем так — звучало это не слишком оптимистично.

— Эй! Не сдавай назад, раз уж рассказал мне об этом парне, Юхан! Я чувствую, что он нам нужен. Найди его.

Крон вздохнул. Он успел пожалеть, что вообще открыл рот. Он всегда был хвастуном — и, конечно же, попал на классический прием «докажи, что ты лучший», в котором Маркус Рёд, несомненно, практиковался каждый божий день. Теперь, когда Крон попал в капкан, поздно было давать задний ход. Надо сделать несколько звонков. Крон прикинул разницу во времени. Что ж, вполне можно заняться этим прямо сейчас.

ГЛАВА 3
Суббота

Александра Стурдза тщательно, словно ей предстояло прикасаться к живому человеку, а не трупу, мыла руки и, почти не отвлекаясь на привычные, заученные движения, изучала в зеркале над раковиной свое лицо, покрытое оспинами, с резкими чертами. В черных как смоль волосах, гладко зачесанных назад и туго стянутых в пучок, не было ни проблеска седины, но она знала, что первые седые волоски уже на подходе — у ее матери-румынки они появились в тридцать с небольшим. Норвежские мужчины говорили, что ее карие глаза порой «вспыхивают» — особенно когда кто-то из этих мужчин пытался копировать ее едва уловимый акцент. А когда они посмеивались над ее родиной, считая это отличным поводом для шуток, она уточняла, что приехала из города Тимишоа́ры, в котором электрические уличные фонари появились еще в 1884 году — впервые в Европе и на два поколения раньше, чем в Осло.

Приехав в Норвегию в двадцать лет, она вы-

учила норвежский язык за шесть месяцев, работая при этом на трех работах. Изучая химию в Норвежском университете естественных и технических наук, она продолжала работать на двух. Теперь у нее осталась лишь одна — в Институте судебно-медицинской экспертизы, которую Александра совмещала с написанием докторской диссертации по анализу ДНК. Иногда — нельзя сказать, что часто — она задавалась вопросом, *что* в ней находят мужчины. Конечно, дело не в лице. И не в прямолинейности, порой переходящей в резкость. И не в интеллекте — кажется, ее резюме больше пугало мужчин, чем возбуждало. Александра вздохнула. Один мужчина однажды сказал ей, что ее тело — это нечто среднее между тигром и «ламборгини». Странно, насколько по-разному — от полной неуместности до приемлемости или даже удовольствия — может звучать такой комментарий в зависимости от того, кто это говорит.

Она закрыла кран и вошла в прозекторскую.

Хельге уже находился там. Он был техником, младше ее на два года, очень сообразительный и с чувством юмора — Александра считала, что оба эти качества крайне важны для работы, в которой нужно вызнавать у мертвецов тайные

обстоятельства их смерти. Хельге был биоинженером, Александра — инженером-химиком, и их квалификаций вполне хватало для проведения судебно-медицинских исследований, но пра́ва на полные клинические вскрытия трупов у них не было. Так что некоторые патологоанатомы, желая подчеркнуть свой более высокий статус, говорили о них, используя унаследованное от патологоанатомов старой школы архаическое определение «прислуга». Хельге было все равно, а Александру это, признаться, иногда раздражало. Особенно в такие дни, как сегодня, когда она приходила и делала все, что сделал бы на предварительном исследовании патологоанатом, причем делала так же хорошо. Из всех сотрудников института Хельге был ее любимчиком: он всегда с готовностью помогал, когда она просила, а далеко не от каждого норвежца можно ждать помощи по работе в субботу утром. Или после 16:00 в будний день. Иногда она размышляла, на каком месте по индексу уровня жизни была бы эта страна бездельников, если бы американцы не обнаружили нефть на норвежском континентальном шельфе.

Она включила лампу над столом, где лежало тело молодой женщины. Сначала обратила вни-

мание на запах. Запах трупа зависит от многого: возраст, причины смерти, принятые при жизни лекарства, съеденная пища — и, конечно же, стадия разложения. У Александры не было проблем с вонью разлагающейся плоти, экскрементов и мочи. Она справлялась даже с газом, который скапливался в теле при гниении и постепенно выходил, слабо шипя. Он чего ее воротило — так это от запаха разложившегося желудка. Рвота, желчь, разные кислоты… Впрочем, с этим у Сюсанны Андерсен все обстояло не так уж плохо, даже после трех недель на свежем воздухе.

— Личинок нет? — спросила Александра.

— Я удалил их, — ответил Хельге, показывая бутылку уксуса, который применяли в таких случаях.

— Но не выбросил?

— Вот они. — Хельге указал на стеклянную коробку с дюжиной белых червячков. Их не выбрасывали, чтобы по их размерам определить, как долго они питались плотью, — иными словами, сколько времени прошло после их вылупления. Эти данные помогали рассчитать время смерти — правда, с точностью не до часа, но до дня или хотя бы недели.

— Мы здесь ненадолго, — сообщила Алек-

сандра. — Криминальный отдел просит только дать им наиболее вероятную причину смерти и заключение по внешнему осмотру. Еще анализ крови, мочи, биологических жидкостей. Полное вскрытие проведет патологоанатом в понедельник. Есть какие-нибудь планы на сегодняшний вечер? Вот тут…

Хельге сфотографировал место, на которое она указала.

— Думал посмотреть фильм, — отозвался он.

— Как насчет пойти со мной потанцевать в гей-клуб? — Она опять сделала пометки на бланке и снова указала пальцем: — Здесь.

— Я не умею танцевать.

— Чушь собачья. Все геи умеют танцевать. Видишь разрез на горле? Идет с левой стороны, дальше становится глубже, а к правой снова мельчает. Указывает на то, что убийца-правша встал сзади и запрокинул ей голову. Один патологоанатом рассказывал мне о похожей ране — они думали, мужчину убили, а оказалось — он сам перерезал себе горло. Был полон решимости, иначе не скажешь. Ну так что — хочешь сегодня вечером потанцевать с какими-нибудь геями?

— А если я не гей?

— В таком случае… — Александра продолжала

заполнять бланк, — …я больше никуда с тобой не пойду.

Он громко засмеялся и сделал снимок.

— Потому что?..

— Потому что тогда ты будешь отпугивать других мужчин. Хороший второй пилот должен быть геем.

— Я могу притвориться геем.

— Не сработает. Мужчины чувствуют запах тестостерона и отступают. Как ты думаешь, что это?

Она держала увеличительное стекло под соском Сюсанны Андерсен.

Хельге наклонился.

— Возможно, засохшая слюна. Или сопли. Но точно не сперма.

— Сфотографируй это, а я возьму соскоб и в понедельник проверю его в лаборатории. Если нам повезет, это будет образец ДНК.

Хельге сделал снимок. Александра осматривала рот, уши, ноздри и глаза.

— А что, по-твоему, произошло с глазом? — Она посветила фонариком в пустую глазницу.

— Животные потрудились?

— Нет, вряд ли. — Александра осветила края глазницы. — Внутри нет остатков глазного ябло-

ка, а вокруг глаза никаких следов от когтей птиц или грызунов. К тому же почему бы животному не выесть и второй глаз? Сфотографируй вот здесь. — Она осветила глазницу. — Видишь нервные волокна? Похоже, что их перерезали единым махом, будто ножом.

— Господи, — выдавил Хельге. — Кто мог сделать такое?

— Разъяренные мужчины. — Александра покачала головой. — Очень злые и глубоко уязвленные мужчины. И они на свободе. Может, и мне сегодня вечером остаться дома и посмотреть фильм?

— Ага, как же.

— Ладно. Теперь посмотрим, есть ли следы изнасилования.

После оба вышли на крышу покурить. Только что они убедились, что у жертвы нет явных признаков повреждения наружных и внутренних половых органов, а также следов спермы внутри влагалища. Если сперма и была там, она уже оказалась втянута во внутренние органы. В понедельник патологоанатом проверит, так ли это, но Александра была почти уверена, что его заключение будет таким же.

Александра не могла назвать себя заядлой

курильщицей, но что-то внутри нее упорно твердило, что сигаретный дым изгоняет призраков, которые могли бы перейти в нее из мертвецов. Она вдохнула дым и посмотрела на Осло. Под бледным безоблачным небом чистым серебром сверкал фьорд. Осень расцветила невысокие холмы, и они запылали красным и желтым.

— Черт возьми, до чего же здесь красиво, — вздохнула она.

— Ты так говоришь, будто не хочешь, чтобы было красиво. — Хельге забрал у нее сигарету.

— Я ненавижу привязываться.

— К чему?

— К местам. К людям.

— К мужчинам?

— Особенно к мужчинам. Они отнимают твою свободу. Точнее, это не они отнимают, а ты сама отдаешь ее как механическая кукла, будто тебя на это запрограммировали. А свобода дороже любого мужчины.

— Уверена?

Она выхватила сигарету обратно и сердито, резко затянулась. С силой выдохнула дым и издала пронзительный скрипучий смешок:

— Уж точно дороже мужчин, в которых я влюбляюсь.

— А как насчет копа, о котором ты говорила?

— А, этот… — Она хмыкнула. — Да, он мне нравился. Но в его жизни все было вверх дном. Жена его выгнала, и он все время пил.

— Где он сейчас?

— Его жена умерла, и он сбежал из страны. Трагическое происшествие. — Александра резко встала. — Ладно, давай закончим и вернем тело в холодильник. Я хочу повеселиться!

Они вернулись в помещение, закончили сбор образцов для исследования, заполнили бланк и убрали все по местам.

— Кстати о вечеринках, — вспомнила Александра. — Знаешь, на какой вечеринке была и вот эта девушка, и та, другая? На той же, куда меня приглашали и куда я потом пригласила тебя.

— Шутишь?

— Разве ты не помнишь? Меня пригласила подруга одного из соседей Рёда. Она сказала, что вечеринка пройдет на лучшей террасе на крыше в Ослобукте. Что там будет полно богачей, знаменитостей и тусовщиков. Добавила, что женщинам лучше приходить в юбках. В *коротких* юбках.

— Бррр, — прокомментировал Хельге. — Не удивлен, что ты туда не пошла.

— Не ерунди! Конечно, я бы пошла, если бы в тот день у меня здесь не было так много работы. И ты пошел бы со мной.

— Пошел бы? — улыбнулся Хельге.

— Конечно! — Александра рассмеялась. — Я твоя гейская девушка-прикрытие. А теперь вообрази: ты, я и эти прекрасные люди. Вообразил?

— Йес.

— Видишь, ты гей.

— Как… Почему?!

— Скажи мне правду, Хельге. Ты когда-нибудь спал с мужчиной?

— Дай подумаю… — Хельге подкатил стол с трупом к ячейкам холодильника. — Да.

— Больше одного раза?

— Это не значит, что я гей, — возразил он, открывая металлический ящик.

— Конечно, это только косвенные улики. Доказательством, Ватсон, является то, что вы носите свитер, накинув на одно плечо и завязав под другой подмышкой.[9]

Хельге хихикнул и швырнул в нее салфеткой со столика с оборудованием. Александра, доволь-

---

[9] Notes: 9

Имеется в виду новая на момент действия романа «Кровавая луна» модная манера ношения свитеров, рекомендуемая скандинавскими модельерами.

ная, стремительно наклонилась, укрываясь за каталкой, где лежал труп. И замерла, уставившись на тело.

— Хельге, — тихо позвала она.

— Да.

— Кажется, мы кое-что упустили.

— Что?

Александра протянула руку к голове Сюсанны Андерсен и убрала в сторону несколько прядей волос.

— Что это? — спросил Хельге.

— Швы, — объяснила Александра. — Свежие швы.

Он обошел каталку, присмотрелся с другой стороны.

— Хм. Может быть, она недавно поранилась?

Александра внимательно рассмотрела швы, отодвигая и другие пряди.

— Это сделал не врач, Хельге. Квалифицированный специалист не использовал бы нити такой толщины — с ними прочного шва не получится. Это делали наскоро. И смотри — шов идет вокруг всей головы.

— Как будто с нее…

— Как будто с нее сняли скальп, — выговорила Александра, чувствуя, как ее пробрало холо-

дом. — А потом пришили обратно.

Она посмотрела на Хельге. Его кадык судорожно поднялся и опустился.

— Мы будем… — Он осекся, но продолжил: — Мы проверим, что там… под ним?

— Нет, — твердо ответила Александра и выпрямилась. С нее хватит кошмаров и от собственной работы. А патологоанатомы получают на двести тысяч в год больше, чем она, и это их дело — выяснить, что там такое. — Это выходит за рамки нашей компетенции, — пояснила она. — Понимаешь, как раз такие вещи «прислуга» оставляет для взрослых.

— Хорошо. Знаешь, теперь я не против вечеринки сегодня.

— Отлично, — откликнулась Александра. — Но нам нужно закончить отчет и отправить его вместе с фотографиями в криминальный отдел Катрине Братт. О черт!..

— Что такое?

— Я только что поняла, что едва Братт прочтет об этой слюне или что там на самом деле, она обязательно попросит, чтобы я провела экспресс-анализ ДНК. И тогда я сегодня вечером в город не выберусь.

— Да ладно, можно же сказать «нет». Всем ну-

жен отдых, даже тебе.

Александра уперла руки в бока, склонила голову набок и строго посмотрела на Хельге.

— И то правда, — вздохнул он. — Где бы мы были, если бы все отдыхали, когда им вздумается?

ГЛАВА 4
Суббота
Кроличья нора

Харри Холе проснулся. В бунгало был полумрак, но белая полоса солнечного

света проникала из-под бамбуковых жалюзи и тянулась по грубому деревянному полу, через каменную плиту, служившую кофейным столиком, к кухонному столу.

На столе сидела кошка. Одна из кошек Люсиль — их было так много, что Харри не мог отличить одну от другой. Казалось, кошка улыбается. Медленно поводя хвостом, она спокойно наблюдала за мышью. Та бежала вдоль стены, иногда останавливалась, поднимала мордочку, тщательно принюхивалась и продолжала путь прямо к кошке. Слепая она, что ли? Потеряла обоняние? Приложилась к марихуане Харри? А может, как и те, кто искал в этом городе счастья, мышка верила, что она особенная, не похожая на остальных. Или что эта кошка не такая, как другие, у нее добрые намерения и она ни за что не станет есть мышь.

Харри потянулся за косяком на тумбочке, не отводя глаз от мыши, что бежала к кошке. Кошка прыгнула, впилась в мышь зубами и вскинула голову. Несколько мгновений мышь корчилась в пасти хищника. Потом обмякла. Кошка положила добычу на пол и, наклонив голову, смотрела на нее, словно не могла решить, стоит ли ее есть.

Харри раскурил косяк. Он решил, что при новом алкогольном режиме, который он себе назначил, дурь не считается. Вдохнул. Посмотрел, как дым поднимается к потолку. Ему снова снился водитель «камаро». Номера из Нижней Калифорнии, Мексика. Сон всегда был один и тот же: тот человек преследует их. Истолковать сон не составляло труда. Три недели прошло с тех пор, как Харри стоял на парковке у бара «Твари» под дулом «Глока-17», уверенный, что до неминуемой смерти осталось не больше пары секунд. И это его вполне устраивало Удивительно, что как только две секунды прошли, им овладело — и не оставляло все эти дни — одно желание: не умереть. Все началось с неуверенности мужчины в красном поло. Возможно, он прикидывал, не псих ли Харри, которого легко убрать и без стрельбы. Но времени на раздумья оказалось меньше, чем он ожидал, — Харри отправил его в нокаут одним

ударом руки-«стамески» в горло. Он сам почувствовал, как сплющилась от удара чужая гортань. Мужчина в поло упал на гравий, извиваясь, будто червяк, и схватился руками за глотку, выпучив глаза, отчаянно хватая ртом воздух.

Харри поднял «глок» с земли и пристально посмотрел на человека в машине. Сквозь тонированные стекла разглядеть удалось немного — лишь контур лица мужчины в наглухо застегнутой белой рубашке. И то, что сидящий внутри курил сигарету или сигариллу. Он сидел неподвижно и спокойно смотрел на Харри, будто оценивая его и запоминая. Харри услышал, как кто-то кричит: «Садись!» — и увидел, что Люсиль уже завела свою машину и распахнула пассажирскую дверь.

Он прыгнул внутрь. Как в кроличью нору.

Когда Люсиль повернула к нижним улицам и бульвару Сансет, первым делом он спросил, кому и сколько денег она должна.

Первая часть ответа — «семье Эспо́зито»— ничего ему не говорила, а вторая — «девятьсот шестьдесят тысяч долларов» — совпадала с тем, на что прозрачно намекнул «глок»: у нее не просто неприятности, а огромные проблемы. И отныне они стали и его проблемами.

Он объяснил Люсиль, что ей ни в коем случае нельзя возвращаться домой, и спросил, не может ли она остановиться у кого-нибудь, чтобы залечь на дно. Она ответила — да, конечно, у нее полно друзей в Лос-Анджелесе, но, поразмыслив минуту, добавила, что ни один не согласится подвергнуться риску ради нее. Когда они заехали на заправку, Люсиль позвонила своему первому мужу: насколько она знала, у него был дом, который пустовал уже несколько лет.

Так они оказались здесь, на участке с заросшим садом, ветхим главным домом и гостевым домиком. Домик для гостей заняли Харри и новенький «Глок-17» — отсюда просматривались оба входа, к тому же домик был оснащен сигнализацией, которая срабатывала, если кто-то вламывался в главный дом. Причем в главном доме сигнализацию не было слышно, и это давало надежду зайти с тыла, когда злоумышленник окажется внутри.

Все это время Харри и Люсиль почти не покидали имение, предпринимая только вылазки за самым необходимым: алкоголь, еда, одежда и косметика — именно в такой последовательности.

Люсиль поселилась на первом этаже главного дома, и уже неделю спустя он был полон кошек.

— Ох, в этом городе все бездомные, — сказа-

ла ему Люсиль. — Если несколько дней подряд класть немного еды на крыльце, оставлять входную дверь открытой и держать еще какую-нибудь еду на кухне — не успеешь оглянуться, как питомцев и друзей у тебя будет столько, что на всю жизнь хватит.

Но, очевидно, даже множества питомцев ей для жизни все-таки не хватало, потому что три дня назад Люсиль решила, что больше не в силах терпеть изоляцию. Она отвела Харри к портному на Сэвил Роу, которого раньше неплохо знала, к пожилому парикмахеру на Розвуд-авеню, а потом — самое важное — в обувной магазин Джона Лобба в Беверли-Хиллз. Вчера, пока Люсиль прихорашивалась, он забрал костюм, и через несколько часов они отправились на ужин в «Дэн Тана», легендарный итальянский ресторан, где стулья были такими же старыми, как посетители, и где Люсиль, казалось, знала каждого. Она сияла весь вечер.

Было семь утра. Харри сделал вдох и уставился в потолок, прислушиваясь. Но он услышал только первые машины на Доэни-драйв. Шириной эта улица не отличалась, но на ней было мало светофоров и перекрестков, и это делало ее популярной у водителей. Он вспомнил, как лежал в

кровати в своей квартире в Осло и слушал через открытое окно, как просыпается город. Ему не хватало этих звуков — даже сердитого звона и пронзительного визга тормозящего трамвая. *В особенности* пронзительного визга.

Но Осло остался в прошлом. Сидя в аэропорту после смерти Ракели, он посмотрел на табло вылетающих рейсов и бросил игральные кости. Выпало лететь в Лос-Анджелес. Не все ли равно, подумал он. Проходя курс ФБР по серийным убийствам, он прожил в Чикаго целый год, и теперь считал, что ему знакомы американская культура и образ жизни. Но вскоре после прибытия он понял, что Чикаго и Лос-Анджелес — две разные планеты. Прошлым вечером один из киношных друзей Люсиль, немецкий режиссер, с нотками бахвальства в голосе отозвался о Лос-Анджелесе:

— Ты приземляешься в аэропорту LAX, светит солнце, тебя встречает лимузин и отвозит туда, где ты ложишься у бассейна, заказываешь коктейль, засыпаешь, а проснувшись, обнаруживаешь, что пролетело двадцать лет.

Таким был Лос-Анджелес режиссеров.

Знакомство Харри с Лос-Анджелесом началось в грязной, полной тараканов комнате без кондиционера в отеле Ла-Сьенега. Там он провел

четыре ночи. Потом он снял номер в Лорел-Каньоне — тоже без кондиционера, цена поменьше, а тараканы покрупнее. Но он, можно сказать, освоился, когда обнаружил по соседству бар «Твари» с достаточно дешевой выпивкой, чтобы напиваться хоть до смерти.

Но после того как в его глаза посмотрело дуло «Глока-17», желание поскорее умереть пропало. Пропало и желание напиваться — во всяком случае, не до такой степени. Ему надо было сохранять хотя бы относительную трезвость, чтобы справляться с наблюдением за обстановкой и присмотром за Люсиль. Так что он решил попробовать алкогольную «диету», которую ему когда-то советовал друг детства и собутыльник по имени Эйстейн Эйкеланн. Если честно, «диета», а точнее, «метод», выглядел сущим бредом. Он назывался «Управление умеренностью» и должен был «научить употреблять алкоголь, а не злоупотреблять им». Харри впервые услышал о нем, сидя в такси Эйкеланна на стоянке в Осло. Эйстейн был в таком восторге от метода, что, рассказывая, колотил по рулю.

— Люди всегда посмеиваются, когда алкоголики клянутся, что отныне будут выпивать только в компании, правда же? Они не верят, что это воз-

можно, они уверены в абсолютно обратном, ну, как будто ты бросаешь вызов закону всемирного тяготения, ну и алкоголизм типа то же самое, так? Но знаешь что? Это реально — пить только до определенного уровня опьянения, реально даже для запущенных случаев типа тебя. И меня. Вполне возможно дать себе установку пить до определенной точки — и останавливаться. Все, что тебе нужно — заранее решить, где провести черту. Какой объем ты можешь выпить. Но само собой, над этим нужно работать.

— Получается, прежде чем поймешь как не пить слишком много, надо очень много выпить?

— Ну да. Ты ухмыляешься, Харри, но я серьезно. Тут дело в чувстве успеха, уверенности в себе. Тогда это возможно. Я не шучу, живое доказательство — самый известный в мире наркоман.

— Хм. Полагаю, мы сейчас о переоцененном гитаристе, от которого ты тащишься.

— Эй, прояви немного уважения к Киту Ричардсу! Прочти его биографию. Он как раз делится в ней своим лайфхаком. Для героиниста и алкаша выживание зависит от двух вещей. Надо иметь самые чистые и лучшие вещества, потому что убивают тебя не они сами, а то, что в них подмешивают. И умеренность — и в наркотиках, и в

алкоголе. Ты точно знаешь, сколько тебе нужно, чтобы стать достаточно пьяным. В твоем случае — чтобы не чувствовать боли. После этого выпивка больше уже не помогает, правда же?

— Правда.

— Вот видишь! Быть пьяницей не означает быть идиотом или слабоумным. В конце концов, тебе ведь удается не пить, когда ты трезвый, так почему ты не можешь остановиться, когда достаточно пьян? *Все в твоей голове, брат!*

Были и другие правила, помимо установки по ограничению: считать количество выпитого и назначать себе дни полного воздержания. И принимать налтрексон[10] за час до алкоголя. Отсрочка на час, фактически, помогала ему, когда внезапно нападала жажда. Он придерживался такого режима три недели, пока не сорвался. Но что-то в этом было.

Харри опустил ноги на пол и встал с кровати. Не было нужды открывать холодильник — он и так знал, что пива там нет. Метод «Управление умеренностью» предполагал максимум три порции алкоголя в день. Для Харри это означало упаковку из шести банок пива, купленную в «7-Элевен» в

---

[10] Notes: 10

Налтрексон — лекарственный препарат для профилактики рецидива зависимости после детоксикации.

конце улицы.

Он посмотрел в зеркало. За три недели, минувшие с побега из «Тварей», он успел нарастить немного мяса на кости. И обзавелся седой, почти белой бородой, прикрывшей его особую примету — багровый шрам. Однако этой маскировки вряд ли было достаточно, чтобы человек из «камаро» не узнал его при встрече.

Харри наблюдал за главным домом и садом, пока натягивал потрепанные джинсы и футболку с надорванной горловиной и надписью «Let Me Do One More» — названием альбома группы «Illuminati Hotties». Воткнул в уши старые проводные наушники. Сунул ноги в шлепанцы, попутно оценив невероятный шедевр, сотворенный грибком на большом пальце его правой ноги. Вышел в заросли трав, кустов и жакаранд[11]. Остановился, посмотрел в обе стороны вдоль Доэни-драйв. Вроде бы все было в порядке — и он включил песню «Pool Hopping» группы «Illuminati Hotties», которая всегда поднимала ему настроение с тех пор, как он в первый раз услышал ее вживую в

[11] Notes: 11

Жакаранда — субтропическое дерево с невероятно красивыми синими или фиолетовыми цветами.

«Зэбьюлон Кафе»[12].

Но пройдя по тротуару пару метров, он заметил в боковом зеркале припаркованного автомобиля, что от обочины отъезжает машина. Харри, не остановившись, двинулся дальше, чуть повернув голову, чтобы держать эту машину в поле зрения. Она двигалась за ним — медленно, со скоростью пешехода.

За время, что Харри прожил в Лорел-Каньоне, его дважды останавливали полицейские просто потому, что он передвигался пешком, а это выглядело подозрительно. Но сейчас за ним ехала не полицейская патрульная машина, а старый «линкольн» и, насколько мог рассмотреть Харри, в машине был только один человек. Широкое бульдожье лицо, двойной подбородок, маленькие усики. Черт, надо было взять «глок» с собой! Но Харри был уверен, что на него не станут нападать на улице среди бела дня, и потому шагал дальше. Незаметно выключил музыку. Перешел улицу перед бульваром Санта-Моника и вошел в «7-Элевен». Остановился и стал ждать, пристально осматривая улицу. Но «линкольна» нигде не было видно. Наверное, его водитель собирался

---

[12] Notes: 12
«Zebulon Café» — ресторан и концертная площадка в Лос-Анджелесе.

купить дом и поэтому медленно ездил по округе, разглядывая недвижимость на Доэни.

Харри прошел к холодильникам с пивом в дальней части магазина и услышал, как открывается дверь. Замер, положив руку на ручку стеклянной дверцы холодильника. Не открывал дверцу — смотрел на отражение в ней.

Вот и он. Дешевый клетчатый костюм, телосложение под стать лицу: невысокого роста, крепкий, толстый. Эта полнота могла скрывать скорость, силу и — Харри почувствовал, что сердце забилось чаще — опасность. Харри видел, что толстяк безоружен — пока безоружен. Наушники Харри по-прежнему были в ушах, и он рассчитывал, что его шансы будут выше, если соперник понадеется на элемент неожиданности.

— Мистер…

Харри сделал вид, что не слышит, и по отражению в дверце проследил, как мужчина приблизился и остановился прямо позади. Он был ниже Харри почти на две головы, и возможно, он поднял руку для того, чтобы похлопать Харри по плечу — а возможно, сделал это с другой целью. Харри не собирался выяснять.

Он повернулся боком к толстяку и быстро обхватил его шею одной рукой, другой открывая

дверцу. Резким рывком сбил незнакомца с ног — тот рухнул прямо на полки пивного холодильника. Харри ослабил хватку на шее и всем весом навалился на дверцу, вдавливая противника в полки с пивом. Бутылки начали падать. Руки неизвестного зажало между дверцей и косяком. Глаза на бульдожьем лице расширились; мужчина что-то крикнул, и от его дыхания стекло холодильника запотело. Харри слегка отпустил дверцу, чтобы голова противника соскользнула на нижнюю полку, и навалился снова. Теперь край дверцы давил прямо на горло мужчины. Его глаза вылезли из орбит. А потом он перестал кричать, глаза больше не были выпученными, а стекло не туманилось от дыхания.

Харри постепенно отпустил дверцу. Человек с бульдожьим лицом безжизненно соскользнул на пол. Он явно не дышал.

Харри надо было расставить приоритеты: жизнь неизвестного или его собственная. Он выбрал свою. Запустил руку в карман клетчатого костюма. Выудил оттуда бумажник. Открыл и увидел визитку с фотографией толстяка, польское имя и сверху — нечто интересное: набранное крупными буквами «Частный детектив, лицензия Калифорнийского бюро безопасности и

расследований».

Харри посмотрел на безжизненное тело. Что-то не так. Коллекторы так не работают. Коллекторы, может, и наняли бы частного детектива, чтобы разыскать объект, но не для того, чтобы тот установил с ним контакт или, к примеру, избил его.

Харри вздрогнул и пригнул голову: между полками стоял какой-то человек в футболке «7-Элевен». Его руки были напряженно вытянуты по направлению к Харри. Они сжимали револьвер. Колени человека тряслись, лицо бесконтрольно подергивалось, и Харри легко мог представить, как выглядит в его глазах: бородатый верзила, одетый как бомж, вытащил бумажник у человека, на которого явно напал.

— Не стреляй… — сказал Харри, кладя бумажник на пол. Он поднял руки и опустился на колени. — Я постоянный покупатель. Этот человек…

— Я все видел! — визгливо проговорил тот. — Щас выстрелю! Полиция уже едет!

— Окей, — согласился Харри и кивнул на толстяка. — Но позволь мне помочь этому парню, хорошо?

— Пошевелишься — выстрелю!

— Но… — начал было Харри и замолчал, увидев

взведенный курок револьвера.

Повисла тишина. Было слышно только гудение холодильника и далекий, но приближающийся вой сирен. Полиция. Полиция и неизбежные объяснения. Допрос. Обвинения. Это нехорошо. Совсем нехорошо. Харри давно должен был покинуть Штаты, у него не было документов, которые помешали бы властям вышвырнуть его из этой страны — возможно, после того, как он посидел бы в местной тюрьме.

Харри глубоко вздохнул и посмотрел на человека с револьвером в руках. В большинстве нормальных стран Харри мог бы отделаться благоразумным отступлением — поднялся бы, держа руки за головой, и, не опуская рук, спокойно вышел бы из магазина, уверенный, что никто в него не выстрелит. Но эта страна была не из числа нормальных.

— Выстрелю! — повторил владелец револьвера, будто услышав мысли Харри. Он расставил ноги пошире, колени перестали трястись. Сирены звучали все ближе.

— Пожалуйста, ему надо помочь… — снова начал Харри, но осекся, услышав резкий хриплый кашель.

Оба уставились на лежащее тело.

Глаза частного детектива снова были распахнуты. Его тело сотрясалось в надсадном, продолжительном кашле.

Револьвер парня в футболке «7-Элевен» покачивался из стороны в сторону, словно его хозяин никак не мог решить, не опасен ли тот, кого до сих пор считали мертвым.

— Извини… — задыхаясь, просипел детектив, — …что так подкрался… Но ты Харри Холе, верно?

— Ну… — Харри поколебался, выбирая меньшее из двух зол. — Да, это я.

— Мой клиент хочет поговорить с тобой, — детектив со стоном повернулся на бок, достал из кармана телефон, ввел пароль и протянул телефон Харри. — Он очень ждет звонка.

Харри взял телефон — с него уже шел вызов, оказалось, что частный детектив успел набрать нужный номер. Харри поднес телефон к уху.

— Алло? — прозвучало в динамике. Странно, но голос показался Харри знакомым.

— Алло, — ответил Харри, поглядывая на парня в фирменной футболке. Тот наконец опустил свой револьвер. Показалось Харри, или вид у парня был скорее разочарованный, чем успокоенный? Наверное, все же родился и вырос в этой стране.

— Харри! — воскликнул голос в динамике. —

Как ты? Это Юхан Крон.

Харри моргнул. Когда он в последний раз слышал норвежскую речь?..

ГЛАВА 5
Суббота
Хвост скорпиона

Люсиль шуганула кошку с кровати под балдахином, встала, раздвинула занавески и села перед туалетным столиком. Внимательно рассмотрела свое лицо в зеркале. Недавно она видела фотографию Умы Турман — той было за пятьдесят, а выглядела она на тридцать. Люсиль вздохнула. С каждым годом решать эту задачу становилось труднее… и тем не менее она открыла баночку «Шанели», окунула в нее кончики пальцев и начала наносить тональный крем — движениями от центра лица к краям. Увидела, что кожа стала еще более дряблой и морщинистой. Спросила себя, как спрашивала каждое утро: зачем? Зачем начинать каждый день с получаса перед зеркалом и в итоге выглядеть не на восемьдесят, а… пожалуй, на семьдесят?..

Каждое утро она получала один и тот же ответ: затем, что ей, как и любому актеру, было необходимо делать все возможное, чтобы чувствовать себя любимой, если не за то, кем она была, то хотя

бы за то, кем она — с помощью грима, костюмов, правильно выстроенных сценариев — притворялась. Это болезнь, но возраст и сниженная планка ожиданий так и не смогли полностью ее вылечить.

Люсиль надушилась мускусными духами. Некоторые считали мускус мужским ароматом и утверждали, что ему не место в женской парфюмерии, но она успешно пользовалась мускусом еще с молодости. Это выделяло ее из толпы. Такой аромат трудно забыть.

Она завязала халат и спустилась вниз, постаравшись не споткнуться о двух кошек, разлегшихся на лестнице. Пошла на кухню, открыла холодильник. Тут же одна из кошек потерлась о ее ноги, надеясь получить угощение. Без сомнения, от этого поступка пахло любовью к тунцу, но если там и нет нотки привязанности к ней, то легко все же эту нотку вообразить. В конце концов, чувствовать себя любимой важнее, чем быть любимой. Люсиль достала консервы, повернулась к столу и вздрогнула — за столом сидел Харри. Он прислонился спиной к стене, вытянув перед собой длинные ноги и сжимая титановый протез пальца на левой руке. Его голубые глаза были прищурены. Это были самые голубые глаза, какие

она только видела со времен Стива Маккуина.

Харри заерзал на стуле.

— Завтрак? — спросила Люсиль, открывая банку.

Он покачал головой. Внимание Люсиль привлекла рука, которой он сжимал свой титановый протез. Она сглотнула. Прочистила горло.

— Ты никогда этого не говорил, но на самом деле ты больше любишь собак, верно?

Он пожал плечами.

— Кстати о собаках: я когда-нибудь упоминала, что должна была сниматься с Робертом де Ниро в фильме «Бешеный пес и Глория»? Помнишь этот фильм?

Харри кивнул.

— Правда? Немного же осталось таких людей. Так вот, эту роль получила Ума Турман. И они с Бобби, то есть Робертом, стали встречаться. Это было довольно необычно — ему ведь в основном нравились чернокожие женщины. Должно быть, роли сблизили их. Мы, актеры, действительно очень глубоко погружаемся в то, что делаем, мы *становимся* теми, кого играем. Так что, понимаешь, если бы я получила роль, как мне обещали, мы с Бобби стали бы парой.

— Ммм. Ну, раз ты так говоришь…

— И я смогла бы его удержать. Не то что Ума Турман, она… — Люсиль выложила консервы на тарелку. — Ты читал все эти восторги после ее рассказа о том, как эта свинья Вайнштейн подкатывал к ней? Хочешь знать, что я об этом думаю? А вот что: когда ты, Ума Турман, актриса-миллионерша, многие годы знаешь, чем занимается Вайнштейн, и не бьешь в колокола, а решаешься выступить и пнуть мужчину, который уже упал благодаря другим женщинам, менее известным и более храбрым; когда многие годы ты своим молчанием позволяешь молодым перспективным актрисам входить в офис Вайнштейна, потому что высказаться вслух значит упустить очередную многомиллионную роль, тебя не хвалить следует. За такое тебя следует публично выпороть и оплевать! — Она помолчала. — Что-то не так, Харри?

— Нам нужно перебраться на новое место, — произне с он. — Они найдут нас.

— Почему ты так думаешь?

— Частный детектив нашел нас за двадцать четыре часа.

— Частный детектив?

— Я только что поговорил с ним. Он ушел.

— Чего он хотел?

— Предложить мне провести частное расследование для богатого парня, которого в Норвегии подозревают в убийстве.

Люсиль с трудом сглотнула.

— И что ты ответил?

— Я ответил «нет».

— Почему?

Харри пожал плечами.

— Может быть, потому, что я устал бегать.

Она поставила тарелку на пол и стала наблюдать за сбежавшимися к еде кошками.

— Я прекрасно понимаю, что ты делаешь это ради меня, Харри. Ты поступаешь по старой китайской пословице: если однажды спас чью-то жизнь, то до самой смерти несешь ответственность за спасенного.

Харри криво улыбнулся.

— Я не спасал тебе жизнь, Люсиль. Им нужны деньги, которые ты задолжала, и они не собираются убивать единственного человека, который может их вернуть.

Она улыбнулась в ответ. Она знала: он это сказал, чтобы она не боялась. Конечно, Харри в курсе, что бандиты понимают: ей никогда не раздобыть миллион долларов.

Она взяла чайник — хотела налить в него воды,

но поняла, что сейчас это неважно, и поставила обратно.

— Значит, ты устал убегать.

— Устал.

Люсиль вспомнила разговор, который состоялся у них однажды вечером, когда они пили вино и смотрели «Ромео и Джульетту» — она нашла запись в ящике стола. В кои-то веки она хотела поговорить с Харри о нем самом, а не о себе, но он почти ничего не сказал. Бежал в Лос-Анджелес от разрушенной жизни, от жены, которую убили, от коллеги, который покончил с собой. Никаких подробностей. Ей стало понятно: выпытывать нет смысла. В общем, это был приятный вечер, почти доверху заполненный молчанием.

Люсиль оперлась на кухонную стойку.

— Твоя жена… ты так и не сказал, как ее звали.

— Ракель.

— А ее убийцу нашли?

— В некотором смысле.

— Вот как.

— Долгое время главным подозреваемым был я, но в конце концов следствие установило, что это был рецидивист, которого я однажды упек за решетку.

— Значит… человек, убивший твою жену, сде-

лал это, чтобы отомстить… тебе?

— Скажем проще: человек, который ее убил… я отнял у него жизнь. И поэтому он забрал мою. — Он поднялся на ноги. — Как я уже говорил, нам нужно новое укрытие, так что собирай сумку.

— Мы уезжаем сегодня?

— Когда частные детективы идут по чьему-то следу, они и сами оставляют след. Да и вчерашний визит в ресторан, пожалуй, был плохой идеей.

Люсиль кивнула.

— Я сделаю несколько звонков.

— Звони с этого телефона. — Харри положил на кухонный стол мобильник — не распакованный, явно недавно купленный.

— Итак, он отнял у тебя жизнь, но оставил в живых, — произнесла Люсиль. — Он насладился местью?

— По высшему разряду, — ответил Харри, направляясь к двери.

* * *

Харри закрыл за собой дверь особняка, поднял взгляд — и застыл, словно завороженный зрелищем. Он устал убегать, но еще больше устал видеть направленные на него стволы. А дробовик перед его лицом был еще и двуствольным. Тот,

кто держал дробовик, был латиноамериканцем — как и второй, стоящий рядом с пистолетом наготове. Оба — крепкие парни с сильными мускулами, скорее всего накачанными в тюремной тренажерке, а на шее сбоку у обоих виднелась татуировка — скорпион.

Харри был выше латиносов, поэтому поверх их голов видел, что с края ворот свисает оборванный кабель сигнализации, а на другой стороне Доэни-драйв припаркован белый «камаро». Тонированное стекло со стороны водителя было наполовину опущено, и Харри мог смутно различить, что из машины поднимается сигаретный дым, а внутри виднеется воротничок белой рубашки.

— Может, зайдем в дом? — спросил тот, кто держал дробовик. Он говорил с сильным мексиканским акцентом, двигая шеей, словно боксер перед матчем. От этого движения скорпион слегка шевелился, удлиняясь и сокращаясь.

Харри знал, что татуировка в виде скорпиона означает, что ее обладатель бандит, а число звеньев в хвосте скорпиона — количество убитых им людей. У обоих скорпионов, которых он сейчас видел, были длинные многосуставчатые хвосты.

ГЛАВА 6
Суббота
Жизнь на Марсе

— Жизнь на Марсе? — сказал Прим.

Девушка по другую сторону стола непонимающе смотрела на него. Прим расхохотался.

— Да нет, я имею в виду песню. Она называется «Жизнь на Марсе?»

Он кивнул на телевизор, откуда в просторную мансарду доносился голос Дэвида Боуи. Из окон открывался вид на западную часть центра Осло и на трамплин Холменколлен[13], сверкающий в ночи, словно люстра. Но Прим не сводил взгляда со своей гостьи.

— Многим не нравится эта песня, ее считают немного странной. Например, Би-би-си упомянула о ней, как о чем-то среднем между бродвейским мюзиклом и картиной Сальвадора Дали. Возможно. Но я согласен с «Дейли Телеграф» — это лучшая песня всех времен. Вот именно — *лучшая*.

---

[13] Notes: 13

Холменколлен — холм на территории Осло, самая высокая точка города. На этом холме находятся лыжный трамплин, биатлонная трасса и старейший в мире Лыжный музей.

Все любили Боуи не потому, что он был приятным человеком, а потому, что он был лучшим. Вот почему люди, которых никто не любит, готовы убивать, только бы стать лучшими. Они знают: тогда все изменится.

Прим взял бутылку вина, стоящую между ними, и подошел к девушке, хотя мог налить вино, оставаясь на месте.

— Ты знаешь, что «Дэвид Боуи» — это сценический псевдоним, а настоящая его фамилия — Джонс? Меня тоже на самом деле зовут не Прим — это прозвище. Так меня называют только в семье. И мне хотелось бы думать, что когда я женюсь, моя жена тоже будет называть меня Прим.

Он стоял позади нее и, наполняя бокал, свободной рукой гладил прекрасные длинные волосы гостьи. Если бы это было пару лет назад, даже пару месяцев назад, он не осмелился бы прикоснуться к такой женщине из опасения, что его отвергнут. Теперь же он был уверен в себе. Он полностью контролировал ситуацию. Конечно, помогло то, что ему выправили кривые зубы и что он начал ходить к нормальному парикмахеру, а также прислушиваться к советам по выбору одежды. Но не это было главным. Он словно излучал что-то, перед чем они не могли устоять, и

осознание этого придавало ему уверенность. А уверенность была таким сильным афродизиаком, что притягивала сама по себе, без привлечения дополнительных средств. Настоящий эффект плацебо с накопительным действием.

— Наверное, я старомоден и наивен, — произнес он, возвращаясь на свое место. — Но я верю в брак. Верю в то, что у каждого есть человек, созданный именно для него. Верю искренне. Недавно я был в Национальном театре на спектакле «Ромео и Джульетта», и это было так прекрасно, что я заплакал. Эти две души были предназначены друг для друга самой природой. Вот взгляни на Босса. — Он указал на аквариум на невысокой книжной полке. Внутри плавала одинокая золотисто-зеленая мерцающая рыбка.

— У него есть Лиза. Его Лиза. Ты не можешь видеть ее, но она там, и они двое — единое целое, и будут единым целым, пока оба не умрут. Да — один умрет, *потому что* умрет другой. Как в «Ромео и Джульетте». Разве это не прекрасно?

Прим сел и через стол протянул к девушке руку. Сегодня вечером девушка выглядела усталой, опустошенной, потухшей. Но он знал, как заставить ее светиться вновь. Стоит только нажать на кнопку.

— Я мог бы влюбиться в кого-нибудь вроде тебя, — произнес он.

Ее глаза тут же загорелись, и на него дохнуло жаром. Но одновременно он почувствовал легкий укол вины. Не потому, что он манипулировал ею — потому что лгал. Он мог бы влюбиться, но не в нее. Она не была Единственной, не была предназначена ему. Она — дублер. С ней можно попрактиковаться, опробовать подходы, научиться говорить правильным тоном правильные вещи. Использовать метод проб и ошибок, потому что с ней можно ошибаться. Но в тот день, когда он признается в своей любви той самой Женщине, все должно быть идеально до последнего жеста.

Он использовал эту девушку, чтобы отрепетировать номер целиком. Ну, возможно, «использовал» не самое подходящее слово, ведь она вела себя более активно, чем он. Он познакомился с ней на вечеринке, где было множество людей куда выше него по статусу. Увидев, что она его даже не замечает, он понял: рассчитывать можно только на несколько слов. И он рассчитал, какие слова дадут нужный эффект. Похвалил ее фигуру и спросил, в каком зале она тренируется. Девушка коротко ответила, что посещает зал

SATS[14] в районе Бислетт. Странно, он три раза в неделю бывает в этом зале, но ее там не видел — возможно, они приходят в разные дни? Она столь же коротко пояснила, что тренируется по утрам, а когда он сказал, что тоже приходит по утрам, была явно раздражена. А в какие дни она там бывает?

— По вторникам и четвергам, — ответила девушка, показывая, что разговор окончен, и переключилась на мужчину в облегающей черной рубашке, который как раз шел в их сторону.

В следующий вторник, когда она вышла из спортзала, Прим был рядом. Притворился, что случайно проходил мимо, а ее просто узнал, потому что они были на одной вечеринке. Она его не помнила. Она улыбнулась ему и хотела уйти — но тут же остановилась, повернулась, и, пока они стояли там, на улице, ее внимание было сосредоточено на нем. Она смотрела на него так, словно только сейчас по-настоящему уяснила, что он существует, и, конечно, удивилась почему не обратила на него внимания на вечеринке. Говорил *он*; она больше молчала, но все, что ему нужно было знать, сказал язык ее тела.

---

[14] Notes: 14
SATS — общенорвежская цепь спортивных залов.

Она заговорила только после его слов, что они должны встретиться.

— Когда? — спросила она. — Где?

И когда он ответил — просто кивнула.

Она пришла вовремя в условленное место. Он нервничал — многое могло пойти не так. Но именно она проявила инициативу, сама расстегнула его одежду и, к счастью, не сказала ничего лишнего.

Он знал, что такое может случиться. Хотя он и Женщина, которую он любил, ничего друг другу не обещали, это все равно было изменой, не так ли? Предательством любви. Однако он убедил себя, что это жертва на алтарь его чувства, что он сделал это для Нее, что он поступил так, чтобы попрактиковаться к решающему дню, когда он должен будет оправдать ее ожидания как любовник.

И женщина с другой стороны стола подходила для такой практики.

Нельзя сказать, что ему не понравилось заниматься с ней любовью. Но ни о каком повторении больше не могло быть и речи. Если честно, она не нравилась ему ни на вкус, ни на запах. Нужно ли сказать об этом вслух? Сказать ей, что именно здесь разойдутся их дороги? Он молча уставился

в свою тарелку. А когда поднял глаза, то увидел, что она слегка склонила голову набок и улыбается своей непроницаемой улыбкой, словно его монолог был для нее забавным представлением.

И внезапно он почувствовал себя пленником. Пленником в собственном доме. Ведь он не мог встать и уйти — куда ему идти из дома? И он не мог попросить уйти ее, верно? А сама она уходить домой не собиралась, совсем не проявляла желания. Почти неестественный блеск ее глаз ослепил его, заставил растеряться. Ему пришло в голову, что во всем этом есть нечто искаженное и запутанное. Она взяла ситуацию под контроль, не произнеся ни слова. Чего же она на самом деле хочет?

— Что… — начал он и откашлялся. — Чего ты на самом деле хочешь?

Она ничего не ответила, только еще немного наклонила голову. Казалось, она беззвучно смеется: в прекрасном рту поблескивали зубы, белоснежные, даже с голубоватым отливом. И тут Прим впервые осознал, что у нее рот хищника.

И тут его осенило: это игра в кошки-мышки.

И роль мышки играл он, а вовсе не она.

Откуда пришла эта безумная мысль?

Ниоткуда. Или оттуда же, откуда приходили

все его безумные мысли.

Он был напуган, но знал, что не должен выдавать свой страх. Он старался дышать спокойно. Он должен уйти. *Она* должна уйти.

— *Это* было очень приятно, — сказал он, складывая салфетку и оставляя ее на тарелке. — Давай как-нибудь повторим *это* еще.

* * *

Не успели Юхан Крон и его жена Элис сесть за обеденный стол, как раздался телефонный звонок. Юхану еще предстояло позвонить Маркусу Рёду и сообщить плохие новости: Харри Холе отклонил их щедрое предложение. Отказался еще до того, как услышал о гонораре. И не изменил мнения, когда Крон ознакомил его со всеми условиями и сообщил, что они забронировали для Холе место в бизнес-классе на рейс до Осло с пересадкой в Копенгагене.

По номеру Крон понял, что звонок идет со старого телефона Харри — с того самого, который был недоступен всякий раз, когда Юхан пытался дозвониться. Может быть, его отказ — это тактика ведения переговоров? Прекрасно. Рёд дал Крону карт-бланш на увеличение суммы.

Юхан встал из-за стола, взглядом извинился

перед женой и прошел в гостиную.

— Снова привет, Харри, — весело сказал он.

Голос Холе был хриплым.

— Девятьсот шестьдесят тысяч долларов.

— Прошу прощения..?

— Если я раскрою это дело, я хочу девятьсот шестьдесят тысяч долларов.

— Девятьсот ше..?

— Да.

— Ты отдаешь себе отчет…

— Я понимаю, что это выше моих обычных расценок. Но если твой клиент так богат и так невинен, как ты говоришь, он наверняка сочтет, что правда стоит этой суммы. В общем, мое предложение звучит так: я работаю бесплатно, клиент покрывает только мои издержки, а гонорар я получаю только в том случае, если раскрою дело.

— Но…

— Это не так уж много. Крон, ответ мне нужен в следующие пять минут. По-английски, электронным письмом с твоей подписью с твоего адреса. Понимаешь?

— Да, но боже мой, Харри, это же…

— Рядом со мной люди, которым нужно решение прямо сейчас. Мне, как бы это выразиться, приставили пистолет к виску.

— Но двести тысяч долларов — это же более чем…

— Извини, Крон, но или сумма, которую я озвучил, или вообще никакой сделки.

Крон вздохнул.

— Сумма безумная, Харри, но хорошо, я позвоню своему клиенту и потом снова свяжусь с тобой.

— Пять минут, — хрипло прозвучало в динамике. И тут же на заднем плане что-то сказал другой голос.

— Четыре с половиной, — произнес Харри.

— Сделаю все, что смогу, чтобы до него дозвониться, — ответил Крон.

* * *

Харри положил телефон на кухонный стол и посмотрел на мужчину с дробовиком. Дробовик был по-прежнему направлен на Харри. Второй мексиканец говорил по-испански по другому телефону.

— Все будет хорошо — прошептала Люсиль, садясь рядом с Харри. Он похлопал ее по руке.

— Это моя реплика.

— Как бы не так, — возразила она. — Я впутала тебя в это. Да и вообще это ложь, верно? Нет, не будет хорошо.

— А что, по-твоему, значит «хорошо»?

Люсиль слабо улыбнулась.

— Ну, вчера у меня по крайней мере был замечательный прощальный вечер. Это уже кое-что. Знаешь, в «Дэн Тана» все решили, что мы пара.

— Думаешь?

— О, я увидела это по их лицам, когда ты вошел, держа меня под руку. «Это Люсиль Оуэнс, и она с блондином куда моложе нее», — подумали они. И пожалели, что они не кинозвезды. А ты еще взял мое пальто и поцеловал меня в щеку. Спасибо тебе, Харри.

Харри чуть не ляпнул, что просто делал то, что она велела ему заранее, и обручальное кольцо снял поэтому же… но воздержался.

— Dos minutos,[15] — заметил мужчина с телефоном, и Харри почувствовал, что Люсиль сжала его руку.

— Что говорит *el jefe*[16] из машины? — спросил Харри.

Мужчина с дробовиком промолчал.

— Он убил столько же людей, сколько и ты?

Тот рассмеялся:

---

[15] Notes: 15
Две минуты — (исп.)

[16] Notes: 16
El jefe — шеф (исп.)

— Никто не знает, скольких он убил. А я знаю только то, что если не заплатите — станете еще двумя в его списке. Ему нравится заботиться обо всем лично. И я не шучу, когда говорю «нравится».

Харри кивнул.

— Он сам дал ей ссуду или просто выкупил долг?

— Мы не даем деньги взаймы, мы только собираем их. И он лучший в этом деле. Он даже на глазок может определить неудачника, погрязшего в долгах.

Мгновение мексиканец поколебался, затем наклонился вперед и понизил голос:

— Он говорит, это видно по их глазам, поведению, но главное — их запах. Это можно увидеть, когда едешь в автобусе, — рядом с теми, у кого есть долги, всегда свободное место. И он сказал, что у тебя, Эль Рубио[17], тоже есть долги.

— У меня?

— Он искал даму в том баре и увидел там тебя.

— Он ошибается, у меня нет долгов.

— Он никогда не ошибается. Ты что-то кому-то должен. Он и моего отца нашел так.

---

[17] Notes: 17
El rubio — блондин (исп.)

— Твоего отца?

Тот кивнул. Харри всмотрелся в него. Сглотнул. Попытался представить себе человека в машине. Пока Харри излагал свое предложение, телефон лежал на кухонном столе с включенной функцией громкой связи, но человек в машине не промолвил ни слова.

— Un minuto. — Мужчина с мобильником снял пистолет с предохранителя.

— Отче наш, — тихо заговорила Люсиль, — иже еси на небесех…

— Как ты могла потратить столько денег на фильм, который так и не сняли? — спросил Харри.

Люсиль удивлtнно посмотрела на него, но потом, очевидно, осознала, что он хочет немного ее отвлечь перед тем, как они пройдут точку невозврата.

— Знаешь, это самый популярный вопрос в этом городе, — ответила она.

— Cinco segundos.[18]

Харри уставился на свой телефон.

— А какой самый популярный ответ?

— Невезение и паршивые сценарии.

---

[18] Notes: 18
Пять секунд (исп.)

— А-а. Прямо как моя жизнь.

Дисплей телефона засветился. Номер Крона.

Харри нажал «Ответить».

— Говори. Быстро и только суть.

— Рёд сказал «да».

— Тебе скажут адрес электронной почты. — Харри протянул телефон тому, кто держал связь с шефом. Тот сунул пистолет в наплечную кобуру под курткой и приложил оба телефона друг к другу. Харри слышал негромкие голоса из динамиков. Когда они затихли, парень вернул Харри телефон. Крон уже отключился. Свой телефон парень приложил к уху. Прислушался. Опустил телефон.

— Тебе повезло, Эль Рубио. У тебя десять дней. Начиная с этого момента. — Он указал на свои часы. — После этого мы застрелим ее. — Он указал на Люсиль. — А потом придём за тобой. Сейчас она пойдет с нами, и не пытайся связаться с ней. Если кому-нибудь расскажешь об этом — умрешь вместе с тем, кому расскажешь. Так мы ведём дела здесь, так ведём дела в Мексике — и так же будем вести дела там, куда ты направляешься. Не думай, что мы не дотянемся до тебя.

— Ладно, — сказал Харри и сглотнул. — Мне следует знать еще что-то?

Парень потер свою татуировку-скорпиона и улыбнулся.

— Да. Мы тебя не застрелим. Мы снимем кожу с твоей спины и оставим тебя на солнце. Всего через несколько часов ты весь скукожишься, а потом сдохнешь от жажды. Поверь, ты будешь благодарен, если это произойдет быстро.

Харри хотел высказаться насчет сентябрьского солнца Норвегии, но снова сдержался. Часы уже начали отсчитывать время — не только десяти дней, отведенных ему на расследование, но и время до рейса, на который ему взяли билет. Он посмотрел на часы. Полтора часа. Суббота, и до аэропорта не так уж далеко… но это Лос-Анджелес. Он выбивался из графика. Безнадежно выбивался.

Он в последний раз взглянул на Люсиль. Да, именно так выглядела бы его мать, проживи она дольше.

Харри Холе наклонился, поцеловал Люсиль в лоб, встал и направился к двери.

ГЛАВА 7
Воскресенье

Харри сидел на переднем пассажирском сиденье «Вольво-Амазон» 1970 года выпуска. Рядом был Бьёрн, и они подпевали песне Хэнка Уильямса на заедающем магнитофоне. В паузах между строчками песни с заднего сиденья слышалось тихое хныканье ребенка. Машина тряслась. Как странно — она же припаркована…

Харри открыл глаза и увидел стюардессу. Та осторожно трясла его за плечо.

— Мы заходим на посадку, сэр, — произнесла девушка из-под маски. — Пожалуйста, пристегните ремни безопасности.

Она забрала пустой стакан, стоявший перед ним, сдвинула столик и опустила его к подлокотнику. Бизнес-класс… В последний момент Харри решил надеть костюм и оставить прочую одежду в Лос-Анджелесе. Теперь у него не было даже ручной клади. Он зевнул, посмотрел в окно — внизу проплывал лес. Озёра. Потом город. И еще один город. Осло. Потом снова лес. Он вспомнил о коротком звонке, который сделал перед

отлетом из Лос-Анджелеса. Говорил со Столе Эуне, психологом, постоянным его помощником в былых расследованиях. Вспомнил, как неуловимо непривычно звучал голос Столе. Друг сказал Харри, что не раз за последние несколько месяцев пытался дозвониться до него. Харри объяснил, что держал телефон выключенным. Ладно, что уж теперь, ответил Эуне, он только хотел сообщить, что болен. Рак поджелудочной железы.

По расписанию полет из Лос-Анджелеса занимал около тринадцати часов. Посмотрев на часы, Харри перевел их на норвежское время. Воскресенье, 08:55. Воскресенье было днем воздержания, но если представить, что он еще живет по лос-анджелесскому времени, то у него остается пять минут субботы. Харри поднял глаза к потолку в поисках кнопки вызова. Потом вспомнил, что в бизнес-классе эта кнопка вынесена на пульт дистанционного управления. Пульт нашелся на боковой консоли. Нажал на кнопку — прозвучал сигнал, над креслом загорелась лампочка.

Стюардессе не понадобилось и десяти секунд.

— Да, сэр?

Но за десять секунд Харри успел подсчитать, сколько он выпил за субботу. Норма выполнена. Вот дерьмо.

— Извините. — Он попытался улыбнуться. — Ничего.

* * *

Когда Харри стоял в дьюти-фри перед полкой с бутылками виски, пришло смс-сообщение, что заказанная Кроном машина ждет его возле зоны прилета. Харри написал ответное «ОК» и, раз уж достал телефон, набрал в списке контактов букву «К».

Ракель иногда шутила, что у него так мало коллег, друзей и знакомых, что в его телефонной книге не больше одного контакта на каждую букву алфавита. Можно не трудиться и обозначать всех только первым инициалом.

— Катрина Братт, — раздался сонный, усталый голос.

— Привет. Это Харри.

— Харри? В самом деле?.. — Судя по звуку, она села на постели.

— Я в Норвегии. Только что приземлился. Разбудил тебя?

— Нет. Хотя да, вроде того. У нас, кажется, двойное убийство, я допоздна работала. Моя свекровь здесь, присматривает за Гертом, так что я уснула ненадолго… Господи, ты жив!

— Надо полагать, да. Как дела?

— Хорошо… Да, правда — не так уж плохо, учитывая обстоятельства. В эту пятницу я как раз о тебе говорила. А что ты делаешь в Осло?

— Есть пара дел. Собираюсь навестить Столе Эуне.

— Уф. Да, я слышала. У него рак поджелудочной железы?

— Не знаю подробностей. У тебя найдется время выпить со мной кофе?

Он отметил крохотную заминку перед ее ответом:

— Почему бы вместо этого тебе не приехать на ужин?

— Имеешь в виду — поужинать у тебя дома?

— Да, конечно. Моя свекровь потрясающе готовит.

— Если никто не против, пожалуй…

— В шесть часов? Тогда сможешь заодно познакомиться с Гертом.

Они закончили разговор, и Харри снова посмотрел на полку с бутылками.

За ней стояла полка с мягкими игрушками.

* * *

Автомобиль медленно двигался по улицам Тювхольмена, самого дорогого района Осло. Район занимал примерно пять гектаров и располагался на двух островах и куске материка, выдающемся в Ослофьорд. Здесь в основном были пешеходные улицы, и множество людей шли по ним в магазины, рестораны, галереи или просто совершали воскресную прогулку. В отеле «The Thief»[19] администратор приветствовала Харри, словно любимого и долгожданного гостя.

В номере были двуспальная кровать ровно такой мягкости, какой нужно, модные картины на стенах и высококлассный гель для душа. Всё, чего можно ожидать от пятизвездочного отеля, решил Харри. Из окон номера открывался вид на ржаво-красные башни ратуши и крепость Акерсхюс. Казалось, ничего не изменилось за год, который он провел в другой стране. И все же ощущения были другие. Может, потому, что Тювхольмен с его модными магазинами, галереями, роскошны-

[19] Notes: 19

Тот, кто хоть немного знает английский язык, наверняка удивится такому названию отеля — The Thief («Вор» по-английски). Все просто: оно перекликается с названием района: Tjuvholmen по-норвежски означает «Холм воров».

ми квартирами и изысканными фасадами был не тем Осло, который знал Харри. Он вырос в восточной части города в годы, когда Осло был тихой, скучной и довольно серой столицей медвежьего угла Европы. По улицам ходили люди только европейской внешности, звучала норвежская речь без всякого акцента. Но постепенно город стал открываться миру. Харри впервые столкнулся с этим еще юношей. Тогда здесь стало куда больше клубов, потому что многие крутые группы — не только те, что играли на стадионе Валле Ховин для тридцати тысяч человек — начали включать Осло в свои туры. Открылись рестораны, целая куча ресторанов, и в них подавали блюда со всех уголков мира. Осло превратился в международный город, открытый, мультикультурный — и это, естественно, подняло уровень организованной преступности. Но убийств по-прежнему было так мало, что в городской полиции не имело смысла содержать целый штат детективов. Правда, еще в семидесятые годы город превратился — по разным причинам — в настоящее кладбище молодёжи, подсевшей на героин. Впрочем, таким Осло остался и до сих пор. Однако это был город без притонов, город, где даже женщины вполне могли чувствовать себя в безопасности. Опрос

населения показал, что так считают 93 процента жителей столицы. И хотя СМИ изо всех сил стремятся показать действительность в самом черном цвете, в реальности количество изнасилований в Осло за последние пятнадцать лет было стабильно низким по сравнению с другими городами. Уличных нападений и других преступлений против личности тоже совершалось мало, и их число продолжало снижаться.

Поэтому гибель одной женщины и пропажа другой, да еще их возможная связь друг с другом были очень нетипичными для Осло. Неудивительно, что норвежские газеты посвятили этим событиям множество статей под броскими заголовками. Неудивительно было и то, что в материалах упоминалось имя Маркуса Рёда. Во-первых, все знали, что СМИ, даже очень солидные издания, выживают за счет шумихи вокруг медийных личностей, а Рёд был не только богат, но и знаменит. Во-вторых, опыт подсказывал Харри, что в восьмидесяти процентах случаев в убийстве виновен тот, кто близко связан с жертвой. Поэтому естественно, что его наниматель стал главным подозреваемым.

Харри принял душ. Надел единственную запас-

ную рубашку, которую купил в Гардермуэне[20]. Застегнул пуговицы, глядя в зеркало. Когда дошел до верхней — услышал тиканье наручных часов. Постарался не думать о времени.

От отеля до офиса «Barbell Eiendom» на улице Хокона VII было менее пяти минут ходьбы.

Внутри вестибюля за трехметровой стеклянной дверью Харри увидел молодого мужчину. Тот, видимо, ожидал его, потому что, встретившись с ним взглядом, тут же бросился открывать дверь. В вестибюле возникло минутное замешательство — Харри пришлось пояснить, что он не пользуется лифтами, и молодой человек повел гостя по лестнице на самый верх, на шестой этаж. Там они прошли через пустые по случаю выходного дня офисные помещения и оказались перед открытой дверью. Сопровождающий пропустил сыщика вперед.

За дверью был угловой офис площадью почти сто квадратных метров. Из него открывался вид на Ратушную площадь и залив Ослофьорд. У одной стены огромной комнаты стоял письменный стол. На нем были большой экран iMac, пара солнечных очков от Гуччи и айфон. Никаких бумаг.

---

[20] Notes: 20
Гардермуэн — аэропорт г. Осло.

За столом для совещаний у противоположной стены сидели два человека. С одним из них — Юханом Кроном — Харри был знаком. Второго узнал по фотографиям в газетах.

Маркус Рёд помедлил, позволив Крону первым подняться, подойти к гостю и поздороваться за руку. Харри улыбался Крону, но смотрел при этом на Маркуса Рёда. Тот машинально застегнул пуговицу на пиджаке, но остался возле стола.

Обменявшись приветствиями с Кроном, Харри подошел к столу и пожал руку Маркусу. Заметил, что они почти одного роста, но у Рёда килограммов двадцать лишних. Вблизи его шестьдесят шесть лет были явственно видны, несмотря на ухоженную гладкую кожу, белые зубы и густые черные волосы. Однако стоит отдать ему должное, подумал Харри, Маркус пользуется услугами пластических хирургов куда разумнее, чем кое-кто в Лос-Анджелесе. Еще Харри заметил, что у Рёда миокимия[21].

— Присаживайся, Харри.

— Спасибо, Маркус, — ответил Харри и сел, расстегнув пиджак. Если Рёду не понравилось или показалось слишком фамильярным такое обра-

[21] Notes: 21

Миокимия — мелкие подергивания мышц, в частности мышц вокруг глаза. Народное название — «нервный тик».

щение, то на его лице это никак не отразилось.

— Спасибо, что приехал так быстро, — проговорил Рёд, делая какой-то знак человеку у дверей.

— Мне полезно немного пошевелиться. — Харри рассеянно рассматривал три портрета на стене. Две картины и фотография. Солидные мужчины. Под каждой рамой золотая табличка с фамилией Рёд.

— Конечно, у жизни over there[22] другой темп, — поддержал его Крон, и то, что он ввернул английское выражение, вызвало у Харри ассоциацию с вежливой, но несколько напряженной дипломатической беседой.

— Не уверен, — ответил Харри. — Думаю, по сравнению с Нью-Йорком или Чикаго

Лос-Анджелес довольно неторопливый. Но я вижу, вы и здесь не прохлаждаетесь. Рабочая встреча в воскресенье. Впечатляет.

— Мужчине полезно немного отдохнуть от ада, именуемого семейным уютом. — Рёд заговорщицки улыбнулся Крону. — Особенно в воскресенье.

— У тебя есть дети? — поинтересовался Харри. В газетных статьях он ничего об этом не вычитал.

— Да. — Рёд по-прежнему смотрел на Крона,

---

[22] Notes: 22

«Over there» — «там» (англ.). Крон употребляет это словосочетание в значении «там, откуда ты прибыл».

словно вопросы исходили от адвоката. — Моя жена.

Рёд рассмеялся, Крон послушно присоединился к нему. Харри, не желая выпадать из мизансцены, через силу улыбнулся. Он вспомнил газетные фотографии Хелены Рёд. Какая у них с мужем разница в возрасте? Пожалуй, не меньше тридцати лет. Все снимки четы Рёд, которые видел Харри, были сделаны на фоне реклам с логотипами — на премьерах, показах мод и тому подобных светских выходах. Хелена Рёд, разодетая в пух и прах, выглядела более уверенной в себе и менее нелепой, чем многие женщины — да и мужчины тоже, — которые позируют фотографам на таких мероприятиях. Она была красива какой-то поблекшей красотой, словно слишком рано утратила сияние молодости. Чересчур много работы? Или алкоголя или чего-то подобного? Очень мало счастья? А может, и то, и другое, и третье вместе?

— Что ж, — произнес Крон, — если бы ты знал моего клиента так, как я, ты понял бы, что он не может долго слоняться без дела. Сложно достигнуть того, что у него есть, без упорного труда.

Рёд передернул плечами, но протестовать не стал, а вместо этого спросил:

— Как насчет тебя, Харри? Есть дети?

Харри смотрел на портреты. Все трое мужчин были запечатлены на фоне больших зданий — как предполагал Харри, их собственных или, по крайней мере, построенных ими.

— И еще без солидного семейного состояния, — добавил он.

— Прошу прощения?

— Оно дополняет упорный труд. И немного облегчает задачу, не так ли?

Рёд вскинул ухоженную бровь под блестящими черными волосами и вопросительно взглянул на Крона, словно требуя объяснений, что за типа тот привел. Потом поднял голову — наметившийся двойной подбородок навис над воротником рубашки — и пристально посмотрел на Харри.

— Состояния сами по себе не растут, Холе. Возможно, ты и сам это знаешь?

— Я? Почему ты так думаешь?

— Разве нет? Одеваешься ты как состоятельный человек. Если не ошибаюсь, твой костюм шил Гарт Александер с Сэвил Роу. У меня самого два костюма его работы.

— Не помню имени портного, — сказал Харри. — Я получил его от одной леди за то, что согласился ее сопровождать.

— Господи. Она была настолько уродливой?

— Нет.

— Нет? Значит, красотка?

— Я бы сказал да. Для женщины, которой за семьдесят.

Маркус Рёд заложил руки за голову и откинулся назад. Его глаза превратились в узенькие щелочки.

— Знаешь, Харри, у тебя есть кое-что общее с моей женой. Ты снимаешь одежду только для того, чтобы переодеться во что-нибудь подороже.

Он оглушительно захохотал, хлопнул себя по бедрам и повернулся к Крону, который успел вовремя подхватить его смех. Веселье Рёда окончилось приступом чихания. Молодой человек, который только что вошел с подносом, уставленным стаканами для воды, предложил ему салфетку, но Рёд отмахнулся, вынул из внутреннего кармана пиджака большой светло-голубой платок с крупными инициалами «М.Р.» и громко высморкался.

— Расслабься, это просто аллергия, — прокомментировал Рёд, засовывая носовой платок обратно в карман. — Ты сделал прививку, Хар-

ри?[23]

— Да.

— Я тоже. Всегда берегу здоровье. Мы с Хеленой сделали первую прививку в Саудовской Аравии, задолго до того, как вакцина появилась в Норвегии. Что ж, давайте начинать. Юхан?

Юхан изложил Харри суть дела, в основном просто повторив то, что уже сказал по телефону двадцать четыре часа назад.

— Две женщины, Сюсанна Андерсен и Бертина Бертильсен, исчезли три и две недели назад соответственно. Исчезновения происходили по вторникам. Сюсанна Андерсен была найдена мертвой два дня назад. Полиция не обнародовала причину смерти, но заявила, что будет расследовать убийство. Полицейские допросили Маркуса по одной-единственной причине: обе девушки были на вечеринке для жителей дома, где живут Маркус и Хелена. Вечеринка проходила на крыше этого дома за четыре дня до исчезновения Сюсанны. Единственная связь между двумя пропавшими девушками, которую на текущий момент обнаружила полиция, — обе

[23] Notes: 23

Действие романа «Кровавая луна» происходит в 2020 году, во время пандемии коронавируса «Covid-19». Рёд имеет в виду прививку от этого заболевания.

знакомы с Маркусом, и обеих пригласил на вечеринку именно он. У Маркуса есть алиби на те два вторника, когда пропали девушки. Он был дома с Хеленой. Полиция сняла с него все подозрения, но пресса в своих рассуждениях, увы, не столь логична. Успешное раскрытие дела — это не то, что интересует СМИ, поэтому они стали публиковать всевозможные статьи с кричащими заголовками об отношениях Маркуса с девушками, намекать, что те пытались вымогать у него деньги и угрожали рассказать свою «историю» газете, пообещавшей хорошо им заплатить. Также газетчики поставили под сомнение алиби, предоставленное супругой Маркуса, хотя они прекрасно знают, что это обычный и абсолютно законный ход в уголовном деле. Все это чистой воды гонка за сенсацией, раскрутка рейтингов на связи известной личности с убийством, а вовсе не поиски истины. Без сомнения, журналисты надеются накопать что-нибудь скандальное, чтобы иметь возможность поднимать продажи различными домыслами как можно дольше.

Харри коротко кивнул. На его лице не отражалось никаких эмоций.

— Тем временем деловые интересы моего клиента страдают из-за информации в СМИ о том,

что с него не были сняты обвинения. Кроме того, эта ситуация создает моему клиенту личный дискомфорт.

— В первую очередь в семье, — вставил Рёд.

— Разумеется, — согласился Крон. — Это было бы не очень большой проблемой, точнее, мы могли бы ее пережить, если бы полиция с этим справлялась. Но прошло почти три недели, а они не нашли ни преступника, ни какой-либо зацепки, которая прекратила бы газетную травлю единственного в Осло человека, у которого в этом деле железное алиби. Короче говоря, мы хотим, чтобы преступление было раскрыто как можно быстрее, и рассчитываем на твою помощь.

Крон и Рёд смотрели на Харри.

— Хм. Теперь, когда тело обнаружено, возможно, полицейские нашли следы ДНК преступника. У тебя взяли образец ДНК? — Харри посмотрел Маркусу Рёду в глаза.

Не отвечая, Рёд повернулся к Крону.

— Мы отказались, — ответил тот, — до тех пор, пока полиция не предъявит соответствующее постановление суда.

— Почему?

— Потому, что мы ничего не выиграем, согласившись на это. И потому, что, если мы будем

двигаться в том русле, в которое нас загоняют, мы косвенно призна́ем, что на это дело можно смотреть с точки зрения полиции, у которой якобы есть основания подозревать моего клиента.

— А вы не видите никаких оснований?

— Нет. Я сказал полиции, что как только они установят какую-либо связь между делами о пропавших без вести лицах и моим клиентом, он будет чрезвычайно рад пройти анализ ДНК. Больше они к нам не обращались.

— Хм…

Рёд хлопнул в ладоши.

— Это все, Харри. В общих чертах. Хотелось бы теперь услышать твой план сражения.

— План сражения?

Рёд улыбнулся:

— В общих чертах.

— Если в общих чертах, — ответил Харри, подавляя зевок (сказывался перелет через несколько часовых поясов), — мой план — найти убийцу как можно быстрее.

Рёд ухмыльнулся и взглянул на Крона.

— Это очень расплывчато, Харри. Нельзя ли более конкретно?

— Что ж. Я буду расследовать это дело так, как расследовал бы его, будучи полицейским. То есть

— без каких-либо обязательств и не учитывая ничего, кроме истины. Иными словами, если улики приведут меня к тебе, Рёд, я расправлюсь с тобой, как с любым другим убийцей. И получу свою плату.

В наступившей тишине зазвонили куранты городской ратуши.

Маркус Рёд усмехнулся.

— Суровая речь, Харри. Оставайся ты полицейским — сколько лет тебе потребовалось бы, чтобы собрать такую плату? Десять? Двадцать? Сколько вы, парни, вообще зарабатываете в своих полицейских участках?

Харри ничего не ответил. Куранты продолжали звонить.

— Ну, — Крон сверкнул зубами в быстрой улыбке, — то, о чем ты говоришь, Харри, мы как раз и хотим получить. Как я уже говорил тебе по телефону: требуется независимое расследование. Так что мы на одной волне, хотя ты высказался довольно прямолинейно. Ты человек честный и добропорядочный, какой нам и нужен.

— Ты ведь такой? — спросил Рёд, поглаживая подбородок большим и указательным пальцами и глядя на Харри. — Добропорядочный?

Харри заметил, что глаза Рёда снова сверкнули,

и отрицательно покачал головой. Рёд наклонился вперед, весело улыбнулся и тихо спросил:

— Ни капельки?

Харри улыбнулся в ответ:

— Только если ты можешь назвать добропорядочной лошадь в шорах. Она не блещет умом, а просто делает то, к чему приучена: не позволяя себе отвлекаться, бежит прямо вперед.

Маркус Рёд засмеялся.

— Хорошо, Харри. Это хорошо. Нам это подходит. Хочу, чтобы первым делом ты собрал команду из лучших людей. Предпочтительно — из людей известных. Расскажем об этом журналистам. Чтобы они увидели, что мы настроены серьезно, понимаешь?

— Я уже знаю, кого привлечь к делу.

— Отлично. Как ты думаешь, через какое время получишь от них ответ?

— Завтра к четырем часам.

— Уже завтра?

Рёд понял, что Харри говорит серьезно, и снова рассмеялся.

— Мне нравится, как ты действуешь, Харри. Давай подпишем контракт.

Рёд кивнул Крону, тот вынул из портфеля лист бумаги и положил перед Харри.

— В контракте указано, что задание считается выполненным при наличии соглашения о признании вины по крайней мере тремя юристами в правовом отделе полиции, — пояснил Крон. — Но если суд оправдает обвиняемого, гонорар должен быть возвращен. Это соглашение по принципу «нет результата — нет оплаты».

— Зато с бонусом, которому позавидует любой топ-менеджер, включая меня, — добавил Рёд.

— Я бы хотел добавить еще один пункт, — заявил Харри. — Гонорар будет мне выплачен, если полиция — с моей помощью или без нее — найдет предполагаемого виновного в течение следующих девяти дней.

Рёд и Крон обменялись взглядами. Прежде чем снова наклониться к Харри, Рёд кивнул.

— Ты жесткий переговорщик. Но не думай, что я не понимаю, почему ты называешь такие некруглые числа, когда говоришь о сумме выплаты и количестве оставшихся дней.

Харри приподнял бровь.

— Вот как?

— Да ладно тебе. Это чтобы дать понять другой стороне, что ты опираешься на реальные расчеты. Волшебные числа, которые все расставляют по своим местам. Не учи отца детей делать, Хар-

ри, я сам использую в переговорах этот прием.

Харри медленно кивнул.

— Ты меня подловил, Рёд.

— А теперь, Харри, я покажу тебе еще один прием. — Рёд откинулся назад, ухмыляясь во весь рот. — Я намерен заплатить тебе миллион долларов. Это почти на четыреста тысяч норвежских крон больше, чем ты просишь, и это стоимость приличной машины. И знаешь, почему я увеличил сумму?

Харри не ответил.

— Потому что люди прилагают гораздо больше усилий, когда им даешь немного больше, чем они ожидали. Это факт, доказанный психологами.

— Что ж, я готов проверить этот факт на себе, — сухо парировал Харри. — Но есть еще кое-что.

Ухмылка Рёд исчезла.

— И что же?

— Мне нужно, чтобы кое-кто из полиции дал добро на проведение расследования.

Крон прочистил горло.

— Ты же знаешь, что в Норвегии не нужны разрешения и лицензии на частные расследования?

— Да. Но я сказал «кое-кто из полиции».

Харри объяснил проблему, и через некоторое время Рёд неохотно кивнул, соглашаясь. Когда

Харри и Рёд пожали друг другу руки, Крон проводил Харри к выходу. Он придержал дверь, пропуская Харри вперед.

— Можно кое-что спросить, Харри?

— Валяй.

— Почему я должен был отправить копию нашего контракта на английском языке на электронную почту на мексиканском почтовом сервере?

— Это для моего агента.

Лицо Крона осталось бесстрастным. Харри предположил, что он, опытный адвокат, настолько привык ко лжи клиентов, что, услышав правду, скорее всего усомнится в ней. Кроме того, подумал Харри, Крон прекрасно понимает, что такая очевидная ложь — это красная запрещающая черта, табличка «Посторонним вход воспрещен».

— Хорошего воскресенья, Харри.

— Тебе тоже.

* * *

Харри спустился к пирсу Акер Брюгге. Сел на скамейку. Проследил, как паром, ярко освещаемый солнцем, скользит к причалу с полуострова Несоддтанген. Закрыл глаза. Однажды они с Ракелью взяли выходной в середине недели, погру-

зили в лодку велосипеды и, пропетляв двадцать пять минут между маленькими островками и парусными суденышками, пришвартовались на Несоддтенгене. Там они сели на велосипеды и отправились по проселочным дорогам, тропинкам и укромным местам. Они купались, а потом грелись на гладких выступах скал, и единственными звуками сопровождавшими их, были жужжание насекомых и страстные, но тихие стоны Ракели, когда она впивалась ногтями в его спину. Харри открыл глаза, пытаясь выбросить этот образ из головы.

Посмотрел на часы, на прерывистое движение секундной стрелки. Через пару часов он должен встретиться с Катриной. И Гертом. Харри большими шагами направился к своему отелю.

* * *

— Кажется, сегодня твой дядя в порядке, — сказала медсестра, прощаясь с Примом у открытой двери маленькой палаты.

Прим кивнул. Посмотрел на пожилого мужчину в халате. Тот сидел на кровати, уставившись в экран выключенного телевизора. Когда-то он был красавцем. И очень уважаемым человеком, привыкшим к тому, что к его мнению прислуши-

ваются и в профессиональной сфере, и в частной жизни. Прим подумал, что это еще можно разглядеть в чертах дядиного лица: высокий гладкий лоб, глубоко посаженные ясные голубые глаза, орлиный нос и решительно сжатые, на удивление полные губы.

Прим называл его дядя Фредрик. Потому что Фредрик был его дядей. Ко всему прочему.

Дядя Фредрик поднял глаза, когда Прим вошел в комнату, и Прим, как обычно, задался вопросом, какой из дядьев Фредриков сегодня дома. Если вообще есть какой-нибудь.

— Ты кто такой? Убирайся.

Его лицо раскраснелось от презрения и удивления, а по интонации глубокого низкого голоса нельзя было понять, шутит он или действительно в ярости. Он страдал деменцией с тельцами Леви — болезнью головного мозга, вызывающей галлюцинации, ночные кошмары и — как в случае дяди Фредрика — агрессивное поведение. В основном агрессия была вербальной, но не всегда, отчего еще одна болезнь дяди — ригидность мышц — была, можно сказать, благом для его близких.

— Я Прим, сын Молле, — ответил Прим и, прежде чем дядя успел спросить, уточнил: — Твоей

сестры.

Прим перевел взгляд на диплом в рамке, висевший над кроватью. Это было единственное украшение голой стены. Однажды Прим повесил рядом фотографию, на которой были они трое — дядя, мама и маленький Прим. Их сфотографировали у бассейна, на отдыхе в Испании, который дядя устроил для сестры и племянника после того, как их бросил отчим. На фотографии они все улыбались.

Через несколько месяцев дядя убрал этот снимок — сказал, что не может смотреть на кроличьи зубы. Очевидно, он имел в виду пару крупных передних зубов с щелью между ними. Прим унаследовал эту черту от матери.

А диплом о присвоении докторской степени так и висел на стене, и на нем красовалось имя Фредрик Штайнер. Дядя сменил фамилию, которую носили Прим с матерью, потому что, как без обиняков объяснил он Приму, еврейская фамилия способствует большему авторитету в научных кругах. Особенно в его области — микробиологии, где почти никто не сомневался, что

евреи, особенно ашкеназы[24], обладают генами, которые наделяют их исключительными интеллектуальными способностями. Для того, чтобы отрицать, или хотя бы игнорировать этот факт, были веские причины от чисто эмоциональных до политических, но… факт есть факт. Если у Фредрика блестящий высокоразвитый интеллект, достойный еврея, к чему скромно стоять в конце очереди только потому, что у него солидное норвежское крестьянское имя?

— У меня есть сестра? — спросил дядя.

— У тебя была сестра, неужели не помнишь?

— Черт возьми, парень, у меня деменция, как ты не можешь вколотить это в свою пустую черепушку? Медсестра, с которой ты пришел… а она ничего, верно?

— Ее ты, значит, помнишь?

— У меня превосходная кратковременная память. Спорим на деньги — я трахну ее еще до выходных? А, погоди, у тебя же наверняка нет денег, неудачник. Когда ты был маленьким, я возлагал на тебя надежды. Но сейчас… Ты даже

---

[24] Notes: 24

Ашкеназы (ашкеназские евреи) — субэтническая группа евреев, сформировавшаяся в Центральной Европе. Термин происходит от слова «Ашкеназ» — семитского названия средневековой Германии в средневековой раввинской литературе.

не разочарование, ты просто пустое место.

Дядя помолчал. Было похоже, что он что-то тщательно обдумывает.

— Ты чего-нибудь добился? Чем ты занимаешься?

— Не собираюсь докладывать тебе.

— А почему бы и нет? Помню, ты интересовался музыкой. Нашу семью никак не назвать музыкальной, но ты мечтал стать музыкантом, разве нет?

— Нет.

— А кем?

— Во-первых, к следующему разу ты это забудешь, а во-вторых, ты все равно бы не поверил.

— А как насчет семьи? Не смотри на меня так!

— Я не женат. Сейчас не женат. Но я встретил одну женщину.

— Одну? Одну, ты сказал?

— Да.

— Господи. Знаешь, скольких женщин я трахнул?

— Да.

— Шестьсот сорок три. Шестьсот сорок три! И это были красавицы. Кроме нескольких в самом начале, когда я еще не разобрался, кого на самом деле могу заполучить. Я начал в семнадцать лет.

Тебе придется хорошенько потрудиться, чтобы соответствовать своему дяде, мальчик. У этой женщины узкая щелка?

— Не знаю.

— Не знаешь? А что случилось с той, ну, другой?

— Другой?

— Отчетливо помню, что у тебя была пара детей и маленькая темнокожая женщина с большими сиськами. Я ее трахал? Ха-ха! Да, точно, по твоему лицу вижу — я это делал! И почему тебя никто не может полюбить? Из-за этих кроличьих зубов, что передались тебе от матери?

— Дядя…

— Не называй меня дядей, ты, гребаный урод! Ты родился тупым уродом, ты позоришь меня, свою мать и всю семью!

— Хорошо. Тогда почему ты назвал меня Прим[25]?

— Ах, Прим… Ну да! Ну и почему, думаешь, я это сделал?

— Ты сказал — потому что я особенный. Исключение среди чисел.

---

[25] Notes: 25

Прим — от норвежского слова «primtall», означающего «простое число». То есть число, единственными делителями которого являются оно само и единица.

— Да, особенный — иначе говоря, аномальный. Ошибка. Тот, с кем никто не хочет быть. Изгой, который может разделить свою жизнь только с одним человеком — с самим собой. Ты простое число. Сам по себе. Все мы жаждем того, чего не можем получить — вот ты и жаждешь быть любимым. Это всегда было твоей слабостью, которую тебе тоже передала твоя мать.

— А знаешь ли ты, дядя, что скоро наступит день, когда я стану более знаменитым, чем ты и вся семья вместе взятая?

Лицо дяди просветлело, словно Прим в конце концов сообщил ему что-то важное или по, крайней мере, интересное.

— Позволь сказать тебе вот что. Единственное, что с тобой случится — ты станешь таким же сумасшедшим, как я, и будешь только рад этому! Знаешь почему? Потому что тогда ты забудешь, что твоя жизнь была лишь чередой унизительных поражений. Это, — он указал на диплом на стене, — единственное, о чем я хочу помнить. Но не могу справиться даже с этим. И шестьсот сорок три…

Его голос стал хриплым, на голубые глаза навернулись крупные слезы.

— Я не могу вспомнить ни одну из них. Ни одну,

к чертям собачьим! Какой тогда во всем этом смысл?

Когда Прим уходил, дядя плакал. Такое случалось все чаще. Прим читал, что Робин Уильямс покончил с собой, потому что у него диагностировали деменцию с тельцами Леви и он хотел избавить свою семью от мучений. Прим удивлялся, почему дядя не поступил так же.

Дом престарелых располагался в самом сердце Виндерена, в западной части Осло. По пути к машине Прим прошел мимо ювелирного магазина. За последнее время он заходил сюда уже несколько раз. Было воскресенье, магазин не работал, но прижавшись к витрине носом, Прим смог разглядеть в стеклянной витрине кольцо с бриллиантом. Камень был небольшим, но таким прекрасным… Идеально подходит для Нее. Надо купить это кольцо как можно скорее, иначе кто-нибудь может его опередить.

Он заложил крюк, чтобы проехать мимо дома своего детства в Гаустаде. Вилла пострадала от пожара, ее следовало снести много лет назад, но он раз за разом откладывал снос, несмотря на распоряжения городского совета и жалобы соседей. Он утверждал, что разрабатываются планы реконструкции, показывал документы, в

которых подтверждалось, что снос запланирован, но подрядчиками числились фирмы, которые недавно обанкротились или приостановили деятельность. Он не знал, почему тянет время. Ведь он мог, в конце концов, продать участок за хорошие деньги. И только недавно его осенило. И стало ясно, что у него уже давно был план, как использовать этот дом. Будто крошечный червячок, зреющий в его голове.

ГЛАВА 8
Воскресенье
Тетрис

— Прекрасно выглядишь, — сказал Харри.

— А ты… а ты загорел, — ответила Катрина.

Оба засмеялись. Катрина распахнула дверь шире, Харри шагнул навстречу, и они обнялись. В квартире пахло бараниной, тушенной в капусте. Харри протянул Катрине букет цветов — он купил их по дороге в киоске Нарвесен[26].

— Ты теперь даришь цветы? — Катрина взяла букет, состроив недоверчиво-удивленную мину.

— Они, по большому счету, для того, чтобы удивить твою свекровь.

— Ну, костюм ее точно удивит.

Катрина ушла на кухню, чтобы поставить цветы в воду, и Харри направился в гостиную.

Сначала он увидел рассыпанные по полу игрушки и услышал детский голос и лишь затем увидел мальчика.

Тот сидел спиной к Харри и строго наставлял

---

[26] Notes: 26

Нарвесен — норвежская сеть киосков и магазинов в шаговой доступности.

плюшевого медвежонка:

— Ты должен делать как я, понимаес? Тебе пола спать.

Харри бесшумно вошел в гостиную и присел на корточки рядом с малышом. Мальчик тихонько запел, покачивая головой в легких светлых кудряшках:

— Ах, Челныс, ах, козлик мой…

Наверное, мальчик что-то услышал (может быть, скрипнули половицы), потому что внезапно обернулся — уже улыбаясь. Дитя еще думает, что все сюрпризы — хорошие, подумал Харри.

— Пливет! — сказал мальчик громко и радушно. Кажется, его совсем не беспокоило, что к нему подкрался сзади большой человек с белой бородой, которого он знать не знал.

— Привет, — отозвался Харри и достал из кармана пиджака плюшевого медвежонка. — Это тебе.

Но малыш не обратил внимания на протянутую ему игрушку. Его широко раскрытые глаза завороженно смотрели на Харри.

— Ты Санта Клаус?

Харри рассмеялся, и снова мальчик не смутился, а радостно засмеялся вслед за ним. И ухватил медвежонка:

— Как его зовут?

— Пока у него нет имени. Тебе нужно его как-нибудь назвать.

— Тогда я его назову… А тебя как звать?

— Харри.

— Халя.

— Нет. Э-э-э…

— Да, назовем его Халя.

Харри обернулся. В дверном проеме стояла, скрестив руки, Катрина и внимательно смотрела на них.

* * *

Может, дело было в ее тутенском[27] выговоре, а может, в ее рыжих волосах и выпуклых глазах, но всякий раз, когда Харри переводил взгляд с тарелки на мать покойного коллеги, он видел судмедэксперта Бьёрна Хольма.

— Ничего удивительного, Харри, что ты так ему понравился. — Она кивнула на мальчика — ему разрешили выйти из-за стола, и он тянул Харри за руку, чтобы увести в гостиную играть с плюшевыми мишками. — Вы с Бьёрном были такими хорошими друзьями. Это унаследованное

---

[27] Notes: 27

Тутен — местность северо-восточнее Осло, диалект которой по звучанию значительно отличается от букмола — столичного выговора.

влечение, понимаешь. Но Харри, тебе надо еще поесть, ты тощий, будто щепка.

После десерта — сливового компота — свекровь Катрины отправилась укладывать Герта спать.

— Замечательный парень у тебя получился, — сказал Харри.

— Точно, — согласилась Катрина. Она оперлась подбородком на руки. — Вот уж не знала, что ты хорошо ладишь с детьми.

— Я и сам не знал.

— Разве ты не заметил этого, когда Олег был маленьким?

— Когда мы познакомились, он предпочитал компьютерные игры. Наверное, поэтому и не возражал, что кто-то вмешался в их с матерью жизнь.

— Но ведь вы стали хорошими друзьями?

— Ракель говорила — только потому, что мы оба ненавидели одни и те же группы и оба любили тетрис. По телефону ты сказала, что дела у тебя идут хорошо. Есть новости?

— По работе?

— Любые.

— Ну, и да, и нет. Я снова стала выбираться из дома и встречаться с мужчинами. Полагаю, со смерти Бьёрна прошло уже достаточно много

времени.

— Правда? Что-то серьезное?

— Не сказала бы. В последнее время было несколько свиданий с одним парнем, все довольно мило, но я не знаю… Ведь я, как и ты, всегда была странной и с годами не стала проще… А ты как?

Харри покачал головой.

— Но я вижу, ты все еще носишь обручальное кольцо, — произнесла Катрина. — Ты, можно сказать, встретил любовь всей своей жизни. У нас с Бьёрном все было немного по-другому.

— Наверное.

— Лучший человек в мире. Слишком хороший. — Она подняла чашку с чаем. — И слишком ранимый, чтобы быть с такой стервой, как я.

— Это неправда, Катрина.

— Разве нет? А как назвать женщину, которая спит с одним из лучших друзей своего мужа? Вообще-то «шлюха» будет самое то.

— Катрина, просто так получилось. Я был пьян, и ты…

— Что — я? Хотела бы я сказать, что была влюблена в тебя, Харри. Когда-то, когда мы работали вместе первые пару лет, может, и была. Но потом? Потом ты стал просто парнем, которого я не

смогла заполучить. Парнем, которого отхватила эта кареглазая красотка с Холменколлена.

— Мммм. Не думаю, что Ракель считала, будто это она отхватила меня.

— Но уж точно не ты отхватил ее.

— Почему не я?

— Харри Холе! Ты не понимаешь, что нравишься женщине, пока она сама тебе об этом не заявляет. Да и тогда ты сидишь на своей тощей заднице и просто ждешь.

Харри тихонько засмеялся. Он мог бы задать вопрос. Сейчас было самое подходящее время. И никаких причин откладывать. Все настолько очевидно. Светлые кудряшки. Глаза. Рот. Конечно, она не подозревала, что он уже узнал обо всем от Александры Стурдзы из Института судебно-медицинской экспертизы. Не напрямую — неудачная формулировка Александры дала Харри прозрачный намек, что Бьёрн проверял свое отцовство и что анализ ДНК, проведенный Александрой, показал: отец Герта — не Бьёрн, а Харри.

Харри откашлялся.

— Слушай…

Катрина вопросительно поглядела на него.

— Я узнал, что у Трульса Бернтсена неприятности.

Она подняла бровь:

— Да. Он и еще двое подозреваются в краже наркотиков, изъятых в аэропорту Гардермуэн. Вряд ли тебя это удивило — все знают, что Трульс Бернтсен продажен и, похоже, проигрался так, что теперь в долгах по уши. Так что все к тому и шло.

— Да, пожалуй, не удивило. Тем не менее, жаль это слышать.

— Думала, вы терпеть друг друга не можете.

— Возможно, он не самый приятный человек, но у него есть определенные качества… которые отнюдь не бросаются в глаза. Качества, которые, возможно, он и сам в себе не замечает.

— Как скажешь. Почему ты им интересуешься?

Харри пожал плечами:

— Я читал, Бельман все еще министр юстиции.

— О боже, да. Эти игры во власть как раз ему по нутру. Если хочешь знать мое мнение — ему всегда лучше удавалось быть политиком, чем полицейским. Как дела у твоих?

— Сестра все еще в Кристиансанде, живет с парнем, дела идут хорошо. Олег работает в офисе шерифа в Лаксэльве[28]. Живет с девушкой. А

---

[28] Notes: 28

Лаксэльв — городишко на севере Норвегии.

Эйстейн Эйкеланн, помнишь его?..

— Таксист?

— Да. Я с ним вчера созвонился. Он сменил профессию. Говорит, стал зарабатывать больше. А завтра я навещу Эуне. И, в общем, все.

— Не так много у тебя осталось близких, Харри.

— Да. — Он изо всех сил старался не смотреть на часы. Ему хотелось узнать, сколько осталось до конца этого проклятого воскресенья. Понедельник был днем выпивки. Всего три напитка, но тем не менее; и не было правил, говоривших, когда именно в день выпивки можно выпить свою норму — хоть сразу после полуночи единым духом все сразу. Он не купил в Гардермуэне бутылку виски, предпочтя плюшевого мишку, но потом ознакомился с содержимым мини-бара в гостиничном номере, и там было то, что нужно.

— А у тебя? — Харри поднял чашку кофе. — Кто остался у тебя?

Катрина задумалась.

— Э-э… Родных с моей стороны — никого, теперь самые близкие — бабушка и дедушка Герта. Они так мне помогают. До Тутена два часа езды, но они все равно приезжают очень часто — как только могут. А иногда — по моим просьбам

— кажется, и тогда, когда не могут. Они очень привязаны к мальчику, он теперь все, что у них осталось. Так что…

Она остановилась, глядя поверх чашки в стену позади Харри. Он видел, как она готовится к решительному шагу.

— Я не хочу, чтобы они знали. И не хочу, чтобы знал Герт. Понимаешь, Харри?

Выходит, она знала. И поняла, что он тоже знает. Он кивнул. Понять ее было нетрудно. Она не хотела, чтобы ее сын рос, зная, что он — плод неверности, результат случайной связи с алкоголиком. И не хотела разбивать сердца любящих бабушки и дедушки. И может быть, потерять их поддержку, столь необходимую и матери-одиночке, и ее ребенку.

— Его отца зовут Бьёрн, — прошептала Катрина и посмотрела Харри в глаза. — Конец истории.

— Понимаю, — тихо выговорил Харри. Он не отвел взгляда. — И думаю — ты поступаешь правильно. Всё, о чем я тебя прошу — чтобы ты пришла ко мне, если потребуется помощь. Что бы ни случилось. Чего бы мне это ни стоило.

Он видел, как на ее глазах выступили слезы.

— Спасибо, Харри. Это так щедро с твоей стороны.

— Не совсем, — ответил он. — Я беден, как церковная мышь.

Она засмеялась, всхлипнула и оторвала листок от рулона бумажных полотенец на столе.

— Ты хороший человек, — сказала она.

Вошла бабушка и объявила, что маме пора идти петь колыбельную. И пока Катрина была в детской, Харри рассказывал матери Бьёрна, как Бьёрн руководил составлением плейлистов для тематических вечеринок в баре «Ревность», а он, Харри, и Эйстейн помогали ему. Они устраивали, говорил Харри, четверги Хэнка Уильямса, и неделю Элвиса, и — пожалуй, самое памятное — «Песни почти сорокалетней давности в исполнении групп из американских штатов, название которых начинается на „М“». И хотя названия групп и исполнителей, которых любил Бьёрн, казалось, ничего не говорили его матери, ее глаза искрились благодарностью за то, что Харри рассказывает что-то о ее сыне — неважно что.

Катрина вернулась на кухню, а свекровь удалилась в гостиную и включила там телевизор.

— Парень, с которым ты встречаешься — какой он? — поинтересовался Харри.

Катрина отмахнулась.

— Ну же, — подтолкнул Харри.

— Он моложе меня. И нет, я не подцепила его в Тиндере. Мы встретились в реальной жизни. Это случилось сразу после локдауна, тогда в городе царила этакая легкая эйфория… короче, он звонит.

— Он звонит, не ты?

— Возможно, он настроен на что-то более серьезное, чем я. Это хороший, надежный парень. У него постоянная работа, собственная квартира, и, кажется, его жизнь в полном порядке.

Харри улыбнулся.

— Ладно, ладно! — она шутливо замахнулась на него. — Когда ты мать-одиночка, такие вещи подмечаешь автоматически, понятно? В общем, вроде с ним все хорошо, но в отношениях должна быть и *страсть*, а…

— А ее нет?

Она помолчала.

— Он знает многое, чего не знаю я, и мне это очень нравится. Он чему-то меня учит, понимаешь? Он интересуется музыкой — как Бьёрн. Его устраивает, что я чудачка. И он, — на ее лице возникла невольная широкая улыбка, — он любит меня. Знаешь, я почти забыла, как это приятно. Когда тебя любят всем сердцем. Как любил Бьёрн. — Она покачала головой. — Быть может,

я бессознательно искала нового Бьёрна. Боюсь, больше, чем искала *страсть*.

— Хм-м. Мать Бьёрна знает?

— Нет, нет! — она пренебрежительно отмахнулась. — Никто не знает. И я не собираюсь ни с кем его знакомить.

— Вообще ни с кем?

Она покачала головой.

— Когда знаешь, что это может скоро закончиться и что потом, возможно, еще придется сталкиваться с парнем, то ставишь в известность как можно меньше людей, верно? Потому что не хочешь, чтобы люди смотрели на тебя и, так сказать, *были в курсе*. Но не хочу больше говорить о нем. — Она поставила чашку на стол. — Твоя очередь. Расскажи мне о Лос-Анджелесе.

Харри улыбнулся.

— Может, как-нибудь в другой раз, когда будет посвободнее со временем. Пожалуй, вместо этого расскажу, почему я тебе позвонил.

— О?.. Я думала, ты это из-за… — Она кивнула в сторону детской.

— Нет, — возразил Харри. — Я думал об этом, конечно. Но решил, что это твой выбор — сказать мне или нет.

— Мой выбор? До тебя невозможно было до-

звониться.

— Э-э… У меня был выключен телефон.

— Шесть месяцев?

— Вроде того. Так вот. Я звонил сказать, что Маркус Рёд хочет нанять меня частным детективом по делу этих двух девушек.

Катрина недоуменно посмотрела на него:

— Ты шутишь.

Харри не ответил. Она прокашлялась.

— Ты хочешь сказать, что ты, Харри Холе, продался, как какая-то шлюха, этому блудливому козлу Маркусу Рёду?

Харри посмотрел в потолок, словно обдумывая ответ:

— Именно так. В точку.

— Ради бога, Харри.

— С учетом того, что я еще не дал согласие.

— Почему нет? Сутенер мало платит?

— Потому что сначала я должен был переговорить с тобой. У тебя есть право вето.

— Вето? — фыркнула она. — Почему? Вы оба вольны делать, что хотите. Особенно Рёд — в конце концов, у него достаточно денег, чтобы купить все, что захочется. Хоть я и не думала, что его денег хватит купить твою задницу.

— Подумай пару секунд. О плюсах и минусах. —

Харри поднес чашку ко рту.

Он видел, как пламя эмоций в ее глазах угасает. Видел, что она прикусила губу — как обычно делала в раздумьях. Ждал, когда она придет к тем же выводам, что и он сам.

— Ты собираешься работать один?

Он покачал головой.

— Собираешься переманить кого-то, кто работает на нас или на Крипос?

— Неа.

Катрина задумчиво кивнула.

— Ты же знаешь, Харри, мне плевать на престиж и эго. Соревнование «кто дальше пописает», мальчики, я оставляю вам. Мне куда важнее, чтобы девушки могли ходить по Осло, не боясь быть изнасилованными и убитыми. Сейчас они этого не могут. Значит, лучше, если ты будешь в деле. — Она покачала головой, будто преимущества, которые увидела, ей совсем не нравились. — И тебе как частному детективу будут доступны вещи, которые мы не можем себе позволить.

— Ага. Расскажи мне об этом деле. Что там происходило, по-вашему?

Катрина опустила взгляд на собственные руки.

— Ты прекрасно знаешь, что я не могу делиться подробностями расследования. Но, полагаю, ты

читал газеты, так что я не выдам слишком многое, если скажу, что мы и Крипос работали по этому делу круглосуточно в течение трех недель — и до обнаружения тела впустую. Никаких зацепок. У нас была видеозапись с камеры наблюдения, зафиксировавшая Сюсанну в девять вечера во вторник на станции метро Скюллерюд, недалеко от места, где ее нашли. Мы знали, что машина Бертины припаркована у пешеходной тропы на Грефсенколлене. Но никто и понятия не имеет, *что* эти женщины там делали. Ни одна из них не была любительницей прогулок на природе. Знакомых на Грефсене[29] и Скюллерюде, насколько нам известно, у них не было. Поисковые отряды с обученными собаками работали после пропажи девушек в обоих этих районах — и не обнаружили ничего. А потом на тело наткнулся случайный бегун с обычным псом. И теперь мы выглядим полными идиотами. Обычная история — иногда случайные события дают для расследования больше, чем систематический поиск. Но публика этого не понимает. И журналисты. И, — она обреченно вздохнула, — наше начальство.

— Угу… А по вечеринке у Рёда? Что-то инте-

---

[29] Notes: 29
Грефсен — район в Осло.

ресное?

— Ничего — разве что это был, кажется, единственный раз, когда Сюсанна и Бертина могли друг с другом встретиться. Мы пытались выяснить, кто еще побывал на той вечеринке, чтобы узнать, не общался ли кто-то из гостей с обеими девушками. Но это все равно что искать иголку в стоге сена. Мы выяснили имена большинства присутствовавших, восемьдесят с лишним, но поскольку это была вечеринка жителей дома со свободным входом для гостей, не нашлось никого, кто знал бы всех. И ни одного человека из списка мы не смогли выделить в качестве подозреваемого ни на основании криминального прошлого, ни с точки зрения возможности. И мы вернулись к твоему любимому вопросу, который ты вечно повторял, так что проклевал нам все мозги.

— А-а, «почему?»

— Да, «почему». Я полагаю, Сюсанна и Бертина были обычными молодыми женщинами. В чем-то похожими, в чем-то разными. Обе из достаточно благополучных семей. Обе без высшего образования — впрочем, Сюсанна изучала маркетинг, но бросила учебу через полгода. Обе работали в магазинах, часто переходили из одного в другой. Бертина к тому же еще работала

парикмахером без лицензии. Обе интересовались одеждой, макияжем, собственной персоной и своими конкурентками в реальной жизни и Инстаграме… Да, я знаю, что кажусь предвзятой. Поправочка: да, я предвзята. Они много тратили, активно ходили по всевозможным гулянкам, друзья описывают их как тусовщиц. У них было два основных отличия. Во-первых, Бертина в основном сама себя обеспечивала, а Сюсанна жила у родителей и за их счет. Во-вторых, Бертина часто меняла партнеров, а Сюсанна, похоже, была более умеренной в этом отношении.

— Потому что жила у родителей?

— Не только поэтому. У нее была репутация недотроги — немногочисленные отношения, и все очень недолгие. Кроме, возможно, Маркуса Рёда.

— Папик?

— У нас есть переписка этих девушек и реестр их телефонных звонков. По ним видно, что в течение последних трех лет между Рёдом и каждой из них поддерживалось довольно тесное общение.

— Сообщения сексуального характера?

— Не настолько, как можно было бы ожидать. Несколько пикантных фото от девушек, но ничего непристойного. В основном переписка велась о

приглашениях на вечеринки и о вещах, которые они хотят. Рёд регулярно переводил обеим деньги через «Vipps»[30]. Небольшие суммы, например пару тысяч; максимум десять тысяч за раз. Тем не менее достаточные, чтобы иметь основания для термина «папик». В одном из последних сообщений Бертина написала Рёду, что с ней связался журналист, который ищет подтверждения какого-то слуха; связался и попросил дать интервью за десять тысяч крон. В конце сообщения было что-то вроде: «Конечно, я сказала «нет», хотя десять тысяч — это как раз столько, сколько я должна за дорожки».

— А-а. Дорожки. Кокаин или амфетамины.

— И сообщение, которое можно истолковать как шантаж.

— Думаешь, ответ на «почему» кроется в этом?

— Я знаю, звучит так, словно мы хватаемся за соломинку. Но мы перевернули каждый камень — и не нашли в окружении этих девушек никого с очевидным мотивом. Теперь у нас их только двое. Первый — Маркус Рёд: возможно, хотел избавиться от двух девушек, угрожавших ему скандалом. Вторая — его жена Хелена Рёд: под

---

[30] Notes: 30

Vipps — норвежский телефонный платежный сервис.

влиянием ревности. Проблема в том, что эти двое обеспечивают друг другу алиби на ночи, когда исчезали эти девушки.

— Я так и понял. А что по самому очевидному мотиву?

— По какому?

— Ты о нем уже говорила. Психопат или маньяк приходит на вечеринку, общается с обеими, берет у них номера телефонов.

— Я ведь сказала — никто из тех, кого мы нашли, не подходит под это описание. И вполне возможно, что расследование по этой вечеринке — тупик. Осло — небольшой город, и не так уж невероятно, что две девушки одного возраста оказались на одной тусовке.

— Две девушки, у которых один папик. Уже менее вероятно.

— Может быть. По словам людей, которых мы опросили, у него были не только Сюсанна и Бертина.

— Мм. Вы это проверили?

— Что именно?

— У кого еще, кроме жены Рёда, был мотив избавиться от конкуренток.

Катрина устало улыбнулась.

— Ты и твое «почему». Я скучала по тебе. Кри-

минальный отдел по тебе скучал.

— Вот в этом я сомневаюсь.

— Да, есть еще пара девушек, с которыми у Рёда были нерегулярные контакты, но по результатам расследования мы их исключили. Видишь? Все имена, которые мы находили, были исключены. Остается только все прочее население мира. — Она положила подбородок на основания ладоней; кончиками пальцев начала массировать виски. — Так или иначе, теперь на нас давят СМИ. На нас давят шеф полиции и главный суперинтендант. Даже Бельман связался с нами и велел делать все возможное. Поэтому, Харри, мое мнение — ты можешь попробовать. Только запомни: этого разговора никогда не было. Само собой разумеется, что мы не можем сотрудничать даже неофициально и что я не могу дать тебе никакой информации кроме той, что сообщаю широкой публике. То есть той, которой уже с тобой поделилась.

— Понял.

— Уверена, ты понял и то, что в полиции не все благосклонно воспримут конкуренцию со стороны частного лица. Особенно когда конкурирующее расследование оплачено потенциальным подозреваемым. Можешь себе представить,

в какую лужу сядут и главный суперинтендант, и Крипос, если ты раскроешь дело раньше нас. Насколько мне известно, могут быть законные основания, позволяющие тебя остановить, и если так — думаю, ими непременно воспользуются.

— Полагаю, Юхан Крон исследовал этот вопрос.

— Ах да, совсем забыла — он же в команде Рёда.

— Можешь что-нибудь рассказать о месте преступления?

— Две пары следов на подходе к месту. Один след оставлен при отходе. Думаю, он за собой подчищал.

— Вскрытие Сюсанны Андерсен провели?

— Только предварительное исследование. Сделали вчера.

— Что-нибудь нашли?

— Перерезанное горло.

Харри кивнул.

— Изнасилование?

— Никаких видимых признаков.

— Еще что-нибудь?

— О чем ты?

— У тебя такой вид, будто ты знаешь что-то еще.

Катрина молчала.

— Понимаю, — проговорил Харри, — информация, которую ты не должна разглашать.

— Харри, я и так слишком много тебе рассказала.

— Понял тебя. Однако ты, я так понимаю, не прочь воспользоваться нашей информацией?

Она пожала плечами.

— Полиция обязана принять у гражданина сообщение с любой информацией. Но награда не предусматривается.

— Понятно.

Харри проверил время. Три с половиной часа до полуночи.

Будто по безмолвному соглашению, они закрыли эту тему. Харри спросил о Герте. Катрина рассказывала, но Харри не оставляло ощущение, что она что-то скрывает. И наконец разговор угас. Было десять часов. Катрина вышла вместе с Харри — спустилась в сад за домом, чтобы выбросить в бак пакеты с мусором. Когда он открыл ворота и вышел на улицу, она шагнула за ним и крепко обняла. Как и в ту ночь, он почувствовал ее тепло. Но он знал: тот раз был единственным. Когда-то между ними было притяжение, телесная химия, они оба признавали это, но понимали, что глупо

ради плотской тяги разрушить любовь, которая была у каждого из них. Теперь та любовь безвозвратно покинула их жизни — но и взаимная тяга исчезла, и не было возврата к этому сладкому запретному возбуждению.

Катрина вздрогнула и отпустила Харри. Он видел, что она вглядывается в улицу.

— Что-то не так?

— Фух. Нет, все в порядке.

Она скрестила руки на груди. Казалось, ее бьет дрожь, хотя вечер был теплым.

— Послушай, Харри…

— Да?

— Если хочешь… — Она замолчала, перевела дыхание. — Можешь как-нибудь посидеть с Гертом.

Харри посмотрел на нее. Медленно кивнул.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответила она и поспешно закрыла за собой ворота.

Харри выбрал долгий путь домой. Через Бислетт и Софиесгате, где он когда-то жил. Мимо «Шрёдера» с его коричневыми стенами[31] — когда-то

[31] Notes: 31

Коричневые бары — часть субкультуры Норвегии. В интерьере преобладает коричневый цвет, в них царит особая атмосфера, традиционно звучит музыка одного жанра, и приходят постоянные посетители.

«Шрёдер» служил ему убежищем. До вершины холма Сант-Хансхауген, откуда открывался вид на город и Ослофьорд. Ничего не изменилось. Изменилось все. Пути назад не было. И не было пути, который не вел бы назад.

Харри думал о разговоре с Рёдом и Кроном: он попросил не сообщать в СМИ об их сделке, прежде чем он поговорит с Катриной Братт. Объяснил им, что шансы на сотрудничество вырастут, если Братт будет думать, что могла наложить вето на решение Харри работать на Рёда. Харри изложил предполагаемый ход разговора с Катриной и уточнил, что она наверняка увидит веские аргументы в пользу его участия в деле, прежде чем даст согласие. Они кивнули. Он подписал.

Харри услышал, как вдалеке отбивает время церковный колокол. Почувствовал во рту вкус лжи. Он уже знал, что это не в последний раз.

* * *

Прим проверил время — близилась полночь. Он чистил зубы, притопывая в такт песне «Oh! You Pretty Things» и глядя на две фотографии, которые приклеил скотчем к зеркалу.

На одной была Та Женщина; ее красоту не испортило даже то, что она оказалась не в фокусе,

и все же снимок был лишь бледным подобием Единственной. Ее красоту нельзя было ухватить в моменте, заставить замереть. То, что́ она излучала, было в движениях тела, в совокупности того, как одно выражение лица, слово, положение сменяло другое. А снимок был похож на одну-единственную ноту, вырванную из произведения Баха или Боуи и лишенную таким образом смысла. Однако это было лучше, чем ничего. То, что ты любишь женщину, какой бы сильной ни была любовь, не означает, что ты ею владеешь. Поэтому он дал себе зарок перестать следить за Ней, прекратить изучать ее личную жизнь, наблюдать за Ней, как за своей собственностью. Он должен научиться доверять Ей. Без доверия будет слишком много боли.

На второй фотографии была женщина, которую он трахнет до выходных. Если быть более точным — женщина, которая трахнет его. А затем он ее убьет. Не потому, что хочет, а потому, что должен.

Он прополоскал рот и пропел вместе с Боуи, что все кошмары явились сегодня, и, кажется, собираются здесь задержаться.

Потом он прошел в гостиную и открыл холо-

дильник. Увидел пакет с тиабендазолом[32].

Он знал, что сегодня выпил еще слишком мало, но если за один прием выпить больше необходимого, начнутся боли в животе и рвота. Возможно, потому, что препарат ингибирует действие лимонной кислоты. Вся хитрость была в том, чтобы регулярно принимать небольшие дозы. Он решил выпить попозже, оправдавшись перед собой, что только что почистил зубы.

Вместо этого он достал открытую банку с надписью «Мотыль» и подошел к аквариуму. Зачерпнул из банки с половину чайной ложки и высыпал в воду. Корм — в основном личинки комаров — покрыл поверхность воды, словно перхоть, прежде чем начал погружаться.

Босс выплыл стремительно, одним-двумя движениями хвостового плавника. Прим включил фонарик и наклонился. Теперь когда Босс открывал рот, Прим светил прямо туда, внутрь. И видел *это*. Оно походило на маленького таракана или креветку. Он содрогнулся — но чувствовал при этом восторг. Босс и Лиза. Наверное, именно так многие мужчины — а быть может, и женщины

---

[32] Notes: 32

Противогрибковое и антигельминтное средство. Используется в борьбе с плесенью овощей и фруктов, в качестве консерванта, а также для лечения инвазий кишечника острицами и другими глистами.

— чувствовали себя, когда сталкивались с неизбежным браком. Какая-то… амбивалентность. Двойственные ощущения. Но он знал: стоит найти свою единственную, свою суженую — и пути назад не будет. Потому что люди и животные имеют определенный моральный долг: они должны следовать своему естеству, назначенной им роли и тем самым поддерживать гармонию, хрупкое равновесие. Вот почему все в природе, даже то, что на первый взгляд кажется абсурдным, безобразным, жестоким, на самом деле прекрасно в своей совершенной функциональности. Грех вошел в мир в тот день, когда люди, вкусив от древа познания, достигли уровня осмысленности, позволившего им отказаться от того, что задумано природой. Да, так оно и было.

Прим выключил музыку и погасил свет.

ГЛАВА 9
Понедельник

Харри шел к дверям большого здания в Монтебелло, фешенебельном районе в западной части Осло. Было девять утра, весело светило солнце. Но у Харри в горле стоял ком. Раньше он часто бывал здесь — в онкологической клинике.

Более века назад, когда стало известно о планах строительства этой узкопрофильной больницы, местные жители выступили с протестом. Они боялись, что зловещая, таинственная болезнь — а некоторые считали, что она заразна, — окажется слишком близко к ним и что их недвижимость упадет в цене. И в то же время другие люди поддерживали строительство и делали пожертвования — в пересчете на современные деньги вышло бы более тридцати миллионов крон — на покупку четырех граммов радия, необходимых, чтобы радиоактивным излучением уничтожать раковые клетки до того, как они расправятся со своими «хозяевами». Харри вошел внутрь и остановился перед лифтом. Он не ждал лифт, не собирался ехать на нем — он пытался вспом-

нить.

Ему было пятнадцать лет, когда он с младшей сестрой Сес навещал мать в «Радиуме» — так назвали больницу вскоре после открытия. Мама пролежала в ней четыре месяца, и каждый раз, навещая ее, дети видели, что она становится все худее и бледнее; ее лицо день ото дня все больше сливалось с наволочкой, словно фотопортрет, выцветающий на солнце. В тот день, который он вспоминал сейчас, у него случился такой приступ гнева, что он разрыдался.

— Что случилось, то случилось, Харри, и заботиться сейчас обо мне — не твоя обязанность, — сказала мать, обнимая его и гладя по волосам. — Тебе надо присматривать за младшей сестрой, теперь это должен делать ты.

Выйдя от матери, Харри и Сес стали спускаться в лифте. Сестренка встала слишком близко к дверям, и когда лифт поехал, ее длинные волосы зажало ими. Харри застыл как вкопанный, и Сес, зовущую на помощь, подняли с пола другие. У нее был вырван большой клок волос с куском кожи. Но она быстро поправилась и забыла об этом. А Харри еще долго испытывал ужас и стыд при каждом воспоминании о том, как сразу же после предсмертной просьбы матери растерялся и не

выполнил ее наказ.

Двери лифта раздвинулись, и мимо Харри две медсестры вкатили внутрь каталку.

Он стоял неподвижно, пока дверцы не закрылись.

А потом повернулся и пошел на шестой этаж по лестнице.

Сильно пахло больницей. Как и в то время, когда здесь лежала его мать. Он нашел дверь под номером 618 и осторожно постучал. Услышав голос, открыл дверь в палату, где стояли две кровати. Одна была пуста.

— Я ищу Столе Эуне, — выговорил Харри.

— Он вышел немного прогуляться, — откликнулся мужчина на второй койке — то ли пакистанец, то ли индиец; он был лыс и на вид того же возраста, что Эуне, — где-то за шестьдесят. Однако Харри знал по опыту, что определить возраст онкобольного по виду не так просто.

Харри обернулся и увидел, что к нему нетвердой походкой идет Столе Эуне в больничном халате. И понял, что минуту назад прошел по коридору мимо него, словно мимо бестелесной тени. Кожа некогда пузатого психолога обвисла.

Эуне махнул рукой и страдальчески улыбнулся, не размыкая губ.

— Сидел на диете? — спросил Харри, когда они крепко обнялись.

— Ты не поверишь, но съежилась даже голова. — Столе продемонстрировал это, водрузив обратно на нос съезжающие очки — маленькие, круглые, как у Фрейда. — А это Джибран Сетхи. Доктор Сетхи, это инспектор Холе.

Сосед Эуне улыбнулся, кивнул и надел наушники.

— Он ветеринар. — Эуне понизил голос. — Славный парень, но знаешь, байка, что мы становимся похожи на своих пациентов, скорее всего чистая правда. Он почти все время молчит, ни слова, ни полслова, а мне трудно держать рот на замке. — Эуне снял тапочки и опустился на кровать.

— Не знал, что под внешним слоем у тебя такое атлетическое тело, — заявил Харри, усаживаясь на стул.

Эуне усмехнулся.

— В искусстве лести тебе никогда не было равных, Харри. Вообще-то одно время я и правда был неплохим гребцом. А ты как? Ради бога, тебе нужно побольше есть, иначе совсем исчезнешь.

Харри промолчал.

— А, понятно, — догадался Эуне. — Ты думаешь, кто из нас исчезнет первым. Я, Харри. Эта болячка

прикончит меня.

Харри кивнул.

— Что говорят врачи…

— …о том, сколько мне осталось? Ничего. Потому что я не спрашиваю. Ценность умения смотреть в глаза правде о собственной смертности, по моему опыту, сильно преувеличена. А опыт у меня, сам знаешь, большой и разносторонний. В конце концов, единственное, чего люди хотят — это чувствовать себя комфортно, и желательно как можно дольше, до самого конца. Желательно внезапного конца. Разумеется, отчасти меня огорчает осознание, что в этом отношении я ничем не отличаюсь от других, что я не способен умереть с мужеством и достоинством, которыми хотел бы обладать. Но полагаю, у меня нет веской причины умирать, пытаясь проявить большую смелость, чем та, которая есть. Жена и дочь плачут, и их не утешит, если они увидят, что мой страх смерти больше необходимого, так что я избегаю мрачной реальности и уклоняюсь от правды.

— М-м…

— Ну хорошо, я не могу не считывать, что на уме у врачей, по тому, что они говорят, и по выражению их лиц. Насколько могу судить — у меня осталось не так много времени. Но… — Эуне

развел руками. В его печальных глазах светилась улыбка. — Всегда есть надежда, что я ошибаюсь. В конце концов, всю свою профессиональную жизнь я чаще ошибался, чем оказывался прав.

Улыбнулся и Харри:

— Может быть.

— Может быть. Но нетрудно понять, откуда ветер дует, когда тебе дают дозу морфия для самостоятельного введения — и не делают никаких предупреждений о передозировке.

— Ага… Значит, у тебя боли?

— Боль — интересный собеседник. Но хватит обо мне. Расскажи мне о Лос-Анджелесе.

Харри встряхнул головой и подумал, что, наверное, сказывается смена часовых поясов, потому что его тело вдруг начало сотрясаться от смеха.

— Прекрати, — велел Эуне. — Смерть — это не повод для веселья. Давай рассказывай.

— Э-э… Как насчет соблюдения тайны?

— Харри, любой секрет, произнесенный здесь, будет унесен в могилу, и часики тикают. Второй раз прошу — рассказывай!

Харри рассказал. Не всё. Не о том, что на самом деле произошло перед его отъездом, когда Бьёрн застрелился. Не о Люсиль и его собственных часах, ведущих отсчет. Но рассказал все остальное.

О бегстве от воспоминаний. О плане напиться до смерти где-нибудь вдали отсюда.

Закончив рассказ, он увидел, что глаза Столе остекленели. Во многих и многих расследованиях убийств, когда Столе Эуне помогал детективам криминального отдела, выносливость психолога и его способность концентрироваться на информации в течение долгих дней всегда впечатляли Харри. А теперь в глазах Столе он прочел усталость, боль — и морфий.

— А Ракель? — спросил Эуне слабым голосом. — Ты часто о ней думаешь?

— Все время.

— Прошлое не умирает. Никогда. Оно даже толком не проходит.

— Это цитата из Пола Маккартни?

— Почти, — улыбнулся Эуне. — Ты думаешь о ней… в хорошем смысле думаешь, или эти мысли причиняют боль?

— Полагаю, причиняют боль в хорошем смысле этого слова. Или наоборот. Примерно как… выпивка. Хуже всего, когда ночью она снится, и когда я просыпаюсь, мне на секунду кажется, что она на самом деле жива, что это ее смерть была сном, от которого я наконец проснулся… и потом я, черт побери, прохожу через все это заново.

— Помнишь, когда ты пришел ко мне поговорить о пьянстве, я спросил, мечтал ли ты, когда был трезв, чтобы спиртного вообще не существовало на свете. И ты сказал, что хотел бы, чтобы оно существовало. Что даже если ты хочешь не пить, ты все равно хотел бы, чтобы был выбор. Был бы вариант, в котором есть возможность выпить. Что без этого все было бы серым и бессмысленным, как борьба без противника. Так?

— Да, — согласился Харри. — Так и с Ракелью. Думаю, лучше получить эту рану, чем не встретить ее никогда в жизни.

Они сидели и молчали. Харри опустил взгляд на руки. Оглядел комнату. Услышал, что сосед Эуне негромко говорит по телефону. Столе перевернулся на бок.

— Я немного устал, Харри. Бывают дни получше, но этот не из их числа. Спасибо, что пришел.

— Насколько получше?

— Что ты имеешь в виду?

— Достаточно хорошие, чтобы ты мог работать? Имею в виду — работать прямо здесь.

Эуне удивленно посмотрел на него.

Харри придвинул стул поближе к кровати.

* * *

В конференц-зале на шестом этаже полицейского управления утреннее заседание следственной группы подходило к концу. Перед Катриной сидели шестнадцать человек: одиннадцать из криминального отдела и пять из Крипоса. Из этих шестнадцати десять были детективами, четверо — аналитиками, двое — экспертами-криминалистами. Катрина Братт рассказывала о результатах осмотра места преступления и судебно-медицинского исследования. Сопровождала доклад снимками и того, и другого. Наблюдала, как зрители уставились на яркий экран, беспокойно ерзая на жестких стульях.

Группа, работавшая на месте преступления, нашла не так уж много, и это они расценили как отдельный важный факт.

— Похоже, он знает, что мы его ищем, — предположил один из экспертов. — Либо он прибрал за собой, либо ему просто очень повезло.

Единственными конкретными следами, которыми они располагали, были именно следы — то есть отпечатки обуви на мягком грунте. Одни соответствовали обуви, которую носила Сюсанна. Другие оставил человек более плотного сложения

и с 42-м размером ноги, вероятно — мужчина. Следы указывали, что оба человека шли близко друг к другу.

— Похоже, он *заставил* Сюсанну пойти с ним в лес? — спросил Магнус Скарре, один из ветеранов криминального отдела.

— Да, возможно, — подтвердил эксперт-криминалист.

— В минувшие выходные Институт судебно-медицинской экспертизы провел предварительное исследование тела, — сообщила Катрина. — Есть и хорошие новости, и плохие. Хорошая новость: они обнаружили на груди Сюсанны остатки слюны или слизи. Плохая новость: мы не можем быть уверены, что слюну или слизь оставил убийца, учитывая, что когда обнаружили тело, на верхней его части была одежда. Так что если этот след остался от его нападения, то он, очевидно, одел девушку снова. Это необычный ход. Как бы то ни было, Стурдза оказала нам любезность и провела экспресс-анализ ДНК проб, найденных на трупе. И еще одна плохая, хуже первой, новость: в нашей базе данных ДНК выявленных преступников не найдено совпадений с этой пробой. Так что даже если слюна или слизь принадлежат убийце, мы говорим…

— О поиске иголки в стогу сена, — заключил Скарре.

Никто не засмеялся. Никто не застонал. Стояла тишина. Позади были три недели блужданий во тьме незнания, три недели работы по ночам, угроз отмены осенних каникул[33], три недели споров. И вот они обнаружили тело — и это погасило одну надежду и зажгло другую. Надежду, что найдутся зацепки. Надежду на раскрытие дела. Теперь это совершенно официально стало расследованием убийства. Сейчас понедельник — а значит, новая неделя, новые возможности. Но лица перед Катриной были опустошенными, осунувшимися и усталыми.

Она предполагала, что так будет. И потому оставила напоследок слайд, который совершенно точно должен был их разбудить.

— Вот что обнаружили при завершении судебно-медицинского исследования, — сказала она, выводя на экран следующую фотографию. Когда она сама увидела это фото, получив его в субботу от Александры, первой ассоциацией Катрины

---

[33] Notes: 33

Осенние каникулы в Норвегии составляют одну неделю и приходятся на конец сентября — начало октября. У них даже есть собственное название — «картофельные»: еще не так давно всех школьников и прочих горожан отпускали, чтобы те поехали в деревню и помогли в сборе картофеля. Эти каникулы — святая традиция.

было чудовище из фильма о Франкенштейне.

Все в комнате молча уставились на голову, покрытую грубыми стежками. Да, это впечатляло. Катрина прочистила горло:

— Стурдза пишет, что, похоже, Сюсанне Андерсен незадолго до смерти был нанесен порез кожи головы чуть выше линии роста волос по всей окружности черепа. После этого рана была зашита. Мы не знаем, могло ли это произойти до ее исчезновения, но Сон Мин вчера разговаривал с родителями Сюсанны.

— А также со знакомым, который встречался с ней в ночь перед тем, как она пропала, — добавил Сон Мин. — Никто из них ничего не знал о швах.

— Следовательно, мы можем предположить, что это дело рук убийцы. Сегодня патологоанатом проведет полное клиническое вскрытие. Надеюсь, мы узнаем больше. — Катрина посмотрела на часы. — Кто-нибудь хочет что-то добавить, прежде чем мы приступим к сегодняшним задачам?

Заговорила женщина-детектив.

— Теперь, когда мы знаем, что одна из пропавших девушек была вынуждена сойти в лес с проложенной тропинки, не следует ли нам активизировать поиски Бертины вокруг пешеходных

дорожек в лесах Грефсенколлена?

— Да, — подтвердила Катрина. — Это уже делается. Что-нибудь еще?

Те, кого она видела перед собой, напоминали школьников, которые сыты учебой по горло и с нетерпением ждут перемены. В прошлом году кто-то предложил им нанять бывшего чемпиона мира по лыжным гонкам, который выступал с так называемыми вдохновляющими речами. Обычно он произносил эти речи для бизнесменов и говорил о том, как справиться с выгоранием, с которым рано или поздно сталкивается каждый участник гонки на 50 километров. За свои услуги этот национальный герой назначил плату, которую могла потянуть только очень успешная компания. Катрина тогда заявила, что с тем же успехом они могли бы пригласить для такой речи мать-одиночку, работающую полный рабочий день и что это было худшее на ее памяти предложение по использованию бюджета департамента.

Теперь она уже не была в этом так уверена.

ГЛАВА 10
Понедельник
Лошади

Молоденький таксист в замешательстве посмотрел на листки бумаги, которые протягивал ему пассажир.

— Это называется деньги, — пояснил Харри.

Таксист взял купюры и внимательно рассмотрел цифры на них.

— У меня нет… этой… ну…

— Сдачи, — вздохнул Харри. — Ничего страшного.

Харри пошел ко входу на ипподром «Бьерке», на ходу засовывая квитанцию в задний карман. Двадцать минут езды от «Радиума» стоили, как билет на самолет до Малаги. Ему нужна была машина, желательно с водителем, и срочно. Но в первую очередь ему нужен был полицейский. Продажный.

Он нашел Трульса Бернтсена в «Пегасе». Большой ресторан был рассчитан на тысячу посетителей, но сейчас были заполнены только те столики, с которых открывался вид на иппо-

дромную дорожку, где проходили еженедельные дневные бега. Впрочем, столики были заполнены не совсем: за одним из них сидел посетитель, к которому никто не подсаживался, словно от него воняло. Однако, если присмотреться, становилось понятно: дело не в запахе, а во взгляде одинокого посетителя и в его осанке.

Харри выдвинул один из пустых стульев и посмотрел на ипподромную дорожку. Лошади с наездниками в качалках бежали стремительной рысью, громкоговорители непрерывно бубнили.

— Ты быстро, — отметил Трульс.

— Я на такси, — объяснил Харри.

— Значит, у тебя много денег. Мы могли бы все обсудить по телефону.

— Нет. — Харри сел. Когда он звонил Трульсу, разговор уложился ровно в девять слов. «Да? — Это Харри Холе. Ты где? — Ипподром Бьеркe. — Еду».

— Это правда, Харри? *Ты* начал проворачивать темные делишки? — Трульс издал хрюкающий смешок — из-за этого звука, а еще из-за слабого подбородка, выпуклых надбровных дуг и пассивно-агрессивного поведения к нему пристало прозвище Бивис. Еще Трульс, как и персонаж, от которого он получил прозвище, отличался

нигилизмом и почти восхитительным отсутствием социальной ответственности и моральных установок.

Естественно, в вопросе был подтекст: мол Харри *тоже* занялся темными делишками.

— Возможно, у меня есть для тебя предложение.

— От которого я не смогу отказаться? — Трульс бросил недовольный взгляд на дорожку, слушая, как диктор перечисляет, кто за кем финишировал.

— Да, если твоя ставка не сыграет. Я слышал, ты без работы и у тебя карточные долги.

— Карточные долги? Кто сказал?

— Неважно. В любом случае — ты безработный.

— Ну прямо уж и безработный. Я ни хрена не делаю, а зарплату получаю. Так что они могут сколько угодно искать какие-то там улики, мне на это наплевать.

— Хм. Я слышал, это как-то связано с изъятием кокаина в аэропорту Гардермуэн?

Трульс фыркнул.

— Эту партию изымали я и еще двое из отдела по борьбе с наркотиками. Странный зеленый кокаин. Таможенники говорили, он зеленый,

потому что очень чистый — тоже мне ходячие химические анализаторы. Мы отвезли его в лабораторию, и там обнаружилось, что вес изъятого немного отличается от указанного в бумагах, которые составила администрация Гардермуэна. Из-за этого вещество отправили на анализ. А анализ показал, что этот зеленый кокаин — он остался таким же зеленым — не такой уж и чистый. И тогда они подумали, что мы подмешали в кокаин что-то подходящее по цвету, но немного напортачили с весом. Ну, то есть вообще-то подумали на меня, потому что несколько минут я был возле наркотика один.

— То есть тебе грозит не только увольнение, но и тюрьма?

— Ты дурак, что ли? — Трульс хмыкнул. — У них нет никаких доказательств. Только слова пары идиотов с таможни, которые думают, что у зеленого вещества был вид и вкус чистого кокаина. Разница в весе, о которой все теперь знают, — всего один-два миллиграмма, и она могла возникнуть по самым разным причинам. Стало быть, поболтают об этом какое-то время, а потом закроют дело.

— Угу. Значит, ты исключаешь, что они найдут другого виновного?

Трульс немного откинул голову назад и посмотрел на Харри, словно прицеливаясь.

— Мне нужно уладить кое-что насчет лошадок, Харри, так что, если хочешь поговорить о чем-то, говори скорей.

— Маркус Рёд нанял меня для расследования дела двух девушек. Я хочу, чтобы ты был в моей команде.

— Твою мать! — Трульс удивленно уставился на Харри.

— Что скажешь?

— Почему ты выбрал меня?

— А ты как думаешь — почему?

— Понятия не имею. Я плохой полицейский, и ты это знаешь лучше других.

— Однако мы спасли друг другу жизни по крайней мере один раз. Старая китайская поговорка говорит, что теперь мы несем ответственность друг за друга до конца наших дней.

— Правда? — Голос Трульса звучал неуверенно.

— К тому же, — добавил Харри, — если тебя только отстранили — значит, у тебя еще остался полный доступ к BL 96?

Харри заметил, как вздрогнул Трульс, услышав название самодельной устаревшей системы, в

которой составляли отчеты о расследованиях еще с 1996 года.

— И что?

— Мы должны иметь доступ ко всем отчетам. Тактическим, техническим, судебно-медицинским.

— Верно. Так это…

— Ага. Темные делишки.

— За такое копа могут выгнать из полиции.

— Если поймают на этом — непременно. И именно поэтому за такие дела хорошо платят.

— Да? Насколько хорошо?

— Назови сумму, я передам ее дальше.

Трульс долго и задумчиво смотрел на Харри. На столе лежал заполненный бланк со ставкой. Трульс опустил на него взгляд. И скомкал бумажку в руке.

* * *

Было время обеда. Бар и столики в «Даниэль» постепенно заполнялись. Хотя ресторан располагался в нескольких сотнях метров от центра города и многочисленных офисных комплексов, Хелену никогда не переставало удивлять, что так много посетителей приходит на обед в ресторан, расположенный в жилом районе. Сидя с ноутбу-

ком за маленьким круглым столиком, она обвела взглядом обширное помещение. Не нашла никого, кто представлял бы интерес. Посмотрела на экран ноутбука. Она нашла сайт со снаряжением для верховой езды. Амуниция для лошадей и экипировка всадников поражали разнообразием, количеством и ценой.

Большинство людей, занимавшихся лошадьми, были состоятельными, и верховая езда позволяла выставить напоказ свое богатство и статус. Но планка «произвести впечатление» в этой сфере устанавливалась настолько высоко, что большинство проигрывало, еще не вступив в игру. Это был серьезный минус. Действительно ли она хотела заниматься импортом снаряжения для верховой езды? Может, лучше попробовать свои силы в организации конных туров в Валдрес, Вассфарет, Вого и другие живописные дыры на букву «В»? Хелена захлопнула ноутбук, глубоко вздохнула и снова огляделась.

Да, они были там, сидели рядком вдоль стойки бара, которая тянулась вдоль всей длинной стены. Молодые мужчины в костюмах, которые в настоящее время были в моде среди агентов по продаже недвижимости. Молодые женщины в юбках и жакетах — или в чем-то таком, что прида-

ло бы им «профессиональный» вид. У некоторых женщин действительно была работа, но Хелена могла выделить тех — слишком хорошеньких и в слишком коротких юбках, — кто больше интересовался перспективой не работать вообще, а найти мужчину при деньгах.

Она не знала, зачем по-прежнему приходит сюда. Десять лет назад о понедельничных обедах в «Даниэль» ходили легенды. Было что-то восхитительно декадентское и безответственное в том, чтобы напиваться и танцевать на столах не просто среди бела дня, а в середине первого дня рабочей недели. Это было еще и показателем статуса: излишество, которое могут себе позволить только богатые и привилегированные. Теперь здесь было куда тише. Теперь бывшее пожарное депо стало баром и рестораном с мишленовской звездой. Здесь подавали изысканные блюда, и элита с запада Осло ела, пила, вела деловые беседы, обсуждала семейные дела, строила отношения и вступала в альянсы, проводящие надежную черту между теми, кто получал доступ в группу «своих», и теми, кто оставался за ее пределами.

Хелена познакомилась с Маркусом именно здесь во время понедельничного обеда. Ей было

двадцать три года, ему больше пятидесяти, и он был неприлично богат. Настолько богат, что когда он подходил к бару, все расступались. Казалось, все знали, чем хороша семья Рёд. И чем плоха.

Конечно, Хелена, была не так невинна, как притворялась, о чем Маркус, пожалуй, мог бы догадаться после первых двух раз, когда она осталась на ночь на его вилле в Шиллебекке, аристократическом квартале на западе Осло. Мог понять по ее саундтреку для занятий любовью, который словно был взят напрямую с порнхаба, и по тому, что от ее телефона всю ночь доносились звуки входящих сообщений, и по тому, что она выкладывала такие ровные дорожки кокаина, что он никогда не знал, какую выбрать. Но казалось, он не возражал. Как он утверждал, возбуждала его не невинность. Она не знала, правда ли это, но не придавала этому особого значения. Ей было важно, что он мог помочь с образом жизни, при котором она воплотила бы свою мечту. Мечта состояла не в том, чтобы стать трофейной женой[34] — красивым аксессуаром, живой витриной семейного благосостояния и тратить время на содержание и благоустройство заго-

[34] Notes: 34

Трофейная жена — жена, которая рассматривается как символ статуса мужа.

родного дома, социальных сетей и собственного тела и лица. Пусть такими вещами занимаются девочки-паразитки, что ищут в «Даниэль» подходящего хозяина, думала Хелена. А у нее были мозги и разносторонние интересы. Ее увлекали культура и искусство, особенно театр и изобразительное искусство, например архитектура — Хелена давно хотела изучать ее. Но самой большой ее мечтой было управлять лучшей школой верховой езды в стране. Не несбыточное желание глупой девчонки, а отличный рабочий план, составленный юной, способной и трудолюбивой девушкой, которая, поработав во многих конюшнях, поднялась по карьерной лестнице и стала инструктором школы верховой езды. Она презирала слова «помешанный на лошадях» и четко осознавала, какие нужно предпринять усилия для достижения своей цели, сколько вложить денег и какой потребуется опыт.

И тем не менее все пошло насмарку. Это не было виной Маркуса. Впрочем, нельзя отрицать, что он прекратил выплачивать деньги как раз тогда, когда в ее школе верховой езды заболели сразу несколько лошадей, и это вместе с неожиданной конкуренцией и непредвиденными расходами поставило перед ней барьер, который она не

смогла взять в одиночку. Школу пришлось закрыть. Настало время найти что-то новое.

Не только в бизнесе. Они с Маркусом тоже долго не продержатся.

Говорят, что когда пара начинает заниматься сексом реже одного раза в неделю, конец отношений — только вопрос времени. Чепуха, конечно. С тех пор, как секс у них с Маркусом стал случаться реже раза в полгода, прошло уже несколько лет. Не то чтобы ее беспокоил редкий секс. Беспокоили возможные последствия. Она вложила все силы в жизнь с Маркусом и в школу верховой езды, ради этого она пренебрегла планами «Б» и «В». Она не пошла учиться ни в одно из учебных заведений, которое могла бы выбрать со своими школьными оценками. Не накопила денег, стала в каком-то смысле зависимой от мужа. Нет, не в «каком-то смысле» — она попросту зависела от его денег. Может, они были нужны ей не для того, чтобы выжить, но… да, именно чтобы выжить. В прямом смысле.

Когда она потеряла над ним власть? Или, если выразиться точнее, когда он потерял к ней сексуальный интерес? Конечно, это могло быть связано со снижением выработки тестостерона у мужчины за шестьдесят, но ей казалось, что

отправной точкой послужило ее желание завести детей. Она знала, что для мужчины вряд ли найдется что-то более отталкивающее, чем секс по обязанности. Но когда он прямым текстом объяснил, что о детях не может быть и речи, воздержание просто продолжилось. Это не стало для нее большой проблемой, ведь он и раньше не отличался ненасытностью, да и ее влечение к нему ослабело. Итак, она не возражала. Хотя и подозревала, что он начал искать удовлетворения своих потребностей в других местах. Пока он был сдержан и не выставлял ее на посмешище, все было в порядке.

Нет, проблема была в двух девушках с той вечеринки. Одну нашли мертвой, вторая числилась пропавшей. И обе могли быть связаны с Маркусом. Папик. Это слово даже появилось в СМИ. Идиот! Оторвать бы ему голову! Хелена была не Хиллари Клинтон и на дворе стояли не девяностые, так что она не могла «простить» своего мужа. Ведь в наши дни женщинам возбраняется оставлять безнаказанными свинские выходки мужчин, это затрагивает уважение к себе, своему полу и духу времени. Ей дико повезло, что она не принадлежит к предыдущему поколению.

Но даже если бы она могла «простить» Маркуса

— как отнесся бы к этому он сам? Разве он не ждал повода? Если бы он от нее ушел, это не слишком бы запятнало, но и не украсило бы его репутацию — ведь с образом мужчины, который в возрасте за шестьдесят ходит налево, связаны как отрицательные ассоциации, так и положительные. Для людей вроде Маркуса Рёда ярлыки мужлана, ублюдка и бабника не представляли большой опасности. Так не следует ли ей поторопиться и уйти самой, опередив его? Это выглядело бы его поражением.

И тогда Хелена начала искать. Сначала неосознанно, потом поймала себя на том, что делает это. Рассматривает мужчин. Оценивает, кто мог бы представлять интерес в ее гипотетическом будущем. Люди думают, что хорошо скрывают свои секреты, но правда в том, что все так или иначе выдают свои чувства и мысли, и те, кто умеет быть внимательным к таким проявлениям, может понять о других все.

Наверное, ей не стоило удивляться, когда официант поставил на стол перед ней бокал с коктейлем.

— Грязный мартини,[35] — сказал он по-шведски с норрландским акцентом. — Вон от того мужчины… — Он указал на посетителя, одиноко сидевшего у стойки бара.

Посетитель смотрел в окно, и Хелена видела его профиль. Его костюм был, пожалуй, чуточку лучше, чем у прочих. Мужчина был несомненно красив. Но молодой — примерно ее ровесник, а ей тридцать два. Хотя, разумеется, предприимчивый человек многого может добиться к такому возрасту. Она не знала, почему он не смотрит в ее сторону. Может, стесняется, а может, с момента, когда он заказал напиток, прошло много времени, и он считал, что не следует все это время пялиться на нее. Было бы очаровательно, если бы причина оказалась именно такой.

— Это ты ему сказал, что по понедельникам за обедом я обычно пью мартини? — спросила она.

Официант покачал головой, но что-то в его улыбке подсказало ей, что он не совсем искренен.

Она кивнула официанту, дав понять, что принимает угощение, и он отошел от столика. Что ж,

---

[35] Notes: 35

Грязный мартини — коктейль на основе водки, сухого вермута и жидкости от консервированных оливок или маслин. Классифицируется как аперитив. Является вариацией коктейля «сухой мартини».

вероятно, ей предстоит период, когда придется не раз принимать от поклонников такие жесты, так почему бы не начать с того, кто показался привлекательным?

Она пригубила напиток и заметила, что у него непривычный вкус. Наверное, из-за двух оливок на дне бокала, которые и делали мартини «грязным». А может, ей просто пора было вырабатывать другой, более грязный вкус ко всему.

Молодой человек у стойки скользнул взглядом по залу, будто не знал, где она сидит. Хелена подняла руку, встретившись с ним глазами. Подняла бокал в тосте. В ответ он поднял свой стакан с обычной водой. Не улыбнулся. Да, он наверняка человек застенчивый. Но тут он поднялся и, прежде чем подойти к ней, огляделся, как бы желая убедиться, что поблизости никого нет.

Конечно же, он подошел. Если Хелена этого хотела, рано или поздно так поступали все мужчины. Но когда он приблизился, она поняла, что не хочет. Пока нет. Она никогда не изменяла Маркусу, даже не флиртовала с другими и не собиралась этого делать, пока все не уладится. Она была честной и прямой. И еще однолюбкой. Даже если Маркус не собирался блюсти верность. Потому что дело было не в том, *что* он думал о

ней, а в том, *что* она думала о себе.

Мужчина остановился у ее столика и начал выдвигать свободный стул.

— Пожалуйста, не садись. — Хелена улыбнулась ему, глядя снизу вверх. — Я просто хотела поблагодарить тебя за коктейль.

— За коктейль? — Он тоже улыбнулся, но казался смущенным.

— Вот этот. Его прислал ты, верно?

Он засмеялся и покачал головой:

— А мы можем притвориться, что это был я? Меня зовут Филип.

Она рассмеялась в ответ и тоже покачала головой. Бедняга, он уже выглядел немного влюбленным.

— Хорошего дня, Филип.

Он галантно поклонился и вышел. В день, когда с Маркусом будет покончено, пусть он снова окажется здесь. И, пожалуйста, без спрятанного до поры обручального кольца.

Хелена жестом подозвала официанта. Тот встал у столика, склонив голову и виновато улыбаясь.

— Ты меня обманул. Кто на самом деле прислал напиток?

— Извините, фру Рёд. Я думаю, над вами подшутил кто-то из ваших знакомых. — Он указал на

пустой столик у стены немного позади нее. — Он только что ушел. Я принес ему два мартини, а потом он подозвал меня и попросил отнести один вам и сказать, что он якобы вон от того парня. То есть от того симпатяги у стойки. Надеюсь, я не слишком далеко зашел?

— Все в порядке, — она покачала головой. — Надеюсь, он дал тебе хорошие чаевые.

— Конечно, фру Рёд. Конечно, — официант ухмыльнулся. Между его зубами налип снюс — черный жевательный табак.

Прежде чем допить мартини, Хелена вытащила оливки, но вкус не изменился.

На пути к улице Гильденлёве на нее вдруг накатил приступ гнева и возмущения. Это безумие, абсолютное безумие! Почему она, умная взрослая женщина, должна смириться с тем, что ее существованием руководят мужчины, причем мужчины, которых она не любит и не уважает? Чего она вообще боится? Остаться одной? Она и так одна, черт возьми; каждый человек одинок! А что до причин бояться — вообще-то у Маркуса их больше. Если бы она сказала правду, если бы сообщила о том, что знала… Она содрогнулась от этой мысли так же, как президенты — хотелось бы верить — содрогаются от мысли о нажатии

на кнопку, но при этом, разумеется, приходят в восторг от осознания, что *могут* это сделать. В силе было что-то невероятно сексуальное! Большинство женщин добиваются этого ощущения косвенно, охотясь за мужчинами, обладающими властью. Но зачем делать это, когда у тебя есть собственная ядерная кнопка?

И почему эта мысль никогда не приходила ей в голову раньше?

Да потому, что лодка налетела на скалы и дала течь. Хелена Рёд тут же решила, что отныне будет сама распоряжаться своей жизнью и что в этой жизни будет очень мало места для мужчин. А поскольку, поставив себе цель, Хелена Рёд всегда ее достигала, она твердо знала: так все и будет. Оставалось только составить план. Потом, когда все это останется позади, она сама угостит выпивкой мужчину, который ей понравится.

ГЛАВА 11
Понедельник
Обнаженный

Харри вышел на площадь у Центрального вокзала Осло и увидел Эйстейна Эйкеланна. Тот стоял у статуи тигра и переминался на каменных плитах с ноги на ногу. Эйстейн носил куртку в цветах футбольного клуба «Волеренга», но в остальном выглядел вылитым Китом Ричардсом. Волосы, морщины, шарф, подводка для глаз, сигарета, изможденная фигура.

Харри обнял друга детства не слишком крепко, а так же осторожно, как обнимал сегодня Эуне. Словно боялся, что сломает еще одного из близких ему людей.

— Ух ты, — оценил Эйстейн его вид. — Хороший костюм. Что ты там делал? Работал сутенером? Продавал кокаин?

— Нет, но ты, вижу, как раз этим и занимаешься, — заметил Харри, оглядываясь по сторонам. Люди на площади были в основном пассажирами пригородных поездов, туристами или офисными работниками, но мало где в Осло продажа нарко-

тиков шла так открыто, как здесь. — Признаться, удивлен.

— Удивлен? — переспросил Эйстейн, поправляя солнечные очки — они немного съехали после объятий. — А я нет. Надо было начать много лет назад. Больше денег, чем в такси. Полезнее для здоровья.

— Полезнее?

— Я ближе к источнику. Сейчас в этот организм, — он провел руками вдоль тела, — поступают только высококачественные вещества.

— Мм… И, конечно, в умеренных дозах?

— Конечно. А ты как?

Харри пожал плечами.

— Сейчас пользуюсь твоим методом «Управление умеренностью». Не уверен, что это надолго, но посмотрим.

Эйстейн постучал пальцем по виску.

— Да, да, — сказал Харри, глядя на молодого человека в теплой парке, который стоял чуть поодаль и пристально всматривался в него самого. Даже с такого расстояния Харри различал его голубые глаза, открытые так широко, что были полностью видны радужки и белки вокруг. Руки он держал глубоко в карманах, как будто что-то прятал.

— Что это за парень? — спросил Харри.

— О, это Эл. Он понял, что ты полицейский.

— Дилер?

— Да. Хороший парень, но странный. Немного похож на тебя.

— Меня?

— Выглядит получше, конечно. И он умнее.

— Правда?

— О, ты по-своему сообразителен, Харри, но этот парень очень умный, просто ботан. Начинаешь говорить о чем-то, а он знает об этом все, как будто долго изучал именно эту тему, понимаешь. Вас объединяет еще то, из-за чего вы нравитесь женщинам. Вся эта харизматичная фишка с одиночеством. И он тоже заложник своих привычек, совсем как ты.

Тем временем Эл отвернулся, будто хотел скрыть от них лицо.

— Стоит здесь с девяти до четырех, по выходным не работает, — продолжал Эйстейн. — График, как в обычном офисе. Симпатичный, как я уже сказал, но осторожный, почти параноик. Охотно говорит о работе, но ничего не скажет о себе, как и ты. Этот парень даже имени своего не называет.

— Значит, Эл — это…

— Я дал ему имя по песне Пола Саймона «Ты

можешь называть меня Эл», сечешь?

Харри ухмыльнулся.

— «Ты кажешься чуть нервным и весь такой из себя», — процитировал Эйстейн. — Ты в порядке?

Харри пожал плечами.

— Возможно, я тоже стал немного параноиком.

— Эй, — раздался чей-то голос, — товар есть?

Харри обернулся и увидел мальчика в худи.

— Я что, по-твоему — дилер? — прошипел Эйстейн. — Вали домой уроки делать!

— А ты не дилер? — спросил Харри, наблюдая, как мальчик направляется к парню, одетому в парку.

— Дилер, но не для детишек же. Это я оставляю Элу и западноафриканцам с улицы Торггата[36]. Кроме того, я — как первоклассная проститутка, работаю в основном по вызову. — Эйстейн ухмыльнулся, показав гнилые зубы, и помахал новеньким блестящим мобильником «Samsung». — Доставка до двери.

— Так значит, у тебя есть машина?

— Конечно. Выкупил у владельца таксомоторной компании старый «мерс», на котором раньше

---

[36] Notes: 36

Торггата — оживленная улица в центре Осло. Примечательна множеством баров и ресторанов.

работал. Он говорил — клиенты жалуются на запах дыма, а он никак не может от него. избавиться. Считал, что это моя вина, хе-хе. И я забыл снять с крыши знак такси, так что могу ездить по выделенной полосе для автобусов. Кстати о дыме — у тебя есть сигареты?

— Я бросил. По-моему, у тебя всегда и в любых обстоятельствах есть свои.

— Твои всегда были вкуснее, Харри.

— Что ж. Теперь с этим покончено.

— Да, понимаю. Калифорния меняет людей.

— Далеко у тебя машина?

* * *

Сидя на изношенных передних сиденьях «мерседеса», они смотрели на раскинувшийся у моря район Бьёрвика. Это были красивые новые городские кварталы — и Ослобукта, и Сёренга. Недавно построенный здесь тринадцатиэтажный музей Мунка, загораживавший вид на море, казался пациентом психушки в серой смирительной рубашке.

— Господи, какое уродство, — вздохнул Эйнстейн.

— Так что ты скажешь? — напомнил ему Харри.

— Стать водителем и вообще мальчиком на побегушках?

— Да. И если окажется, что это важно для дела, мне понадобится свой человек, чтобы проследить кокаиновые связи Маркуса Рёда.

— Ты уверен, что он использует «волшебный порошок»?

— Чихает. Зрачки расширены. На столе солнцезащитные очки. Глаза непрерывно мечутся туда-сюда.

— Нистагм[37]. Но ты говоришь — проследить связи Рёда… Разве он не твой клиент?

— Моя работа — раскрытие убийства; возможно, двух. Не защита интересов этого человека.

— И ты думаешь, это из-за кокаина? Если бы ты сказал «героин», я бы не спрашивал…

— Я ничего не думаю, Эйстейн, но речь о зависимости, а она всегда на что-то влияет. И предполагаю, что по крайней мере одна из девушек тоже слишком увлекалась «дорожками». Она задолжала своему дилеру десять тысяч крон. Ну что, ты в деле?

Эйстейн изучал огонек своей сигареты.

---

[37] Notes: 37

Нистагм — неконтролируемые ритмичные подергивания глазных яблок. Частота подергиваний может достигать нескольких сотен раз в минуту.

— А почему на са́мом деле ты берешься за эту работу, Харри?

— Я же сказал тебе — деньги.

— Знаешь, именно так ответил Боб Дилан, когда его спросили, почему он начал карьеру с народной музыки и песен протеста.

— И ты думаешь, он соврал?

— Я думаю, это был редкий случай, когда Дилан сказал правду, а вот ты точно врешь. Если я собираюсь участвовать в этом безумии — я хочу знать, почему в него ввязался ты. Давай выкладывай!

Харри покачал головой.

— Хватит, Эйстейн, я не буду тебе рассказывать всю подоплеку — ради твоего благополучия и моего тоже. Тебе придется просто довериться мне.

— Когда в последний раз это заканчивалось чем-то хорошим?

— Не помню. Никогда?

Эйстейн рассмеялся. Вставил в плеер компакт-диск и прибавил громкость.

— Слышал последнюю вещицу группы «Talking Heads»?

— Альбом «Обнаженный» 1987-го года?

— 1988-го.

Эйстейн закурил и дал прикурить Харри. Из динамиков звучала песня «Blind». Дэвид Бирн пел

о невидимых следах и следах, которые исчезли, а друзья курили, не открывая окон, и дым клубился внутри машины, как морской туман.

— У тебя когда-нибудь было такое чувство — вот точно понимаешь, что собираешься сделать глупость, и все равно делаешь? — спросил Эйстейн, затянувшись в последний раз.

Харри затушил окурок в пепельнице.

— На днях я видел, как мышь сама подошла прямо к кошке и кошка ее убила. Как думаешь, что все это значило?

— Да кто его знает. Отсутствие инстинкта самосохранения?

— Или какая-то странная тяга. Нас тянет — по крайней мере, некоторых из нас — к краю пропасти. Говорят, близость смерти дарит самое яркое ощущение полноты жизни. Ну, блин, не знаю.

— Хорошо сказано, — ответил Эйстейн.

Они смотрели на музей Мунка.

— Согласен, — произнес Харри. — Полное уродство.

— Ладно, — сказал Эйстейн.

— Что ладно?

— Берусь за эту работу. — Эйстейн затушил сигарету об окурок Харри. — Это наверняка веселее, чем продавать дурь. Чертовски скучное занятие,

на самом деле.

— Рёд хорошо платит.

— Отлично, я согласен.

Харри улыбнулся и достал вибрирующий телефон. Увидел букву «Т» на дисплее.

— Да, Трульс.

— Я проверил отчет Института судебно-медицинской экспертизы. Тот, которым ты интересовался. У Сюсанны Андерсен на голове были швы. И на одной груди нашли слюну или слизь. Провели экспресс-анализ ДНК, но в базе данных зарегистрированных преступников совпадений не нашли.

— Хорошо. Спасибо.

Харри нажал «отбой». Вот о чем Катрина не хотела — или думала, что не может — сказать ему. Слюна. Слизь.

— Ну, куда едем, босс? — спросил Эйстейн, поворачивая ключ в замке зажигания.

ГЛАВА 12
Понедельник
Вращающееся кресло Вегнера[38]

— Это что, шутка? — спросила патологоанатом из-под маски.

Александра недоверчиво уставилась на открытый череп трупа, лежащего на столе перед ними. В порядок полного вскрытия входил разрез по окружности черепа, снятие верхней его части и осмотр головного мозга. На столе с инструментами лежало все необходимое: ручная и электрическая пилы для костей и Т-образный ключ для снятия верхней части черепной коробки. Но с Сюсанной Андерсен, вопреки установленному порядку, не пригодился ни один этот инструмент. Потому что после того, как они сняли швы и отделили и отложили на другой стол скальп с длинными светлыми волосами, стало ясно, что кто-то их опередил. Череп уже был распилен. Патологоанатом его верхнюю часть будто

---

[38] Notes: 38

Вращающееся кресло Вегнера — модель вращающегося кресла на колесиках, разработанная Хансом Вегнером, одним из самых изобретательных и плодовитых дизайнеров мебели в стиле модерн.

крышку. И вот она спрашивает, шутка ли это…

— Нет, — прошептала Александра.

* * *

— Ты меня разыгрываешь, — произнесла Катрина в телефонную трубку, глядя из окна кабинета на Ботспаркен — парк рядом с полицейским управлением — и на липовую аллею, ведущую к живописной старой тюрьме Ботсфенгселет. Люди не лежали на траве в одном нижнем белье, а сидели на скамейках, подставив лица ясному осеннему солнцу. Все знали, что сегодня, возможно, последний по-летнему теплый день в году.

Она вслушалась и поняла, что Александра Стурдза говорит всерьез. Впрочем, на самом деле она и не думала, что это шутка. Разве не этого она ожидала, когда в субботу впервые услышала от Александры о швах? Она тогда заподозрила, что они имеют дело не с обычным убийцей в здравом уме, а с сумасшедшим, которого невозможно найти, ответив на излюбленный вопрос Харри — «*почему*». Ведь в этом случае не было никакого «*почему*» — по крайней мере такого, какое мог бы придумать нормальный человек.

— Спасибо, — сказала Катрина, положила трубку, поднялась с места и пошла через весь отдел

в кабинет без окон, в котором когда-то работал Харри. Он отказался сменить кабинет на более просторный и светлый, когда получил повышение — должность инспектора. Возможно, потому Сон Мин и решил, что на время расследования этого дела его рабочее место будет именно здесь. А может, просто счел, что это помещение лучше других незанятых комнат, которые она ему показала.

Дверь была открыта, и, прежде чем войти, Катрина постучалась. Пиджак висел на вешалке — Катрина предположила, что ее принес в кабинет Сон Мин. Его рубашка была такой белой, что чуть ли не светилась в сумраке кабинета. Катрина поймала себя на том, что оглядывается в поисках предметов, которые были в этой комнатке, когда здесь работал Харри. Например, фотографии Общества мертвых полицейских[39] с портретами всех коллег, которых Харри потерял на службе. Но ничего прежнего не осталось. Даже вешалка и та новая.

— Плохие новости, — объявила она.

— Вот как?

— Предварительные результаты вскрытия

[39] Notes: 39

Общество мертвых полицейских впервые упоминается в романе Ю Несбё «Полиция». Аллюзия на фильм «Общество мертвых поэтов».

придут через час, но Стурдза предупредила меня заранее. Сюсанне Андерсен не хватает мозгов.

— В буквальном смысле?

— Судебно-медицинское исследование с другими смыслами не работает, так что да — в буквальном. Кто-то вскрыл череп Сюсанны и…

— И…

— Удалил ее головной мозг.

Сон Мин откинулся на спинку офисного кресла — и Катрина узнала этот протяжный жалобный скрип. Скрипучее кресло. Эта изношенная развалина. Значит, что-то все-таки осталось.

* * *

Юхан Крон пронаблюдал, как Маркус Рёд чихнул, вытер нос очередным светло-голубым носовым платком, положил платок обратно во внутренний карман и откинулся на спинку вращающегося кресла Вегнера за столом. Крон знал, что это было кресло разработки Вегнера, потому что сам хотел такое же. Но средняя его цена составляла около тринадцати тысяч крон, и Юхан сомневался, что сможет оправдать такие траты перед партнерами, женой или клиентами. Кресло было простым. Элегантным, но ни в коей мере не позерским, и потому нетипичным для Маркуса

Рёда. Крон предположил, что кто-то — возможно, Хелена — шепнул ему, что предыдущее офисное кресло — модель «Grand Executive»[40] фирмы «Vitra», с высокой спинкой, обтянутое черной кожей, — было слишком вульгарным. Но сейчас, как предполагал Юхан, двум другим посетителям этого кабинета было не до кресел. Харри Холе взял стул от стола для совещаний и сел перед столом Рёда, а второй посетитель — весьма сомнительного вида, похожий на капитана Крюка — устроился у двери. Харри представил его как водителя и главного ассистента своей команды, так что, по крайней мере, этот человек знал свое место.

— Скажи мне, Холе, — Рёд шмыгнул носом, — это шутка?

— Нет, — возразил Харри. Он сел, заложил руки за голову, вытянул длинные ноги и поворачивал их так и эдак, рассматривая свои ботинки под разными углами, словно раньше их не замечал. Крон отметил, что ботинки от Джона Лобба, но ему трудно было представить, что кто-либо вроде Холе может себе такое позволить.

— Серьезно, Холе, ты считаешь, что наша

---

[40] Notes: 40
Большой начальник (англ.)

команда должна состоять из пациента онкологического госпиталя, полицейского под следствием по делу о коррупции и еще водителя такси?

— Я сказал, что он *бывший* водитель такси. Сейчас он занимается розничной торговлей. И это не наша команда, Рёд, а моя.

Лицо Рёда потемнело.

— Проблема в том, Холе, что это не команда, это… балаган какой-то. Меня примут за клоуна, если я по дурости объявлю, что эта … что вот это лучшее, что я смог найти.

— Ты не будешь об этом объявлять.

— Но ради бога, парень, это же половина дела, разве мы непонятно это объяснили? — Его голос гулко разнесся по просторной комнате. — Я хочу, чтобы общественность увидела: для раскрытия дела я нанял лучших людей. Только тогда все поймут, что я серьезно настроен. Речь идет о моей собственной репутации и репутации моей фирмы.

— Вчера ты говорил, что подозрения вредят твоей семье. — В отличие от Рёда Харри понизил голос. — Мы не можем разглашать состав команды, потому что после этого полицейский немедленно будет уволен, а следовательно, потеряет доступ к полицейским отчетам. А именно с

этой целью он взят в команду.

Рёд посмотрел на Крона.

Адвокат пожал плечами:

— Самое важное имя в пресс-релизе — Харри Холе, известный специалист по расследованию убийств. Мы можем написать, что он собирает собственную команду. Этого должно быть достаточно. Пока глава команды хорош, люди будут считать, что хороша и вся команда.

— Еще кое-что, — добавил Харри. — Эуне и Эйкеланн получают ту же почасовую ставку, что Крон. А Бернтсен получает вдвойне.

— Ты с ума сошел, парень? — Рёд воздел руки. — Твой бонус — это одно. Это нормально, ведь ты не требуешь плату, а рискуешь всем ради успеха, это смело. Но платить вдвое больше, чем за услуги адвоката… ничтожному мошеннику? Можешь объяснить мне, чем, черт возьми, он это заслужил?

— Я точно не знаю, заслужил ли, — ответил Харри. — Но он того стоит. Разве это не основание для деловых людей вроде тебя?

— Он того стоит?

— Позволь мне повторить еще раз, — Харри подавил зевок. — Трульс Бернтсен имеет доступ к BL96, то есть ко всем полицейским отчетам

по этому делу, в том числе отчетам отдела криминалистической экспертизы и Института судебно-медицинской экспертизы. В настоящее время в одной только следственной группе насчитывается примерно от двенадцати до двадцати человек. Пароль Бернтсена и его зрачок стоят дорого, раз дают доступ к результатам их совместной работы. Кроме того, он сильно рискует. Если выяснится, что он передает секретную информацию постороннему лицу, его не просто уволят — ему грозит тюремный срок.

Рёд закрыл глаза и покачал головой. Когда он снова открыл глаза, он улыбался.

— Знаешь что, Харри? Мы могли бы использовать проныру вроде тебя в переговорах по новому контракту, который сейчас пытается получить «Barbell Eiendom».

— Хорошо, — ответил Харри. — Есть еще одно условие.

— Вот как?

— Я хочу допросить тебя.

Рёд снова обменялся взглядами с Кроном.

— Прекрасно.

— Под детектором лжи, — уточнил Харри.

ГЛАВА 13
Понедельник
Группа Эуне

Мона До сидела за рабочим столом и читала в блоге Хедины пост о социальном давлении и стандартах красоты. Написано было живенько, будто напрямую с устной речи, какой пользуются в обычном повседневном приятельском трепе за столиком кафе, — не подбирая умные слова, не следя за тем, чтобы речь не была бедной или неуклюжей. «Мудрые» мысли и советы из поста были настолько банальными и предсказуемыми, что Мона не могла определиться, зевать ей или раздражаться.

С помощью избитых формулировок, взятых из похожих блогов, Хедина негодующе описывала разочарование от жизни в мире, где внешность считается чем-то первостепенным, и сетовала, что от этого женщины теряют уверенность в себе. Парадоксально, что это публиковалось в блоге, полном фотографий стройной искусственно полногрудой красавицы Хедины, выполненных в стиле софт-порно. Тему губительных стандартов

красоты Хедина поднимала в блоге снова и снова, и, в конце концов, побеждая в каждом сражении, измученный разум проигрывал войну с глупостью. Кстати о глупости — Мона До потратила полчаса жизни на блог Хедины, так как Юлия, редактор, поручила Моне *прокомментировать комментарии к комментариям* Хедины. Ведь часть сотрудников издания была на больничных, а в деле Сюсанны наступило затишье. Юлия без тени иронии велела Моне подсчитать, каких комментариев — положительных или отрицательных — больше. От этого зависел заголовок статьи, возносящий хвалу или разбивающий в пух и прах. К статье планировалось дать фотографию Хедины, сексуальную, но не слишком, — для кликбейта.

Мона была расстроена.

Хедина писала, что все женщины красивы, надо, чтобы каждая увидела свою собственную уникальную красоту и поверила в нее. Тогда можно перестать сравнивать себя с другими, больше не чувствовать, что проигрываешь в битве за красоту, перестать провоцировать депрессию и расстройства пищевого поведения, прекратить разрушать свою жизнь. Мона же хотела написать об очевидном: если все красивы, то никто не кра-

сив, потому что красота — это то, что выделяется на фоне некрасоты. Когда она росла, красивыми в первоначальном значении слова считались несколько кинозвезд и, пожалуй, одна ее одноклассница. Мону и ее друзей не очень беспокоило то, что они — большинство из них — были либо обычными, либо некрасивыми. Существовали более важные вещи, которым надо было уделять внимание, и обычная внешность никому не портила жизнь. Неудачников породили именно люди вроде Хедины, которые считали бесспорной истиной, что все женщины хотят и должны хотеть быть красивыми. Если семьдесят процентов женщин с помощью хирургических ухищрений, диеты, макияжа и физических упражнений добились внешности, не досягаемой для остальных тридцати процентов, именно это меньшинство, обычные женщины, которые раньше жили себе да жили, осознает себя меньшинством и получает некоторый повод для депрессии.

Мона вздохнула. Стала бы она так думать и чувствовать, если бы родилась с внешностью Хедины, даже если не учитывать, что Хедина тоже родилась не такой, какой была на фотографиях? Может быть, и нет. Она не знала. Она знала только, что больше всего на свете ненавидит

необходимость посвящать колонку безмозглой блогерше с полумиллионом подписчиков.

На экране появилось уведомление о свежей новости.

И Мона До поняла, что еще больше она ненавидит, когда Терри Воге опережает ее и оставляет глотать пыль.

— «Мозг Сюсанны Андерсен удален», — прочитала Юлия с веб-сайта «Дагбладет», прежде чем перевести взгляд на Мону, стоявшую перед ее столом. — И у нас ничего об этом нет?

— Нет, — ответила Мона. — Ни у нас, ни у кого-либо другого.

— Не знаю, как остальные, но мы — «ВГ», Мона. Мы крупнейшие и мы лучшие.

Мона подумала, что Юлия могла бы произнести вслух то, о чем подумали обе. Мы *были* лучшими.

— Должно быть, информацию слил кто-то из полиции, — выговорила Мона.

— В таком случае очевидно, что просочилась она только к Воге, и это называется «источник», Мона. А находить источники — это наша работа, не так ли?

Мона никогда не слышала, чтобы Юлия разговаривала с ней в такой иронично-снисходительной

манере. Словно Мона была младшеклассницей, а не одним из самых известных и уважаемых журналистов газеты. Но Мона понимала, что будь она на месте редактора, журналистка тоже не отделалась бы легким испугом. Скорее наоборот.

— Источники — это важно, — согласилась Мона.

— Но такие сведения можно получить от полицейского, только если у тебя есть информация взамен. Или если ты готов хорошо заплатить. Или…

— Или что?

— Или если держишь кого-то из полицейского управления за яйца.

— Ты думаешь, здесь тот самый случай?

— Понятия не имею.

Юлия откатилась в кресле назад и выглянула в окно на стройплощадку перед правительственными зданиями.

— Но, может быть, и у тебя найдется кто-то в полицейском управлении, на кого ты… имеешь влияние?

— Если намекаешь на Андерса, Юлия, забудь об этом.

— Криминального журналиста с бойфрендом из полиции в любом случае заподозрят в полу-

чении инсайдерской информации. Так почему бы не…

— Я сказала — забудь об этом! Положение не настолько отчаянное, Юлия.

Юлия склонила голову набок.

— Так ли это, Мона? Спроси у руководства. — Она указала на потолок. — Это самая громкая история, которая появилась в нашей газете за последние месяцы. И это в год, когда закрылось больше газет, чем когда бы то ни было. Хотя бы подумай об этом.

— Честно говоря, Юлия, мне это не нужно. Лучше я буду отсюда и до Луны писать об этой призовой телке Хедине, чем, как ты предлагаешь, насру в собственном гнезде, собственными руками испорчу себе жизнь.

Юлия коротко улыбнулась ей и задумчиво приложила указательный палец к нижней губе.

— Конечно. Ты права. Я совсем пала духом, раз предложила такое. Это недопустимо. Есть границы, которые нельзя пересекать.

Вернувшись на свое место, Мона наскоро просмотрела сайты других газет и убедилась, что им остается ровно то же, что и ей: сославшись на «Дагбладет», написать о пропавшем мозге и дождаться пресс-конференции — немного позже

в этот же день.

Она отправила статью из двухсот слов онлайн-редактору — тот незамедлительно опубликовал материал — и теперь сидела и думала над словами Юлии. Об источнике информации. О власти над человеком, вовлеченным в расследование. Однажды она разговаривала с журналистом из районной газеты — он назвал столичные газеты скудоумными за то, что они просматривают газеты регионов, берут, что понравится, и подают как собственные материалы, для соблюдения правил игры давая в последней строке максимально незаметную ссылку на местную газету. Позже Мона гуглила информацию о поморнике и узнала из Википедии, что эта птица относится к так называемым клептопаразитам, то есть гоняется за раздобывшими еду птицами помельче, пока те не выпустят добычу, и подбирает ее.

Можно ли сделать что-то подобное с Терри Воге? Она могла бы собрать больше информации о попытке изнасилования Джини. Это займет, скажем, рабочий день. Тогда она могла бы подойти к Воге и сказать, что опубликует эту информацию в своей газете, если он не поделится источником по делу Сюсанны. Заставить его отпустить свою добычу… Она подумала еще. Ей ведь тогда

придется связываться с этим подонком. И — если он согласится на ее требования — воздержаться от публикации материала о попытке изнасилования, даже если у нее будут неопровержимые доказательства.

Мона До вздрогнула, словно очнувшись. Как она могла даже допустить такие мысли? Она, только что осуждавшая неэтичность несчастной блогерши, молодой девушки, которой посчастливилось наткнуться на золотую жилу, дающую ей внимание, деньги и славу. Разве ей самой не понравилось бы обладать этим?

Да. Но не благодаря обману.

Мона решила, что сегодня накажет себя тремя дополнительными упражнениями на бицепсы после становой тяги.

* * *

На Осло опустилась вечерняя темнота. С шестого этажа онкологической клиники Харри видел автостраду. Там, внизу, светлячками ползли машины — вверх по склону, к самой высокой точке магистрали в четырех с половиной километрах отсюда, к больнице Риксхоспита́ле и Институту судебно-медицинской экспертизы.

— Извини, Мона, — сказал он, — у меня нет

комментариев, а все необходимое сказано в пресс-релизе. Нет, ты не можешь узнать имена других членов команды, мы предпочитаем работать, не привлекая внимания. Нет. Я не могу об этом судить, тебе придется спросить полицию, что́ они думают по этому поводу. Я тебя слышу, Мона, но, повторяю, мне больше нечего добавить, и я завершаю разговор, хорошо? Передавай Андерсу привет.

Харри положил недавно купленный телефон во внутренний карман пиджака и сел.

— Извините, напрасно я попросил вернуть мне старый норвежский номер. — Он сложил ладони вместе. — Так, все присутствующие представлены друг другу и в общих чертах ознакомлены с информацией о деле. Прежде чем мы продолжим — я предлагаю назвать эту команду «Группа Эуне».

— Нет, группа не должна носить мое имя, — запротестовал Столе Эуне, приподнимаясь на кровати.

— Прошу прощения за неточную формулировку, — терпеливо продолжил Харри, — *я решил*, что команда будет называться группой Эуне.

— Почему? — спросил Эйнстейн. Он сидел с другой стороны кровати лицом к Харри и Трульсу

Бернстену.

— Потому что отныне это наш офис, — объяснил Харри. — Полиция называется полицией, потому что находится в полицейском управлении, верно?

Никто не засмеялся. Харри взглянул на другую кровать, чтобы убедиться, что ветеринар пока не вернулся, и раздал три экземпляра распечаток, сделанных в бизнес-центре отеля «The Thief». Листочки распечаток были скреплены между собой.

— Это краткое изложение наиболее важных на текущий момент отчетов по делу. В том числе результаты сегодняшнего вскрытия. Каждый из вас несет ответственность за то, чтобы эти бумаги не попали в чужие руки. Иначе у этого парня, — он кивнул на Трульса, — будут неприятности.

Трульс издал хриплый смешок, не отразившийся ни во взгляде, ни на лице.

— Сегодня не будет организованной работы, — заявил Харри. — Я хочу просто услышать, что вы думаете об этом деле. Что это за убийство? И если у вас нет никаких мыслей — это я тоже хочу знать.

— Черт возьми, — ухмыльнулся Эйстейн. — Вот, значит, во что я ввязался? В мозговой штурм?

— Во всяком случае, начнем с него, — ответил Харри. — Столе?

Психолог положил поверх одеяла худые руки.

— Что ж. Придется импровизировать.

— А? — Эйстейн многозначительно посмотрел на Харри.

— Если импровизировать, — продолжил Эуне, — то моя первая мысль такова: когда убивают женщину, мы можем с довольно высокой степенью вероятности сказать, что это связано с человеком из ближнего круга — мужем или бойфрендом и что мотивом является ревность или другая форма унизительного отказа. В нашем случае весьма вероятно, что речь идет о двух убитых женщинах, и скорее всего у преступника нет тесной связи ни с одной из них, и мотив наверняка сексуального характера. Небольшая особенность этого дела — что незадолго до исчезновения обе жертвы оказались в одном и том же месте. Но, если посмотреть с точки зрения теории, что любого жителя планеты отделяет от другого не более шести рукопожатий — это выглядит не так уж и необычно. Кроме того, мы знаем, что у убитой были удалены мозг и глаз. Следовательно, убийца может быть из тех, кто собирает трофеи. Итак, исходя из наших скудных данных, я думаю,

что мы ищем — извините за банальность — сексуально озабоченного убийцу-психопата.

— Ты уверен, что это не случай парня с молотком? — поинтересовался Эйстейн.

— Прошу прощения? — Эуне поправил очки, словно пытаясь увидеть человека с плохими зубами поближе.

— Знаешь, когда у тебя есть молоток — все проблемы кажутся гвоздями. Ты психолог, вот и думаешь, что разгадка любой тайны сводится к психическим заморочкам.

— Может, и так, — согласился Эуне. — Если разум слеп — глаза бесполезны. А ты что думаешь об убийстве, Эйкеланн?

Харри видел, как Эйстейн думает: он всегда буквально пережевывал мысли, выступающие на худом лице челюсти так и ходили ходуном. Наконец Эйстейн прочистил горло, словно собирался плюнуть в Эуне, и ухмыльнулся:

— Пожалуй, придется признать, что придерживаюсь того же мнения, что и ты, доктор. А так как у меня психологического молотка нет, я считаю, что к моим мыслям точно стоит прислушаться.

Эуне улыбнулся ему.

— Договорились.

— Трульс? — спросил Харри.

Как он и ожидал, Трульс Бернтсен молча пожал плечами — за все время встречи полицейский пробурчал не более трех фраз.

Харри решил не ставить его в неловкое положение и заговорил сам:

— Я думаю, что связь между жертвами — это сам убийца. Изъятие частей тела, возможно, выполняется для того, чтобы заставить полицию поверить в дело с классическим серийным убийцей и охотником за трофеями, чтобы увести их от поисков подозреваемых с более рациональными мотивами. Раньше я уже сталкивался с подобным отвлекающим маневром. И где-то читал, что по статистике каждый человек встречает серийных убийц просто на улице семь раз за всю жизнь. Лично я считаю, что это число преувеличено.

Харри не особенно верил в то, что сказал. Он ничему не верил. Он выдвинул бы альтернативную гипотезу в любом случае, независимо от мнения остальных — просто чтобы показать им, что существуют и другие версии. Важно было научиться сохранять непредубежденность, незашоренность и не зацикливаться — сознательно или бессознательно — на одной идее. Сосредоточившись на чем-то одном, расследующий рискует воспринять новую информацию ошибочно, видя в ней

только подтверждение тому, во что он верил заранее, и не рассматривая даже возможности того, что новые факты открывают другое направление. Например, сведения о том, что мужчина, подозреваемый в убийстве женщины, накануне убийства дружески поговорил с жертвой, бывали истолкованы как проявление вожделения к жертве, а не как отсутствие активной агрессии.

Когда они только приехали, Столе Эуне, казалось, чувствовал себя сравнительно неплохо, но теперь Харри видел, что его глаза остекленели. А в восемь его должны были навестить жена и дочь. Ровно через двадцать минут.

— Завтра Трульс и я допросим Маркуса Рёда. То, что мы узнаем — или не узнаем — определит, как мы будем действовать после. А сейчас, джентльмены, отдел закрывается до завтрашнего утра.

ГЛАВА 14
Понедельник
Нюхательный патрон

Было девять тридцать, когда Харри вошел в бар на последнем этаже отеля «The Thief».

Сел к барной стойке. Перед тем как сделать заказ, попытался хорошенько увлажнить рот слюной[41]. До этой минуты его поддерживало в тонусе именно предвкушение выпивки. Он должен был выпить только одну порцию — и знал, что скоро этот план полетит в тартарары.

Он посмотрел на меню коктейлей, которое положил перед ним бармен. Некоторые напитки назывались в честь фильмов. Харри предположил, что в этом баре бывали режиссеры этих фильмов и актеры, снимавшиеся в них.

— У вас есть… — начал он, однако бармен прервал его фразу.

— Sorry, English.

Харри перешел на английский.

— У вас есть «Джим Бим»?

---

[41] Notes: 41
Сильно пьющие люди страдают от сухости ротовой полости.

— Конечно, сэр, но позвольте порекомендовать вам наш специально приготовленный…

— Нет.

Бармен взглянул на него.

— Значит, «Джим Бим».

Харри смотрел на людей в баре и на город за окном. На новый Осло. Не просто богатый, а *неприлично богатый* Осло. Из всего, что было у Харри, этому городу соответствовали разве что костюм и ботинки. А может, не соответствовали и они. Пару лет назад он зашел в этот бар — всего лишь разведать, что это за место — и, перед тем как уйти, увидел за одним из столиков солиста группы «Turboneger»[42]. Он выглядел таким же одиноким, каким сейчас чувствовал себя Харри.

Харри достал телефон. ее номер был под буквой «А». Он набрал сообщение:

Я в городе. Можем встретиться?

Он положил телефон на стойку бара, заметил, как кто-то прошел рядом, и услышал, как кто-то тихо по-американски попросил имбирное пи-

---

[42] Notes: 42

Группа «Turboneger», широко известная под английским названием «Turbonegro», — норвежская рок-группа; их музыка насыщена элементами стилей хэви-метал и панк-рок, сами исполнители говорят, что играют в стиле дэт-метал. Тексты песен зачастую неполиткорректны.

во[43]. Харри взглянул в зеркало позади барной стойки. Бутылки на полке перед зеркалом скрыли лицо мужчины, но Харри различил, что его шею обрамляет что-то ярко-белое. Броский, моментально узнаваемый воротничок священника, который в Соединенных Штатах прозвали собачьим ошейником. Священник забрал напиток и исчез.

Харри наполовину выпил свой виски, когда пришел ответ от Александры Стурдзы:

Да, я читала в газете, что ты вернулся.

Зависит от того, что́ ты подразумеваешь под встречей.

Он написал ответ:

Кофе в Институте. Завтра после 12, например.

* * *

Ждать пришлось долго. Она, вероятно, пони-

[43] Notes: 43

Американский английский в Норвегии иронично называют американским языком. А «имбирное пиво» — это вовсе не пиво прямом смысле, а безалкогольный газированный напиток.

мала, что это не попытка вернуться в тепло ее постели, которое она щедро предложила, когда Ракель выставила его за дверь. Он так и не смог ответить на это взаимностью. Хотя отношения между ними были совершенно бесхитростными, дело было во всем остальном, что оставалось вне постели Александры и с чем он не мог справиться.

«*Зависит от того, что ты подразумеваешь под встречей*». Хуже всего — он не был полностью уверен, что идет на встречу с ней исключительно из-за работы. Скорее потому, что он *одинок*. Он не знал никого, кто нуждался бы в одиночестве так же, как он. Ракель называла это «ограниченные социальные способности». Она была единственным человеком, с которым он мог проводить время просто так, не для того, чтобы получить результат и после этого освободиться.

Конечно, человек может быть один, не будучи одиноким, и быть одиноким, не будучи один, — но сейчас он был одинок. И один.

Может, поэтому он надеялся на простое «да» вместо «зависит от»? У нее появился парень? Почему нет? Ей не хватает как раз этого. Однако парень наверняка нужен ей, чтобы позажигать под настроение.

Он уже заплатил за выпивку и шел в свой номер, когда телефон завибрировал снова.

13:00

* * *

Прим открыл морозилку.

Рядом с большим пакетом для заморозки лежало несколько маленьких зип-пакетиков вроде тех, что используют торговцы наркотиками. В двух были пряди волос, в третьем — фрагменты окровавленной кожи, еще в одном — разрезанная на куски ткань. Настанет день, когда он сможет использовать что-нибудь из этого.

Он достал зип-пакет со мхом и подошел к террариуму, стоявшему на письменном столе. Проверил датчик влажности, снял крышку, открыл застежку пакета и высыпал немного мха на чернозем. Задержал взгляд на существе внутри — ярко-розовом слизне длиной почти двадцать сантиметров. Приму никогда не надоедало его рассматривать. Разумеется, зрелище отнюдь не походило на боевик: если слизняк двигался, то всего по несколько сантиметров в час. У него не было ни мимики, ни какого-то признака драматических эмоций. Единственным способом

самовыражения, а также получения впечатления, были чувствительные рожки слизня, и чтобы уловить их движение, приходилось подолгу вглядываться в них. И именно этот аспект наблюдения за слизнем напоминал Приму о Ней: наградой были малейшее ее движение или жест. И только терпением он мог завоевать ее благосклонность. Заставить ее понять.

Это был розовый слизень с горы Капутар. Прим привез домой двух таких. Розовый слизень обитал только там, только на покрытой лесом территории площадью в десять квадратных километров у подножия горы Капутар в Новом Южном Уэльсе в Австралии. Один-единственный лесной пожар, сказал ему продавец, может в любой момент уничтожить всю популяцию этих слизней. Так что Прим не испытывал ни малейших угрызений совести, нарушая все запреты на экспорт и импорт. В слизнях, как правило, обитало такое множество отвратительных паразитических микроорганизмов, что легальность их транспортировки за границу была сопоставима с легальностью контрабанды радиоактивных материалов. И Прим был совершенно уверен, что это единственные два розовых слизня во всей Норвегии. Сгори Австралия и весь остальной мир — они могли

оказаться спасением для целого вида. Да и для жизни в целом, когда исчезнет человечество. Исчезновение последнего было лишь вопросом времени. Потому что природа сохраняет только то, что служит ей. Боуи был прав, когда пел, что гомо сапиенс утратил свою полезность.

Слизень шевельнул рожками. Он уловил запах своего любимого блюда — тающего замороженного мха, который Прим тоже тайно переправил от подножия горы Капутар. Теперь слизень едва заметно двигался, сверкая гладкой розовой кожей, миллиметр за миллиметром перемещался к своему обеду, оставляя на черноземе склизкий след. Он приближался к своей цели так же медленно и верно, как Прим — к своей.

В Австралии есть улитки-каннибалы, слепые хищники, которые охотятся на слизня горы Капутар, продвигаясь по его следу. Они лишь немногим быстрее, и хоть и медленно, очень медленно, но все же настигают свою добычу. Они съедают прекрасного розового слизня живьем, соскребая его плоть крошечными пластинками зубов и всасывая в себя слой за слоем. Чувствует ли розовый слизень их приближение? Чувствует ли он страх, пока ожидает завершения этой долгой, такой долгой погони? Может ли он найти

какое-то решение, какой-то выход? Приходила ли ему мысль пересечь слизистый след другого такого же слизня в надежде, что преследователи сменят курс? По крайней мере, когда выйдут на него самого, он намерен воспользоваться именно этим планом.

Прим вернулся на кухню и сунул пакет в морозилку. Постоял некоторое время, не отводя взгляда от большого пакета для заморозки. От человеческого мозга внутри. Вздрогнул. Почувствовал тошноту. Мозг пугал его.

Он почистил зубы, забрался в постель, включил полицейское радио и стал слушать сообщения со всех уголков города. Иногда эти спокойные голоса, так коротко и лаконично сообщавшие о происшествиях в столице успокаивали и убаюкивали его. Событий было мало, и они, если и происходили, редко оказывались трагическими, так что спустя какое-то время Прим, послушав о них, засыпал.

Но не этим вечером.

Они закончили на сегодня поиски пропавшей женщины на Грефсенколлене и теперь договаривались по радиосвязи, где и когда будут завтра утром собираться поисковые группы.

Прим открыл ящик тумбочки и достал футляр

с кокаином. А ведь он из золота — по крайней мере, некоторые части, подумал Прим. Пять сантиметров в длину, формой похож на патрон. Нюхательный патрон. Если немного повернуть рифленую деталь, она «заряжалась» соответствующей дозой, которую можно было вдохнуть через отверстие на заостренном кончике. По-настоящему элегантно. Футляр принадлежал женщине, которую разыскивала полиция, он даже был отмечен ее инициалами, «Б.Б.». Чей-то подарок, без сомнения.

Прим провел пальцами по рифленой поверхности, прокатил патрон по щеке. Затем положил его обратно в ящик и некоторое время смотрел в потолок. Стоило о многом подумать. Он начал было мастурбировать, но бросил. И расплакался.

Было два часа ночи, когда он наконец уснул.

ГЛАВА 15
Вторник

Трульс взглянул на часы. Десять минут десятого. Маркус Рёд должен был явиться десять минут назад. Трульс и Харри сдвинули кровать к стене, чтобы разместить посреди номера Харри стол. Оба сели по одну сторону стола и уставились на ожидающий Рёда пустой стул напротив них. Трульс почесал под мышкой.

— Высокомерный придурок, — заявил он.

— М-м-м, — промычал в ответ Харри. — Ты подумай, сколько он платит тебе в час, и вспомни, что счетчик мотает. Ну как — лучше?

Трульс вытянул указательный палец и начал бесцельно постукивать по ноутбуку перед собой. Обдумал услышанное.

— Немного, — проворчал он.

Они дотошно прошлись по процедуре.

Разделение обязанностей было простое. Дело Харри — задавать вопросы, а Трульса — держать рот на замке, сосредоточиться на экране и никак не выдавать, что он на этом экране видит. Трульса это вполне устраивало — в конце концов,

именно этим он и занимался последние три года в полицейском управлении. Пасьянсы, онлайн-покер, фотографии Меган Фокс и старые серии «Щита»[44].

Еще Трульс должен был установить на Рёда датчики с электродами. Два синих и один красный на грудь в области сердца, по одному красному на артерии на каждом запястье. Провода шли к коробу, который подсоединялся к ноутбуку.

— Собираешься использовать тактику «хороший-плохой полицейский»? — спросил Трульс, кивая на рулон бумажных полотенец, который Харри положил на стол. Он намекал на прием с салфетками: доведя допрашиваемого до слез, плохой полицейский гневно уходил, и тут хороший полицейский протягивал салфетки, говорил слова сочувствия, а потом просто ждал, пока подозреваемый все ему выложит. Или ей. Глупые люди, они считают женщин добрее. Но Трульс был не дурак. Теперь уже нет.

— Возможно, — ответил Харри.

Трульс взглянул на него, попытался представить в роли хорошего полицейского, но быстро сдался. Много лет назад, когда полицейские

[44] Notes: 44

«Щит» — американский сериал о коррумпированном полицейском отряде.

Трульс Бернтсен и Микаэль Бельман были напарниками, Бельман всегда играл роль «хорошего полицейского». И достиг в этом небывалых, высот, причем не только в части допросов, ловкий, пронырливый ублюдок. Хорошо, что теперь он министр юстиции. Чертовски трудно в это поверить, если вспомнить, в какое дерьмо они, бывало, вляпывались. С другой стороны, в этом была своего рода неопровержимая логика. Никто, кроме Микаэля Бельмана, не смог бы залезть по локоть в дерьмо, совершенно не испачкав рук.

В дверь постучали.

Они оставили распоряжение на стойке регистрации, чтобы Рёда, как только он прибудет, направили в их номер.

Как и договаривались, дверь открыл Трульс.

Рёд улыбался, но, как показалось Трульсу, нервничал. Кожа и глаза блестели. Трульс впустил его, не представившись и не пожав руки. Любезности были заботой Харри, и тот, сказав Рёду, что они не отнимут много времени, попросил снять пиджак и расстегнуть рубашку. Харри держал руку протянутой, пока Рёд не отдал ему свой пиджак, который тот затем повесил в шкаф.

Трульс начал прикреплять электроды, избегая сухих корок на ранах сверху и снизу от сосков.

Заметил пару синяков на туловище. Либо Рёда кто-то избил, либо его женушка просто демоница по части постельных дел. А может, не женушка, а какая-нибудь из его содержанок.

Трульс прикрепил последние электроды — на запястья, — подошел к столу, сел рядом с Харри, нажал клавишу ввода и всмотрелся в экран ноутбука.

— Порядок? — спросил Харри.

Трульс кивнул.

Харри повернулся к Рёду.

— В основном будут вопросы, требующие ответов «да» или «нет»: полиграф лучше всего подходит для анализа коротких ответов. Готов?

Улыбка Рёда выглядела немного наигранной.

— Валяйте, ребята, мне уходить через полчаса.

— Тебя зовут Маркус Рёд?

— Да.

Наступила пауза — они смотрели на Трульса, тот смотрел на экран. Трульс коротко кивнул.

— Ты мужчина или женщина? — спросил Харри.

Трульс улыбнулся.

— Мужчина.

— А теперь скажи, что ты женщина.

— Я женщина.

Харри посмотрел на Трульса, тот снова кивнул.

Харри прочистил горло.

— Ты убил Сюсанну Андерсен?

— Нет.

— Ты убил Бертину Бертильсен?

— Нет.

— У тебя был секс с одной из этих женщин или с ними обеими?

Повисла тишина. Трульс увидел, что Маркус Рёд сначала покраснел, потом принялся ловить ртом воздух. И чихнул. Дважды, трижды. Харри оторвал бумажное полотенце от рулона и протянул ему. Прежде чем взять полотенце и вытереть нос, Маркус Рёд потянулся к спинке стула, как если бы там висел пиджак, в котором, несомненно, был носовой платок.

— Да, — он бросил бумажное полотенце в мусорную корзину, пододвинутую Харри. — С ними обеими. Но это было по обоюдному согласию всех вовлеченных сторон.

— Одновременно?

— Нет, я не увлекаюсь такими вещами.

— Сюсанна и Бертина знали друг друга? Встречались друг с другом?

— Нет, я не знаю ни о том, ни о другом. Нет, я почти уверен, что они друг друга не знали.

— Потому что ты позаботился, чтобы они не сталкивались?

Рёд коротко рассмеялся.

— Нет, я никогда не скрывал, что встречаюсь с несколькими женщинами. И я пригласил на вечеринку обеих, не так ли?

— А это так?

— Да.

— Кто-то из них вымогал у тебя деньги?

— Нет.

— Они угрожали обнародовать ваши отношения?

Рёд покачал головой.

— Пожалуйста, отвечай словами, — напомнил Харри.

— Нет. Было не очень важно сохранять эти отношения в тайне. Не сказать что я хотел, чтобы о них стало широко известно, но и не особенно старался их скрывать. Знала даже Хелена.

— Как ты думаешь, могла она убить их из ревности?

— Нет.

— Почему нет?

— Хелена — разумная женщина. Она сочла бы, что риск быть пойманной не стоит полученного результата.

— О каком результате речь?

— О каком, о каком… о мести!

— Она могла убить их, чтобы удержать тебя.

— Нет. Она знает, что я никогда не уйду от нее ради шлюшки. Или пары шлюшек. И знает, что я могу это сделать в ответ на попытки ограничить мою свободу.

— Когда ты в последний раз встречался с Сюсанной и Бертиной?

— На вечеринке.

— А до этого?

— До этого давненько их не видел.

— Почему ты перестал встречаться с ними?

— Полагаю, потерял к ним интерес. — Рёд пожал плечами. — Физическая привлекательность всегда важна, но срок годности девушек вроде Сюсанны и Бертины не такой, как у Хелены Рёд, если вы меня понимаете.

— М-м. Ты или девушки принимали на вечеринке какие-либо запрещенные вещества?

— Наркотики? Уж точно не я.

Харри посмотрел на Трульса. Тот слегка покачал головой.

— Ты уверен? — уточнил Харри. — А кокаин?

Трульс чувствовал на себе взгляд Маркуса Рёда, но не отводил глаз от экрана.

— Ну ладно, — процедил Рёд. — Девочки приняли пару дорожек.

— Кокаин был их или твой?

— Там был парень, который принес немного.

— Кто этот парень?

— Не знаю. Друг кого-то из соседей, а может, тот, у кого они обычно покупают, я не вдаюсь в такие подробности. Если ищешь торговцев кокаином, я, к сожалению, не смогу описать тебе того парня — он был в защитной маске и солнечных очках. — Рёд позволил себе кривую ухмылку, но Трульс видел, что он раздражен. Обычная реакция альфа-самца на допросе.

— Но он был белым, норвежцем или…

— Да, белый. Судя по речи, норвежец.

— Он разговаривал с Сюсанной и Бертиной?

— Да, полагаю, они с ним разговаривали, раз нюхали его дурь.

— М-м. То есть сам ты не употребляешь кокаин?

— Нет.

Харри наклонился к Трульсу. Тот осторожно указал на участок экрана.

— Хм. Похоже, полиграф считает, что ты говоришь неправду.

Рёд уставился на них, как смотрит на родите-

лей дерзкий подросток, и сдался, начав говорить с раздраженным вздохом:

— Я не понимаю, как это относится к делу. Да, раньше я расслаблялся по выходным. Но я поспорил с Хеленой, что смогу бросить, и в тот вечер я этого не делал. Понятно? А теперь мне пора.

— Уже последний вопрос. Ты нанимал кого-либо или вступал с кем-либо в сговор с целью убить Сюсанну Андерсен или Бертину Бертильсен?

— Черт возьми, Холе, зачем мне это? — Рёд в гневе воздел руки, и Трульс обеспокоенно заметил, что один электрод вот-вот отсоединится от запястья. — Разве ты не понимаешь, что когда тебе за шестьдесят и у тебя жена, способная войти в твое положение, то тебе не страшно, что все узнают, что ты еще способен снимать и трахать двадцатилетних девчонок? У людей моего круга это скорее вызывает уважение. Это доказывает, что у мужчины еще достаточно мужественности, чтобы с ним считаться. — Рёд повысил голос. — Достаточно, чтобы люди понимали, что не смогут безнаказанно расторгнуть договоренности, скрепленные рукопожатием. Ты понимаешь, Холе?

— Я-то понимаю, — Харри откинулся на спинку стула. — Но полиграф лучше реагирует на ответы

«да» или «нет». Так что позволь мне повторить вопрос…

— Нет! Ответ — нет, я не заказывал никаких… — Рёд засмеялся, будто бы над абсурдностью самой этой мысли, — убийств.

— Спасибо за уделенное время, — произнес Харри. — И ты успеваешь на следующую встречу. — Трульс?

Трульс поднялся, обошел стол и снял электроды.

— Я хотел бы попросить о разговоре с твоей женой, — сказал Харри, пока Рёд застегивал рубашку.

— Без проблем.

— Я имел в виду, я попрошу *ее.* — Харри быстро закрыл ноутбук, когда Рёд обошел вокруг стола. — Просто хотел поставить тебя в известность.

— Делай что хочешь. Но не заставляй меня пожалеть, что я нанял тебя, Харри.

— Представь, что это визит к стоматологу. — Харри поднялся на ноги. — Ты же не жалеешь, когда выходишь после приема. — Он подошел к шкафу и подержал пиджак, помогая Рёду одеться.

— Это, — буркнул Трульс, когда они закрыли дверь за своим работодателем, — зависит от того,

какой счет тебе выставят.

ГЛАВА 16
Вторник
Seamaster[45]

— Она вон там, — пожилая дама в белом халате указала на лабораторию. Харри увидел сгорбленную над микроскопом спину на высоком табурете и тоже в белом халате.

Он подошел, встал рядом и тихо кашлянул.

Женщина нетерпеливо обернулась, и к Харри обратилось суровое, замкнутое лицо человека, полностью погруженного в работу. Но тут же это лицо словно озарилось внезапно выглянувшим солнцем — женщина узнала его.

— Харри!

Она вскочила и кинулась к нему на шею.

— Александра, — отозвался Харри, слегка ошеломленный. Он не был уверен, какой прием его ожидает.

— Как тебе удалось сюда пробраться?

— Я пришел немного раньше, и Лилли на ресепшене меня узнала, вот она и пропустила.

---

[45] Notes: 45

Seamaster — легендарная линейка часов для дайвинга, разработанная компанией «Omega».

— Ну, что скажешь? — Александра гордо выпрямилась.

Харри улыбнулся.

— Ты выглядишь все так же фантастически. Как нечто среднее между «ламборгини» и…

— Не я, придурок! Лаборатория.

— А. Да, вижу, она новая.

— Разве это не удивительно? Теперь мы можем делать сами все, что раньше приходилось отсылать за границу: ДНК, химический анализ, биологический… Мы охватываем такой спектр, что когда в отделе криминалистической экспертизы, не хватает мощностей, они просто отправляют пробы сюда. И нам позволяют использовать лабораторию для личных исследований. Сейчас я работаю над своей диссертацией по анализу ДНК.

— Впечатляет, — согласился Харри, обводя взглядом пробирки в подносах, колбы, компьютерные мониторы, микроскопы и приборы, о назначении которых понятия не имел.

— Хельге, поздоровайся с Харри! — крикнула Александра, и еще один сотрудник, сидящий в этой комнате, повернулся на стуле, улыбнулся, помахал рукой и опять склонился над своим микроскопом.

— Мы соревнуемся, кто первым получит докторскую степень, — шепнула Александра.

— Мм. У тебя точно есть время выпить кофе в кафетерии?

Ее рука скользнула под его руку.

— Я знаю место получше. Пойдем.

* * *

— Значит, Катрине известно, что ты в курсе. И она предложила тебе иногда видеться с мальчиком, — поставив пустую чашку на рубероид перед стульями, вынесенными на крышу, подвела итог Александра.

— Неплохое начало. Боишься?

— До смерти, — признался Харри. — Кроме того, у меня сейчас нет времени.

— Наверное, все отцы так говорят с начала времен.

— Ага. Но мне нужно раскрыть это дело в ближайшие семь дней.

— Рёд дал тебе всего семь дней? Довольно оптимистично, не правда ли?

Харри не ответил.

— Как ты думаешь, Катрина хотела бы, чтобы вы с ней…

— Нет, — твердо ответил Харри.

— Знаешь, такие чувства никогда не проходят бесследно. Не умирают.

— Нет, вообще-то умирают.

Александра молча посмотрела на него и только откинула с лица завиток черных волос.

— Как бы то ни было, — добавил Харри, — она знает, что́ лучше для нее и мальчика.

— И что же?

— Чтобы я не был рядом с ними.

— Кто еще знает, что ты его отец?

— Только ты, — ответил Харри. — И Катрина не хочет, чтобы кто-нибудь еще узнал, что отец не Бьёрн.

— Не волнуйся, — успокоила Александра. — Я знаю только потому, что проводила анализ ДНК, а я обязана хранить конфиденциальность информации. Есть сигаретка? Можем выкурить на двоих.

— Я бросил.

— Ты? Правда?

Харри кивнул и взглянул на небо. Появились облака. Снизу свинцово-серые, сверху — белые, освещенные солнцем.

— Значит, ты сейчас одна, — заговорил Харри. — Тебя это устраивает?

— Нет, — ответила Александра. — Но меня,

наверное, так же не устраивало бы быть с кем-то. — Она рассмеялась своим хриплым смехом, и Харри почувствовал, что этот смех действует на него так же, как и раньше. Может, это и правда. Может, такие чувства, какими бы мимолетными они ни казались, не умирают никогда.

Харри прочистил горло.

— А вот и подходящий момент, — сказала она.

— Для чего?

— Озвучить причину, по которой ты захотел выпить кофе.

— Возможно. — Харри вытащил пластиковую коробку с бумажным полотенцем внутри. — Не сделаешь для меня анализ вот этого?

— Так я и знала! — фыркнула она.

— М-м. И все же ты согласилась встретиться со мной за кофе?

— Наверное, надеялась, что ошибаюсь. Что ты думал обо мне.

— Очевидно, если сейчас я скажу, что думал о тебе, это прозвучит не очень хорошо, но я и правда о тебе думал.

— Все равно скажи.

Харри криво улыбнулся.

— Я думал о тебе.

Она взяла коробку.

— Что это такое?

— Слизь и слюна. Я просто хочу знать, от того они человека, что оставил свою ДНК на груди Сюсанны, или нет.

— Как ты докопался до этого? Хотя нет, я не хочу знать. Может, то, о чем ты просишь, и законно, но ты же понимаешь, что если кто-нибудь узнает, у меня все равно будут неприятности?

— Да.

— Так почему я должна это делать?

— М-да, действительно.

— Ладно, я сейчас сама скажу. Потому что ты собираешься взять меня в спа в этом снобском отеле, где ты остановился. Ты слушаешь? А после этого угостишь меня чертовски вкусным ужином. И выглядеть будешь презентабельно.

— Считаешь, сейчас я выгляжу недостаточно презентабельно?

— Галстук. Еще ты повяжешь галстук.

Харри рассмеялся.

— Договорились.

— Модный галстук.

* * *

— То, что миллионер вроде Рёда заказывает свое собственное расследование, противоречит

нашим демократическим принципам и идее равенства, — заявила главный суперинтендант Будиль Меллинг.

— Не говоря о чисто практических неудобствах, связанных с тем, что третья сторона лезет в наш огород, — добавил Уле Винтер, старший инспектор Крипоса. — Это попросту усложняет нашу работу. Я понимаю, что вы не можете запретить расследование Рёда на основании статей закона, но у департамента должен быть какой-то способ все это остановить.

Микаэль Бельман стоял и смотрел в окно. У него был хороший офис. Большой, новый и современный. Внушительный. Но находился он в Нюдалене. Это было далеко от других департаментов, что располагались в правительственных зданиях в центре города; Нюдален же был чем-то вроде бизнес-парка на периферии, еще несколько минут пешком на север, и вот вы уже в густом лесу. Бельман надеялся, что скоро будет закончен новый правительственный квартал, и при этом у власти все еще будет Рабочая партия, к которой принадлежал Микаэль, и сам он по-прежнему будет занимать пост министра юстиции. Другого исхода пока и не предвиделось, Микаэль Бельман был популярен. Кое-кто даже намекал, что пора

министру юстиции начать активнее продвигать себя, ведь в один прекрасный день премьер-министр сообщит о желании уйти в отставку. А однажды некий политический журналист написал, что кто-то в правительстве — например, Бельман — должен совершить государственный переворот и захватить высший пост. На следующее же утро на совещании премьер-министр спросил, ко всеобщему веселью, не проверит ли кто-нибудь портфель Микаэля. Это был намек на повязку на глазу Бельмана и его сходство с Клаусом фон Штауффенбергом, полковником вермахта, пытавшимся убить Гитлера с помощью бомбы.

Но премьер-министру нечего было бояться — Микаэль просто-напросто не хотел занять его должность. Да, пост министра юстиции подразумевал, что твоя жизнь идет под постоянным надзором, но быть премьер-министром — numero uno[46] — означало нечто совершенно другое. Общественное давление — это еще ничего, но он боялся оказаться на свету. Слишком много

[46] Notes: 46
Numero uno — номер один, первый номер (ит.)

камней будет перевернуто[47], слишком многое из прошлого откроется, и даже он сам не знал, что тогда обнаружится.

Он повернулся к Меллинг и Винтеру. Его отделяла от них не одна иерархическая ступень, но, похоже, эти двое считали что имеют право обратиться напрямую к Бельману, поскольку когда-то он был детективом полиции Осло, то есть одним из них.

— Очевидно, что как член Рабочей партии я выступаю за равенство, — начал Бельман. — И конечно же, министерство юстиции хочет, чтобы условия работы полиции были как можно более благоприятными. Но я не уверен, что мы можем ожидать сочувствия от… — он остановился, подыскивая подходящее слово вместо неуместного сейчас «избирателей», — …сочувствия от широкой общественности, если будем препятствовать расследованию одного из немногих наших прославленных детективов. Особенно когда он намерен взяться за дело, в котором так мало продвинулись Крипос и полицейские. И да, ты прав, Винтер. Ни один закон не запрещает

---

[47] Notes: 47

Аллюзия на фразу из романа Джанет Фитч «Белый олеандр»: «Не надо переворачивать камни, если боишься смотреть на тварей, живущих под ними».

то, что делают Рёд и Холе. Но вы всегда можете надеяться, что Холе рано или поздно поступит так, как всегда поступал в мое время.

Он посмотрел на недоумевающих Меллинг и Винтера.

— Нарушит правила, — пояснил Бельман. — Всё, что вам нужно делать, — внимательно следить за ним, и тогда, уверен, вы просто увидите, как это произойдет. Тогда доложите мне об этом, и я лично позабочусь, чтобы его расследование заморозили, — Он взглянул на свои часы Omega Seamaster. Не потому, что у него была назначена еще одна встреча, а чтобы показать, что эта окончена. — Как вам эта мысль?

Уходя, они пожали ему руки с таким видом, будто он согласился с их предложением, а не наоборот. Микаэль умел произвести такой эффект.

Он улыбнулся Будиль Меллинг и посмотрел ей в глаза на полсекунды дольше необходимого. Не из-за интереса к ней — скорее по привычке. И отметил, что ее лица наконец-то коснулся румянец.

ГЛАВА 17
Вторник
Самая интересная часть человечества

— Мы овладеваем искусством лжи еще детьми, в возрасте от двух до четырех лет, и к совершеннолетию становимся в этом деле экспертами. — Эуне поправил подушку. — Поверьте мне.

Харри увидел, как Эйстейн ухмыльнулся, а Трульс недоуменно нахмурился. Эуне продолжал:

— Психолог Ричард Уайзман считает, что многие из нас лгут дважды в день. По-настоящему лгут, а не просто используют «белую ложь», чтобы не обидеть или не огорчить кого-нибудь. Какова вероятность, что нас уличат во лжи? Фрейд утверждал, что ни одному смертному не под силу хранить секреты: если будет молчать рот — выболтают кончики пальцев. Но он ошибался. Вообще-то обычный слушатель не может разобраться во всех способах, которыми выдает себя лжец, ведь они у всех разные Поэтому и понадобился детектор лжи. Вот как распознавали

неправду в Китае три тысячи лет назад. Рот подозреваемого заполняли зернами риса, а потом спрашивали, виновен ли он. Подозреваемый кивал или качал головой. Его просили выплюнуть рис. Если во рту оставались прилипшие зерна, считалось, что рот пересох из-за того, что человек нервничал, а значит — виноват. Не слишком достоверно, конечно, ведь можно нервничать из-за боязни занервничать. Точно так же бесполезен полиграф, изобретенный в 1921 году Джоном Ларсоном. По сути, именно его мы до сих пор используем в качестве детектора лжи, хотя все знают, что это куча хлама. Сам Ларсон в конце концов пожалел, что его изобрел, и однажды даже назвал его своим монстром Франкенштейна. Потому что он *живет*… — Эуне поднял руки и поскреб пальцами воздух, изображая кавычки. — Но он живет только потому, что многие верят в его эффективность. Страх перед детектором лжи может заставить преступника сделать признание, истинное или ложное. Однажды в Детройте полицейские схватили подозреваемого, заставили его положить руку на ксерокс и убедили, что это детектор лжи. Подозреваемому стали задавать вопросы, а ксерокс при каждом ответе печатал листы А4 со словами «ОН ЛЖЕТ».

Мужчина испугался так, что во всем признался.

Трульс фыркнул.

— Но был ли он виновен — один бог знает, — заметил Эуне. — Вот почему я предпочитаю метод, который использовали в Древней Индии.

Дверь открылась, и две медсестры вкатили кровать, на которой лежал Сетхи.

— Послушай, Джибран, тебе это тоже понравится, — предложил Эуне.

Харри не смог сдержать улыбку. Эуне, самый популярный преподаватель в полицейской академии, снова обрел аудиторию.

— Подозреваемых одного за другим заводили в комнату, где было темно, как ночью, и приказывали им пробираться в темноте, на ощупь, пока не найдут стоящего там осла. Осла надо было потянуть за хвост. Если это делал человек, солгавший на допросе, осел взвизгнул бы или заревел, или что там делают ослы. Потому что, как говорил священник подозреваемым, это был особенный священный осел. А чего священник не говорил, так это того, что хвост осла был вымазан сажей. Так что когда подозреваемые возвращались и говорили, что дернули осла за хвост, оставалось только проверить их руки. Если руки были чистыми, значит, человек побоялся,

что осел уличит его во лжи и тогда он отправится на виселицу — или что еще в то время использовалось в Индии.

Эуне взглянул на Сетхи. Тот доставал книгу, но все же едва заметно кивнул.

— А если на руках была сажа, — прокомментировал Эйстейн, — это означало только то, что парень не был полным идиотом.

Трульс хмыкнул и хлопнул себя по бедрам.

— Вопрос в том, — указал Эуне, — была ли на руках Рёда сажа, когда он оттуда вышел.

— Ну, — начал Харри, — то, что мы проделали, было, пожалуй, чем-то средним между байкой про ксерокс и святым ослом. Я почти уверен: Рёд поверил, что это детектор *лжи*. — Харри указал на стол, где кроме ноутбука Трульса лежали провода и электроды, позаимствованные на третьем этаже, где их использовали для снятия ЭКГ. — И я действительно думаю, что он опасался лгать. На мой взгляд, проверку ослом Маркус выдержал: он пришел и выдержал то, что считал настоящей проверкой. Это само по себе говорит, что ему нечего скрывать.

— Или, — предположил Эйстейн, — Рёд знал, как обмануть детектор *лжи* и ввел нас в заблуждение.

— Не думаю, что он пытается нас обмануть. Он не хотел, чтобы Трульс был в команде. Это и понятно. Если бы эта информация просочилась, его затее перестали бы верить. Маркус согласился только тогда, когда мы его убедили, сколько плюсов дает доступ к полицейским отчетам. Да, ему нужны наши имена, чтобы пресс-релиз выглядел более солидно, однако выяснить правду для него еще важнее.

— Ты так думаешь? — спросил Эйстейн. — Тогда почему он отказывается предоставить полиции образец ДНК?

— Не знаю, — ответил Харри. — Пока нет обоснованных подозрений, полиция не может никого заставить пройти тест ДНК. Крон говорит, что добровольное прохождение теста равносильно согласию с тем, что основания для подозрений есть. Как бы то ни было, Александра пообещала мне дать ответ в течение нескольких дней.

— И ты уверен, что ДНК Рёда не совпадет со слюной, найденной на теле Сюсанны? — спросил Эуне.

— Я никогда ни в чем не уверен, Столе, но я вычеркнул Рёда из своего списка подозреваемых сегодня, когда он постучал в дверь моего гостиничного номера.

— Так каких результатов ты ждешь от анализа ДНК?

— Хочу быть уверенным на сто процентов. И хочу иметь нечто, что можно передать полиции.

— Нечто, за что его не арестуют? — спросил Трульс.

— Нечто, за что мы можем получить что-нибудь взамен. Например, то, чего нет в отчетах.

Эйстейн громко причмокнул.

— Хитро задумано.

— Итак, теперь, когда Рёд вне подозрений, а ты знаешь, что мозг жертвы был удален, — продолжил Эуне, — ты все еще веришь, что убийца был с жертвами в близких отношениях?

Харри помотал головой.

— Хорошо, — подытожил Эуне, потирая руки. — Тогда, возможно, мы наконец начнем изучать психопатов, садистов, нарциссов и социопатов. Короче говоря, наиболее интересную часть человечества.

— Нет, — возразил Харри.

— Ладно, — разочарованно произнес Эуне. — Ты не допускаешь, что преступник относится к ним?

— Допускаю, но не думаю, что мы найдем его именно так. Мы будем искать там, где у нас боль-

ше всего возможностей что-то найти.

— Там, где, как мы предполагаем, его нет?

— Вот именно.

Трое мужчин непонимающе смотрели на Харри.

— Это чистая математика, — объяснил Харри. — Серийные убийцы выбирают жертв наугад и заметают следы. Вероятность найти их в течение года даже для ФБР составит менее десяти процентов. А для нас четверых с теми ресурсами, какие у нас есть… Давайте для простоты предположим, что это в лучшем случае два процента. С другой стороны, если искать убийцу среди тех, кто был знаком с жертвами, и считать, что у него есть вразумительный мотив, шансы равны семидесяти пяти процентам. Допустим, вероятность того, что убийца относится к категории, на которую хочет обратить наше внимание Столе, составляет восемьдесят процентов. Допустим, это серийный убийца. Если мы сосредоточимся на этой категории и исключим тех, кто был знаком с жертвами, наши шансы на успех составят…

— Одна целая шесть десятых процента, — подсказал Эйстейн. — А вероятность успеха, если мы сосредоточимся на людях, которых знала жертва, составит пятнадцать процентов.

Остальные удивленно повернулись к Эйстейну. Он одарил их широкой гнилозубой улыбкой:

— В моей работе, знаете ли, приходится разбираться в цифрах.

— Прошу прощения, — сказал Эуне. — Я уважаю математику, но честно говоря, это кажется немного нелогичным. — Он поймал взгляд, которым одарил его Эйстейн. — Это противоречит здравому смыслу. Я имею в виду — искать там, где, по нашему мнению, *его нет*.

— Добро пожаловать в полицейское расследование, — ответил Харри. — Попробуй подумать об этом с такой точки зрения. Если мы вчетвером найдем виновного… Это будет фантастика. Мы сорвем джекпот. А если нет, значит, мы сделаем то, чем большую часть рабочего времени занимаются детективы: внесем свой вклад в общее расследование, исключив из числа подозреваемых несколько человек.

— Я тебе не верю, — сообщил Эуне. — Это рационально, но *ты* не настолько рационален, Харри. Ты не из тех, кто выполняет работу, основываясь на процентах. Да, как профессионал ты видишь, что все косвенные улики говорят о серийном убийце. Да, ты *считаешь*, что это серийный убийца, но *веришь* во что-то другое.

Потому что так подсказывает тебе интуиция. Вот поэтому ты и придумал эти математические расчеты — желая убедить себя и нас, что правильно будет следовать внутренним инстинктам Харри Холе. Я прав?

Харри посмотрел на Эуне. Кивнул.

— Моя мать знала, что бога не существует, — сказал Эйстейн. — Но все равно была христианкой. Итак, кого еще мы собираемся, типа, исключить из числа подозреваемых?

— Хелену Рёд, — ответил Харри. — И парня, продававшего кокаин на вечеринке.

— Исключить Хелену имеет смысл, — согласился Эуне, — но почему наркоторговца?

— Потому что он один из немногих гостей вечеринки, чью личность не установили. И потому что он явился туда в медицинской маске и солнцезащитных очках.

— Ну и что? Может, ему еще не сделали прививку от ковида. Или у него мизофобия. О, прости, Эйстейн, это навязчивая боязнь бактерий.

— Возможно, он был болен и не хотел заражать других, — предположил Трульс. — Но все равно заразил. В отчетах говорится, что и у Сюсанны, и у Бертины через пару дней после вечеринки была высокая температура. Во всяком случае, они

чувствовали себя неважно.

— Сейчас мы упускаем из виду самую очевидную причину, — добавил Эуне. — Так или иначе, наркоторговля — дело, которое никак не назовешь законным, и с этой точки зрения совершенно неудивительно, что он носит маску.

— Эйстейн, — окликнул Харри. — Объясни.

— Смотрите: если ты продаешь… допустим, кокаин, то, в общем, не беспокоишься, что тебя опознают. Полиция все равно почти наверняка знает всех уличных сбытчиков, но им нужны люди поважнее — те, кто стоит за этим. А если тебя и арестуют, то сделают это во время сделки, и тогда от маски будет мало проку. Так что все наоборот: если планируешь торговать на улице, то хочешь, чтобы покупатели узнавали тебя в лицо и помнили, что в прошлый раз ты продал им классную наркоту. И если предлагаешь доставку на дом — а похоже, тот парень именно таким и занимается, — еще важнее, чтобы клиент видел твое честное лицо и доверял ему.

Трульс издал хрюкающий смешок.

— Как ты думаешь, у тебя получится выяснить, кто был тот парень на вечеринке? — спросил Харри.

Эйстейн пожал плечами.

— Могу попробовать. В сфере доставки на дом не так много норвежцев.

— Договорились.

Харри сделал паузу. Закрыл глаза, снова открыл — будто мысленно перевернул страницу сценария, которому следовал.

— Поскольку мы собираемся придерживаться гипотезы о том, что убийца знал по крайней мере одну из жертв, давайте посмотрим, какие факты играют на подтверждение этой идеи. Сюсанна Андерсен направляется прямиком через весь город — из оживленной западной части центра в место, где она, насколько известно, никого не знает, где — опять же насколько известно — раньше не бывала и где мало что происходит по вторникам вечером.

— В некоторые ночи там черт знает что происходит, — отозвался Эйстейн. — Я вырос неподалеку.

— И что же она там делала?

— Разве это не очевидно? — спросил Эйстейн. — Встречалась с парнем, который ее прикончил.

— Хорошо. Будем работать исходя из этого, — резюмировал Харри.

— Круто, — оценил Эйстейн. — Со мной согласен ведущий эксперт страны.

Харри криво улыбнулся и потер затылок. Сегодня у него осталась всего одна порция алкоголя до суточной нормы, и скоро она ему понадобится. Остальные две он выпил по дороге из института судебно-медицинской экспертизы, когда они с Эйстейном сделали остановку у «Шрёдера».

— Ну и, кстати говоря, — продолжал Эйстейн, — я тут кое о чем подумал. Парень повел Сюсанну на прогулку по лесопарку Эстмарка, и у него все получилось, верно? Что-то вроде идеального убийства. Разве не странно, черт возьми, что Бертину он везет на Грефсенколлен? «Never change a winning team»[48] — разве это не работает и для убийц?

— Вероятно, для серийных убийц вполне работает, — рассудил Эуне, — если только повторение приемов не увеличивает риск быть обнаруженным. А к тому времени было объявлено, что Сюсанна пропала без вести в окрестностях станции Скюллерюд, так что в этом районе работали и полиция, и поисковые группы.

— Да, но как только стемнело, и те, и другие

[48] Notes: 48

«Never Change a Winning Team» — Никогда не меняй команду-победителя» (англ.) Сингл с альбома «Trendy» швейцарской группы «Baby Jail», существовавшей с 1985 по 1994 год. Эйстейн Эйкеланн имеет в виду скорее «никогда не меняй формулу победы».

разошлись по домам, — возразил Эйстейн. — Никто не мог знать, что исчезнет еще одна девушка. Нет, этот парень не сильно рисковал, если привез ее на Скюллерюд. И ему, очевидно, этот район был хорошо знаком.

— Я не знаю, — проговорил Эуне. — Может, все проще: Бертина согласилась прогуляться с ним, но настояла на Грефсенколлене?

— Но от места, где она живет, до Грефсенколлена дальше, чем до Скюллерюда, и в отчетах говорится, что никто из тех, кого опрашивали полицейские, даже не подозревал, что Бертина когда-нибудь бывала на Грефсенколлене.

— Может, просто слышала много хорошего о тех местах, — предположил Эуне. — Например, оттуда открывается прекрасный вид — а в Эстмарке только лес и небольшие холмы.

Эйстейн задумчиво кивнул.

— Хорошо. Но есть еще одна вещь, которую я не понимаю.

Он повернулся к Эуне, потому что Харри сидел, прижав пальцы ко лбу и уставившись в стену, и, похоже, выпал из разговора.

— Бертина не могла уйти далеко от своей машины, верно? И ее ищут уже две недели. И я не понимаю, почему собаки не могут ее найти. Вы

знаете, как хорошо собаки берут след? Я имею в виду — какое хорошее у них обоняние? В одном из отчетов, что раздобыл Трульс, есть информация от фермера из Венггордена в Эстмарке. Неделю назад он связался с полицией и сказал, что его больной старый бульдог лежал в гостиной и выл, как будто чуял поблизости труп. Я знаю Эстмарку. Эта ферма находится по меньшей мере в шести километрах от места, где нашли Сюсанну Андерсен. Если собака может учуять труп на таком расстоянии, почему они не могут найти Бертину…

— Это исключено.

Все четверо повернулись на голос.

Джибран Сетхи опустил книгу.

— Если бы речь шла о бладхаунде или эльзасской овчарке — тогда да. Но у бульдога очень слабое для собаки обоняние. Вообще-то они в самом низу собачьего рейтинга. Вот что происходит, когда мы разводим собак для борьбы с быками, а не для охоты, как задумано природой. — Ветеринар снова поднял книгу. — Извращение — но мы это делаем.

— Спасибо, Джибран, — сказал Эуне.

Ветеринар коротко кивнул ему.

— Может, он похоронил Бертину, — предполо-

жил Трульс.

— Или скинул ее в одно из тамошних озер, — добавил Эйстейн.

Харри сидел, глядя на ветеринара, и голоса трех мужчин стихали, словно отдаляясь. Он почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом.

— Харри! — раздался голос Эуне.

— Что?

— Мы спрашиваем: а ты как думаешь?

— Я думаю… Эйстейн, у нас есть номер фермера, который дал ту наводку?

— Нет. Но есть его имя и место жительства: Венггорден, так что найти его труда не составит.

* * *

— Габриэль Венг.

— Добрый день, Венг. Это Хансен, полиция Осло. Просто небольшой вопрос насчет информации, которую ты нам сообщил на прошлой неделе. Ты сказал, что твоя собака выла и поэтому ты подумал, что поблизости может быть труп или падаль.

— Да, иногда здесь, в лесу, остаются гнить трупы животных. Но я читал о девушке, пропавшей на Скюллерюде, а это не так далеко. Так что когда собака начала выть и лаять, как на мертвечину,

я позвонил вам. Но ответа так и не получил.

— Прошу прощения, на то, чтобы отследить все зацепки по подобному делу, уходит много времени.

— Да, да, вы ведь уже нашли ту девушку. Бедняжка.

— Меня интересует, — перебил его Харри, — продолжает ли твоя собака так же выть и лаять.

Ответа не было, но в динамике слышалось дыхание фермера.

— Венг? — окликнул Харри.

— Ты сказал, тебя зовут Хансен?

— Совершенно верно. Ханс Хансен. Полицейский.

Еще одна пауза.

— Да.

— Да?

— Да, собака все еще воет.

— Хорошо, спасибо тебе, Венг.

* * *

Сон Мин Ларсен смотрел на свою собаку по кличке Каспаров. Тот остановился с поднятой лапой у стены здания. Сон Мин уже держал наготове пластиковый пакет, чтобы прохожие поняли, что он не собирается оставлять собачьи

какашки у дорогих многоквартирных домов на улице Нобеля.

Он размышлял. Не столько о мозге, который был удален, сколько о скальпе, который был пришит обратно. Зачем человек, который забрал мозг, пытался это скрыть? Обычно такие мелочи не волновали охотников за трофеями. Убийца должен был понимать, что пришитый скальп и пропажу мозга все равно заметят, так зачем утруждать себя? Может, хотел прибрать за собой? Убийца-аккуратист? Это было не так глупо, как могло показаться — ведь и место преступления было очищено от обычных улик. Если не считать слюны на груди Сюсанны. Здесь убийца допустил ошибку. Конечно, кое-кто в следственной группе считал, что слюна может принадлежать не убийце, потому что, когда Сюсанну нашли, на верхней части ее тела была одежда. Но если убийца достаточно аккуратен, чтобы пришить скальп, почему он не одел тело полностью?

Зазвонил мобильный. Прежде чем принять звонок, Сон Мин посмотрел на дисплей — и удивился.

— Харри Холе? Сто лет тебя не слышал.

— Да уж, время летит.

— Я прочитал в «ВГ», что мы работаем над од-

ним и тем же делом.

— Да. Сейчас я пару раз попробовал дозвониться до Катрины, но ее телефон сразу переключается на голосовую почту.

— Может, укладывает ребенка спать.

— Может. В любом случае, у меня есть кое-какая информация, которая, думаю, вам необходима.

— Слушаю.

— Я только что разговаривал с фермером, живущим в лесу. Он говорит, что его бульдог учуял поблизости падаль. Или труп.

— Бульдог? Тогда источник запаха должен быть недалеко, у бульдогов…

— …плохое обоняние, насколько мне известно.

— Да. Падаль в лесу — обычное дело, но раз уж ты звонишь — полагаю, это на Грефсенколлене?

— Нет. В Эстмарке. В шести или семи километрах от места, где была найдена Сюсанна. Конечно, это может ничего не значить. Как ты и сказал, трупы крупных животных в лесу — обычное дело. Но я хотел, чтобы ты знал. Я имею в виду — раз вы не нашли Бертину на Грефсенколлене…

— Оки-доки, — сказал Сон Мин. — Я сообщу команде. Спасибо за наводку, Харри.

— Не за что. Сейчас перешлю тебе номер того фермера.

Сон Мин повесил трубку и подумал, удалось ли ему говорить так спокойно, как он хотел. Сердце бешено колотилось, а в голове лавиной неслись мысли и выводы — похоже, они давно там зрели, но до сих пор он не давал им выйти на поверхность. Мог ли преступник убить Бертину на знакомой территории, в том же районе, где убил Сюсанну? Конечно, эта мысль и раньше приходила ему в голову, но в виде вопроса «почему убийца этого не сделал?». А ответ был так очевиден. Все указывало на то, что убийца договаривался с девушками о встрече — иначе зачем им было в одиночку отправляться в места, где они раньше не бывали? И так как в новостях много писали о девушке, пропавшей в районе станции Скюллерюд, убийца пригласил Бертину в другую часть города, чтобы она ничего не заподозрила. О чем Сон Мин не подумал — по крайней мере, не довел эту мысль до конца — так это о том, что убийца мог договориться с Бертиной о встрече на Грефсенколлене, а потом отвезти ее на своей машине на Скюллерюд. Перед отъездом он, должно быть, убедил Бертину, чтобы она оставила телефон в своей машине. Возможно, представил это как романтическую идею, что-то вроде «давай-будем-только-вдвоем-чтобы-никто-

нам-не-помешал». Да, в этом есть смысл.

Он посмотрел на часы. Половина десятого вечера. С этим придется подождать до завтра. Или?.. Нет, это всего лишь наводка, а когда расследуешь убийство, попытки ухватиться за каждую соломинку очень скоро начинают выматывать. И все же… Не только собственная интуиция подсказывала ему, что здесь сходится слишком много фактов, но и сам Харри Холе думал так же и поэтому позвонил ему. Да, в голове Харри были те же мысли, что и в его собственной.

Сон Мин посмотрел на Каспарова. Он взял к себе этого отслужившего свое полицейского пса, потому что тот пережи́л предыдущего владельца. В последние пару лет у пса были проблемы с тазобедренными суставами, так что он не любил ходить слишком далеко или в гору. Но это был лабрадор-ретривер, а они, в отличие от бульдогов, выделялись среди собак чрезвычайно острым обонянием.

Мобильный Сон Мина завибрировал. Он посмотрел на экран. Сообщение с номером телефона и именем «Венг». Половина десятого вечера. Если бы сейчас они сели в машину, то добрались бы минут за тридцать

— Пошли, Каспаров! — Сон Мин потянул за по-

водок. Его ладони уже вспотели от адреналина.

— Эй! — прогремел голос на одном из неосвещенных балконов, и эхо отразилось от фешенебельных фасадов. — В этой стране принято убирать дерьмо за своими животными!

ГЛАВА 18
Вторник
Паразит

— Паразиты, — возвестил Прим, поднося вилку ко рту. — Мы умираем из-за них — и живем за счет них.

Он жевал. У еды была консистенция губки, и даже со всеми приправами она не имела выраженного вкуса. Он отсалютовал своей гостье бокалом красного вина, отпил большой глоток и с трудом сглотнул. Положил ладонь на грудь, подождал, пока еда пройдет по пищеводу, и продолжил:

— И мы все паразиты. Ты. Я. Каждый из тех, кто снаружи. Без нас, хозяев, паразиты погибли бы, но без паразитов погибли бы и мы. Потому что паразиты бывают полезные и вредные Например, полезны мясные мухи, которые откладывают яйца в труп, чтобы личинки-паразиты в два счета его съели. — Скорчив гримасу, Прим отрезал еще кусочек и принялся пережевывать. — Если бы они не делали этого, мы буквально пробирались бы через трупы людей и животных. Нет, я не

шучу! Простая математика. Мы умерли бы через несколько месяцев от ядовитых газов, испускаемых трупами, если бы не было на свете мясной мухи. Существуют еще интересные паразиты, которые не слишком полезны, но не причиняют большого вреда. К ним относится, например, Cymothoa exigua — вошь, поедающая язык.

Прим встал и подошел к аквариуму.

— Этот паразит так интересен, что я поместил парочку в аквариум Босса. Вошь прикрепляется к языку рыбы и высасывает из него кровь, пока язык постепенно разлагается. Когда язык исчезает полностью, вошь присасывается к корню языка, вытягивает еще больше крови, растет — и развивается в новый язык.

Рука Прима погрузилась в воду и схватила рыбку. Он поднес ее к столу, сжал края рыбьего рта, чтобы тот открылся, и задержал рыбу перед женским лицом.

— Ты ее видишь? Видишь вошь? Видишь, что у нее есть глаза и рот? Да?

Он быстро вернулся к аквариуму и выпустил туда рыбку.

— Вошь, которую я назвал Лизой, отлично функционирует в качестве языка, так что не стоит *так уж* жалеть Босса. Как говорится, жизнь

продолжается — и теперь у него есть компания. Гораздо хуже столкнуться с вредными паразитами. Ими полны вот такие существа…

Он указал на большого розового слизня, которого положил на стол между ними.

* * *

— Мы с собакой живем одни, — сказал Венг, подтянув джинсы повыше.

Сон Мин посмотрел на бульдога, лежащего в углу кухни. Собака двигала только головой, а единственным звуком, исходящим от нее, было хриплое дыхание.

— Я унаследовал эту ферму от отца пару лет назад, но жена отказывается жить здесь, в лесу. Она все еще живет в многоквартирном доме на Манглерюде[49].

Сон Мин кивнул на собаку.

— Сука?

— Да. У нее была привычка бросаться на машины — возможно, считала их быками. Так или иначе, одна машина зацепила ее и сломала спину. Вот, все еще воет, если кто-нибудь приходит…

— Да, мы слышали. И, как я понимаю, когда

---

[49] Notes: 49
Манглерюд — район Осло.

чует мертвых животных.

— Да, я так и сказал Хансену.

— Хансену?

— Офицеру, который звонил.

— А, да — Хансен. Но сейчас ваша собака молчит.

— Нет, она что-то такое чует, только когда ветер с юго-востока. — Венг указал в темноту.

— Не возражаешь, если мы с моим псом немного тут поразнюхиваем?

— Ты приехал с собакой?

— Он в машине. Лабрадор.

— Разнюхивайте!

* * *

— Итак, — произнес Прим и остановился, чтобы убедиться, что полностью завладел ее вниманием. — Этот слизень выглядит довольно безобидным, правда? Даже красивым. Из-за цвета он так похож на леденец, что почти хочется его лизнуть. Но я бы совсем не рекомендовал это делать. Видишь ли — и слизняк, и его слизь кишат

крысиным легочным червем[50], так что не стоит использовать их для глазури. — Прим рассмеялся. Она, как обычно, не смеялась, только улыбалась.

— Как только червь попадает в твое тело, он начинает следовать по кровотоку. И куда же он хочет попасть? — Прим постучал указательным пальцем по лбу. — Сюда. В мозг. Потому что он любит мозг. Да, конечно, я понимаю, мозг питателен и прекрасно подходит для созревания яиц. Но мозг не особенно вкусен. — Он посмотрел на свою тарелку и неодобрительно цыкнул. — Или как ты считаешь?

* * *

Каспаров с силой тянул поводок. Они давно уже шли не по тропинке. Еще днем небо затянули тучи, и теперь светил только фонарик Сон Мина. Сон Мин остановился у сплошной стены из стволов и низко свисающих ветвей, которые приходилось отводить в сторону. Он потерял всякое представление о том, где они и как далеко забрались. Он слышал тяжелое дыхание Каспарова под

[50] Notes: 50

Крысиный легочный червь — паразитическая нематода, вызывает ангиостронгилез. Обычно обитает в легочных артериях крыс, отсюда общепринятое название этого паразита.

листьями высоких папоротников, но не видел собаку. Он чувствовал, будто незримая сила тянет его все глубже во тьму. Это могло подождать. Могло. Тогда почему? Потому что хотел сам найти Бертину, чтобы эта заслуга принадлежала только ему. Нет. Нет, все было не так банально. Просто он всегда был таким — если что-то его заинтересовывало, он *должен* был получить ответ сразу. Ожидание было невыносимым.

Но теперь он засомневался. Мало того, что он рискует уничтожить улики на месте преступления, если вдруг наткнется на тело здесь, в темноте. Дело было еще и в том, что он боялся. Да, он мог в этом сознаться. Сейчас он был маленьким мальчиком, который только что прибыл в Норвегию и боялся темноты. Он не понимал, чем именно напуган, но ему казалось, что другие люди — его приемные родители, учителя, дети на улице — *знали*. Они знали что-то, чего он не знал о себе, своем прошлом, о том, что произошло с ним. Он так и не узнал, что это было и было ли что-то вообще. У его приемных родителей не было никаких драматических историй о его биологических родителях или о том, как он был усыновлен. Но все равно он был одержим желанием знать. Знать все. Знать то, чего не знали

остальные.

Поводок провис — Каспаров остановился.

Сон Мин почувствовал, как стучит сердце, когда направил фонарь на землю и раздвинул листья папоротника.

Каспаров почти уткнулся мордой в землю, и луч фонарика осветил то, что он обнюхивал.

Сон Мин присел и поднял эту вещь. Сначала он подумал, что это пакет из-под чипсов, но быстро узнал упаковку и понял, почему Каспаров обратил на нее внимание. Это был пакетик Hillman Pets, противопаразитарного порошка, который Сон Мин однажды купил в зоомагазине для Каспарова, когда у того завелись аскариды. В порошок добавляли ароматизатор, который так нравился собакам, что Каспаров при одном виде упаковки принимался бешено вилять хвостом, и Сон Мину казалось — пес вот-вот взлетит.

Сон Мин смял пакет и положил в карман.

— Поехали домой, Каспаров? Время ужинать.

Каспаров посмотрел на него, словно понял предложение и решил, что хозяин сошел с ума, если предлагает уйти отсюда. Он повернулся, Сон Мин почувствовал сильный рывок и понял, что у него нет ни малейшего шанса — они идут дальше, куда ему больше не хотелось идти.

* * *

— Самое удивительное, что когда некоторые из таких паразитов достигают твоего мозга, они начинают брать верх, — рассказывал Прим. — Контролируют твои мысли. Желания. А *что* паразит будет приказывать тебе? — то, что необходимо для продолжения его жизненного цикла. Ты становишься послушным солдатом, готовым умереть, если это потребуется. — Прим вздохнул. — И, к сожалению, очень часто требуется именно это. — Он поднял брови. — О, ты думаешь — это звучит как ужастик или научная фантастика? Но тебе стоит знать, что подобные паразиты не так уж редки. Большинство хозяев живут и умирают, не зная о присутствии паразита, как, наверное, обстоит дело с Боссом и Лизой. Мы верим, что боремся, работаем и жертвуем своей жизнью ради своей семьи, страны, собственного наследия. А на самом деле все это ради паразита, кровососа, который принимает решения, удобно устроившись в штаб-квартире — в твоем мозгу.

Прим наполнил их бокалы красным вином.

— Мой отчим обвинял мою мать, что она такая вот паразитка. Утверждал, что она начала отказываться от ролей, потому что он был богат

и она могла просто сидеть дома и пропивать его деньги. Конечно, это было неправдой. Во-первых, она не отказывалась от ролей — ей перестали их предлагать. Потому что дома она целыми днями пила — и поэтому стала хуже запоминать свои реплики. Отчим был очень богатым человеком, так что ее пьянство никак не могло сделать его нищим, об этом и речи не было. К тому же это он был паразитом. Он поселился в мозгу моей матери, заставляя ее видеть вещи такими, какими он хотел их показать. Чтобы она не замечала, что он делает со мной. Я был всего лишь ребенком и думал, что отец может требовать такое от сына. Нет, я не предполагал, что каждого шестилетнего ребенка заставляют лежать голым в постели с отцом и удовлетворять его, а потом грозят убить мать, если ребенок скажет кому-нибудь хоть слово. Я просто был напуган. Поэтому ничего не *рассказывал*, но пытался *показать* матери, что происходит. Надо мной всегда издевались в школе из-за того, какие у меня зубы и… да, наверное, из-за того, что я вел себя, как жертва сексуального насилия. Меня называли Крыс. Я начал врать и воровать. Стал прогуливать школу, убегать из дома, за деньги дрочить мужчинам в общественных туалетах. Одного из них я ограбил.

Короче говоря, отчим поселился в моем мозгу и в мозгу моей матери и уничтожал нас постепенно, по кусочкам. Кстати о кусочках…

Прим проткнул вилкой последний кусок на своей тарелке. Вздохнул.

— Но теперь все кончено, Бертина. — Он поворачивал вилку, изучая бледно-розовый ломтик. — Теперь *я* — тот, кто гнездится в мозгу и отдает приказы.

* * *

Сон Мину приходилось бежать, чтобы не отставать от Каспарова, который тянул все сильнее. Из пасти пса вырывались звуки, похожие на отрывистый кашель, будто он пытался избавиться от чего-то застрявшего в горле.

Сон Мин делал то, чему научила его работа следователя. Когда он был почти полностью в чем-то уверен, то проверял собственные выводы, пытаясь перевернуть все с ног на голову. Неужели то, что он считал невозможным, все-таки может быть? Вдруг на самом деле Бертина Бертильсен еще жива? Она могла сбежать, могла уехать за границу. А если ее похитили и сейчас она сидит взаперти в подвале или какой-нибудь квартире, и, возможно, в этот момент похититель находит-

ся рядом с ней.

Внезапно они выскочили из-под деревьев и оказались на поляне. Свет фонаря засверкал на воде — они были у небольшого озера. Каспаров потащил Сон Мина к воде — он хотел туда.

В прыгающем луче фонаря мелькнула береза, склонившаяся над водой, и на мгновение Сон Мин увидел нечто похожее на толстую ветку. Она тянулась до самой воды, будто дерево пило. Сон Мин направил свет на ветку. Но это была не ветка.

— Нет! — закричал Сон Мин, дергая Каспарова обратно.

Эхо крика прилетело к нему с другого берега.

Это было тело.

Сложенное пополам, оно свисало с нижней ветки березы. Босые ноги чуть-чуть не доставали до поверхности воды. Женщина — он сразу понял, что это женщина, — как и Сюсанна, была раздета ниже пояса. Живот ей тоже обнажили — задранное до бюстгальтера платье, закрывая голову, плечи и руки, свисало к воде. Из-под вывернутого наизнанку подола виднелись только запястья. Пальцы были погружены в воду. Первое, что мелькнуло в голове Сон Мина, — надежда, что в озере не водится рыба.

Каспаров сидел неподвижно. Сон Мин потрепал его по голове:

— Хороший мальчик.

Он достал телефон. Сигнал сети и на ферме оставлял желать лучшего, а здесь индикатор показывал всего одно деление. Но GPS работал, и Сон Мин отметил свое местоположение.

И тут понял, что дышит через рот. Запах был не так уж силен, но в прошлом Сон Мина была пара неприятных инцидентов, после которых его мозг, стоило ему понять, что он на месте преступления, без участия сознания заставлял Сон Мина дышать именно ртом. Мозг сообразил и то, что для установления, является ли девушка Бертиной Бертильсен, Сон Мину необходимо положить фонарь на землю, схватиться одной рукой за ствол дерева и, наклонившись над водой, приподнять подол платья и заглянуть в скрытое лицо. Но тут была проблема: его рука могла лечь на ствол там же, где прикасался к дереву преступник, и тогда он испортил бы отпечатки пальцев.

Он вспомнил о татуировке — логотипе «Louis Vuitton. Посветил на ее лодыжки. В ярком свете они были такими белыми, словно она была из снега. Никакого логотипа «Louis Vuitton». Что это значит?

Где-то в темноте ухнула сова — по крайней мере, он подумал, что это сова.

Ему не была видна внешняя часть левой лодыжки. Возможно, татуировка именно там. Он пошел вдоль берега, пока не оказался с нужной стороны. Посветил снова.

Вот и татуировка. Черное на белоснежном. L над V.

Это была она. Наверняка она. Он снова достал телефон и позвонил Катрине Братт. Ответа не было.

Странно. Отвечать или не отвечать на звонки Харри Холе она может по желанию, но для своих коллег по расследуемому делу главный детектив должен быть доступен всегда. Это неписаный закон.

* * *

— Так вот, Бертина, мне нужно выполнить важное задание.

Прим перегнулся через стол и положил руку на ее щеку.

— Мне так жаль, что тебе пришлось стать частью этого задания. И мне жаль, что сейчас я должен покинуть тебя. Это будет наша последняя ночь вместе. Потому что хоть я и знаю, что ты

меня хочешь — ты не та, кого я люблю. Вот, я произнес это. Скажи, что ты прощаешь меня. Нет? Ну пожалуйста. Милая девочка. — Прим тихонько засмеялся. — Ты можешь попытаться воспротивиться, Бертина Бертильсен, но тебе известно, что я могу, зажечь тебя одним прикосновением в любой момент.

Он сделал это, и она не могла ему помешать. И конечно же, она засияла для него. «В последний раз», — подумал он, поднимая бокал в прощальном тосте.

* * *

Сон Мин связался с криминальным отделом, они выехали. Теперь он мог только сидеть на пеньке и ждать. Лицо и шея чесались. Комары. Нет, гнус. Маленькие мошки, которые сосут кровь даже у более крупных комаров. Он выключил фонарь, чтобы не тратить заряд батареи, и едва мог разглядеть тело прямо перед собой.

Это была она. Конечно, это была она.

Но все же.

Теряя терпение, он проверил время. Где Катрина?

Почему она не перезвонила?

Сон Мин нашел упавшую ветку, тонкую и

длинную. Снова включил фонарь. Положил его на землю, встал на берегу и подцепил кончиком ветки край платья. Поднял. Выше. Выше. Теперь он видел обнаженные выше локтей руки и ждал, когда появятся длинные каштановые волосы. На фотографиях, которые он видел, Бертина была с распущенными волосами. Может, сейчас они собраны в прическу? Может быть…

У Сон Мина вырвался странный звук, похожий на уханье совы. Оцепенев, он уронил ветку в воду — и платье вернулось на место, скрыв то, что заставило Сон Мина издать этот звук. Вернее, скрыв его отсутствие.

* * *

— Бедняжка, — прошептал Прим. — Ты так красива. И все же отвергнута. Это несправедливо, не так ли?

Две ночи назад он ударил по столу, из-за сотрясения ее голова склонилась набок, и он до сих пор не поправил ее. Он установил голову на торшере перед стулом по другую сторону стола. Через стол тянулся провод. Когда он нажимал выключатель на проводе, внутри головы Бертины включалась 60-ваттная лампочка, и свет загорался в ее глазницах, окрашивая в синий цвет зубы в зияющем

рту. Человек без воображения сказал бы, что это похоже на тыкву в Хэллоуин. Но человек с некоторой фантазией увидел бы, что вся Бертина — по крайней мере та ее часть, что не осталась у озера в Эстмарке — так и светилась, так и сияла от радости; да, мужчина легко мог представить, что она любит его. И Бертина *любила* его — желала, во всяком случае.

— Если это хоть как-то тебя утешит, мне больше понравилось заниматься любовью с тобой, чем с Сюсанной, — произнес Прим. — Твое тело привлекательнее, и… — он облизнул вилку, — твой мозг нравится мне больше. Но… — Он склонил голову набок, с сочувствием глядя на Бертину. — Мне пришлось съесть его ради жизненного цикла. Для яиц. Для паразитов. Для мести. Только так я могу стать целым. Только так меня можно будет любить таким, какой я есть. Да, понимаю, это все наверняка звучит пафосно. Но это правда. Быть любимым — это все, чего хочет каждый из нас, не правда ли?

Он нажал указательным пальцем на выключатель. Лампочка в голове погасла. Гостиная погрузилась в полумрак.

Прим вздохнул.

— Да, я боялся, что ты воспримешь это иначе.

ГЛАВА 19
Вторник
Звоночки

Катрина слушала Ларсена.

Пока он говорил, она, закрыв глаза, представляла, как выглядело место преступления. На его вопрос ответила, что нет, сама она не приедет на осмотр — отправит пару детективов и позже изучит снимки, которые там сделают. И да, она приносит извинения за то, что не отвечала на звонки. Она выключила телефон, когда укладывала ребенка спать, и должно быть, спела колыбельную о Черныше так задушевно, что сама заснула.

— Наверное, ты просто слишком много работаешь, — посочувствовал Сон Мин.

— «Наверное» тут явно лишнее, — сказала Катрина. — И это справедливо для всех нас. Назначь пресс-конференцию на завтра, на десять. Я скажу криминалистам, что у этого дела должен быть высокий приоритет.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Сон Мин.

Катрина нажала «отбой» и уставилась на телефон.

Бертина Бертильсен была мертва. Как и ожидалось. Теперь ее нашли. Как и надеялась Катрина. То, где и как ее нашли, играло в пользу версии, что и Сюсанну, и Бертину убил один человек. Если это так, то, как они и опасались, убийства могут продолжиться.

Катрина услышала хныканье за дверью. Она сказала себе, что останется на месте и подождет, но все же встала с кухонного стула и на цыпочках подошла к двери. Там уже слышалось только ровное сонное дыхание Герта.

Она солгала Сон Мину. Когда-то она читала, что каждый человек слышит ложь в среднем двести раз в день. Хорошо, что большей частью это безобидная ложь, работающая как подспорье в социальных контактах. ее ложь была как раз такой. Она действительно выключила телефон перед тем, как уложить ребенка спать, но не включила его снова вовсе не потому, что уснула. Она не стала включать телефон, потому что после того, как Герт засыпал, обычно звонил Арне — он знал, что в это время точно застанет ее. Конечно же, это было приятно. Ведь он просто хотел услышать, как прошел ее день. Узнать о маленьких

радостях и разочарованиях. В последнее время, когда пропали две девушки, она, естественно, в основном делилась разочарованиями. И он терпеливо слушал, задавал вопросы, показывающие заинтересованность — в общем, делал то, чего можно ожидать от хорошего заботливого друга и потенциального бойфренда. Но сегодня вечером она была попросту не в настроении и хотела остаться наедине со своими мыслями. Решила назавтра, когда Арне спросит, оправдаться той же невинной ложью — сказать, что просто заснула.

Она думала о Харри и Герте. О том, как ей разрешить эту дилемму. Потому что в глазах Харри она увидела ту же беспомощную любовь, какую видела в глазах Бьёрна, устремленных на сына. Сын Бьёрна и сын Харри. До какой степени можно и нужно вовлекать Харри в свои дела? Сама она хотела иметь как можно меньше общего с Харри и его жизнью. Но Герт? Какое она имела право отнять у Герта еще одного отца? Разве у нее самой не было отца — неуравновешенного пьяницы, которого она по-своему любила и без которого не смогла бы жить?

Перед тем как лечь спать, она снова включила мобильный, надеясь, что не обнаружит никаких сообщений. Но их было два. Первое оказалось

любовным посланием от Арне. Видимо, люди помоложе не предъявляли высоких требований к подобной переписке:

Катрина Братт, ты — Женщина, а я — Мужчина, который любит тебя. Спокойной ночи.

Сообщение было отправлено недавно, а дозвониться ей Арне и не пробовал — похоже, был чем-то занят.

Второе сообщение прислал Сон Мин и составил его в более привычной для Катрины манере:

Бертина найдена. Позвони мне.

Катрина пошла в ванную. Взяла зубную щетку, посмотрела в зеркало. «Ты Женщина». Да, верно. В хороший день — пожалуй, да.

Она выдавила немного зубной пасты и снова задумалась о Бертине Бертильсен и Сюсанне Андерсен. И о пока неизвестной женщине, которая может стать следующей жертвой.

* * *

Сон Мин чистил щеткой твидовую куртку.

Это была непромокаемая охотничья куртка от Алана Пейна, подаренная Крисом на Рождество. Поговорив с Катриной, Сон Мин написал Крису сообщение с пожеланием спокойной ночи. Он всегда писал такие сообщения первым, а Крис только отвечал на них. Раньше это беспокоило Сон Мина, но теперь он привык. Таков уж Крис — ему нужно верить, что он в их отношениях главный. Сон Мин знал: если однажды вечером не отправить сообщение, уже на следующий день Крис позвонит и разыграет целую драму: в их отношениях что-то не так; Сон Мин встретил другого; он, Крис, наскучил Сон Мину…

Сон Мин посмотрел на пол, усеянный сосновыми иголками. Зевнул. Надо поспать. Он знал, что не увидит никаких кошмаров о пережитом ночью. У него их никогда не было. Но он не вполне уверен, что это характеризует его личность. Коллега из Крипоса говорил: *то*, что Сон Мин способен отключаться, указывает на отсутствие эмпатии.

Коллега сравнил его с Харри Холе — у того, похоже, была избирательная аносмия[51] — де-

[51] Notes: 51

Аносмия — потеря обоняния. Обычно подразумевается полная потеря, но чаще встречается частичная (избирательная) аносмия на некоторые вещества.

фект, мешавший мозгу распознавать трупный запах; по крайней мере, это объясняло, почему Холе оставался невозмутимым даже в таких местах преступления, где других выворачивало наизнанку.

Но Сон Мин не считал свою особенность недостатком. Он верил, что у него просто здоровая психика, позволяющая разделять жизнь личную и жизнь профессиональную и держать их подальше друг от друга.

Ощупывая внешние карманы куртки, он почувствовал, что в одном из них что-то есть, и вынул пустой пакетик с логотипом «Hillman Pets». Сон Мин собрался кинуть его в мусорное ведро, но тут вспомнил, что когда у Каспарова в очередной раз завелись глисты, ветеринар посоветовал другое средство против паразитов, потому что препарат «Hillman Pets» перестали продавать в Норвегии — он содержал вещество, которое теперь было запрещено к ввозу и продаже в стране. Это произошло не менее четырех лет назад. Сон Мин повертел пакет в руках, внимательно рассматривая, и наконец нашел дату изготовления и срок годности.

Пакет был произведен в прошлом году.

Сон Мин еще раз перевернул пакет. Ну и что?

Кто-то купил упаковку лекарства за границей и привез домой, даже не зная, наверное, что это запрещено. Пожалуй, пакет можно выбросить. Он лежал за несколько сотен метров до места преступления, и вряд ли убийца приходил туда с собакой. Но так уж получается, что нарушения закона обычно связаны между собой. Преступник есть преступник. Садист и серийный убийца начинает с убийства мелких животных. Крысы, мыши… Разжигает небольшие пожары. Потом пытает и убивает животных покрупнее. Устраивает пожары в пустующих домах…

Сон Мин аккуратно сложил пакет.

* * *

— К черту в манду! — завопила Мона До, уставившись на экран телефона.

— Что такое? — спросил Андерс из открытой ванной. Он чистил зубы.

— «Дагбладет»!

— Не нужно кричать. И у черта нет…

— Нет манды? В тебе говорит мужской шовинизм. Воге пишет, что Бертина Бертильсен была найдена мертвой. В Венггордене в Эстмарке, всего в нескольких километрах от того места, где нашли Сюсанну.

— Ой.

— Да уж, ой. Почему — ад и все его долбаные черти! — эта новость появилась в «Дагбладет», а не в «ВГ»?!

— Вряд ли чертей долбят…

— …в этом их аду? Да я уверена — там сплошной долбёж. Зуб даю — кто бы там ни был, их имеют в рот нос и ухо, и они знают, что есть только одно занятие хуже этого — работать в «ВГ» и терпеть, когда тебя трахает в задницу Терри Воге! К черту в манду!

Она бросила телефон на кровать, когда Андерс скользнул под одеяло и прижался к ней.

— Я говорил тебе, что меня немного возбуждает, когда ты…

Она толкнула его.

— Я не в настроении, Андерс.

— … когда ты не в настроении.

Она оттолкнула его настойчивую руку и взяла телефон, однако не смогла сдержать легкой улыбки.

Снова начала читать. По крайней мере, никаких подробностей с места преступления Воге не упомянул. Маловероятно, что он побеседовал с кем-то, кто там побывал. Но как он так быстро узнал, что обнаружили труп? Может, у

него нелегальная полицейская рация? Можно ли все объяснить так просто? Воге понял, что происходит, прослушивая краткие, наполовину зашифрованные сообщения, которыми полицейские пользуются при радиопереговорах, так как знают: кто-нибудь всегда подслушивает? А потом на основании услышанного Воге додумал остальное, и получилась удобоваримая смесь фактов и вымысла, вполне способная сойти за настоящую журналистику? По крайней мере, до сих пор ему удавалось выдать одно за другое…

— Кое-кто дал мне совет попросить тебя поделиться инсайдерской информацией, — начала Мона.

— Да? Ты им сказала, что я вообще-то таким не занимаюсь, но мог бы продаться за необузданный секс?

— Андерс, прекрати! Это моя работа.

— Значит, ты считаешь, что я должен подставляться, обеспечивая тебя бесплатной информацией?

— Нет! Я имею в виду просто… Это чертовски несправедливо! — Мона скрестила руки на груди. — Какой-то информатор явно подпитывает Воге, пока я тут… умираю с голоду.

— Несправедливо, — Андерс сел в постели, от

его игривой веселости не осталось и следа, — несправедливо, когда девушки в этом городе не могут выйти на улицу без риска быть изнасилованными и убитыми. Несправедливо, что Бертина Бертильсен лежит мертвой в Эстмарке, в то время как два человека сидят здесь и считают мир несправедливым из-за того, что новость опубликовал первым другой журналист, или из-за того, что в департаменте снизится раскрываемость.

Мона сглотнула. И кивнула.

Он был прав. Конечно, он был прав.

Она снова сглотнула. Попыталась подавить вопрос, который так и рвался наружу: «*Можешь позвонить кому-нибудь и спросить, как все было на месте преступления?*»

* * *

Хелена Рёд лежала в постели, уставившись в потолок.

Маркус хотел, чтобы у них была кровать в форме капли, три метра в длину и два с половиной в самом широком месте. Он читал, что такая форма дарует гармонию и глубокий сон, потому что все мы произошли из капли, из воды, и бессознательно стремимся вернуться к ней.

Ей удалось не только сдержать смех, но и уговорить его на роскошную прямоугольную кровать метр восемьдесят сантиметров в ширину и два метра десять сантиметров в длину. Достаточно для двоих. Слишком много для одного.

Маркус ночевал в пентхаусе во Фрогнере, как всегда в последнее время. Во всяком случае, Хелена предполагала, что он именно там. Не то чтобы она скучала по нему в своей постели — с тех пор, когда это возбуждало или хотя бы волновало ее, прошло много времени. Он все больше чихал и сопел, а еще по меньшей мере четыре раза за ночь вставал помочиться. Увеличенная простата. Не обязательно рак, но нечто свойственное, по общему мнению, более чем половине мужчин старше шестидесяти лет. И дальше, видимо, будет только хуже.

Нет, она не скучала по Маркусу, но все же ей не хватало… кого-то. Хелена не знала кого именно. Сегодня вечером это ощущение было особенно сильным. Ведь и у нее должен быть кто-то, кто любил бы ее и кого она могла бы любить в ответ. Так просто, правда? Или это всего лишь мечты?

Она перевернулась на бок. Со вчерашнего вечера ее мутило, подташнивало. Вырвало, немного поднялась температура. Она сделала тест на ви-

рус[52], но результат оказался отрицательным.

Она посмотрела в окно, на задний фасад недавно построенного музея Мунка. Никто из купивших квартиру до начала строительства в Ослобукте не думал, что это здание окажется таким огромным и уродливым. Людей ввели в заблуждение рисунки, на которых музей был со стеклянным фасадом и к тому же показан под углом, поэтому мало кто мог предположить, что музей будет похож на ледяную стену из «Игры престолов». Но такова жизнь — все складывается не так, как обещалось или ожидалось, и если поддаешься чьим-то уговорам, за результат стоит благодарить только себя. Было уже слишком поздно — тень здания накрывала их всех.

Хелена почувствовала новый прилив тошноты и поспешно вскочила с постели. Ванная была в другом конце комнаты, но все равно путь туда показался таким долгим! Хелена приходила в квартиру Маркуса во Фрогнере только один раз и предпочла бы жить именно в ней, хотя она была намного меньше. Жить вместе… с кем-то. Ей удалось добежать до унитаза прежде, чем содержимое ее желудка рванулось наружу.

---

[52] Notes: 52
Скорее всего, имеется в виду коронавирус Covid-19.

* * *

Харри сидел в баре «The Thief», когда пришло сообщение: *Спасибо за наводку. Искренне твой, Сон Мин.*

Харри уже читал «Дагбладет». Статью о найденном теле опубликовали только они, и это означало, что пресс-релиз о происшествии еще не вышел и что у журналиста Терри Воге источник в полиции. Так как утечка информации не могла быть тактическим маневром полицейских, значит, кто-то получал деньги или какие-то услуги за информирование Воге. Ситуация не такая необычная, как мог подумать обыватель — было время, когда журналисты предлагали деньги и самому Харри.

Такие сделки редко становились широко известны, потому что журналисты никогда не печатали информацию, позволявшую вычислить информатора, ведь это значило рубить сук, на котором сидят и автор новости, и поставщик ценных сведений. Но Харри прочитал большинство статей, касавшихся дела Сюсанны и Бертины, и что-то подсказывало ему, что Воге очень уж нетерпелив и рано или поздно это приведет к неприятным последствиям. Сам Воге мог выйти

сухим из воды и даже сохранить статус честного журналиста. Его источнику, случись что, пришлось бы куда хуже. Похоже, тот не осознавал, насколько уязвим — или уязвима? — коль скоро продолжал снабжать Воге информацией.

— Повторить? — Бармен обращался к Харри, держа бутылку наготове прямо над его стаканом. Харри прочистил горло. Один раз. Второй.

«*Да, пожалуйста*». Так было написано в сценарии. В том самом сценарии плохого фильма, где он снимался так много раз в единственной роли, на которую был способен.

И тут бармен, словно увидев в глазах Харри мольбу о пощаде, повернулся к человеку, махнувшему рукой с другого конца стойки, и ушел вместе с бутылкой.

Где-то в темноте звучал перезвон колоколов на городской ратуше. Скоро наступит полночь и останется шесть дней и еще девять часов разницы во времени с Лос-Анджелесом. Прошло не так много времени, а они нашли Бертину, что означало новые зацепки и возможность решающего прорыва. Вот как он должен думать. Позитивно. И хотя такие мысли — нереалистичные, противоречащие обстоятельствам — казались ему неестественными, все же безнадежность и апа-

тия были не тем, в чем он сейчас нуждался. И не тем, в чем нуждалась Люсиль.

Харри вышел из бара в темный коридор и увидел свет, словно в тоннеле. Подойдя ближе, он понял, что источник света — открытый лифт, и дверцы придерживает человек, высунувший одну ногу наружу. Он будто ждал Харри. Или кого-то еще — ведь он уже стоял там, когда Харри появился в коридоре.

— Поезжайте, — крикнул Харри, махнув ему рукой. — Я поднимусь по лестнице.

Мужчина шагнул в лифт. Прежде чем двери закрылись, Харри успел увидеть воротничок священника, но лица не разглядел.

Харри был весь мокр от пота, когда отпирал дверь в номер. Он снял и повесил костюм, лег на кровать. Попытался выбросить из головы мысли о Люсиль и ее делах. Решил, что сегодня ночью ему приснится хороший сон о Ракели. О том времени, когда они жили вместе и каждую ночь ложились в одну постель. О том времени, когда он шел над водой по толстому и прочному льду. Всегда прислушиваясь к треску под ногами, высматривая разломы, но при этом все же не забывая жить там и тогда. Они жили полной жизнью. Будто знали, что время, отпущенное их любви, скоро

закончится. Они проживали каждый день не так, словно он был последним, а так, словно он был первым. Будто узнавая друг друга снова и снова. Не преувеличивает ли он, не приукрашивает ли воспоминания о том, что было у них?.. Может быть. Ну и что? В конце концов — много дала ему реальность?

Он закрыл глаза. Попытался представить Ракель. Золотистую кожу на фоне белых простыней. Но вместо этого видел белую кожу на фоне лужи крови на полу гостиной. И Бьёрна Хольма в машине. Бьёрн смотрел на него, а на заднем сиденье плакал ребенок. Харри открыл глаза. И правда — на что ему сдалась реальность?

Телефон снова звякнул. На этот раз сообщение было от Александры.

Анализ ДНК будет готов к понедельнику. Было бы неплохо сходить в спа-салон и поужинать в субботу. «Terse Acto» — хороший ресторан.

ГЛАВА 20
Среда

— Ну, тут все вполне ясно, — подытожил Эуне, кладя копию полицейского отчета на одеяло. — Как по учебнику. Убийство на сексуальной почве, и тот, кто это совершил, скорее всего убьет снова, если его не остановить.

Три человека вокруг его кровати кивнули, не отрываясь от своих экземпляров отчета.

Харри закончил читать и поднял глаза, щурясь от резких лучей утреннего солнца, бьющих в окно.

Затем с бумагами покончил Эйстейн и сдвинул солнечные очки со лба обратно на глаза.

— Брось, Бернтсен, — поторопил он. — Ты наверняка уже читал это.

Трульс проворчал что-то в ответ и отложил распечатку.

— Что нам делать, если это как поиски иголки в стоге сена? — спросил он. — Сложить лапки и предоставить все Братт и Ларсену?

— Не совсем так, — возразил Харри. — На самом деле ничего не изменилось. Мы предполагали и

раньше, что Бертину убили таким же образом, как и Сюсанну.

— Но мы должны признать, что это противоречит твоей интуиции, шепчущей о рационально мыслящем убийце с рациональным мотивом, — подхватил Эуне. — Необязательно отрезать голову жертве или красть ее мозг, чтобы дать полиции ложный намек на то, что убийство двух случайных жертв совершено на сексуальной почве. Есть способы отделения частей тела, для которых нужно меньше усилий и которые тоже заставляют думать об отсутствии связи между убийцей и жертвами.

— Гм…

— Никаких «гм», Харри. Слушай. Если цель убийцы — ввести нас в заблуждение, то он провел на месте преступления слишком много времени, а следовательно, рисковал больше, чем нужно. Его трофеи — мозги, и теперь мы видим типичные признаки того, что он совершенствует свою методику: вместо того, чтобы вскрыть череп и зашить скальп прямо на месте убийства, он отрезает голову жертвы и забирает ее с собой целиком. Харри, все это двигается, звучит и пахнет, как ритуальное убийство с целым спектром сексуальных подтекстов и намеков. Вот что это

такое!

Харри медленно кивнул, повернулся к Эйстейну, снял с него солнцезащитные очки и, игнорируя его «Эй!», надел на себя.

— Не хотел этого говорить — пояснил Харри, — но ты их у меня стащил. Я оставил очки в офисе бара «Ревность» после вечеринки в стиле пауэр-поп[53], на которой ты отказался ставить «R.E.M.»[54]

— Потому что договаривались о *классике* пауэр-попа. А что до очков, «кто нашел, берет себе»[55].

— Даже если нашел в ящике стола?

— Как дети малые, — вздохнул Эуне.

Эйстейн попытался снять очки с Харри, но тот успел откинуть голову назад.

— Спокойно, Эйстейн, я их верну. Лучше рас-

---

[53] Notes: 53

Пауэр-поп — вид поп-рока, основанный на ранней музыке таких групп, как «The Who», «The Beatles», «Beach Boys» и «Byrds», возникший в конце 1960-х годов и соединивший в себе мелодичность, вокальную гармонию и риффовую песенную структуру, в которой инструментальное солирование сведено к минимуму.

[54] Notes: 54

«R.E.M.» — американская рок-группа, основанная в 1980 году и оказавшая заметное влияние на альтернативный рок. Название расшифровывается как «Rapid Eye Movement» — быстрые движения глаз, один из признаков фазы быстрого сна, когда спящий видит сновидения.

[55] Notes: 55

Аллюзия на название романа американского писателя Стивета Кинга

— продолжения детектива «Мистер Мерседес», второго произведения трилогии о Билле Ходжесе.

скажи-ка нам, что узнал.

Эйстейн тоже вздохнул.

— Ну, я поговорил с коллегами, которые торгуют кокаином…

— Водители такси торгуют кокаином? — удивился Эуне. Они с Эйстейном посмотрели друг на друга, потом Эуне перевел взгляд на Харри: — Похоже, ты кое о чем мне не сказал.

— Да, — согласился Харри. — Продолжай, Эйстейн.

— Так вот, нашел я одного кента — он у Рёда постоянный дилер. Назовем его Эл. Он таки был на той вечеринке. Но он сказал, что его обставил другой, причем с таким «примо бланко»[56], что Элу оставалось только тихо стушеваться. Я спросил, кто это был, но Эл не знает — тот человек закрывал лицо медицинской маской и солнечными очками. Элу показалось странным, что хотя у парня была чистейшая дурь, лучшая, какую Эл нюхал в Осло, вел он себя как любитель.

— А именно?

— Это сразу видно. Профессионалы расслаблены, потому что знают свое дело, но при этом они постоянно мониторят обстановку, как анти-

---

[56] Notes: 56

Primo blanco — дословно с итальянского «первый белый». Имеется в виду первоклассный товар.

лопы на водопое. Они знают, в каком кармане у них товар, и если появятся копы, могут от него избавиться в считанные секунды. А тот парень, по словам Эла, нервничал, смотрел только на того, с кем разговаривал, и копался в карманах, когда искал пакеты. Ну и самое дилетантское: он мало разбавил продукт, если вообще разбавил. И раздавал бесплатные дозы.

— Всем подряд?

— Нет, нет. Я имею в виду — это же была шикарная вечеринка. Ну, знаешь, с людьми из приличного общества. Некоторые из них употребляют кокаин, но не на глазах у соседей. Парень в маске, две девушки и Эл пошли с Рёдом в его квартиру. Парень выложил на стеклянном столе в гостиной несколько дорожек, причем так, будто учился этому по роликам на ютюбе, и сказал, что Рёд должен это попробовать. Однако Рёд, как истинный джентльмен, сначала предложил гостям. Эл захотел — ну, я имею в виду, он хотел затестить этот товар. Но парень в маске схватил его за руку, вцепился как когтями так, что пошла кровь, оттащил от стола — похоже, совсем запаниковал. Элу пришлось его успокаивать. И тут парень заявил, что это только для Рёда, но Рёд ответил, что в его доме следует вести себя прилично, и если парень

не согласен дать девушкам попробовать первыми, то может убираться ко всем чертям. И тогда этот в маске пошел на попятную.

— Эл знал этих девушек?

— Нет. И конечно, я спросил, не те ли это пропавшие, но Эл о них даже не слышал.

— Вот как? — удивился Эуне. — О них говорят во всех новостях уже несколько недель.

— Да, но наркоманы живут… как бы это сказать?.. в другом мире. Не знают, кто премьер-министр Норвегии, например. Но поверь, какой бы норвежский город ты ни упомянул, они скажут тебе, какие в нем цены за грамм каждого чертова наркотика, какими господь благословил эту планету. Так что я показал Элу фотографии девушек, и они показались ему знакомыми. По крайней мере, он думает, что мог продать Сюсанне немного экстази или кокса, но он не уверен. Ну, в общем, девушки тогда попробовали, а потом настала очередь Рёда. Но тут вошла его жена и давай кричать на него — дескать, он обещал завязать. А Рёду уже пофигу, уже соломинка в носу, начинает вдыхать, да так, словно собрался втянуть все оставшиеся дорожки за один присест, и… — Эйстейн захихикал. — Потом… — Он сложился пополам, не в силах сдержать хохот, утирая слезы.

— Что потом? — поторопил его Эуне.

— А потом идиот этот кааак чихнет! Кокаин разлетается по сторонам, весь стол в слезах и соплях. Рёд в отчаянии смотрит на парня в маске и просит его добавить еще несколько дорожек, логично? А у парня больше ничего нет, это был весь его товар, и он, конечно, в таком же отчаянии падает на колени и пытается спасти хоть сколько-нибудь порошка. Но балконная дверь открыта, сквозняк — и пудра уже повсюду, и там и тут. Можешь поверить в такое дерьмо?

Эйстейн расхохотался, откинув голову назад, Трульс загоготал своим хриплым смешком. Даже Харри расплылся в улыбке.

— Эл пошел с Рёдом на кухню, подальше от жены, открыл сумку с товаром и сделал для Рёда несколько белых дорожек. Ах да, забыл — у парня в маске был не совсем «бланко», в том смысле, что не белого цвета. У него был зеленый кокаин.

— Зеленый?

— Да, — подтвердил Эйстейн. — Вот поэтому Эл так захотел его затестить. Я слышал, что в Штатах его можно раздобыть даже на улице, но в Осло такого никто никогда не видел. В самом чистом «бланко», который можно купить у уличного дилера, максимум сорок пять процентов кокаина,

но в зеленом, говорят, намного больше. Наверное, цвет товара зависит от того, сколько в порошке листьев коки.

Харри повернулся к Трульсу.

— Зеленый кокаин, да?

— Не смотри на меня так, — возразил Трульс, — я понятия не имею, как он там оказался.

— Черт, так это был ты? — поразился Эйстейн. — Незнакомец в маске и солн…

— Заткнись! Это ты чертов толкач, я — нет.

— А почему вдруг нет? — восхитился Эйстейн. — Это гениально! Ты конфискуешь товар, разбавляешь его, как раньше мы доливали водой водочные бутылки из минибаров в отцовских кабинетах, а потом лично продаешь товар, чтобы исключить…

— Я не конфисковывал товар! — лоб Трульса побагровел, глаза выкатились. — И не разбавлял. Черт побери, я даже не знаю, что такое левамизол![57]

— Ну да? — спросил Эйстейн, светясь от удовольствия. — Тогда откуда ты знаешь, что эту штуку смешивают с левамизолом?

— Оттуда, что это есть в отчете, а отчет досту-

---

[57] Notes: 57

Левамизол — антигельминтное и иммуномодулирующее средство.

пен в полицейской электронной базе! — взревел Трульс.

— Прошу прощения.

Все четверо повернулись к двери — у входа стояли две медсестры.

— Мы считаем, это очень мило, что у Столе так много посетителей, но мы не можем допустить, чтобы его и Джибрана слишком беспокоили…

— Извини, Кари, — мягко перебил Эуне. — Понимаешь, когда обсуждаются наследственные дела, ситуация может немного накалиться. А ты как думаешь, Джибран?

Джибран поднял голову и снял наушники.

— Что?

— Мы тебе мешаем?

— Вовсе нет.

Эуне улыбнулся старшей медсестре.

— Что ж, в таком случае… — Она поджала губы и укоризненно посмотрела на Трульса, Эйстейна и Харри, прежде чем закрыть за собой дверь.

* * *

Катрина посмотрела на тела Сюсанны и Бертины. Снова ее поразило, как выглядят лежащие на столах покойники. При взгляде на них, лишенных жизни, почему-то верилось в существование

души. Нечто, во что Катрина не верила, но надеялась. Движущая сила всех религий и мистических течений. Обе женщины были обнажены. У обеих цвет кожи переходил от белого к оттенкам синего и даже черного, потому что кровь и телесные жидкости стекли вниз, к столу. Началось разложение, и Катрине казалось, что она смотрит на статуи, безжизненные предметы, которым когда-то придал форму некто живой. Из-за отсутствия головы у Бертины это ощущение только усиливалось.

В помещении для вскрытий находилось семь живых человек: Катрина, патологоанатом, Скарре из криминалистического отдела, Сон Мин Ларсен, женщина-детектив из Крипоса, Александра Стурдза и ее коллега по судебно-медицинским экспертизам.

— Мы не обнаружили никаких признаков насилия, случившегося перед смертью, или борьбы, — заговорила патологоанатом. — О причинах смерти: Сюсанне перерезали горло, затронув сонную артерию; Бертина, вероятно, была задушена. Я говорю «вероятно», потому что мы не можем оценить многие признаки, которые обнаружили бы, будь у нас ее голова. Но следы на нижней части ее шеи указывают на удушение ремнем

или веревкой. Удушение привело к гипоксии. В крови или моче женщин не обнаружено следов каких-либо веществ, свидетельствующих, что их накачали наркотиками. На одном из сосков жертвы найдена засохшая слюна и слизь, — она указала на тело Сюсанны. — Насколько мне известно, это уже было исследовано…

— Да, — подтвердила Александра.

— Кроме того, мы не нашли чужеродного ДНК на телах жертв. Поскольку выдвигались версии об изнасиловании, мы уделили особое внимание поиску соответствующих следов. На руках, ногах, шеях нет оттисков крепко стиснутых пальцев, также нет следов укусов и засосов. Никаких ран и кровоподтеков на запястьях или лодыжках. У одной жертвы нет головы, поэтому мы не можем ничего сказать о ее ушных раковинах.

— Простите? — переспросила женщина-детектив из Крипоса.

— Раны на ушных раковинах, — пояснила Александра, — характерны для жертв изнасилования.

— То же о петехиях[58]. — Патологоанатом указала на голову Сюсанны. — У первой жертвы они

[58] Notes: 58

Петехии (от итальянского petecchia — веснушка) — небольшие красные или багровые пятна на коже или слизистых, конъюнктиве, сетчатке из-за кровоизлияния из капилляров.

не обнаружены.

— Маленькие темные пятна вокруг глаз или на небе, — объяснила Александра.

— Ни у одной жертвы нет видимых повреждений labia minora, — продолжала патологоанатом.

— Малых половых губ, — перевела Александра.

— Также нет царапин от ногтей на шее или ссадин на коленях, бедрах или спине. В остальном — во влагалище Бертины есть микроскопические следы, но отметины такого размера вполне могли появиться и от секса по обоюдному согласию. Короче говоря, ни на одной из них нет никаких физических признаков изнасилования.

— Но это не значит, что изнасилования не могло быть, — добавила Александра.

Ответный взгляд патологоанатома заставил Катрину заподозрить, что после того, как все разойдутся, Александру ждет разговор о соблюдении субординации.

— Итак, травм нет, — подытожила Катрина, — и спермы тоже. Тогда почему же вы уверены, что у них обеих был половой акт?

— Презерватив, — ответил другой специалист по судебно-медицинским вскрытиям, Хельге-какего-там, приятный молодой человек. До сих пор

он молчал. Интуиция Катрины подсказывала, что он занимает низшее место в иерархии трех присутствующих медиков.

— Презик? — переспросил Скарре.

— Да, — подтвердил Хельге. — Когда мы не находим сперму, мы ищем следы презерватива. Как правило, следы ноноксинола-9, это вещество содержится в смазке. Но этот презерватив, похоже, был без смазки — вместо нее мы обнаружили следы от мелкодисперсного порошка, который предотвращает слипание латекса. Дело в том, что состав этого порошка у каждого производителя свой, уникальный. И у обеих — у Сюсанны и у Бертины — следы порошка бренда «Bodyful».

— Это один и тот же порошок? — уточнил Сон Мин.

— Нельзя сказать точно, — ответил Хельге. — Конечно, вполне возможно, что они совершали половой акт с одним и тем же мужчиной одновременно, но…

— Понятно, — произнес Сон Мин. — Спасибо.

— Можно ли на основании проведенных исследований каким-нибудь способом определить, когда произошел половой акт? — спросила Катрина.

— Нет, — твердо ответила патологоанатом. —

Все, что мы рассказали, за вычетом подробностей о порошке для презервативов, вы можете найти в отчете, который мы добавили к материалам дела в базе BL-96 непосредственно перед вашим прибытием.

Возникшую паузу прервал Хельге. Его голос звучал более осторожно, чем в прошлый раз.

— Возможно, мы не сможем точно сказать когда, но… — он бросил быстрый взгляд на патологоанатома, словно спрашивая разрешения продолжить, — можно предположить, что в обоих случаях половой акт имел место незадолго до их смерти. Возможно, после.

— Продолжай.

— Если бы после полового акта они оставались в живых какое-то продолжительное время, их функционирующие тела избавились бы от следов презервативов. Живое тело справилось бы с этим за несколько суток — пожалуй, дня за три. Но в мертвом теле и сперма, и порошок от презерватива сохраняются дольше. Это… — он сглотнул и торопливо улыбнулся, — да, это все.

— Еще вопросы? — патологоанатом подождала пару секунд, прежде чем хлопнуть в ладоши. — Что ж. Как говорят в одном фильме, «если найдете

еще трупы, просто позвоните нам»[59].

Рассмеялся только Скарре. Потому ли, что он, самый старший из них, был единственным, кто помнил этот фильм; потому ли, что черный юмор теряет свою прелесть, когда рядом трупы — Катрина не знала наверняка.

Она почувствовала вибрацию телефона и посмотрела на дисплей.

[59] Notes: 59

«Если найдете еще трупы, просто позвоните нам» — норвежская криминальная комедия 1970 года Фильм основан на популярной пьесе Джека Попплуэлла «Хлопотунья» («Busybody»), переведенной на норвежский язык. По французской адаптации этой же пьесы в СССР в 1982 году был снят фильм «Ищите женщину».

ГЛАВА 21
Среда
Напряжение нарастает

Возле входа в больницу «Радиум» Катрина с усилием повернула руль более чем пятидесятилетней «Volvo Amazon».

Она остановилась рядом с высоким бородатым мужчиной.

Видела, как Харри колеблется, прежде чем открыть дверь и сесть на пассажирское сиденье.

— Ты сохранила машину, — констатировал он.

— Бьёрн так ее *любил*, — ответила Катрина и похлопала по приборной панели. — И хорошо о ней заботился. В ней все работает как часы.

— Это старая машина, — проговорил Харри. — В ней небезопасно.

Она улыбнулась.

— Ты думаешь о Герте? Расслабься, я езжу на ней только по городу. Дедушка возится с машиной, когда заглядывает ко мне, и… и она пахнет Бьёрном.

Катрина понимала, о чем он думает: *в этой машине застрелился Бьёрн*. Так и было. Бьёрн

отправился за город на автомобиле, который так любил, и выехал на прямой участок дороги вдоль поля в Тутене. Возможно, с этим местом у него были связаны теплые воспоминания. Стояла ночь. Он перебрался на заднее сиденье. Некоторые думали — потому, что на заднем сиденье машины умер его кумир Хэнк Уильямс, но Катрина полагала — Бьёрн не хотел портить водительское место, чтобы она могла потом ездить на этой машине. И она *должна* на ней ездить. Да, это безумие. Но она обманула хорошего и доброго, слишком доброго человека, заставила поверить, что родила ребенка от него, и, если теперь наказывала себя, кому какое дело! Бьёрн любил ее до безумия и всегда сомневался в искренности ее любви, дошел даже до того, что прямо спросил, почему она не выбрала равного себе мужчину. Нет, это наказание она принимала с радостью.

— Хорошо, что ты смогла так быстро добраться, — сказал Харри.

— Я была недалеко от Института судебной медицины. Так в чем дело?

— Я только что обнаружил, что мой водитель не совсем трезв, а мне нужно ехать, куда ты *можешь* меня сопроводить.

— Звучит не очень заманчиво. Куда ты соби-

рался?

— На места преступлений, — ответил он. — Хочу их увидеть.

— Даже не обсуждается.

— Ну чего ты. Мы же нашли вам Бертину.

— Понимаю, но я ясно дала понять: мы не вознаграждаем за наводки.

— Ага. Там все еще оцепление?

— Да, так что сам ты туда не пройдешь.

Харри посмотрел на нее с каким-то сдерживаемым отчаянием во взгляде. Она узнавала этот взгляд, эти чертовы голубые глаза, сейчас чуть более встревоженные, чем обычно; узнавала и то, как его тело не может долго оставаться в неподвижности. Эти его муравьи под кожей, эта его мания. А может, нечто большее? Никогда еще она не видела его таким взволнованным, словно расследование дела было вопросом жизни и смерти. Или?.. Нет, конечно, это была просто мания. Мания, требующая — *заставляющая* его — охотиться.

— М-м… Тогда отвези меня к бару «Шрёдер».

Или заставляющая его пить.

Катрина вздохнула. Проверила время.

— Как тебе удобно. Ничего, если по дороге я заберу Герта из детского сада?

Он поднял бровь. Его взгляд ясно говорил: он подозревает ее в неких скрытых мотивах. Разумеется, она могла действовать по подобным побуждениям: никогда не повредит напомнить мужчине, что у него есть ребенок. Катрина включила передачу и уже отпускала капризное сцепление, когда зазвонил ее телефон. Она посмотрела на дисплей и снова перешла на нейтральную передачу.

— Извини, Харри, я должна ответить. Да, Братт на связи.

— Ты читала, что сейчас опубликовал «Дагбладет»? — Большинство людей сказало бы, что главный суперинтендант совсем не кажется раздраженной. Но Катрина знала Будиль Меллинг и понимала: начальница в ярости.

— Если «сейчас» — это…

— Новость появилась на их сайте шесть минут назад, опять этот Воге. Он пишет, что по данным судебно-медицинской экспертизы с обеими девушками занимались сексом незадолго до или уже после того, как их убили, и что при этом использовали презерватив, вероятно, чтобы не оставить следов ДНК. Откуда у него эти сведения, Братт?

— Я не знаю.

— Что ж, позволь, я расскажу тебе. Кто-то из наших сливает Воге информацию.

— Извини, — произнесла Катрина. — Я неточно выразилась. *Откуда* сведения — очевидно. Я имела в виду — не знаю, *кто* сливает.

— И когда ты планируешь выяснить?

— Трудно сказать, босс. На данный момент моя приоритетная задача — найти убийцу. Насколько нам известно, он может искать следующую жертву.

В динамике повисла тишина. Катрина закрыла глаза и мысленно выругала саму себя. Да что ж она такая тупая-то!

— Я только что разговаривала по телефону с Винтером, и он исключает из круга подозреваемых всех сотрудников Крипоса. Я склонна с ним согласиться. Таким образом, Братт, это ты должна найти источник утечек и заткнуть ему рот. Ты слышишь меня? Из-за этих сливов мы выглядим круглыми идиотами. А сейчас я позвоню начальнику полиции, прежде чем он сам потребует отчета. Держи меня в курсе.

Меллинг отключилась. Катрина увидела, что Харри протягивает ей свой телефон, и всмотрелась в экран. Это был сайт «Дагбладет». Она быстро прочла комментарий Воге.

Обнаружение Бертины указывало, что убийства совершены на сексуальной почве, но сегодняшняя экспертиза в судебно-медицинском отделении не подтверждает эту версию и не снимает подозрений с Маркуса Рёда. Магнат, сделавший состояние на недвижимости, имел сексуальные отношения и с Сюсанной Андерсен, и с Бертиной Бертильсен, и — насколько известно полиции — является единственным человеком, через которого могли быть связаны эти две женщины. Источники сообщают, что, по версии следствия, Рёд мог заказать убийства, которые походили бы не на заказные, а на убийства по сексуальным мотивам.

— Этот парень явно неравнодушен к Рёду, — резюмировала она.

— А вы? — спросил Харри.

— Что — мы?

— Предполагали, что сексуальная составляющая этих убийств — только маскировка?

Катрина пожала плечами.

— Не слышала о подобном. Бьюсь об заклад, это собственное предположение Воге. Он при-

писывает эти слова источнику, потому что их невозможно проверить, и он это знает.

— М-м…

Они спустились к автомагистрали.

— Что думают твои люди? — спросила Катрина.

— Ну… большая часть команды думает, что это насильник и серийный убийца и что связь между двумя жертвами случайна.

— Потому что?..

— Потому что у Маркуса Рёда есть алиби, а наемные убийцы не занимаются сексом со своими жертвами. А твои люди что думают?

Катрина взглянула на дорогу через зеркало заднего вида.

— Ладно, Харри, я тебе кое-что расскажу. То, о чем не написал Воге: при вскрытии один из техников обнаружил в обеих девушках один и тот же тип порошка, которым покрывают презервативы. Что означает — преступник один и тот же.

— Интересно.

— Еще он не упомянул в статье, что судмедэксперты не исключают изнасилования девушек, хотя явных признаков на телах не найдено. По статистике признаки присутствуют только в одном случае из трех. Мелкие травмы сопро-

вождают только половину изнасилований. В остальных случаях не находят ничего.

— Думаешь, тут как раз такой случай?

— Нет. Думаю, признаков изнасилования нет, потому что половой акт происходил после смерти жертв.

— М-м. Возбуждение начинается со смерти.

— Что?

— Об этом говорил Эуне. У садистов сексуальное возбуждение возникает от страданий жертвы и пропадает после ее смерти. А у некрофилов оно возникает, когда жертва мертва.

— Окей. Что ж, вознаграждение ты все-таки получил.

— Спасибо. Что вы думаете о следах обуви на месте преступления?

— Кто сказал, что там были следы обуви?

Харри пожал плечами.

— Это лес. Земля, я полагаю, мягкая. За последние несколько недель почти не было дождей. Очевидно, что должны остаться следы.

— Они одинаковые, — после некоторого колебания ответила Катрина. — Следы жертвы и предполагаемого преступника идут близко друг к другу, будто он удерживал ее или угрожал оружием.

— М-м. Или наоборот.

— Что ты имеешь в виду?

— Они могли идти обнявшись. Как пара. Как двое, намеренные заняться сексом по обоюдному согласию.

— Ты серьезно?

— Если бы я угрожал кому-то оружием, я шел бы позади.

— Ты веришь, что девушки знали своего убийцу?

— Возможно. А может, и нет. Во что я не верю, так это в совпадения. Сюсанна пропала через четыре дня после вечеринки в доме Рёда, а Бертина — еще через неделю. Они встретили убийцу там. На вечеринке был мужчина, которого, полагаю, нет в вашем списке гостей.

— Вот как?

— Парень в маске и солнцезащитных очках, торгующий кокаином.

— Нет, ни о ком подобном никто не упоминал. Хотя в этом нет ничего странного, ведь он продавал гостям кокаин.

— Или потому, что безликие люди быстро забываются. Он не продавал, он дал нескольким гостям образцы чего-то, что, по нашему мнению, похоже на чистый кокаин.

— Откуда вы узнали?

— Неважно. Важно, что этот неизвестный разговаривал и с Сюсанной, и с Бертиной. Знаешь кого-нибудь еще, кто на вечеринке говорил с обеими девушками?

— Только Маркус Рёд. — Катрина включила поворотник и снова посмотрела в зеркало. — Думаешь, этот парень подцепил обеих на вечеринке и убедил прогуляться с ним по лесу?

— Почему нет?

— Не знаю, просто не вижу в этом смысла. Допустим, Сюсанна отправляется искать приключений в лесу с парнем, с которым только что познакомилась на вечеринке. И который к тому же торговал кокаином. Но почему Бертина через неделю добровольно отправляется на Скюллерюд с едва знакомым человеком? Ведь в газетах уже вовсю писали, что Сюсанну в последний раз видели именно на Скюллерюде. К тому времени Бертина уже должна была понять, что они трое веселились на одной вечеринке. Нет, Харри, на это я не куплюсь.

— Окей. А что думаешь ты?

— Я думаю, мы ищем серийного насильника.

— Серийного убийцу.

— Совершенно верно. Быстрые убийства, некро-

филия. Вырезанный мозг, отрубленная голова, подвешенное, будто на бойне, тело. Вот что я называю ритуальным убийством.

— Угу, — буркнул Харри. — А причем тут порошок от презерватива?

— Что?

— В преступлениях сексуального плана обычно ищут смазку, если пытаются идентифицировать презерватив.

— Да, но в этих случаях он был без смазки.

— Точно. Ты работала в отделе по борьбе с преступлениями сексуального характера. Разве серийные насильники, по крайней мере, если они достаточно умны, чтобы использовать презерватив, отказываются от тех, что со смазкой?

— Обычно не отказываются — чтобы, извини за каламбур, дело шло легче. Но это насильники, Харри, у них нет единой методики, а ты просто занудствуешь.

— Ты права, — сказал Харри. — Но пока я не увидел и не услышал ничего, опровергающего версию, по которой Бертина и Сюсанна добровольно, по обоюдному согласию занимались с убийцей сексом прямо перед тем, как он их убил.

— Ничего, кроме… крайней необычности этой версии. Нет? Здесь ты эксперт по серийным

убийцам.

Харри почесал в затылке.

— Да, это необычно. Убийство после изнасилования довольно типично, будь оно частью сексуальной фантазии убийцы или попыткой избежать опознания. Но убийство после секса по взаимному согласию — случай исключительный. Человек нарциссического склада может убить, если во время полового акта он был каким-то образом унижен, например если оказался не в состоянии совершить акт.

— Следы от презерватива указывают, что совершить акт все же удалось, Харри. Я скоро вернусь.

Харри кивнул. Они остановились в нижней части улицы Хегдехаугсвейен. Он наблюдал, как Катрина быстро идет к воротам в заборе, на котором так и висли дети в зимних комбинезонах, ожидая, когда их заберут.

Она исчезла за воротами и появилась через несколько минут, держа за руку Герта. До Харри доносился нетерпеливый детский голос. Сам Харри когда-то был молчаливым ребенком.

Дверь машины открылась.

— Пливет, Халя.

Герт потянулся с заднего сиденья и обнял Харри. Катрина усадила сына обратно в детское кресло.

— Привет, старик, — произнес Харри.

— Сталик? — переспросил Герт, глядя на мать.

— Он над тобой прикалывается, — объяснила Катрина.

— Ты пликалываесся, Халя!

Герт от души рассмеялся, и, посмотрев на него в зеркало, Харри вздрогнул — он увидел нечто знакомое. Не у себя. Не у отца. У своей матери. У Герта была улыбка матери Харри.

Катрина села за руль.

— К «Шрёдеру»? — спросила она.

Харри покачал головой.

— Выйду у твоего дома, а потом прогуляюсь.

— Прогуляешься к «Шрёдеру»?

Харри не ответил.

— Я тут подумала, — произнесла она. — Хочу попросить тебя об услуге.

— Давай.

— Знаешь, как всякие там лыжники и люди, побывавшие на Южном полюсе, берут кучу денег за свои вдохновляющие речи?

* * *

Паром с полуострова Несоддтанген слегка покачивался на волнах.

Харри огляделся. Пассажиры на соседних

сиденьях смотрели в телефоны, заткнув уши наушниками, читали книги или глядели на Ослофьорд. Они держали путь домой с работы, из колледжа или с прогулки по городским магазинам. Похоже, никто не возвращался с любовного свидания.

Харри просмотрел в телефоне последний отчет судебно-медицинской экспертизы. Скриншоты отчета разослал всей команде Трульс. Харри прочел его, когда зашел перекусить в столовой больницы «Радиум», уже после того, как отправил Катрине сообщение с просьбой приехать за ним. Чувствовал ли он себя виноватым, делая вид, что ничего не знает о ее посещении Института судебно-медицинской экспертизы? Не особенно. А что касается информации о порошке и некрофилии — то ему и вовсе не пришлось изображать неосведомленность, в отчете этого не было. Как не было и в статье Воге. То есть информатор Воге не входил в число присутствовавших на докладе судмедэкспертов в Институте, иначе он упомянул бы сведения, которые в отчет не попали. Однако Воге добавил, что некоторые следователи подозревают маскировку этих преступлений под работу серийного убийцы для сокрытия их истинной причины.

Порошок от презерватива.

Харри задумался.

И набрал букву «Т».

— Да?

— Привет, Трульс, это Харри.

— Да?

— Не отниму много времени. Я разговаривал с Катриной Братт, и оказалось — в отчеты попало не все, что обнаружили в Институте судебной медицины.

— Вот как!

— Ага. Она поделилась одной деталью, которую завтра наверняка будет обсуждать следственная группа полицейских и которой у нас нет.

— И это?..

Харри колебался. Порошок от презерватива.

— Татуировка, — сообщил он. — Убийца срезал татуировку «Louis Vuitton» с лодыжки Бертины и пришил ее обратно.

— Как скальп Сюсанны Андерсен?

— Ага, — согласился Харри. — Но это не главное. Важно, чтобы на будущее ты нашел способ узнавать о таких вещах.

— О том, что не попадает в отчеты? Тогда мне придется общаться с людьми.

— Э-э… Мы не хотим оставлять это на волю слу-

чая. Я не жду предложений прямо сейчас, просто подумай об этом, а завтра поговорим.

Трульс хмыкнул.

— Хорошо.

Они разъединились.

Когда судно пришвартовалось, Харри остался сидеть и смотреть, как другие пассажиры сходят на берег.

— Не выходите? — спросил контролер, осматривая пустой салон.

— Не сегодня, — ответил Харри.

* * *

— Повторите, — попросил Харри, указывая на бокал.

Бармен приподнял бровь, но взял бутылку «Джим Бим» и налил. Харри опрокинул виски в себя.

— И еще.

— Тяжелый день? — спросил бармен.

— Пока нет, — ответил Харри, взял стакан и пошел к столику, за которым видел однажды вокалиста «Turboneger». Заметил, что уже не совсем твердо держится на ногах. По пути прошел мимо сидевшего к нему спиной мужчины и почувствовал запах парфюма, навеявший мысли о

Люсиль. Харри скользнул на диван. Стоял ранний вечер, и посетителей было немного. Где-то сейчас Люсиль? Он мог не пить лишний бокал, а пойти в номер перечитывать отчеты, выискивать зацепки. Он посмотрел на стакан, и тот напомнил ему о песочных часах: как неостановимо пересыпаются в них песчинки, так же неумолимо бежит время. Пять дней и несколько часов до того, как он снова потерпит неудачу. Такова история его жизни. К черту, в любом случае скоро все его неудачи закончатся. Он поднял стакан.

В бар вошел мужчина. Огляделся. Увидел Харри. Они обменялись короткими кивками, мужчина направился к Харри и устроился на стуле по другую сторону стеклянного стола.

— Добрый вечер, Крон.

— Добрый вечер, Харри. Как идут дела?

— Расследование? Все хорошо.

— Хорошо… Значит ли это, что у вас есть зацепка?

— Нет. Что тебя сюда привело?

Адвокат, похоже, собирался задать очередной уточняющий вопрос, но передумал.

— Я слышал, ты сегодня звонил Хелене Рёд, и вы двое собираетесь поговорить.

— Так точно.

— Перед тем, как этот разговор состоится, я просто хочу обратить твое внимание на пару моментов. Прежде всего, ее отношения с Маркусом сейчас переживают не лучший период. Для этого может быть несколько причин. Например…

— Кокаиновая зависимость Маркуса?

— Мне ничего об этом не известно.

— Еще как известно.

— Я имею в виду — со временем они отдалились друг от друга. И то, что из-за этих убийств Маркус оказался в фокусе общественного внимания, особенно внимания газеты «Дагбладет», не улучшило ситуацию.

— Что ты пытаешься сказать?

— Сейчас у Хелены сильный стресс, и я не исключаю, что она может сказать о муже нечто компрометирующее как в отношении его личности в целом, так и о его связях с фрёкен Андерсен и фрёкен Бертильсен. Разумеется, это не повлияет на факты расследования, но если эта информация попадет в «Дагбладет», для моего… вернее, нашего клиента это окажется весьма неблагоприятным.

— Иначе говоря, ты пришел предупредить меня, чтобы я не сливал сплетни?

Крон слегка улыбнулся.

— Просто говорю, что ради очернения Маркуса

этот Воге использует все, до чего только может дотянуться.

— Потому что?..

Крон пожал плечами.

— Очень давняя история. Это случилось, когда Маркус вкладывал деньги в разные проекты — просто для развлечения. В то время он, кроме прочего, был председателем правления бесплатной газеты, для которой писал Воге. Комиссия по жалобам на прессу обнаружила, что из-за историй, сочиненных Воге, газета нарушила кодекс поведения, и правление уволило Воге. Это нанесло большой ущерб его жизни и карьере, и он, очевидно, так и не простил Маркуса.

— Мм. Буду иметь это в виду.

— Хорошо.

Крон продолжал сидеть.

— Да? — поинтересовался Харри.

— Я пойму, если ты не хочешь это выкапывать, но нас с тобой связывает тайна.

— Ты прав, — Харри сделал глоток из своего стакана. — Не хочу это выкапывать.

— Конечно. Я просто хотел сказать — я до сих пор верю, что мы поступили правильно.

Харри посмотрел на него.

— Мы позаботились о том, чтобы мир изба-

вился от ужасного, злого человека, — продолжал Крон. — Хотя он был моим клиентом…

— И невиновным, — неразборчиво пробормотал Харри.

— В убийстве твоей жены — возможно. Но он был виновен в разрушении многих других жизней. Слишком многих жизней молодых невинных людей.

Харри пристально рассматривал Крона. Они совместно позаботились о том, чтобы Свейн Финне, многократно судимый за изнасилования, был убит и обвинен в убийстве Ракели. Крон сделал это из-за угроз Финне ему самому и его семье, а Харри — из-за желания навсегда оставить в тайне личность и мотивы настоящего убийцы Ракели.

— В то время как Бьёрн Хольм, — продолжал Юхан Крон, — был просто хорошим человеком. Хорошим другом. Хорошим мужем. Не так ли?

— Так, — согласился Харри, ощущая, как в горле возникает ком. Он поднял пустой стакан, подавая знак бармену.

Крон глубоко вздохнул.

— Бьёрн Хольм убил не тебя, а женщину, которую ты любил, потому, что только так он мог заставить тебя страдать так же, как страдал он

сам.

— Довольно, Крон.

— Я имею в виду, Харри, что это одно и то же. Терри Воге хочет опозорить Маркуса Рёда, как был когда-то опозорен сам. Подвергнуть его общественному осуждению. Это может сломать, человека, понимаешь? Заставить свести счеты с жизнью. У меня были клиенты, которые так поступали.

— Маркус Рёд — не Бьёрн Хольм. Его не назовешь хорошим человеком.

— Возможно. Но он невиновен. Во всяком случае, в этом деле.

Харри закрыл глаза. *Во всяком случае, в этом деле*.

— Спокойной ночи, Харри.

Когда Харри открыл глаза, Юхан Крон уже покинул бар, а на столике стоял новый стакан виски.

Он попытался пить медленно, но решил, что это бессмысленно, и выпил залпом. И вскоре заказал еще — всего один.

Вошла женщина. Стройная. Красное платье, темные волосы, гибкая спина. Было время, когда он повсюду видел Ракель. Теперь это прошло. И он скучал по ней, даже по ночным кошмарам. Женщина у стойки, словно почувствовав на сво-

ей пояснице его взгляд, обернулась. Мимолетно посмотрела в его сторону и сразу отвернулась обратно. Но он успел увидеть: в ее глазах не возник интерес, только легкая жалость. Она поняла: человек на диване очень, очень одинок. С таким не хочется иметь ничего общего.

Когда Харри заползал в постель, он никак не мог вспомнить, как же попал в свой номер. Как только он закрыл глаза, в его голове тут же снова закрутились две фразы:

Заставить тебя страдать так же, как страдал он сам.

Невиновен. Во всяком случае, в этом деле.

Зазвонил мобильник, засветился экран. Он повернулся, взял телефон с тумбочки. Пришло MMS с номера с префиксом 52. Он без труда догадался, что номер мексиканский — на снимке оказалось лицо Люсиль на фоне стены с облупившейся краской. Без макияжа она выглядела старше. К камере она повернула ту сторону лица, которая, как она утверждала, была красивее. Необычно бледная, Люсиль все же улыбалась, будто утешая человека, который, как она знала, получит этот снимок. И Харри пришло в голову, что этой же сочувственной добротой светилось лицо его матери, когда она стояла в дверях класса с коробкой

для завтрака.

Фотографию сопровождало несколько английских слов:

5 дней, отсчет идет.

ГЛАВА 22
Четверг
Долг

Было без пяти десять. Катрина и Сон Мин стояли у входа в конференц-зал, держа по чашке кофе. На утреннее совещание сходились и остальные члены следственной группы и, проходя мимо них, бормотали приветствия.

— Именно, — сказал Сон Мин. — Итак, Холе считает, что преступник — торговец кокаином, который был на той вечеринке?

— Похоже на то, — ответила Катрина и взглянула на часы. Харри обещал приехать пораньше, а до назначенного времени оставалось всего четыре минуты.

— Если кокаин был таким чистым, возможно, этот человек ввез его в страну сам. Контрабандой. И не только его.

— Что ты имеешь в виду?

Сон Мин покачал головой.

— Просто предполагаю. Недалеко от места происшествия валялся пустой пакетик из-под антипаразитарного порошка. Похоже, этот пакетик

тоже провезли контрабандой.

— Вот как?

— Препарат запрещен у нас в стране. В его составе есть мощные токсины против многих кишечных червей, в том числе опасных видов.

— Опасных?

— Паразиты могут оказаться смертельными для собак и заражают людей. Я слышал о паре хозяев, которые подхватили от своих собак таких червей. Они поражают печень, очень неприятные последствия.

— Хочешь сказать, этот убийца может быть владельцем собаки?

— Который кормит питомца антипаразитарным средством на свежем воздухе, перед тем как убить и изнасиловать свою жертву? Нет, конечно.

— Так почему же…

— Вот именно — почему. Потому что мы хватаемся за соломинку. Тебе встречались видео, как американские дорожные полицейские останавливают автомобилистов из-за небольшого превышения скорости или из-за неработающего заднего фонаря? Видел, как осторожно они подходят к машине, будто нарушение правил дорожного движения — знак того, что перед ними

весьма вероятно закоренелый преступник?

— Да, и я знаю почему. Потому что это и правда весомый признак того, что нарушитель окажется преступником. На эту тему проводили множество исследований.

Сон Мин улыбнулся.

— Вот именно. Нарушители правил. Вот и все.

— Хорошо, — произнесла Катрина, снова проверяя время. Что же произошло? Она опасалась, что Харри может полностью слететь с катушек. Она видела это по его глазам. Но все же обычно он держал свое слово. — Если ты взял этот пакетик с собой, ты должен отнести его в лабораторию.

— Я нашел его далековато от места происшествия, — ответил Сон Мин. — В этом радиусе можно обнаружить тысячу вещей, которые, немного пофантазировав, связать с убийством.

Без одной минуты десять.

Она заметила офицера, которого отправляла встретить приглашенного в приемной внизу. Над офицером не меньше чем на голову возвышался Харри Холе. Еще более помятый, чем его костюм, От Харри несло перегаром, и Катрине показалось, что она почуяла это даже раньше, чем запах действительно дошел до нее. Она заметила, как Сон Мин Ларсен машинально выпрямил спину.

Катрина допила кофе.

— Ну что, начнем?

— Как видите, у нас посетитель, — сообщила Катрина.

Первая часть плана сработала — усталость и апатия словно испарились с лиц ее коллег.

— Он не нуждается в представлении, но для новичков скажу: Харри Холе начал работать детективом здесь, в отделе по борьбе с преступностью, в… — Она посмотрела на Харри.

Тот скорчил гримасу сквозь бороду:

— В каменном веке.

Послышался смех.

— Да, в каменном веке, — продолжила Катрина. — Он сыграл важную роль в раскрытии целого ряда самых громких наших дел. Преподавал в полицейском колледже. Насколько мне известно, он единственный норвежец, прошедший в Чикаго курсы ФБР по расследованию серийных убийств. Я хотела включить его в состав нашей следственной группы, но не получила разрешения. — Катрина посмотрела на присутствующих. Меллинг непременно пронюхает, что Братт ввела Харри в святая святых, это лишь вопрос времени. — И тем лучше, что Маркус Рёд нанял его для расследования убийств Сюсанны и Бертины. Это

значит, что больше специалистов привлечено к расследованию, хоть и не нашим начальством. — Она увидела мягкий предостерегающий взгляд Сон Мина и яростный Магнуса Скарре. — Я пригласила Харри для обзорной лекции о подобных убийствах, чтобы вы могли получить ответы на возникающие вопросы.

— Первый вопрос! — голос Скарре дрожал от негодования. — Почему мы должны слушать его рассказы о серийных убийцах? Это материал для телешоу, а два одинаковых убийства не означают…

— Означают. — Харри поднялся со стула в первом ряду, но не повернулся к аудитории. На мгновение показалось, что он покачнулся, будто был готов упасть из-за скачка давления, но тут же утвердился на ногах. — Да, это действительно означает, что убийства серийные.

В конференц-зале повисла тишина. Харри сделал два медленных шага к доске и развернулся к слушателям. Сначала слова выходили медленно, потом речь немного ускорилась, словно первые фразы стали разминкой для губ.

— Термин «серийное убийство» придумали в ФБР, и его официальное определение — «серия из двух или более убийств, совершенных одним и

тем же преступником в качестве отдельных событий», вот так просто. — Он пристально посмотрел на Скарре. — Но хотя это дело по определению является серийным убийством, не факт, что преступник обязательно соответствует вашим представлениям о серийных убийцах, как их показывают в телешоу. Ему не обязательно быть психопатом, садистом или сексуальным маньяком. Возможно, он относительно нормальный человек, как вы или я, с совершенно банальными мотивами — например, денежными. На самом деле деньги — второй по распространенности мотив серийных убийц в США. Итак, серийный убийца — не обязательно тот, кем руководят голоса в голове или кто подвержен неудержимому желанию убивать снова и снова. Но он может быть и таким. Я говорю «он», потому что подавляющее большинство серийных убийц — мужчины, исключения редки. Вопрос в том, может ли тот, кого мы сейчас ищем, оказаться кем-то из вышеперечисленных типов.

— Вопрос в том, — возразил Скарре, — что ты здесь делаешь, если работаешь на частного клиента. Почему мы должны верить, что ты хочешь нам помочь?

— Ну а почему бы мне не помочь тебе, Скар-

ре? Мне поручили убедиться, что это дело будет раскрыто, — или хотя бы увеличить вероятность раскрытия. И неважно, кто его раскроет — я или вы. Я вижу, что тебе сложновато воспринять эту концепцию, Скарре, так что позволь, я проиллюстрирую. Если мне поручено спасти людей от пожара в здании, а здание уже охвачено огнем, что мне делать — тушить самому ведерком или позвонить в пожарную часть за углом?

Катрина подавила улыбку и заметила, что Сон Мин подавлять не стал.

— Итак, вы пожарная команда, и я вам звоню. Мое дело — рассказать вам все, что я знаю о пожаре. А поскольку я немного разбираюсь в пожарах, я расскажу вам, чем этот, на мой взгляд, отличается от других. Пойдет?

Катрина увидела: несколько человек кивнули, остальные переглянулись. Не возразил никто.

— Перейдем к тому, чем *это* дело отличается от других, — продолжал Харри. — Головы. Точнее — отсутствующие мозги. И главный вопрос, как всегда, «почему». Для чего вскрывать или отрезать жертвам головы и извлекать мозги? Ну, некоторые случаи дают нам несколько простых ответов. В Ветхом Завете есть история о Юдифи, бедной еврейской вдове. Юдифь спасает осажден-

ный город, соблазнив вражеского полководца и отрубив ему голову. Целью было не столько убийство, сколько устрашение, демонстрация силы: когда голову полководца показали прилюдно, его войска, разумеется, разбежались. Мы видим рациональный поступок с мотивом, актуальным для всей истории войн. Мы наблюдаем подобное и сегодня, когда политические террористы распространяют видеозаписи обезглавливаний. Но нам трудно понять, зачем нашему подозреваемому понадобилось кого-то запугивать. В племенах охотников за головами — по крайней мере, в мифах о них — мужчины часто хотят получить головы жертв в качестве трофеев или для изгнания злых духов. Или для поддержания настроя. Племена Новой Гвинеи верили, что когда отрубаешь голову — завладеваешь душой жертвы. Эти ответы могут приблизить нас к сути расследуемого нами дела.

Катрина обратила внимание, что хотя Харри говорил ровным голосом, почти монотонно, не используя жестикуляцию и мимику, внимание слушателей было целиком приковано к нему.

— История серийных убийц полна случаев

обезглавливания. Эд Гин[60] отрубал своим жертвам головы и вешал на столбики кроватей. Эд Кемпер[61] отрЕзал голову матери и занялся с с мертвой сексом. Но, возможно, наш случай больше похож на дело Джеффри Дамера[62]. В восьмидесятые он убил семнадцать мужчин и мальчиков. Встречался с ними на вечеринках или в клубах, поил их или давал наркотики. Кое-что, к чему я еще вернусь, могло иметь место и в нашем деле. Затем Дамер вез жертву домой. Убивал, обычно душил, пока человек был одурманен наркотиками. Занимался сексом с трупом. Расчленял. Просверливал отверстия в голове, заливал туда жидкости, например кислоту. Отрезал голову. Съедал отдельные части тел. Дамер говорил психологу, что, сохранял головы из-за страха быть отвергнутым — таким образом он добивался, чтобы жертвы не могли покинуть его. Это дает нам отсылку к новогвинейским

---

[60] Notes: 60

Эд Гин — один из самых известных серийных убийц в истории США, а также некрофил, похититель трупов. После ареста в его доме обнаружили целый гардероб из человеческой кожи.

[61] Notes: 61

Эдмунд Эмиль Кемпер — американский серийный убийца и некрофил, известен как «Убийца студенток».

[62] Notes: 62

Джеффри Лайонел Дамер — серийный убийца, насильник, каннибал, некрофил.

собирателям душ. Но Дамер пошел дальше них — он верил, что жертва останется с ним, если съесть часть ее тела. Надо сказать, психологи предполагали, что Дамер не был невменяемым и недееспособным, а только страдал некоторыми расстройствами личности. Как и большинство из нас, он мог бы нормально жить в обществе. Иными словами, если бы человек вроде Дамера сейчас сидел среди нас, мы вряд ли заподозрили бы его в чем-то. У тебя вопрос, Ларсен?

— Наш преступник отнял у Сюсанны не голову, а мозг. У Бертины — и голову, и мозг. Получается, ему нужны мозги? Если да — они нужны ему в качестве трофеев?

— М-м… Различаются трофеи и сувениры. Трофеи — это символ победы над жертвой, и в таких случаях часто используются головы. Сувениры нужны для напоминания о половом акте и последующем сексуальном удовлетворении. Я не знаю, к какому из понятий этой классификации отнести мозги. Но если нам надо делать выводы, основанные на знаниях о серийных убийцах-психопатах с сексуальными мотивами, то для их действий, как и для действий обычных людей, существует *множество* причин. И именно поэтому не существует общих моделей поведения — по

крайней мере, настолько детально прописанных, чтобы мы могли предсказать по ним каждый следующий шаг убийцы. За исключением одной вещи, которую мы можем предположить почти наверняка.

Катрина знала, что возникшая пауза не была драматической — Харри требовалось перевести дыхание и почти незаметно переставить ноги, чтобы восстановить равновесие.

— Что они снова будут убивать.

Повисла тишина, и Катрина услышала, как снаружи по коридору к их двери быстро приближаются тяжелые шаги. Она узнала этот звук и поняла, кто идет. Возможно, Харри тоже услышал это и догадался, что его время на исходе. Во всяком случае, он заговорил быстрее.

— Я думаю, этот человек охотится не за головами, а скорее за мозгами жертв. Отрезание головы у Бертины означает только, что он совершенствует свой метод, и это также является типичной чертой классического серийного убийцы-психопата. По опыту прошлого убийства он усвоил, что извлечение мозга на месте преступления требует времени, а следовательно, увеличивает риск. Кроме того, он увидел результат пришивания скальпа на место и понял, что это неизбежно

обнаружат. И решил забирать голову целиком, чтобы скрыть свою действительную цель — получение мозга. Не думаю, что он задушил Бертину чтобы запутать следы и чтобы полицейские подумали, будто Сюсанну убил кто-то другой. Ведь тогда он не выбрал бы Скюллерюд и для второго убийства тоже и не оставил бы второе тело также обнаженным ниже пояса. Он изменил способ убийства по практическим соображениям: испачкался кровью, когда перерезал горло Сюсанне. Это видно по следам брызг крови. Кровь на руках, лице и одежде выдала бы его, если бы ему кто-то встретился на обратном пути. Ему пришлось выбросить одежду, вымыть машину внутри и снаружи и так далее.

Дверь открылась. Конечно же, это была Будиль Меллинг. Скрестив руки на груди, она заняла позицию в дверном проеме и устремила на Катрину взгляд, не предвещающий ничего хорошего.

— Убийца привел ее на озеро в том числе и по этой причине. Он отрезал голову жертвы, удерживая ее под водой, чтобы свести на нет вероятность испачкаться кровью. Это делает его похожим на большинство из нас: чем чаще мы делаем что-то, тем лучше у нас получается. В данном случае это обстоятельство обрисовывает

не самую радостную перспективу на будущее.

Харри перевел взгляд на Будиль Меллинг.

— Ты так не думаешь, главный суперинтендант?

Уголки ее рта приподнялись в подобии улыбки.

— Могу сказать о твоих перспективах на будущее, Холе: ты немедленно покинешь это здание. Затем мы обсудим в своем кругу, как мы понимаем правила, касающиеся несанкционированного доступа частных лиц к информации.

Катрина почувствовала, как перехватывает горло смесью стыда и гнева, и поняла, что голос выдаст ее чувства.

— Я понимаю твое беспокойство, Будиль. Но само собой разумеется, Харри не был допущен к…

— Как я уже сказала, с этим мы разберемся в своем кругу. Кто-нибудь, кроме Братт, сопроводите Холе к выходу, пожалуйста. А ты, Братт, пойдешь со мной.

Катрина бросила отчаянный взгляд на Харри. Он пожал плечами в ответ, и она последовала за Будиль Меллинг, слушая дробный стук каблуков по полу коридора.

— Честное слово, Катрина, — произнесла Меллинг, когда они ехали в лифте. — Я тебя пре-

дупреждала. Не связывайся с Холе. И все же ты сделала именно это.

— Я не получила разрешения пригласить его в качестве члена группы, но он здесь в качестве консультанта, который безвозмездно делится своим опытом и сведениями. Он не получает за это ни денег, ни информации. Я за это отвечаю.

Лифт звякнул — они приехали на нужный этаж.

— Правда? — спросила Меллинг, выходя.

Катрина поспешила за ней.

— Кто-то прислал тебе сообщение из конференц-зала?

Меллинг кисло улыбнулась.

— Ах если бы нам нужно было беспокоиться только о подобных сливах информации! Его, во всяком случае, сделал человек, сознающий свой долг.

Меллинг вошла в свой кабинет. За небольшим столом для совещаний сидели старший инспектор Крипоса Уле Винтер и начальник отдела информации Кедзиерски. Перед каждым стояла чашка кофе и лежал экземпляр газеты «Дагбладет».

— Доброе утро, Братт, — поздоровался глава Крипоса.

— Мы тут обсуждаем утечки информации по делу о двойном убийстве.

— Без меня? — уточнила Катрина.

Меллинг вздохнула, опустилась на стул и жестом пригласила Катрину тоже сесть.

— Без людей, которые теоретически могут стоять за утечками. Ничего личного. Сейчас мы можем обсудить это с тобой. Полагаю, ты видела, что Воге написал сегодня?

Катрина кивнула.

— Это скандал, — прокомментировал Винтер, качая головой. — Иначе не скажешь. Воге владеет подробностями расследования, которые мог получить только от нас, другого источника быть не может. Я проверил своих людей, работающих по этому делу, и никто из них не имеет отношения к утечкам.

— Как ты их проверил? — спросила Катрина.

Винтер проигнорировал вопрос, просто продолжил качать головой.

— И теперь, Братт, ты приглашаешь конкурентов?

— Может, ты и конкурируешь с Холе, я — нет, — возразила Катрина. — А для меня есть кофе?

Меллинг удивленно взглянула на нее.

— Но вернемся к утечкам, — продолжила Кат-

рина. — Я проанализировала, какая информация есть у Воге и какой нет. И оказалось, что Воге всегда публиковал сведения о деле *после* того, как эти сведения заносились в отчеты, поступившие в базу BL. А значит, утечка могла произойти от любого сотрудника полицейского управления, у которого есть доступ к базе. К сожалению, система не регистрирует, какие файлы кто просматривает.

— Это неправда! — возмутился Винтер.

— Правда, — возразила Катрина. — Я поговорила с нашими IT-специалистами.

— Я имел в виду твои слова о том, что все написанное Воге было в отчетах. — Винтер схватил со стола газету и прочел вслух: — «Полиция отказалась обнародовать несколько шокирующих деталей — например, о татуировке Бертины Бертильсен, которая была срезана и пришита вновь».

Он бросил газету обратно на стол.

— Этого не было ни в одном отчете!

— Очень надеюсь, что не было, — поддержала Катрина. — Потому что это неправда. Воге это выдумал. И конечно же, Винтер, тут не может быть нашей вины, не так ли?

* * *

— Спасибо, Анита, — сказал Харри, не сводя глаз с пива, которое перед ним только что поставила пожилая официантка.

— Что ж… — Анита вздохнула, словно отзываясь на собственные невысказанные мысли. — Приятно снова тебя видеть.

— Чего это она? — спросил Трульс. Харри застал его уже сидящим за стойкой, когда пришел в условленное время.

— Ей не нравится меня обслуживать, — объяснил Харри.

— Тогда зря она работает в «Шрёдере», — хрипло засмеялся Трульс.

— Может, и так. — Харри поднял кружку пива. — Возможно, ей просто нужны деньги.

Он отпил, не отводя взгляда от Трульса.

— Чего ты хотел? — спросил Трульс, и Харри заметил, что у него подёргивается глаз.

— А ты как думаешь?

— Не знаю. Снова мозговой штурм?

— Может быть. Что ты думаешь по этому поводу? — Харри вынул из кармана пиджака «Дагбладет» и положил перед Трульсом.

— По какому?

— О том, что́ Воге пишет о татуировке Бертины. Будто ее отрезали и пришили обратно.

— Об этом? Думаю, он хорошо информирован. Но полагаю, это его работа.

Харри вздохнул.

— Я не просто так спрашиваю, Трульс, и не чтобы потянуть резину. Я даю тебе шанс сказать все раньше, чем скажу сам.

Трульс положил руки на потертую скатерть, по обе стороны бумажной салфетки. Он ничего не заказывал, ничего не ждал. Рядом с белой салфеткой его руки казались ярко-красными. И словно распухшими, даже раздутыми: если бы Харри ткнул в них булавкой, они, может быть, съежились бы до пары перчаток. Лоб Трульса стал темно-красным — таким цветом в комиксах рисуют дьявола.

— Понятия не имею, о чем ты, — заявил Трульс.

— Это ты. Ты информатор Терри Воге.

— Я? Ты дурак, что ли? Я даже не в следственной группе.

— Ты информируешь Воге так же, как и нас: читаешь отчеты, как только они попадают в BL96. Неудивительно, что ты согласился на мое предложение — ведь перед тем, как на тебя вышел я, ты

уже так делал. Тебе платят дважды за одну и ту же работу. И, вероятно, Воге поднял тариф, ведь теперь ты вдобавок сообщаешь ему последние новости о группе Эуне.

— Что за хрень? Я не…

— Заткнись, Трульс.

— Отвали! Я не собираюсь…

— Заткнись! И сядь!

За несколькими занятыми столиками воцарилась тишина. Посетители не пялились в открытую — смотрели в свои бокалы и кружки, следя за происходящим боковым зрением. Харри положил руку на руку Трульса и прижал так, что тот поневоле снова сел. Харри наклонился вперед и тихо продолжил:

— Повторюсь: я не собираюсь тянуть резину, так что слушай. Я начал подозревать тебя, когда Воге написал о размышлениях следователей, не заказал ли Рёд убийства, замаскированные под нападения по сексуальным мотивам. Мы обсуждали это в группе Эуне, и это настолько нестандартный ход, что я спросил у Катрины, рассматривалась ли такая идея в их команде. Выяснилось, что нет. И я придумал историю о пришитой татуировке Бертины и рассказал тебе — и только тебе. И уточнил, что в полицейском

управлении об этом знают, чтобы ты чувствовал себя спокойно — раз знают многие, информация не укажет конкретно на тебя. И вот прошло несколько часов — и Воге публикует это в газете. Что ж, ты пойман с поличным, Трульс.

Трульс Бернтсен тупо смотрел прямо перед собой. Взял бумажную салфетку и скомкал ее — так же, насколько помнил Харри, он расправился с проигрышным купоном на ипподроме.

— Хорошо, — произнес Трульс. — Ну передал я кое-какую информацию, и что? Все вы можете просто отвалить, потому что никто не понес никакого ущерба. Воге никогда не получал ничего, что могло бы навредить расследованию.

— Тебе это только кажется, Трульс, но пока не будем об этом.

— Точно, не будем, потому что я ухожу. Адьос. А эти деньги можешь взять у Рёда и подтереть ими задницу.

— Я сказал — сиди, — Харри позволил себе кривую ухмылку. — И спасибо, но в отеле «Thief» превосходная туалетная бумага. Правда — такая мягкая, что так и хочется посрать еще раз. Ты когда-нибудь испытывал подобное?

Трульс Бернтсен, похоже, не понял вопроса, но остался на месте.

— Итак, вот тебе шанс обосрать все еще раз, — продолжал Харри. — Ты скажешь Воге, что тебе закрыли доступ к BL96 и ему придется справляться самостоятельно. Также ты больше не проронишь ни слова о том, что происходит в группе Эуне. И ты расскажешь мне, каковы твои карточные долги.

Трульс в замешательстве уставился на Харри. Сглотнул. Мигнул пару раз.

— Триста тысяч, — наконец выдавил он. — Плюс-минус.

— Хм… Это много. Срок уплаты?

— Давным-давно прошел. Можно сказать, проценты растут.

— С тебя сильно трясут деньги?

Трульс фыркнул.

— Тут не просто демонстрация паяльников, они угрожают… всяким дерьмом. Я хожу и все время оглядываюсь. Знал бы ты, каково это.

— Да, знал бы я, — отозвался Харри, закрывая глаза.

Прошлой ночью ему приснились скорпионы. Они просачивались из-под двери и плинтусов, через щели в окнах и розетки на стенах.

Он открыл глаза и уставился на свое пиво. Он ждал следующих двух часов с нетерпением и

в то же время со страхом. Он напился вчера и собирался напиться сегодня. Он уходил в настоящий загул.

— Ладно, Трульс, я достану тебе деньги. Завтра, хорошо? Вернешь, когда сможешь.

Трульс Бернтсен продолжал моргать. Теперь его глаза увлажнились.

— Почему?.. — начал он.

— Не смущайся, — успокоил его Харри. — Это не потому, что ты мне нравишься. Просто ты мне нужен.

Трульс пристально посмотрел на Харри, явно пытаясь понять, шутит он или нет.

Харри поднял кружку с пивом.

— Теперь можешь идти, Бернтсен.

* * *

Было восемь часов вечера.

Харри сидел с опущенной головой. Он осознал, что под ним стул, а на брюках костюма — рвота. Кто-то что-то сказал. Потом сказал что-то еще.

— Харри?

Он поднял голову. Комната кружилась, лица вокруг были нечеткими. Но он их все равно узнал. Знал много лет. Надежные лица. Группа Эуне.

— На наших собраниях не обязательно быть

трезвым, — произнес тот же голос, — но лучше говорить четко. Ты сможешь говорить четко, Харри?

Харри сглотнул. Ему вспомнились последние несколько часов. Он хотел пить и пить, пока не останется ничего — ни боли, ни спиртного, ни Харри Холе. Никаких голосов в его голове, никаких призывов о помощи, которую он не может оказать. Таймер тикает все громче и громче. Разве Харри не мог утопить его в алкоголе и оставить все как есть, позволить времени просто идти? Подводить людей, терпеть неудачи — это все, что он умеет. Так зачем он взял телефон, позвонил по этому номеру и приехал сюда?

Нет, люди, среди которых он сидел, люди на стульях, составленных в кружок, не были группой Эуне.

— Привет, — выговорил он голосом скрипучим, словно сходящий с рельсов поезд. — Меня зовут Харри, и я алкоголик.

ГЛАВА 23
Пятница
Желтое бревно

— Тяжелая выдалась ночь? — спросила женщина, придерживая дверь для Харри.

Светловолосая Хелена Рёд, в обтягивающих джинсах и черной водолазке, оказалась меньше ростом, чем ожидал Харри. Он подумал, что она так же хороша, как на фотографиях.

— Неужели настолько бросается в глаза? — войдя, спросил Харри.

— Солнечные очки в десять утра? — ответила она вопросом на вопрос и повела его в глубь огромной квартиры. — И костюм слишком хорош, чтобы иметь такой вид, — бросила она через плечо.

— Спасибо, — произнес Харри.

Она рассмеялась и провела его в большую комнату, где с гостиной соседствовала зона для готовки с кухонным островом[63].

Со всех сторон лился дневной свет. Бетон, дере-

---

[63] Notes: 63

Кухонный остров — отдельно стоящая, не примыкающая к стене часть кухонного гарнитура или отдельный от основной кухни элемент.

во, стекло — Харри предположил, что все здесь высочайшего качества.

— Кофе?

— Да, пожалуйста.

— Я хотела уточнить, какой именно, но ты похож на человека, который выпьет любой.

— Любой, — с кривой улыбкой подтвердил Харри.

Хелена нажала кнопку на сверкающей металлической эспрессо-машине, и та начала перемалывать зерна, пока хозяйка ополаскивала под краном держатель фильтра. Харри скользнул взглядом по вещам, прикрепленным магнитами к двойным дверцам холодильника. Календарик. Две фотографии лошадей. Билет с логотипом Национального театра.

— Собираешься завтра на «Ромео и Джульетту»? — спросил он.

— Да. Фантастическая постановка! Я ходила на премьеру с Маркусом. Маркуса не назовешь театралом, но он спонсирует театр, так что мы получаем много билетов. На вечеринке я раздала их целую кучу, потому что, думаю, люди просто обязаны посмотреть эту постановку, но у меня все еще валяются два или три. Ты когда-нибудь видел «Ромео и Джульетту?

— Только фильм.

— Тогда ты должен сходить на этот спектакль.

— Я…

— Обязательно должен! Погоди секунду…

Хелена Рёд скрылась, а Харри продолжил рассматривать дверцы холодильника.

Фотографии двух детей с родителями — похоже, сделаны на каникулах. Харри подумал, что Хелена, должно быть, приходится детишкам тетей. Ни одной фотографии самой Хелены или Маркуса, ни вместе, ни поодиночке. Он подошел к панорамным окнам высотой от пола до потолка. Из них открывался вид на весь район под названием Бьёрвика и на Ослофьорд. Единственным препятствием для взгляда был музей Мунка.

Харри услышал быстрые шаги Хелены, приближавшиеся к нему.

— Извини, ох уж этот музей. — Она протянула Харри два билета. — Мы называем его Чернобылем. Не каждый архитектор способен одним зданием уничтожить целый район, но надо отдать должное архитектурному бюро «Эстудио Эррерос»[64] — они справились.

---

[64] Notes: 64

«Эстудио Эррерос» — испанское архитектурное бюро, построившее в Осло тринадцатиэтажный музей Эдварда Мунка, в котором находится самая большая коллекция работ художника.

— Мм.

— Спокойно приступай к тому, за чем пришел, Холе, я могу делать сразу несколько дел.

— Ладно. В основном я хотел услышать твой рассказ о той вечеринке. Разумеется, о Сюсанне и Бертине, но особенно — о человеке, который принес кокаин.

— Вот оно что… Ты про него знаешь, — отозвалась она.

— Да.

— Полагаю, никому не будет грозить тюрьма из-за пары дорожек кокаина на столе?

— Нет. В любом случае — я не полицейский.

— Верно. Ты человек Маркуса.

— Не совсем.

— Ну да, Крон сказал, что тебе дали карт-бланш. Но ты же знаешь, как бывает: кто платит, тот и заказывает музыку. — Она улыбнулась с легким презрением, и Харри засомневался, к кому оно относится: к нему или к его нанимателю. А может, к ней самой.

Приготавливая кофе, Хелена Рёд рассказывала Харри о вечеринке. Ее история совпадала со словами как Маркуса Рёда, так и Эйстейна Эйкеланна. Мужчина с зеленым кокаином появился практически из ниоткуда и подошел к ним с

Маркусом на террасе на крыше. Возможно, он пришел без приглашения, но среди гостей таких было немало.

— Маска на лице, солнечные очки и бейсболка — по сравнению с остальными он выглядел по-настоящему подозрительно. Он настаивал, чтобы мы с Маркусом попробовали его порошок, но я заявила, что этого не будет, потому что мы пообещали друг другу больше никогда не прикасаться к этой дряни. И все же через несколько минут я заметила, что Маркус и еще несколько человек куда-то делись. У меня появились подозрения, потому что на вечеринке был парень, у которого Маркус обычно берет дурь. Я зашла в квартиру, а там… ну и зрелище!

Она закрыла глаза и приложила ладонь ко лбу.

— Маркус стоит, наклонившись над столом с этой мерзкой соломинкой в носу. Нарушая обещание прямо у меня на глазах. Именно в этот момент его кокаиновый нос решает чихнуть — и обламывает ему кайф. — Она открыла глаза и посмотрела на Харри. — Жаль, мне было тогда совсем не до смеха.

— Насколько я понимаю, торговец в маске попытался собрать с пола немного порошка, чтобы все-таки сделать дорожку для Маркуса.

— Да. А может, он просто пытался прибраться. Он даже вытер со стола сопли. — Она кивнула в сторону большого стеклянного стола, что стоял в гостиной возле дивана. — Вероятно, он хотел произвести на Маркуса хорошее впечатление, сделать его постоянным клиентом, а кто не захотел бы? Возможно, ты заметил — Маркус не жмот. Если есть выбор, переплатить или недоплатить, выберет переплату — так он чувствует свою власть. Скорее — так он обретает свою власть.

— Хочешь сказать, ему важна власть?

— Разве она важна не всем?

— Ну, мне определенно нет. Правда, только согласно *моему* самоанализу.

Они сели за обеденный стол напротив друг друга. Хелена Рёд смотрела на Харри так, будто просчитывала ситуацию. Прикидывает, как много ей следует сказать, подумал Харри. Оценивает собеседника.

— Почему у тебя металлический палец? — поинтересовалась она, кивнув на его руку.

— Потому что один человек отрезал мне палец. Долгая история.

Ее взгляд не дрогнул.

— От тебя пахнет застарелым перегаром, — сообщила она. — И рвотой.

— Извини. У меня была тяжелая ночь, и я не удосужился переодеться.

Она улыбнулась неопределенно, словно сама себе.

— Ты знаешь разницу между симпатичным мужчиной и притягательным мужчиной, Харри?

— Нет. И в чем она?

— Я спрашиваю, потому что не знаю.

Харри посмотрел ей в глаза. Она что, флиртует?

Хелена перевела взгляд на стену позади него.

— Знаешь, что мне показалось притягательным в Маркусе? Имею в виду — помимо фамилии и денег.

— Нет.

— То, что он казался притягательным и другим людям тоже. Разве это не странно? Разве такое может обладать накопительным эффектом?

— Понимаю, о чем ты говоришь.

Она покачала головой, словно признавая неизбежное.

— У Маркуса есть один-единственный талант. Он умеет дать понять, кто здесь главный. Как школьный лидер — ну, когда мальчик или девочка, сами не понимая зачем, захватывают первенство и единолично решают, кого брать

в тусовку, кого нет. Когда, как Маркус, сидишь на этом социальном троне, у тебя есть власть, и она порождает еще больше власти. Понимаешь, Харри? Нас, женщин, заставляет тянуться к обладателям власти не расчетливый оппортунизм, а биология. Власть — это сексуально, и точка.

— Понятно, — отозвался Харри. Пожалуй, она не флиртовала.

— И когда ты, как Маркус, начинаешь любить эту силу, ты боишься ее потерять. Маркус хорошо ладит с людьми, но из-за того, что он и его семья обладают властью, его скорее боятся, чем любят. И это его беспокоит. Потому что ему важно нравиться людям. Не тем, кто ничего для него не значит — на таких ему наплевать, а тем, с кем он хочет быть на равной ноге, рядом с кем он хочет оказаться. Он поступил в норвежскую бизнес-школу BI[65], потому что хотел заниматься семейным бизнесом, недвижимостью.

Но там было больше вечеринок, чем учебы, и ему пришлось получать квалификацию за границей. Люди думают, что он хорош в своей работе, потому что его капитал растет, однако, если последние пятьдесят лет ты владеешь недвижи-

[65] Notes: 65

BI — крупнейшая бизнес-школа в Норвегии и вторая по величине в Европе. Главный кампус расположен в Осло.

мостью, не заработать просто невозможно. На самом деле Маркус — один из немногих, кому все- таки почти удалось разорить свою компанию — его дважды выручал банк. А люди способны услышать лишь ту историю успеха, которую рассказывают деньги. Я сама такая. — Она вздохнула. — У него был постоянный столик в клубе, где мужчины с деньгами, любящие девушек, которые делают, что им велят, снимают девушек, любящих мужчин с деньгами и делающих, что им велят. Звучит банально, однако так и есть. Я знала, что Маркус когда-то был женат, но уже много лет ведет холостяцкую жизнь. Я решила, что он не встретил подходящую женщину и что подходящая женщина — это я.

— И ты ему подходила?

Она пожала плечами.

— Полагаю, да. Красотка на тридцать лет моложе, умеющая себя подать, способная без неловкости общаться с его ровесниками и содержать дом в порядке. Наверное, вопрос был в том, подходил ли Маркус мне. Я очень нескоро задала себе этот вопрос.

— И что?

— И теперь я живу здесь, а он — в холостяцкой берлоге на Фрогнере.

— Хм. И все же вы двое были вместе по вторникам оба раза, когда пропали те девушки.

— А были ли?

Харри показалось, что он видит вызов в ее глазах.

— Так ты рассказала полиции.

— В таком случае, полагаю, действительно были.

— Ты пытаешься дать мне понять, что ты сказала неправду?

С виноватым лицом она покачала головой.

— Кому больше нужно алиби — тебе или Маркусу? — спросил Харри, сосредоточившись на ее реакции.

— Мне? Ты думаешь, я могла бы… — Смущение исчезло с лица Хелены, и по комнате разнесся ее смех.

— У тебя есть мотив.

— Нет, — возразила она, — у меня нет мотива. Я разрешила Маркусу ходить налево и поставила единственное условие — не позорить меня и не отдать им мои деньги.

— Твои деньги?

— Его, наши, мои — неважно. Не думаю, что эти девушки строили подобные планы, да и в эксплуатации они были не слишком дороги. В

любом случае ты скоро поймешь, что мотив у меня отсутствует. Сегодня утром мой адвокат отправил Крону письмо о моем желании развестись и получить при разводе половину всего имущества. Видишь? Мне не нужен Маркус. Кто бы ни хотел его забрать — пусть забирает. А я просто хочу свою школу верховой езды. — Она холодно рассмеялась. — Кажется, ты удивлен, Харри?

— Хм. Кинопродюсер из Лос-Анджелеса сказал мне, что самый дорогой колледж — это твой первый развод. Именно он учит тебя при следующем браке оформлять контракт на раздельное имущество.

— О, Маркус позаботился о раздельном имуществе. И со мной, и со своей бывшей. Он не дурак. Но я кое-что знаю, и потому он даст мне, что я хочу.

— И что же ты знаешь? — спросил Харри.

Она широко улыбнулась.

— Нет, Харри, это мой козырь, и я не могу его тебе выложить. Скорее всего, я подпишу что-то вроде договора о неразглашении. Молю Бога, чтобы кто-нибудь узнал, что́ натворил Маркус, но если это случится, то без моей помощи. Звучит цинично, знаю, но сейчас мне нужно спасать себя, а не мир. Извини.

Харри собирался кое-что сказать, но передумал. Похоже, Хелена не собиралась поддаваться на уговоры и манипуляции.

— Почему ты согласилась встретиться со мной, если знала, что не станешь ничего рассказывать? — спросил он вместо этого.

Она выпятила нижнюю губу и кивнула.

— Хороший вопрос. Что тут скажешь… Кстати, этот твой костюм необходимо сдать в химчистку. Я дам тебе один из костюмов Маркуса, у тебя примерно такой же размер.

— Извини, что?

Хелена уже поднялась и пошла вглубь квартиры.

— Я упаковала несколько костюмов, в которые он больше не влезет— слишком растолстел. Собиралась отдать их Армии спасения, — крикнула она.

Пользуясь ее отсутствием, Харри встал и подошел к холодильнику. Теперь он увидел, что на дверце все-таки было фото с Хеленой: она держала под уздцы лошадь. На билете на «Ромео и Джульетту» было завтрашнее число. Харри взглянул на календарик. Заметил, что на следующий четверг назначена «осенняя прогулка в Валдресе».

Хелена вернулась с черным костюмом и портпледом.

— Спасибо за заботу, но я предпочитаю покупать себе одежду сам, — сказал Харри.

— Мир нуждается в повторном использовании вещей, — возразила она. — А это костюм от Brioni Vanquish II[66], выбросить его было бы преступлением. Дай планете шанс.

Харри посмотрел на нее. Он колебался. Но что-то подсказывало ему, что надо согласиться. Он снял пиджак и надел другой, принесенный Хеленой.

— Ну, ты стройнее Маркуса даже в лучшие его годы, — произнесла она, склонив голову к плечу. — Но у вас один рост, и у тебя такие же широкие плечи, так что все отлично.

Она протянула Харри брюки. Не стала отворачиваться, пока он переодевался.

— Замечательно. — Она вручила ему портплед с его старым костюмом. — Благодарю тебя от имени будущих поколений. Если это все — у меня вот-вот начнется конференция в «Зуме».

---

[66] Notes: 66

Brioni — итальянский дом моды и модный бренд. Модель мужского костюма под названием Vanquish II входит в десятку самых дорогих моделей мужской одежды и выпускается в количестве не более 100 экземпляров в год.

Харри кивнул, принимая у нее портплед.

Хелена проводила его в холл и придержала для него дверь.

— На самом деле я только что вспомнила, что есть хорошего в музее Мунка, — произнесла она. — Это собственно Эдвард Мунк. Тебе надо увидеть его «Желтое бревно». Хорошего тебе дня.

* * *

Тхань вышла из дверей зоомагазина «Монс». Она аккуратно несла штендер[67] с рекламой магазина. Раздвинув боковины, установила его так, чтобы он был хорошо виден рядом с витриной и при этом ничего не заслонял. Она не хотела испытывать меру доброжелательности Юнатана, к тому же на штендере была реклама и ее услуг — присмотра за собаками.

Тхань подняла взгляд от рекламы и увидела в витрине собственное отражение. Ей было уже двадцать три года, но она еще не решила, какой жизненный путь ей выбрать. Она хотела стать ветеринаром, но в Норвегии требования к посту-

[67] Notes: 67

Штендер — устойчивая двусторонняя переносная конструкция для размещения уличной рекламы. Часто размещается возле входа в организацию, чьи товары и услуги рекламирует.

пающим на ветеринарные факультеты просто заоблачные, даже выше, чем для обучения на медицинских специальностях. А отправить дочь учиться за границу родители Тхань не могли. Они с матерью подумывали об обучении в Словакии и Венгрии, но чтобы семья смогла себе это позволить, Тхань должна была пару лет проработать в «Монсе» и еще присматривать за чужими псами до и после рабочего дня.

— Извини, ты управляющий магазином? — раздался голос за ее спиной.

Она обернулась. Это был мужчина азиатской наружности, но определенно не из Вьетнама.

— Он там, за прилавком. Наводит порядок, — ответила она, указывая на вход в магазин.

Она вдохнула осенний воздух, огляделась. Вестканторгет. Красивые старые многоквартирные дома. Деревья, парк. Подходящее место для жизни. Но придется выбирать между жизнью здесь и профессией ветеринара, ведь эта профессия не дает богатства. А Тхань хотела стать ветеринаром.

Она снова вошла в маленький зоомагазин. Иногда люди — особенно дети — разочаровывались, с порога увидав полки с кормами для животных, разнообразные клетки, собачьи поводки и прочее снаряжение. «А где животные?» — удивлялись

они.

Бывало после этого Тхань водила их по закоулкам магазина, показывая, кто у них есть. Аквариумные рыбки, клетки с хомяками, песчанками, кроликами, насекомые в стеклянных террариумах.

Тхань пошла к аквариумам, в которых жили сомики анциструсы. Они любили овощи, и Тхань принесла им немного горошка и огурец, оставшиеся от ужина. Она услышала, как посетитель-азиат заговорил с владельцем магазина. Он из полиции, недавно полицейские нашли упаковку «Hillman Pets», выпущенную уже после запрета этого средства в Норвегии. Не известно ли владельцу что-нибудь? Ведь только этот магазин раньше ввозил препарат «Hillman Pets» и торговал им.

Она увидела, как владелец качает головой, не утруждая себя ни единым словом. Да, поняла Тхань, полицейскому придется потрудиться, чтобы разговорить Юнатана. Ее босс был молчаливым интровертом. Когда ему все-таки случалось заговорить, его фразы напоминали текстовые сообщения бывшего парня Тхань: только строчные буквы, никаких знаков препинания, ни единого эмодзи. И еще когда Юнатан разговаривал, он

выглядел раздраженным, разгневанным, будто воспринимал слова только как бессмысленную помеху. В первые несколько месяцев работы в зоомагазине Тхань все время переживала: ей казалось, что Юнатан так себя ведет, потому что она ему не нравится. Нелегко ей было понять, что дело не в ней, а в нем, ведь она-то жила в семье, где разговаривали постоянно и все разом. Но постепенно она разобралась: просто Юнатан такой, и она, Тхань, вовсе его не раздражает. Может быть, как раз наоборот.

— Судя по отзывам в Интернете, многим владельцам собак не нравится запрет на ввоз «Hillman Pets», они считают, что он намного эффективнее разрешенных аналогов.

— Так и есть.

— Тогда можно предположить, что если кто-то обойдет запрет и станет торговать им из-под прилавка, этот кто-то получит неплохой доход.

— Не знаю.

— Вот как? — Тхань видела, что полицейский ждет ответа, но Юнатан молчал. — А ты сам не… — осторожно начал полицейский.

Тишина.

— …не привозил его как-нибудь? — закончил посетитель.

Когда Юнатан ответил, его голос зазвучал так низко и глубоко, будто завибрировал сам воздух.

— Ты спрашиваешь, ввозил ли я контрабанду?

— А ты ввозил?

— Нет.

— И у тебя нет никаких сведений, которые, на твой взгляд, помогли бы мне выяснить, кому удалось заполучить пакет «Hillman Pets», у которого в следующем году истечет срок годности?

— Нет.

— Нет, — повторил полицейский, покачался на каблуках и огляделся. Он так смотрит, подумала Тхань, будто не собирается сдаваться, а только обдумывает следующий шаг.

Юнатан прочистил горло.

— Могу проверить в кабинете, кто заказывал эту штуку последним. Может, записи остались. Подожди здесь.

— Спасибо.

Юнатан протиснулся мимо Тхань через узкий проход между аквариумами и кроличьими клетками. Она увидела в его глазах нечто непривычное — беспокойство, да, и тревогу. И запах его пота был сильнее обычного. Он вошел в кабинет, но оставил дверь приоткрытой, и со своего места Тхань увидела, как он накинул покрывало на

стоящий в кабинете террариум. Она точно знала, что́ в нем находится. Как-то раз — единственный раз — она привела в кабинет нескольких детей и показала им это. И Юнатан пришел в ярость. Он заявил, что клиентам нечего делать в кабинете управляющего, но Тхань знала: он злится не из-за этого. Дело в этом существе. Юнатан не хотел, чтобы кто-то его видел.

Юнатан был неплохим начальником. Он предоставлял Тхань отгулы, когда она просила, и даже без всяких просьб повысил ей зарплату. Но, несмотря на то, что они постоянно работали вместе — только двое на весь магазин — Тхань ничего и не знала о нем, и это было странно. Иногда казалось, что она нравится ему, и даже слишком сильно, а иногда — нет. Он был старше, но не намного. На ее взгляд, ему всего около тридцати, так что у них должно быть много общих тем для обсуждения. Но ото всех ее попыток завязать разговор Юнатан отделывался лишь краткими ответами. Однако иногда, думая, что Тхань не заметит, он пристально вглядывался в нее. Возможно, она ему интересна? Возможно, его угрюмость рождена его плохим характером, или застенчивостью, или попыткой скрыть чувства к ней? А может ей только почудилось, и это просто

фантазии, которые приходят от скуки в те дни, когда нечем себя занять. Иногда Тхань казалось, что Юнатан ведет себя, как мальчики в начальной школе — те бросали снежки в понравившихся девочек. Но он был взрослым — и его поведение выглядело странным. *Он* выглядел странным. Но тут Тхань вряд ли могла что-то сделать — только принимать его таким, какой он есть. Как бы там ни было, а работа ей нужна.

Юнатан возвращался. Тхань отодвинулась в сторону, как можно ближе к аквариуму, и все же их тела соприкоснулись.

— Извини, ничего не нашел, — сказал Юнатан полицейскому. — Слишком давно было.

— Хорошо, — согласился полицейский. — А что ты накрыл там, в кабинете?

— Что?

— Думаю, ты расслышал мои слова. Могу я взглянуть?

На тонкой белой шее Юнатана виднелась черная щетина, и иногда Тхань ловила себя на мысли: хотелось бы, чтобы он брился тщательней. Но теперь она видела, как под щетиной ходит вверх-вниз адамово яблоко, и ей стало почти жаль его.

— Конечно, — ответил Юнатан. — Можешь

смотреть здесь на что хочешь. — И его голос снова стал низким, почти вибрирующим. — Единственное, что для этого нужно — предъявить мне ордер на обыск.

Полицейский отступил на шаг и слегка склонил голову набок, будто присматривался к Юнатану повнимательней. Как бы заново оценивая его.

— Я это учту — произнес полицейский. — Спасибо за помощь.

Он повернулся и направился к двери. Тхань улыбнулась ему, но ответной улыбки не последовало.

Юнатан открыл коробку с кормом для рыб и начал развешивать за прилавком пакеты. Тхань направилась в туалет, располагавшийся за кабинетом. Когда она выходила, Юнатан стоял прямо за дверью — ждал.

Он держал что-то в руке. Едва Тхань вышла, он скользнул внутрь, но дверь за собой не закрыл.

Взгляд Тхань упал на террариум. Покрывало было снято. А террариум опустел.

Она услышала, как Юнатан тянет за цепочку старого сливного бачка, спуская воду.

Тхань обернулась и увидела, что он тщательно намыливает руки у маленькой раковины. Потом открыл кран с горячей водой. Он оттирал руки

под струей настолько горячей, что от воды к его лицу поднимался пар. Тхань знала, почему он так делает. Паразиты.

Тхань содрогнулась. Она любила животных — всех животных. Даже тех — а может, в особенности тех, — которых другие люди считали отвратительными. Слизняков многие находили отвратительными, но она помнила, как показывала детям слизняка и пыталась убедить их, что он не раскрашен, что таким его создала природа — и помнила, какие у них были недоверчивые, взволнованные лица.

И возможно, именно поэтому ее захлестнула внезапная волна ненависти. Ненависти к нему, не любящему животных. Она вспомнила очаровательного дикого лисенка, которого кто-то принес и за которого заплатили, не так ли? Она ухаживала за этим одиноким, покинутым детенышем, хлопотала вокруг него, любила. Даже дала ему имя. Нхи — «маленький». Но однажды она пришла на работу и не обнаружила лисенка — ни в клетке, ни поблизости. А когда спросила Юнатана, тот ответил в обычной грубоватой манере: «Его больше нет». Тхань больше ничего не спрашивала, потому что уже все поняла и не хотела подтверждений.

Юнатан закрыл кран, вышел и с легким удивлением посмотрел на Тхань — она стояла посреди кабинета, скрестив руки на груди.

— Его больше нет? — спросила она.

— Его больше нет. — Юнатан сел за стол, вечно загроможденный кипами бумаг, до которых у них так и не доходили руки.

— Утонул? — продолжила Тхань.

Он посмотрел на нее так, словно наконец услышал по-настоящему интересный вопрос.

— Возможно. Некоторые слизни дышат жабрами, но у слизней горы Капутар не жабры, а легкие. С другой стороны, насколько я знаю, некоторые слизни с легкими могут выживать под водой до двадцати четырех часов и только потом тонут. Ты надеешься, что он выживет?

— Конечно. А ты нет?

Юнатан пожал плечами.

— Я считаю, если ты оказался в незнакомой среде и далеко от себе подобных, лучший удел — смерть.

— Вот как?

— Одиночество хуже смерти, Тхань.

Он смотрел на нее с выражением, которого она не могла понять.

— С другой стороны, — произнес он, задумчиво

почесывая щетину на шее, — возможно, этот слизняк не совсем одинок. Ведь он гермафродит. Найдет себе пропитание в канализации, заведет потомство… — Он опустил взгляд на свежевымытые руки. — Заразит остальных тамошних обитателей крысиным легочным червем и в конечном итоге станет хозяином всей канализационной системы Осло.

Возвращаясь к аквариумам, Тхань слышала, как Юнатан смеется в кабинете. Она так редко слышала этот звук, что он казался незнакомым, странным… да — почти неприятным.

* * *

Харри стоял перед картиной и рассматривал ее. На картине было нарисовано срубленное бревно, лежащее желтым спилом к зрителям. Остальная часть бревна уходила в глубину леса. Харри прочел табличку рядом с картиной: «Желтое бревно», Эдвард Мунк, 1912 год.

— Почему ты спрашивал именно об этой картине? — поинтересовался юноша в красной футболке — униформе сотрудника музея.

— Ну… — Харри взглянул на стоящую рядом с ними пару из Японии, — а почему люди хотят видеть именно эту картину?

— Из-за оптической иллюзии, — объяснил юноша.

— Правда?

— Давай немного отойдем. Извините!

Японцы с улыбкой отступили в сторону, освободив место.

— Видишь? — показал юноша. — Откуда бы мы ни смотрели на картину, кажется, что конец бревна указывает прямо на нас.

— Мм. И каков смысл картины?

— Ну как сказать… — протянул юноша. — Возможно — в том, что вещи не всегда такие, какими кажутся.

— Да, — согласился Харри. — Или что нужно не останавливаться и смотреть под разными углами, чтобы увидеть картину в целом. Как бы то ни было — спасибо тебе.

— Не за что, — отозвался сотрудник музея и ушел.

Харри снова смотрел на полотно. В основном — чтобы задержать взгляд на чем-то прекрасном после всех этих эскалаторов в здании, в сравнении с которым — даже с внутренним его обликом — полицейское управление казалось помещением человечным и уютным.

Он достал телефон и позвонил Крону.

Ожидая, когда Крон ответит, Харри почувствовал пульсацию жилки на виске. Так обычно и бывало на следующий день после пьянки. Он вспомнил, что частота сердечных сокращений в состоянии покоя составляет около 60 в минуту. Другими словами, если он останется стоять здесь и смотреть на произведения искусства, его сердце сделает чуть меньше четырехсот тысяч ударов, прежде чем Люсиль убьют. Это значительно меньше, чем если бы он поддался панике и поднял тревогу в надежде, что полиция найдет ее… где? Где-нибудь в Мексике?

— Крон.

— Это Харри. Мне нужен аванс в размере трехсот тысяч.

— На что?

— Непредвиденные расходы.

— Ты не мог бы выразиться конкретнее?

— Нет.

В динамике повисла тишина.

— Хорошо. Заходи в офис.

Засовывая телефон в карман пиджака, Харри нащупал там еще что-то. Он вынул вещицу. Та оказалась маской. Точнее — полумаской кота, видимо, с бала-маскарада, на котором побывал Маркус Рёд. Харри пошарил в другом кармане

— похоже, там тоже что-то было. Он вытащил ламинированную карточку, похожую на членскую карту заведения под названием «Вилла Данте». Однако вместо строки «Имя» на карточке была строка «Псевдоним». И рядом на строке — «Человек-кот». Харри снова посмотрел на картину.

Смотри под разными углами.

Молю Бога, чтобы кто-нибудь узнал, что́ натворил Маркус.

Хелена Рёд вовсе не забыла проверить карманы. Скорее всего, она и положила туда эти вещи.

ГЛАВА 24
Пятница
Каннибал

— Я могу дать тебе ордер, только если твои подозрения чем-то основательно подкреплены.

— Знаю, — ответил Сон Мин, мысленно проклиная статью 192 Уголовного кодекса. Он держал телефонную трубку возле уха и смотрел в глухую, без окон, стену кабинета. Как Холе смог проработать здесь столько лет? — Но я уверен: вероятность, что мы найдем там что-то противозаконное, свыше пятидесяти процентов. Этот человек весь вспотел, прятал глаза, а потом у себя в кабинете накрыл что-то покрывалом, то есть определенно хотел это спрятать.

— Понимаю, но твоей уверенности недостаточно. Статья закона говорит: должны быть конкретные доказательства.

— Но…

— Ты также знаешь, что как прокурор я могу выдать ордер на обыск, если промедление может привести к опасной ситуации. Такая вероятность есть? Ты сможешь потом объяснить свою

спешку?

Сон Мин тяжело вздохнул.

— Нет.

— Есть доказательства других правонарушений, которые можно использовать как предлог?

— Нет.

— У тебя вообще есть что-нибудь на него?

— Послушай. Слово «контрабанда» звучало и в связи с вечеринкой у Рёда, и в связи с местом преступления, где я нашел эту упаковку. Ты знаешь меня и знаешь, что в совпадения я не верю. Нутром чую: здесь что-то есть. Мне подать письменный запрос?

— Избавлю тебя от лишних забот и скажу «нет» прямо сейчас. Но ты мне позвонил, так что, видимо, знал, чем закончится разговор. Это на тебя не похоже. Говоришь — совсем ничего нет? Просто шестое чувство?

— Шестое чувство.

— И давно с тобой такое?

— Я пытаюсь научиться.

— Научиться подражать нам, простым смертным, хочешь сказать?

— Аутизм и признаки аутизма — разные вещи, Крис.

Государственный обвинитель рассмеялся.

— Хорошо. Придешь завтра на ужин?

— Я купил бутылку Château Cantemerle 2009 года.

— Твой вкус слишком возвышен, а манеры слишком утонченны для меня, дорогой.

— Но ты можешь тоже научиться, дорогой.

Они закончили разговор. Сон Мин увидел сообщение от Катрины со ссылкой на «Дагбладет». Он открыл ссылку и откинулся на спинку кресла, ожидая загрузки страницы. Стены офиса были такими толстыми, что гасили сигнал сети. И почему Холе не заменил это поломанное кресло? У Сон Мина уже ныла спина.

> ***Каннибал***
>
> *Как сообщает наш источник, существуют явные доказательства, что убийца Сюсанны Андерсен и Бертины Бертильсен употребил в пищу мозг и глаза своих жертв.*

Сон Мин почувствовал, что ему хочется выругаться, и пожалел, что не имеет к этому привычки. А не пора ли начать, подумал он.

* * *

Твою мать!

Мона До тренировалась на бегущей дорожке.

Она ненавидела бегать на дорожке.

И именно поэтому она сейчас бежала на ней. Мона чувствовала, как по спине стекает пот, и видела в зеркальной стене спортзала, как покраснели ее щеки. В наушниках играли «Carcass»[68] из плейлиста, который составил ей Андерс. По словам Андерса, эти песни музыканты написали в начале творческого пути, когда они играли грайндкор, а не мелодичное дерьмо, на которое перешли в более поздний период. Для Моны их музыка звучала яростным шумом — как раз то, что сейчас было нужно. Ее ноги били в резиновую ленту, вращающуюся под ней, все набегающую и набегающую на нее — снова и снова, опять одно и то же дерьмо.

Воге снова это сделал. Каннибал! Господи Боже! Господи, перемать, Иисусе!

---

[68] Notes: 68

«Carcass» — британская метал-группа, основанная в Ливерпуле в 1985 году. Считается основоположником жанра «гор-грайнд», поджанра грайндкора, отличающегося выраженной жестокостью, более экстремальными текстами, различными видами форсированного вокала. В настоящее время группа играет в жанре «мелодичный дэт-метал».

Она увидела, что сзади к ней кто-то подходит.

— Привет, До.

Магнус Скарре. Детектив из криминального отдела.

Мона выключила дорожку и вытащила наушники.

— Чем я могу помочь полиции?

— Помочь? — Скарре развел руками. — Я что — не могу просто сюда заскочить?

— Никогда раньше не видела тебя здесь, и ты не в спортивной одежде. Хочешь что-то узнать или что-то сообщить?

— Эй, эй, полегче, — рассмеялся Скарре. — Просто подумал ввести тебя в курс дела. Всегда выгодно быть в хороших отношениях с прессой, верно? Практика «ты — мне, я — тебе» и все такое.

Мона осталась стоять на бегущей дорожке — ей нравилось, что она возвышалась над ним.

— В таком случае я хотела бы знать, что ты рассчитываешь взять, прежде чем отдашь, Скарре.

— На этот раз ничего. Но в будущем нам пригодится услуга.

— Спасибо, но если так — мой ответ «нет». Что-нибудь еще?

Скарре выглядел, как маленький мальчик, у

которого отобрали игрушечный пистолет. Мона поняла: в этой игре высокие ставки. А точнее — что от злости она не может ясно мыслить.

— Извини, — сказала она. — Плохой день. Что такое?

— Харри Холе, — сообщил Скарре. — Он позвонил свидетелю, представился вымышленным именем и сообщил, что работает в полиции Осло.

— Ой.

Мона передумала возвышаться над ним и спустилась с бегущей дорожки.

— Откуда ты знаешь?

— Я брал показания у свидетеля. У того парня с собакой, которая почуяла запах трупа. Он сказал, что перед нашим визитом был звонок — офицер Ханс Хансен проверял информацию. Только вот у нас нет никого с таким именем. Так что я взял номер телефона — он сохранился у фермера — и проверил. И представь себе, мне даже не пришлось связываться с телефонной компанией — это оказался номер Харри Холе. Как говорится, пойман с поличным, а? — ухмыльнулся Скарре.

— И я могу процитировать твои слова?

— Нет, с ума сошла? — снова засмеялся он. — Я «надежный источник», разве не так вы это на-

зываете?

Да, подумала Мона. Вот только тебя не назовешь ни надежным, ни источником. Мона знала, что Скарре не питает теплых чувств к Харри Холе. По словам Андерса, этому было простое объяснение. Скарре всегда работал в тени Холе, а Холе не скрывал, что считает коллегу придурком. И, похоже, личная неприязнь переросла в настоящую вендетту.

Скарре переступил с ноги на ногу, поглядывая на девочек на велотренажерах в соседнем зале.

— Но если тебе нужно подтвердить найденную информацию, ты можешь связаться с главным суперинтендантом.

— Будиль Меллинг?

— Именно. Полагаю, она тоже могла бы дать тебе комментарий.

Мона До кивнула. Хорошо. Хорошо и грязно. Но какая разница — наконец у нее появилось нечто, чего не было у Воге, и она не могла позволить себе привередничать. Не сейчас.

Скарре ухмыльнулся. Как клиент в борделе, подумала Мона. И попыталась не думать дальше — о том, какая роль тогда отведена ей.

ГЛАВА 25
Пятница
Кокаиновый блюз

Группа Эуне собралась, но Столе предупредил, что к трем часам приедет его семья и к этому времени надо закончить и разойтись. Харри рассказал о визите к Хелене Рёд.

— И теперь ты носишь костюм своего босса, — прокомментировал Эйстейн, — и солнечные очки своего приятеля.

— А еще у меня есть вот это. — Харри поднял полумаску кота. — А ты так ничего и не нашел в интернете по «Вилле Данте»?

Трульс уставился в телефон, хмыкнул и покачал головой с тем же каменным лицом, с каким принял коричневый конверт с деньгами, который Харри потихоньку передал ему, как только пришел.

— Вот что мне интересно — откуда Воге взял этот каннибализм? — спросил Эуне.

Трульс поднял взгляд от экрана. Они с Харри посмотрели друг другу в глаза, и Трульс едва заметно покачал головой.

— Я тоже ломал над этим голову. — подхватил Эйстейн. — В отчетах нет ни слова.

— У меня такое чувство, что Воге потерял источник информации, — сказал Харри. — И теперь начал выдумывать. Например, об отрезанной и снова пришитой татуировке Бертины — это неправда.

— Может, и так, — согласился Эуне. — Воге ведь и в начале карьеры прибегал к выдумкам — странно, насколько мы, люди, не меняемся. Даже если какая-то модель поведения выходит нам боком и нам надлежало бы усвоить урок, мы норовим снова следовать той же модели, когда возникают проблемы.

— А возможно, в последнее время Воге был так окружен вниманием, что опьянел от успеха и теперь не желает уходить с пьедестала. Вот и прибегает к старым уверткам, ведь когда-то они срабатывали. По крайней мере, какое-то время срабатывали. Хотя я не сбрасываю со счетов, что Воге может быть прав относительно каннибализма. Но, если учитывать обстоятельства, скорее всего это выдумки, основанные на литературе о серийных убийцах.

— Разве он не намекает… — начал Эйстейн, пробегая глазами заметку Воге на экране телефона.

Все посмотрели на него.

— Разве Воге не имеет в виду, что его источник — сам убийца?

— Смелая, но интересная интерпретация, — оценил Эуне. — Однако наш рабочий день окончен, господа, впереди выходные. Моя жена и дочь скоро будут здесь.

— Что будем делать на выходных, босс? — спросил Эйстейн.

— У меня нет для вас заданий, — ответил Харри. — А я взял у Трульса ноутбук, собираюсь читать полицейские отчеты.

— Я думал, ты их уже читал.

— Просматривал. Теперь буду изучать. Давайте, уходим.

Эуне попросил Харри подождать, и тот остался у кровати, а остальные вышли.

— Эти отчеты, — произнес Эуне. — Сколько человек над ними трудились? Сорок, пятьдесят? Они работали с этим делом больше трех недель. Сколько там страниц — тысячи? Ты собираешься прочитать все это, потому что думаешь, что решение можно найти там?

Харри пожал плечами.

— Где-то его нужно найти.

— Разум тоже нуждается в отдыхе, Харри. Я с

самого начала заметил, что ты нервничаешь. Кажется, ты… можно, я скажу «в отчаянии»?

— Допустим.

— Ты что-то не договариваешь?

Харри опустил голову и потер ладонью затылок.

— Да.

— Не хочешь рассказать?

— Хочу. — Харри выпрямился снова. — Но не могу.

Они посмотрели друг на друга. Эуне закрыл глаза и кивнул.

— Спасибо, — сказал Харри. — Поговорим в понедельник.

Эуне облизнул губы, на его лице появилось выражение усталой насмешливости, и Харри понял: он собирается дать остроумный ответ. Но Эуне передумал и просто кивнул.

Харри уже выходил из больницы, когда до него дошло, какой ответ вертелся на языке у Эуне. *Если доживу до понедельника.*

* * *

Эйстейн ехал в сторону центра по выделенной полосе для общественного транспорта. Харри сидел на переднем пассажирском сиденье.

— Ничего так для часа пик в пятницу, а? — ухмыльнулся Эйстейн в зеркало.

Трульс хмыкнул с заднего сиденья.

Зазвонил телефон Харри. Вызов был от Катрины.

— Да?

— Привет, Харри, я быстро. У нас с Арне сегодня свидание в ресторане, где ему наконец удалось забронировать столик. Но моя свекровь болеет и…

— Нужно посидеть с ребенком?

— Пожалуйста, скажи, что тебе неудобно, и тогда я никуда не пойду — устала немного. А так как я тебе позвонила, то с чистой совестью смогу ему сказать, что пыталась кого-нибудь найти…

— Но мне удобно. И я хочу. Когда?

— Да чтоб тебя, Харри. В семь.

— Окей. Позаботься, чтобы в духовке была пицца «Grandiosa».

Едва Харри нажал кнопку разъединения, как телефон тут же снова зазвонил.

— Значит, не обязательно «Грандиоса», — сказал Харри, поднеся телефон к уху.

— Это Мона До из «ВГ».

— Ой…

Услышав, как Мона представилась полным именем и с указанием места работы, Харри, еще

не слыша вопросов, понял: она звонит не как девушка Андерса, а как журналист, а значит, все, что он скажет, может быть — и будет — использовано против него.

— Мы работаем над статьей о… — начала она. Это введение предупреждало, что механизм уже запущен, его не остановить, а местоимение «мы» лишь немного смягчает ответственность журналистки за неудобные вопросы, которые она собирается задать.

Глядя на движущиеся машины, Харри слушал Мону. Из ее слов он уяснил, что речь пойдет о Габриеле Венге и о том, как Харри по телефону изображал полицейского. В статье будут процитированы слова главного суперинтенданта Будиль Меллинг: попытка выдать себя за сотрудника правоохранительных органов может караться заключением до полугода; и она, Будиль, надеется, что по результатам этого дела министр юстиции положит конец несанкционированным и весьма сомнительным частным расследованиям; и особенно важно сделать это немедленно в рамках работы по текущему серьезнейшему расследованию убийств.

Мона звонила, чтобы в соответствии с кодексом журналистской этики предложить Харри воз-

можность ответить. Мона До была напористой и жесткой, но неизменно справедливой.

— Без комментариев, — лаконично ответил Харри.

— То есть? Значит, ты не оспариваешь эту историю в том виде, в котором ее представляют?

— Думаю, это означает, что у меня просто нет комментариев, не так ли?

— Хорошо, Харри, тогда я должна напечатать «без комментариев». — Харри услышал быстрое пощелкивание клавиш.

— Вы все еще называете это «напечатать»?

— Ну, некоторые слова вечны.

— И правда. Вот почему я называю то, что собираюсь сейчас сделать, «повесить трубку». Окей?

В динамике прозвучал вздох Моны До.

— Окей. Хороших выходных, Харри.

— И тебе. И…

— Да, я передам привет Андерсу.

Харри положил телефон во внутренний карман слишком просторного пиджака Рёда.

— Проблемы?

— Да, — подтвердил Харри.

Снова ворчание с заднего сиденья, на этот раз громче и злее.

Харри полуобернулся, увидел отсвет теле-

фонного экрана на лице Трульса и понял, что, разговаривая с ним, Мона держала палец над кнопкой «Опубликовать».

— Что там написано?

— Что ты наврал.

— Что ж, это правда, к тому же мне не нужно защищать свою репутацию. — Харри покачал головой. — Куда хуже, что они собираются прикрыть нашу лавочку.

— Нет, — сказал Трульс.

— Что нет?

— Еще хуже — они тебя арестуют.

Харри поднял бровь.

— За то, что помог найти тело, которое искали больше трех недель?

— Дело не в этом, — возразил Трульс. — Ты не знаешь Меллинг. Она прет к вершине, как танк. А ты на пути, верно?

— Я?

— Если мы раскроем это дело раньше полиции, Меллинг будет выглядеть дилетанткой — скажешь, нет?

— Хм… Ладно. Но мой арест — это, пожалуй, перебор.

— Обычные игры силовиков — потому эти коварные ублюдки и занимают свои посты. Так и

становятся… например, министрами юстиции.

Харри опять посмотрел на Трульса. Его лоб покраснел, как сигнал светофора, перед которым они остановились.

— Я выйду здесь, — заявил Харри. — Отдыхайте на выходных, но не отключайте телефоны и не покидайте город.

* * *

В семь часов Катрина открыла Харри дверь.

— Да, я читала «ВГ», — сказала она, подходя к комоду в коридоре и вдевая в уши серьги.

— Мм. Как думаешь, понравилось бы Меллинг, узнай она, что ее главный враг работает нянькой у ее же ведущего детектива?

— О, с понедельника ты вряд ли будешь представлять существенную угрозу.

— Ты так уверена?

— Слова Меллинг о сомнительных частных расследованиях не оставляют министру юстиции особого выбора.

— Пожалуй, что нет.

— Жаль, ведь ты мог бы нам пригодиться. Все понимали, что ты будешь обходить правила, но ты срезался на такой ерунде…

— Поторопился — и слился, — согласился Хар-

ри.

— Ты такой предсказуемо непредсказуемый. Что это у тебя?

Она указала на полиэтиленовый пакет, который Харри положил поверх своих ботинок.

— Ноутбук. Мне надо будет немного поработать, когда он уснет. Он там?

— Да.

Харри прошел в гостиную.

— Мама пахнет «пока-пока», — сообщил Герт. Он сидел на полу с двумя плюшевыми игрушками.

— Это духи «Пако Рабан», — объяснил Харри.

— «Пока Лабан», — заключил Герт.

— Смотри, что у меня есть, — Харри осторожно вынул из кармана плитку шоколада.

— Сахха-бомба!

— Сахарная бомба? — улыбнулся Харри. — Тогда, похоже, не стоит никому о ней говорить.

— Мама! Дядя Халя плинес сахха-бомбу!

С уходом Катрины Харри попал в волшебный мир, где нужно было следовать за полетом фантазии трехлетнего ребенка, иногда добавляя к нему что-то свое.

— Ты отлисно иглаешь, — похвалил Герт. — Где длакон?

— В пещере, конечно. — Харри указал под диван.

— Ух-ты-ух-ты, — впечатлился Герт.

— Еще какое ух-ты-ух-ты, — поддержал Харри.

— Сахха-бомба?

— Давай, — согласился Харри и сунул руку в карман пиджака, висевшего на стуле.

— Что это? — Герт указал на маску, которую вытащил Харри.

— Кот. — Харри надел полумаску на лицо.

Лицо Герта вдруг исказилось, а голос зазвенел слезами:

— Нет, дядя Халя! Стлашно!

Харри торопливо снял маску.

— Хорошо, никаких котов. Только драконы. Порядок?

Но слезы уже текли. Герт разрыдался. Харри обругал себя: снова поторопился и слился. Кошки страшные, мамы рядом нет, время спать — как тут не расплакаться.

Герт протянул к Харри ручки, и Харри, не успев даже задуматься, притянул его к себе. Гладил мальчика по голове, чувствовал его подбородок на своем плече и теплую влагу слез, промочивших рубашку.

— Кусочек сахха-бомбы, почистить зубы и ко-

лыбельную?

— Ага! — всхлипнул Герт.

После сеанса чистки зубов — который, подозревал Харри, не привел бы Катрину в восторг — он переодел Герта и уложил под одеяло.

— Челныс, — скомандовал Герт.

— Я такую не знаю, — сказал Харри. Его телефон завибрировал, и он увидел уведомление об MMS от Александры.

Герт смотрел на Харри с плохо скрываемым неодобрением.

— Но я знаю другие хорошие песни.

— Пой, — велел Герт.

Харри понимал, что нужно выбрать что-то медленное и словно укачивающее. Попробовал «Wild Horses» Rolling Stones. Его остановили после первого куплета:

— Длугую песню.

«Your Cheatin' Heart» Хэнка Уильямса получила отрицательный отзыв после двух строчек.

Харри надолго задумался.

— Ладно. Закрой глаза.

Он начал петь — если это можно было назвать пением. Низкое, медленное гудение грубого голоса, время от времени попадающее в ноты старого блюза.

Эй, малышка, быстро давай сюда!
От старого кокаина мне совсем беда.
Кокаин бурлит в моем мозгу.

В красном прикиде и с ружьем в руках
детка угрожает сделать мне ба-бах.
Кокаин бурлит в моем мозгу.

Забирай ты Салли, а я Сью возьму,
кто из них кто, я все равно не пойму.
Кокаин бурлит в моем мозгу.

Дыхание Герта стало глубоким и ровным.

Харри открыл MMS, снабженное текстовым комментарием. Александра сделала селфи через зеркало в собственной прихожей. Она демонстрировала сливочно-желтое платье, явно произведение искусства хорошего модельера: одежда такого класса выгоднейшим образом подчеркивает все достоинства фигуры и при этом никому и в голову не приходит, что своей красотой тело обязано платью. Но Харри знал, что тело Александры прекрасно само по себе. И что Александра отлично это понимает.

Оно стоило ползарплаты. С нетерпением жду завтрашнего дня!

Харри закрыл сообщение, поднял голову — и увидел широко раскрытые глаза Герта.

— Дальше!

— Дальше? Ту же песню?

— Да-а!

ГЛАВА 26
Пятница
Цемент

В девять часов вечера Микаэль Бельман открыл дверь своего дома в Хёйенхалле[69].

Это был красивый дом, и Микаэль построил его на склоне холма, чтобы они с Уллой и тремя детьми могли наслаждаться видом на город до самой Бьёрвики и фьорда.

— Привет! — крикнула Улла из гостиной. Микаэль снял и повесил новое пальто и прошел туда. Его миниатюрная красавица жена, его любовь с детства, смотрела с младшим сыном телевизор.

— Извини, встреча затянулась! — Он не услышал подозрения в ее голосе и не увидел во взгляде. На самом деле сейчас ее подозрения были бы безосновательными: на данный момент Улла действительно была единственной женщиной в его жизни. Если не считать молоденькой репортерши с канала TV2, однако в этих отношениях

---

[69] Notes: 69

Хёйенхалл — юго-восточный жилой район Осло. Соседствует с лесным массивом Эстмарка. В 1950-е годы в этом районе построили множество жилых домов, в основном вилл.

поставлено что-то вроде точки. Нет, он допускал возможность будущих приключений, но только гарантированно безопасных для него. Возможно, замужняя женщина, облеченная властью. Которой, как и ему самому, есть что терять. Говорят, власть развращает, но Микаэля Бельмана она сделала только более осторожным.

— Здесь Трульс.

— Что?

— Он зашел поговорить с тобой. Ждет на террасе.

Микаэль закрыл глаза и вздохнул. Продвигаясь по служебной лестнице от главы отдела по борьбе с организованной преступностью до начальника полиции и далее до министра юстиции, он постепенно увеличивал дистанцию между собой и своим другом, бывшим подельником. Да, он стал осторожным.

Микаэль вышел на просторную террасу и закрыл за собой раздвижную дверь.

— Отсюда отличный вид, — произнес Трульс. В свете инфракрасных ламп его лицо тоже алело. Он поднес ко рту бутылку пива.

Микаэль сел рядом. Трульс открыл еще бутылку, Микаэль принял ее.

— Как продвигается расследование?

— Относительно меня? — уточнил Трульс. — Или над которым я сейчас работаю?

— Ты работаешь над каким-то делом?

— Ты не знал? Хорошо, значит, у нас нет утечки. Я работаю с Харри Холе.

Микаэль обдумал услышанное.

— Ты отдаешь себе отчет, что в случае выяснения, как ты используешь служебное положение офицера полиции для помощи…

— Ну да… Но если наше расследование закроют, для меня все более или менее обойдется. Кстати, останавливать расследование было бы не слишком выгодно. Холе хорош. Ты же знаешь — шансы на поимку этого психа возрастут, если позволить Холе копать дальше. — Трульс потопал ногами по цементному полу террасы.

Микаэль не знал, разгонял ли Трульс кровь по замерзшим ногам, или это было бессознательное напоминание об общем прошлом и общих секретах.

— Тебя прислал Холе?

— Нет, он понятия не имеет, что я здесь.

Микаэль кивнул. Как правило, Трульс не выступал с собственными инициативами. Решения, что они будут делать, всегда исходили от Микаэля, однако по тону Трульса он слышал, что тот

говорит правду.

— Речь о большем, чем задержание отдельного преступника, Трульс. Это вопрос политики. Положения дел в целом. Существуют принципы, понимаешь?

— Люди типа меня не разбираются в политике. — Трульс аккуратно, незаметно рыгнул. — Не понимаю, почему министр юстиции скорее позволит кровавому серийному убийце гулять на свободе, чем спустит самому известному детективу Норвегии безобидную ложь, что он офицер полиции по имени Ханс, мать его, Хансен. Особенно когда благодаря этой лжи найдена Бертина Бертильсен.

Микаэль сделал глоток из бутылки. Возможно, когда-то он любил пиво, но теперь оно ему не нравилось. Однако он пил его, потому что сторонники Рабочей партии[70] и объединения профсоюзов LO обычно с подозрением относятся к людям, не любящим пиво.

— Ты знаешь, Трульс, как стать министром юстиции и сохранить эту должность? — продолжил

---

[70] Notes: 70

Рабочая партия (норв. Arbeiderpartiet, сокращенно AP) — социал-демократическая политическая партия Норвегии. Основана в 1887 году. К ней принадлежит, в частности, нынешний Секретарь НАТО Енс Столтенберг.

Микаэль, не дожидаясь ответа. — Ты должен слушать. Слушать тех, в ком ты уверен, кто действует в твоих интересах. Слушать тех, у кого есть опыт, которого нет у тебя. На меня работают люди, способные представить дело в верном свете. Они расскажут, что ведомство министра юстиции помешало миллионеру сколотить собственную армию следователей и адвокатов. Это покажет, что мы не допускаем историй в американском стиле, где богачи пользуются всевозможными привилегиями, где выигрывают самые дорогие адвокаты, а утверждение о всеобщем равенстве перед законом — всего лишь патриотично звучащая чушь. Здесь, в Норвегии, равенство существует не только на бумаге. И ради этого мы будем работать дальше. — Микаэль мысленно отметил пару фраз, которые могли бы пригодиться в будущих выступлениях, если придать им более возвышенную форму.

Трульс рассмеялся своим хрюкающим хохотком. Этот смех всегда казался Микаэлю поросячьим.

— Что? — Микаэль понял, что подпустил в голос больше раздражения, чем собирался. День был долгим. Серийные убийцы и Харри Холе, может, и не сходили со страниц СМИ, но у министра

юстиции хватало дел и без них.

— Да просто думаю, как здорово, что у нас все равны перед законом, — пояснил Трульс. — Представляешь, в этой стране даже министр юстиции не смог бы помешать полиции провести расследование относительно своей персоны, получи полицейские наводку. А расследование может выяснить, что на его террасе закатано в цемент человеческое тело. Не то чтобы обществу сильно не хватало этого человека — просто член банды байкеров, занимался контрабандой героина, связался с парой нечистых на руку копов. Равенство перед законом — это когда расследование может показать, что министр юстиции раньше был молодым полицейским и думал больше о деньгах, чем о высоких постах. И что его немного наивный друг детства однажды ночью помог ему, гораздо более умному другу, спрятать улики в его новом доме. — Трульс снова притопнул по цементу.

— Трульс, — медленно выговорил Микаэль. — Ты мне угрожаешь?

— Вовсе нет. — Трульс поставил пустую пивную бутылку возле стула и поднялся на ноги. — Просто думаю, что твои слова об умении слушать — прямо золотые. Слушать тех, кто действует в твоих интересах. Спасибо за пиво.

* * *

Катрина стояла в дверях детской и смотрела на них.

Герт спал в своей постели, а Харри — на стуле, прислонившись лбом к спинке кровати. Она присела на корточки и заглянула в лицо Харри. Их сходство особенно заметно, когда они спят, решила она. Потрясла Харри за плечо. Он причмокнул губами, моргнул и посмотрел на часы. Потом поднялся и последовал за ней в кухню, где она поставила чайник.

— Ты рано вернулась, — констатировал он, устраиваясь за кухонным столом. — Хорошо провела время?

— Да. Он выбрал ресторан, в котором подают вино «Montrachet» — на первом свидании я вроде сказала, что оно мне нравится. Но ужин надолго не растянешь.

— Так вы могли пойти еще куда-нибудь. Выпить.

— Или поехать к нему домой и перепихнуться, — добавила она.

— Да?

Катрина пожала плечами.

— Он милый. До сих пор не приглашал меня в

гости. Он хочет подождать с сексом, пока мы не убедимся, что созданы друг для друга.

— Но ты…

— А я хочу натрахаться как следует, пока мы не убедились, что *не* созданы друг для друга.

Харри рассмеялся.

— Сначала я подумала — это способ меня увлечь. — Она вздохнула. — И это работает.

— М-м. Даже когда ты знаешь, что это нарочно?

— Конечно. Я делаю стойку на все недоступное. Как когда-то с тобой, например.

— Я был женат. Тебя все женатые мужчины заводят?

— Только те, кого я не могу заполучить. На самом деле таких немного. А ты так тщательно соблюдал верность жене.

— Мог соблюдать получше.

Она сделала растворимый кофе для Харри и чай для себя.

— Я соблазнила тебя только потому, что ты был пьян и в отчаянии. Я воспользовалась твоей слабостью и никогда себе этого не прощу.

— Нет!

Это прозвучало так внезапно, что она вздрогнула и расплескала чай.

— Нет?

— Нет, — повторил он. — Я не позволю тебе забрать мое чувство вины. Это… — Он сделал глоток и скривился, будто обжегся. — Это все, что у меня осталось.

— Все, что *у тебя* осталось? — Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, и одновременно ее охватил гнев. — Бьёрн покончил с собой не потому, что ты подвел его, Харри, а потому, что его подвела я! — Она уже почти кричала — и, опомнившись, прислушалась к звукам из детской. Продолжила тише: — Мы жили вместе, он считал себя счастливым отцом нашего ребенка. Да, он знал о моих чувствах к тебе. Мы не обсуждали это, но он знал. И знал — или думал, что знает, — что может доверять мне. Спасибо за предложение разделить вину, Харри, но виновата здесь я. Понятно?

Харри уставился в чашку. Он вовсе не планировал затевать этот спор. Понятно. И все же что-то было не так. *Чувство вины — это все, что у меня осталось*. Возможно, она как-то неправильно это поняла? Или это *он* сказал не все?

— Разве это не трагично? — выговорил он. — Любовь убивает тех, кого мы любим.

Она медленно кивнула.

— Звучит по-шекспировски, — ответила она, изучая его лицо. — «…тех, кого мы любим». Почему во множественном числе?

— Слушай, лучше я вернусь в отель и поработаю, — сказал он, и ножки стула проскребли по полу. — Спасибо, что позволила мне… — Он кивнул в сторону детской.

— Спасибо тебе, — тихо, задумчиво отозвалась она.

* * *

Прим лежал под одеялом, уставившись в потолок.

Время шло к полуночи, и на полицейской волне звучал постоянный, обнадеживающий бубнеж сообщений. И все же Прим не мог заснуть. Отчасти потому, что боялся завтрашнего дня, но в основном просто из-за волнения: он был вместе с Ней. И почти уверился: Она тоже любит его. Говорили о музыке. Она проявляла интерес к этой теме. А также, сказала она, к его сочинениям. Но они избегали разговоров о двух мертвых девушках. Эту тему, вероятно, обсуждали все вокруг них. Но, конечно, не с таким знанием дела, какое могли проявить они оба, если бы, конечно, знали об этом! Если бы *Она* знала, что ему извест-

но больше, чем Ей. В какой-то момент у него и впрямь возникло искушение рассказать ей все, сродни непреодолимому желанию броситься в пропасть, которое чувствуешь стоя у перил моста. Например, моста с материка на остров Несёйя[71] в три часа ночи одной майской субботы, когда ты только что понял, что женщина, которую ты принимал за Ту Самую, не хочет тебя. Но это было давным-давно, он это пережил и теперь двигается дальше. Дальше, чем она. Когда он слышал о ней в последний раз, ее жизнь и ее брак зашли в тупик. Возможно, скоро она прочтет о нем, прочтет все восхваляющие его слова, и тогда, возможно, подумает: вот, он мог стать моим. Да, тогда она пожалеет.

Но прежде нужно было кое-что сделать.

Например, позаботиться о том, что предстоит завтра.

Она станет третьей.

Нет, он не ждал этого с нетерпением. Только сумасшедший ждал бы. Но это надо было сделать. И ему нужно преодолеть сомнения и моральное

---

[71] Notes: 71

Несёйя — небольшой остров в муниципалитете Аскер, Норвегия. С материком его соединяет мост. Остров Несёйя известен тем, что на нем живут многие знаменитости и представители норвежской финансовой элиты. Более половины восточной части острова является заповедником.

сопротивление, как любому нормальному человеку, оказавшемуся перед такой задачей. Кстати о чувствах: ему нужно помнить, что его цель — не месть. Если он забудет об этом, то может сбиться с пути и потерпеть неудачу. Месть была всего лишь наградой, которую он сам себе назначил, и не более чем побочным эффектом конечной цели. И когда все будет кончено, они станут целовать ему ноги. Наконец-то.

ГЛАВА 27
Суббота

— Значит, полицейские и по выходным работают, — проговорил Венг, изучая пустой пакетик.

— Некоторые — да, — ответил Сон Мин. Он присел у корзины в углу и трепал бульдога за ухом.

— «Hillman Pets», — вслух прочитал фермер. — Нет, точно не даю такого своей собаке.

— Хорошо, — вздохнул Сон Мин, поднимаясь на ноги. — Просто должен был проверить.

Крис предложил прогуляться сегодня возле озера Согнсванн, на что Сон Мин ответил, что должен поработать. Крис рассердился — он знал, что Сон Мин вовсе *не должен* работать. Иногда такие вещи очень трудно объяснить другим.

Венг вернул Сон Мину пакетик.

— Но я раньше видел такой, — сказал Венг.

— Видел? — удивился Сон Мин.

— Да. Пару недель назад. Вон там в лесу, на краю луга, на стволе упавшего дерева сидел один парень. — Венг указал на кухонное окно. — И у него был такой же пакет.

Сон Мин выглянул в окно. До опушки было не

менее ста метров.

— Я вот через это смотрел, — пояснил Венг, заметив явный скептицизм Сон Мина, и взял со стопки автомобильных журналов на кухонном столе бинокль фирмы «Zeiss». — Двадцатикратное увеличение. Все равно что я стоял бы рядом с тем парнем. Я запомнил эрдельтерьера на пакетике, хотя, понятно, не знал, что в нем средство от паразитов. Потому что парень это ел.

— *Ел*? Ты уверен?

— О да. И похоже, все без остатка, потому что, доев, скомкал пакет и бросил на землю. Скотина. Я вышел, чтобы высказать ему все, что думаю, но как только я показался на улице, он встал и ушел. Я дошагал до того места, но пакетика уже не было — тогда дул северный ветер, и его, должно быть, унесло порывом в лес.

Сон Мин почувствовал, как зачастил пульс. Этот вид полицейской работы давал к результат в одном случае из ста, но уж если выпадала удача, ты мог сорвать джекпот и раскрыть дело, в котором до тех пор не было ни единой зацепки. Он сглотнул.

— То есть, Венг, ты можешь описать этого человека?

Фермер посмотрел на Сон Мина, грустно улыб-

нулся и покачал головой.

— Но ты же сам сказал — ты все равно что стоял рядом с ним.

Сон Мин слышал разочарование в собственном голосе.

— Ну да. Но сначала я направлял бинокль только на пакетик, а потом, когда парень его выбросил, он тут же надел маску, и я не успел его рассмотреть как следует.

— Он был в маске?

— Ага. А еще в солнечных очках и бейсболке. Лица, в общем, и видно-то не было.

— Тебе не показалось странным, что одинокий человек в лесу надевает маску, когда все остальные давно бросили это делать?

— Ну, здесь, в лесу, полно странных людей, правда?

Сон Мин понял, что Венг иронизирует над самим собой, но у него не было настроения улыбаться в ответ.

* * *

Харри стоял перед надгробием и чувствовал, как дождевая вода с размякшей почвы просачивается в его ботинки. Сквозь облака пробивался серый утренний свет. Харри не спал до пяти утра,

читая отчеты. Потом поспал три часа и вернулся к чтению. Теперь он понимал, почему расследование зашло в тупик. Работы велись тщательно и методично, но результата не было. Абсолютно ничего. Харри пришел сюда, чтобы проветрить голову. Он не прочел и трети всех отчетов.

Белые буквы ее имени, высеченные в сером камне. Ракель Фёуке. Хотя он не понимал почему, но сейчас был рад, что она не взяла его фамилию. Харри огляделся. У других могил тоже виднелись люди. Вероятно, по субботам их было больше, чем обычно, Они далеко, решил он, и не услышат. И рассказал Ракели, что говорил с Олегом по телефону. Что Олег в порядке, ему нравится там, на севере, но он подумывает подать заявку на работу в полиции.

— В СБП[72], — пояснил Харри. — Хочет пойти по стопам мамы.

Еще он рассказал ей, что звонил Сестренышу. У той были небольшие проблемы со здоровьем, но сейчас ей лучше, и она снова работает в супермаркете. Хотела, чтобы он приехал в Кристиансанд навестить их с парнем.

— Я сказал, что посмотрю, успею ли… прежде

---

[72] Notes: 72
СБП — служба безопасности полиции.

чем станет слишком поздно. У меня небольшие проблемы с некими мексиканцами. Они собираются убить меня и женщину, похожую на мою мать, если я или полицейские не раскроем эти убийства за следующие три дня. — Харри посмеялся. — У меня грибок ногтей, а в остальном я в порядке. Вот, теперь ты знаешь, что с твоими близкими все хорошо. Это всегда было для тебя важнее всего. Не ты сама. Если бы что-то зависело от тебя, ты даже не захотела бы, чтобы за твою смерть отомстили. Но от тебя ничего не зависело. А я хотел отомстить. Выходит, как человек я хуже тебя, ну да, я в любом случае хуже, даже без чертовой жажды мести. Она как сексуальное желание. Пусть она каждый раз разочаровывает тебя, пусть сознаешь, что и на этот раз будешь разочарован — тебе просто необходимо довести дело до конца. А когда я чувствую это гребаное желание, мне кажется, что я в шкуре серийного убийцы. Чувство отмщения за отнятое настолько приятно, что иногда даже хочется потерять что-то… что-то любимое. Просто чтобы мстить. Понимаешь?

Харри почувствовал ком в горле. Конечно, она понимала. *Вот* чего ему не хватало больше всего — его женщины, Ракели, которая понимала и

принимала почти все в своем странном муже. Не все. Но многое. Чертовски многое.

— Проблема, — произнес Харри, прочищая горло, — проблема, разумеется, в том, что после тебя мне уже нечего терять. Больше не за что мстить, Ракель.

Харри стоял неподвижно. Посмотрел на ботинки — кожа потемнела там, где пропиталась водой. Он поднял глаза. Возле церкви, на ступеньках, кто-то стоял. Смотрел. Было в нем что-то знакомое, и Харри подумал, что это священник. Казалось, он смотрит в сторону Харри.

Телефон зазвонил — вызывал Юхан Крон.

— Говори со мной, — сказал Харри.

— Мне только что позвонили. Не кто-нибудь — сам министр юстиции.

— Страна маленькая, так что вряд ли ты *сильно* удивился. Ну что — все кончено?

— После той статьи в «ВГ» я так и подумал — он звонит, чтобы сообщить об этом. И естественно, недоумевал, почему звонит лично. Такие вещи обычно приходят по официальным каналам. То есть я ожидал, что в контакт со мной вступят…

— Не то чтобы я был слишком занят в субботнее утро, Крон, но ты не мог бы перемотать вперед до слов Бельмана?

— Точно. Он не видит, на каких законных основаниях министерство юстиции может закрыть наше расследование, и поэтому никаких действий в отношении этого дела предприниматься не будет. Однако в свете нарушения, определенно имевшего место, они будут внимательно за нами следить, и в случае повторения чего-то подобного полиция *примет меры*.

— Хм.

— Да, и это не пустые слова. Очень странно — я был уверен, что нашему расследованию положат конец. С политической точки зрения это и вовсе непостижимо, и теперь Бельману предстоит объясняться и со своими людьми, и перед СМИ. Ты можешь предположить почему?

Харри задумался. Навскидку он мог подумать только об одном человеке, который играл за их команду и мог бы оказать давление на Бельмана.

— Нет, — произнес он.

— Ну, как бы там ни было, теперь ты знаешь, что мы еще в игре, — заключил Крон.

— Спасибо.

Харри сбросил вызов. Снова задумался. Они могут продолжать. Впереди у него три дня и ни единой стоящей зацепки. Как там говорят? *Кому суждено быть повешенным, тот не утонет*?

* * *

— Видишь ли, у твоей матери был талант.

Дядя Фредрик шел по узкому тротуару улицы Слемдалсвейен, не обращая внимания, что идущим навстречу людям приходится сходить на проезжую часть, чтобы пропустить их. В остальном он вел себя сегодня вполне здраво.

— Вот почему было так грустно видеть, как она отказывается от карьеры и бросается в объятия первого попавшегося мецената. Ну, одно название, что «меценат», ведь твой отчим ненавидел театр, ходил туда раз в високосный год, лишь бы отметиться. Просто у семьи Рёд была традиция спонсировать Национальный театр. Он даже Молле видел на сцене всего один раз. По иронии судьбы — в главной роли, в роли Гедды Габлер[73]. Молле была привлекательной женщиной, а в то время еще и начинала становиться знаменитостью. Идеально, чтобы хвастаться ею перед другими мужиками.

Прим уже слышал эту историю, но все равно

---

[73] Notes: 73

Гедда Габлер — главная героиня одноименной пьесы норвежского драматурга Генрика Ибсена, впервые поставленной в Мюнхене в 1891 году. Считается, что для актрисы роль Гедды Габлер — все равно, что для актера роль Гамлета.

попросил дядю ее рассказать. Не только чтобы проверить, сохранилась ли она в чертогах больного разума — ему необходимо было услышать все это снова, чтобы еще раз убедиться, что он принял правильное решение. Он не знал, почему прошлой ночью его уверенность вдруг пошатнулась, но, видимо, это обычное дело перед важными моментами жизни. Например, когда приближается день собственной свадьбы. А ведь именно об этом — о мести — он думал, мечтал о ней с тех пор, как был мальчиком, и не так уж странно, что теперь, когда цель близка, его мысли и чувства играют с ним злую шутку.

— Так они и жили, — продолжал дядя. — Она за его счет, он — за ее. Она была молодой красавицей, матерью-одиночкой без больших требований. А он — беспринципным повесой, у которого хватало денег на все, но не было того единственного, в чем она нуждалась — любви. Она ведь потому и стала актрисой: как все актеры, больше всего на свете она хотела быть любимой. И когда она не получила любви ни от него, ни позже от публики, она сломалась. Конечно, не помогало и то, что ты был испорченным гиперактивным мелким засранцем. Когда этот меценат в конце концов бросил вас обоих, твоя мать уже стала подавлен-

ной, измученной алкоголичкой, и ей не давали ролей, достойных ее таланта. Не думаю, что она его любила. Ее покинули, причем неважно, *кто* покинул. Именно это и вбило гвоздь в крышку гроба. У твоей матери всегда была хрупкая психика, но, признаюсь, я не ожидал, что она подожжет дом.

— Ты не можешь знать наверняка, она ли это сделала, — возразил Прим.

Дядя остановился, приосанился и улыбнулся молодой женщине, идущей им навстречу.

— Побольше! — крикнул он, показывая для пояснения на свою грудь. — Могла бы купить те, что побольше!

Женщина бросила на него испуганный взгляд и поспешила пройти.

— О да, — продолжал дядя. — Это она устроила пожар. Да-да, все началось в ее спальне, а в ее крови обнаружили высокое содержание алкоголя — в отчете говорилось, что причиной пожара, вероятно, стало курение в постели в состоянии алкогольного опьянения. Но можешь мне поверить — она подожгла дом, чтобы вы оба сгорели заживо. Родители обычно забирают детей с собой на тот свет, чтобы избавить их от сиротской доли. Я знаю, тебе больно это слышать, но для твоей

матери причина была в том, что она считала вас обоих ничтожествами.

— Это неправда, — возразил Прим. — Она сделала это, чтобы меня не отдали ему.

— Твоему отчиму? — Дядя рассмеялся. — Ты дурак? Он и не хотел тебя, он был счастлив избавиться от вас обоих.

— Хотел, — произнес Прим так тихо, что поезд метро, проносящийся рядом с ними, заглушил его слова. — Он хотел меня. Только не в том смысле, в котором ты думаешь.

— Например, дарил он тебе хоть когда-нибудь подарки?

— Да, — ответил Прим. — Однажды на Рождество, когда мне было десять, он подарил мне книгу о том, какие пытки были у команчей. Они в этом весьма преуспели. Например, подвешивали жертв вниз головой на деревьях и разводили под ними костры, так что в конце концов мозги жертв закипали.

Дядя рассмеялся.

— Неплохо. В конце концов, мое негодование не бесконечно как в отношении команчей, так и в отношении твоего отчима. Твоя мать должна была обращаться с ним лучше — как ни крути, он ее содержал. Так же, как паразит по имени

человечество должен лучше относиться к этой планете. Что ж, это тоже не стоит сожаления. Люди считают, что мы, биологи, хотим сохранить природу неизменной, как нерукотворный музей. Но, кажется, мы единственные, кто понимает и принимает: природа постоянно меняется, все умирает и исчезает. Вот что на самом деле естественно — не выживание вида, а его гибель.

— Может, повернем и пойдем обратно?

— Обратно? Куда это?

Прим вздохнул. Похоже, разум дяди снова затуманивался.

— В дом престарелых.

— Я тебя просто подкалываю, — ухмыльнулся дядя. — Медсестра, которая привела тебя в мою палату… Ухх! Спорим на тысячу крон, что я трахну ее к понедельнику? Что скажешь?

— Каждый раз, когда мы спорим и ты проигрываешь, ты утверждаешь, что не помнишь о споре. Зато когда выигрываешь…

— Брось, Прим! У деменции должны быть свои преимущества.

После того, как они завершили короткую прогулку и племянник вернул дядю на попечение вышеупомянутой медсестры, Прим снова пошел той же дорогой. Пересек Слемдалсвейен, продол-

жая идти на восток к жилому району с виллами на просторных участках. Дома здесь были дорогими, но те, что располагались рядом с автодорогой «Кольцо 3», немного проигрывали в цене из-за шума автострады. Руины дома находились как раз в этом месте.

Он поднял задвижку на ржавых железных воротах и пошел по каменистому склону к березовой роще. Сгоревшая вилла пряталась за деревьями на другой стороне холма. То, что дом был скрыт от соседей, много лет помогало Приму затягивать споры с городским советом, желающим снести эти развалины. Прим отпер дверь и вошел внутрь. Лестница на второй этаж обрушилась. Там была спальня матери. А он жил на первом этаже. Может быть, именно расстояние позволяло свершаться насилию. Не то чтобы она не знала, но она могла *делать вид*, что не знает. Сгорели все внутренние перегородки, и первый этаж представлял собой единую комнату, покрытую ковром из пепла. Кое-где поднялись из пепла растения. Куст. Маленькое деревце — возможно, оно вырастет в большое. Прим подошел к обгоревшей железной кровати в бывшей своей комнате. Однажды в дом влез бездомный болгарин и какое-то время жил здесь. Если бы не

жалобы соседей и возобновившиеся требования снести дом, Прим разрешил бы бедолаге остаться. Он дал болгарину немного наличных, и тот мирно ушел со своими скудными пожитками, оставив пару сырых дырявых шерстяных носков и матрас на кровати. А Прим сменил замок на входной двери и прибил новые доски на окна.

Металлические пружины заскрипели, когда он опустился всем весом на старый грязный матрас. Прим вздрогнул. Это был звук из детства, звук, засевший в его мозгу, столь же неопровержимо ощутимый, как паразиты, которых вырастил Прим.

Но по иронии судьбы эта же кровать стала его спасением — под нее он забрался во время пожара.

Хотя бывали дни, когда он проклинал свое спасение.

Одиночество в учреждениях для сирот. Одиночество в домах многочисленных приемных семей, из которых он убегал. Не потому, что они не были хорошими, благонамеренными людьми, просто в те годы он не мог спать в незнакомой комнате. Лежал без сна и прислушивался. Ждал. Пожара. Хозяина дома. В конце концов он не мог больше этого выносить — и сбегал. Вскоре

его поместят в очередное учреждение, где дядя Фредрик будет иногда его навещать — так же, как он теперь навещает дядю Фредрика. Его дядя, который ясно дал понять, что он, в конечном счете, всего лишь дядя, и, так как живет один, не может взять мальчика к себе. Лжец. Это не помешало ему «позаботиться» о скромном наследстве, оставленном матерью сыну. Так что Прим мало что увидел из этого наследства. Кроме вот этого — недвижимости. Одна из причин, почему он не продавал участок с домом — он знал, что все вырученные средства окажутся в кармане дяди.

Прим покачался на кровати вверх-вниз. Пружины протестующе взвизгнули, и он закрыл глаза. Вернулся к звукам, запахам, боли и стыду. Сейчас они были нужны ему, чтобы поддерживать уверенность. В конце концов, он пересек все границы, он зашел так далеко…Откуда же эти постоянные сомнения? Говорят, отнимать чью-то жизнь тяжелее всего в первый раз, но теперь он не был в этом уверен. Он опять покачался на кровати. Прислушался к ощущениям. И наконец они нахлынули: воспоминания, ощущения — такие ясные, будто все происходило здесь и сейчас. Да, теперь он уверен.

Прим открыл глаза и взглянул на часы.

Он пойдет домой, примет душ, переоденется. Нанесет свой собственный парфюм. А затем отправится в театр.

ГЛАВА 28
Суббота
Последний акт

Единственным источником света были софиты на дне бассейна, и в полумраке на стенах и потолке помещения мерцали блики. Лишь увидев ее, Харри смог наконец выкинуть из головы детали отчетов. Слитный купальник Александры, казалось, больше открывал тело, чем полное отсутствие одежды. Когда она вошла в воду, нагретую ровно до 35 градусов, по уверениям администратора спа-салона. Харри оперся локтями о бортик бассейна. Александра заметила его пристальное внимание и улыбнулась загадочной улыбкой, свойственной женщинам, когда они знают — и польщены, — что их вид восхищает мужчин.

Она подплыла к Харри. Если не считать пары, которая сидела в другом конце бассейна, наполовину погрузившись в воду, почти весь бассейн был в их распоряжении. Харри достал из ведерка, стоящего у бортика, бутылку шампанского, налил бокал и протянул ей.

— Спасибо, — сказала она.

— Спасибо — в смысле, мы квиты? — уточнил он, наблюдая, как она пьет.

— Вовсе нет, — возразила она. — Было бы весьма прискорбно, если бы после публикаций в «ВГ» все узнали, что я потихоньку делаю для тебя анализы ДНК. Поэтому я хочу, чтобы ты кое-что мне рассказал — тоже по секрету.

— М-м… Что, например?

— Решай сам. — Она придвинулась поближе. — Но это должно быть нечто скрытое ото всех в самых темных уголках памяти.

Харри посмотрел на нее. Выражение ее глаз было совсем как у Герта, требующего колыбельную про Черныша. Александра знала, что Харри — отец Герта. И вдруг Харри осенила безумная мысль: он захотел рассказать и остальное. Он взглянул на бутылку шампанского. Когда он делал этот заказ — пусть всего с одним бокалом — то уже понимал, что это плохая идея. Точно такой же плохой была идея рассказать ей о его общем с Юханом Кроном секрете. Харри прочистил горло.

— В Лос-Анджелесе я сломал кадык одному парню, — проговорил он. — Я костяшками почувствовал, как он поддается. Мне это понравилось.

Александра уставилась на него широко раскрытыми глазами.

— Ты подрался с ним?

— Да.

— Почему?

Харри пожал плечами.

— Потасовка в баре. Из-за женщины. Я был пьян.

— А как насчет тебя? Тебя не ранили?

— Со мной все обошлось. Я ударил его один раз — и все было кончено.

— Ты ударил его в горло?

— Да. Моя рука была, как стамеска. — Он поднял руку и показал ладонь. — Меня учил специалист по рукопашному бою, он тренировал норвежских коммандос в Афганистане. Суть в том, чтобы ударить в определенную точку на шее противника. Тогда он прекратит всякое сопротивление, потому что его мозг полностью переключится на попытки побыстрее набрать воздуха в легкие.

— Вот так? — спросила она и согнула две крайние фаланги пальцев, сведенные вместе.

— И вот так. — Харри распрямил ее большой палец и прижал к указательному. — А потом целишься вот сюда, в гортань. — Он постучал указательным пальцем по своему горлу.

— Эй! — крикнул он, когда она без предупреждения ударила сама.

— Стой спокойно! — рассмеялась она, снова нанося удар.

Харри увернулся.

— Кажется, ты не совсем поняла. Если ты попадешь в ту самую точку, то можешь убить. Допустим, это гортань. — Он указал на свою грудь. — Тогда тебе нужно встать так… — Он взял ее за бедра под водой и показал, как развернуться, чтобы добавить силы удару. — Готова?

— Готова.

После четырех попыток она нанесла два достаточно сильных удара, отчего Харри застонал.

Пара на другом краю бассейна, притихнув, встревоженно наблюдала за ними.

— Откуда ты знаешь, что не убил его? — спросила Александра, снова вставая в позицию для удара.

— Точно не знаю. Но если бы он умер, его друзья вряд ли оставили бы меня в живых.

— А ты не задумывался, что если бы убил, то поставил бы себя вровень с теми, за кем охотился всю жизнь?

Харри поморщился.

— Может быть.

— Может быть? Всего лишь по причине ссоры из-за женщины? Думаешь, это благородно?

— Давай будем считать это самообороной.

— Есть много ситуаций, которые подходят под понятие самообороны, Харри. Убийства чести[74] — это самооборона. Убийство из ревности — это самооборона. Люди убивают, чтобы отстоять свое самоуважение, достоинство. Разве ты не расследовал убийства, совершенные ради спасения от унижений?

Харри кивнул. Посмотрел на нее. Поняла ли она? Догадалась ли, что Бьёрн отнял жизнь не только у себя самого? Нет, ее взгляд был обращен на что-то внутри. Она говорила о собственном опыте. Харри собирался что-то сказать — и тут она резко выбросила руку. Он не пошевелился. Александра стояла неподвижно, по лицу расплывалась торжествующая улыбка. Рука, сжатая для удара, почти коснулась кожи на его горле.

— В этот раз я могла бы тебя убить, — сказала она.

— Да.

---

[74] Notes: 74

Убийство чести (официальный термин Human Rights Watch) — это убийство члена семьи, чаще всего (но не обязательно) женского пола, совершенное родственниками за навлечение на семью позора (бесчестие).

— У тебя не было времени среагировать?

— Не было.

— Или ты полагал, что я не раздавлю тебе гортань?

Он слегка улыбнулся и промолчал.

— Или… — она нахмурилась, — тебе наплевать?

Улыбка Харри стала шире. Он нащупал за спиной бутылку и наполнил ее бокал. Посмотрел на бутылку, представил, как подносит ее ко рту, запрокидывает голову, как с низким булькающим звуком алкоголь наполняет его, и он опускает уже пустую бутылку, вытирает рот рукой, а Александра смотрит на него широко раскрытыми глазами. Вместо этого он поставил бутылку обратно в ведерко. Откашлялся.

— Пойдем в сауну?

* * *

Постановка шекспировской пьесы «Ромео и Джульетта» в Национальном театре Норвегии состояла не из классических пяти, а из двух длинных актов с пятнадцатиминутным антрактом.

Наступил антракт, в зале зажегся свет, и зрители хлынули наружу, заполнив фойе и буфет, где можно было заказать легкие закуски и напитки.

Хелена присоединилась к очереди в бар, краем уха прислушиваясь к разговорам вокруг. Как ни странно, о пьесе никто не говорил, словно это считалось слишком пафосным или даже вульгарным. Тут она почувствовала какой-то аромат, тут же подумала о Маркусе и обернулась. Позади нее стоял незнакомец, и едва он успел улыбнуться Хелене, как она торопливо отвернулась от него. Его улыбка была… Какой она была? В любом случае — ее сердце забилось быстрее. Вдруг ей стало смешно. Должно быть, это иллюзия, навеянная пьесой — что в *нем* она нашла своего Ромео. Ведь мужчина, стоявший за ней, вовсе не был привлекательным. Возможно, не урод — по крайней мере, улыбка открыла красивые зубы — но совсем неинтересный. Однако ее сердце продолжало биться, и она почувствовала — впервые за много лет — что хочет обернуться снова. Посмотреть на него. Понять, из-за чего же захотела обернуться.

Она сумела сдержаться, взяла белое вино и отошла с пластиковым стаканчиком к одному из маленьких круглых столиков, расставленных вдоль стен буфета. Теперь она наблюдала за этим мужчиной — он пытался расплатиться за бутылку воды наличными, а женщина за прилавком указывала на табличку «Только безналичный

расчет». К своему удивлению, Хелена поймала себя на желании подняться и заплатить за него. Но он отказался от покупки и развернулся к Хелене. Их глаза встретились, и он снова улыбнулся. Ее сердце бешено колотилось. Что это? Не в первый раз мужчина так неприкрыто пытается познакомиться с ней.

— Можно присесть? — спросил он, касаясь пустого стула.

Она одарила его быстрой и, как ей казалось, безразличной улыбкой. Хотя разум велел ей произнести «лучше не надо», Хелена ответила:

— Пожалуйста.

— Спасибо. — Он сел и наклонился через стол, словно они продолжали долгий разговор.

— Не хочу спойлерить, — сказал он почти шепотом, — но она уже выпила яд и скоро умрет.

Его лицо было так близко, что Хелена чувствовала запах его одеколона. Нет, он отличался от одеколона Маркуса. Был грубее.

— Насколько мне известно, она пьет яд в последнем акте, — возразила Хелена.

— Все так думают, но она уже отравлена. Поверь мне. — Он улыбнулся. Белые зубы. Как у хищника. Она почувствовала искушение предложить себя ему, чтобы почувствовать, как эти зубы про-

кусывают ее кожу, пока она вонзает ногти в его спину. Господи, что это? Часть ее хотела убежать, другая часть — броситься в его объятия. Она поменяла положение ног, чувствуя — да возможно ли это? — что намокла.

— Допустим, я не знаю сюжет пьесы, — произнесла она. — Тогда зачем ты открываешь мне концовку?

— Потому что хочу, чтобы ты была готова. Смерть — неприятная штука.

— Да, это так, — согласилась она, не сводя с него глаз. Но разве жизнь не становится более ужасной, когда приходится еще и к смерти готовиться?

— Не обязательно. — Он откинулся на спинку стула. — Не становится, если радость жизни возрастает от осознания, что жизнь не длится вечно.

В нем было что-то смутно знакомое. Она видела его на вечеринке на верхней террасе? Или в ресторане «Даниэль»?

— Memento mori[75], — сказала она.

— Верно. Но сейчас мне нужна вода.

— Как тебя зовут?

---

[75] Notes: 75
Memento mori — «помни о смерти» (лат.)

— Хелена. А тебя?

— Зови меня Прим. Хелена?..

— Да, Прим? — Она улыбнулась.

— Не хочешь ли отправиться со мной в место, где есть вода?

Она рассмеялась. Отхлебнула вина. Собиралась сказать, что вода есть и здесь, она может заплатить. Или, еще лучше, он мог бы взять ее стакан и налить немного из-под крана в туалете. Водопроводная вода в Осло лучше той, что продают в бутылках, и к тому же это экологичнее.

— Куда именно? — спросила она.

— А это имеет значение?

— Нет. — Она не могла поверить собственным ушам.

— Хорошо. — Он сложил ладони вместе. — Тогда идем.

— Сейчас? Я думала — после заключительного акта.

— Мы уже знаем, чем все закончится.

* * *

Ресторан «Terse Acto» находился в районе Ви-

ка[76], открылся, похоже, недавно, и тапас в нем были самые лучшие и дорогие.

— Вкусно? — спросила Александра.

— Очень. — Харри промокнул рот салфеткой, стараясь не смотреть на ее бокал с вином.

— Мне нравится думать, что я знаю Осло, но об этом месте я никогда не слышала. Это Хельге посоветовал забронировать здесь столик. Геи в таком всегда секут.

— Гей? Не почувствовал в нем ничего такого.

— Ты просто теряешь привлекательность.

— Хочешь сказать, раньше я был привлекательным в этом смысле?

— Ты? Еще как был. Но не для всех. Если честно — для немногих. — Она задумчиво склонила голову набок. — Если подумать — нас было всего несколько. — Она рассмеялась, подняла бокал с вином и чокнулась с его стаканом воды.

— Итак, ты думаешь, Терри Воге потерял свой источник, впал в отчаяние и ударился в выдумки?

Харри кивнул.

— Узнать то, о чем он написал, он мог только непосредственно от убийцы. И я не вижу основа-

---

[76] Notes: 76

Вика — район в центре Осло, к северу от залива Пипервика, от которого и получил свое название.

ний верить этой версии.

— А если источник — он сам?

— Хм… Имеешь в виду, что Воге убийца?

— Я читала о китайском писателе, который убил четверых, посвятил этому несколько книг и был осужден только через двадцать лет.

— Лю Юнбяо[77], — сказал Харри. — И потом, еще есть Ричард Клинкхаммер[78]. Его жена исчезла, и вскоре он написал роман о человеке, убившем жену и закопавшем ее труп в саду. Там ее и нашли. Оба они убивали *не для того*, чтобы написать об этом. Ты на *это* намекаешь?

— Да, но Воге мог бы так сделать. Главы государств развязывают войны, чтобы быть переизбранными или войти в историю. Почему журналист не может сделать то же самое ради титула царя горы? Тебе следует проверить, есть ли у него алиби.

— Кстати о том, чтобы все проверить. Ты говоришь, что знаешь Осло. Слышала о месте под

---

[77] Notes: 77

Лю Юнбяо — китайский писатель. Арестован за убийство четырех человек, совершенное в гостинице в провинции Чжэцзян в 1995 году. Рассказал о своих преступлениях в художественных книгах.

[78] Notes: 78

Ричард Клинкхаммер — голландский писатель. Автор популярных книг, в которых детально описывает убийство своей жены по прозвищу Хани.

названием «Вилла Данте»?

Александра засмеялась.

— Конечно. Хочешь отправиться туда проверить, по-прежнему ли ты привлекателен? Сомневаюсь, что тебя пропустят. Даже в костюмах, которые ты стал носить.

— Что ты имеешь в виду?

— Это… как бы сказать… очень эксклюзивный гей-клуб.

— Ты там была?

— С ума сошел? Нет, но у меня есть друг-гей, Питер. Вообще-то он из соседей Рёда, и это он приглашал меня на ту вечеринку на террасе.

— Тебя туда приглашали?

— Ну, официальных приглашений не было, это скорее походило на вечеринку, куда люди просто приходят парами. Я хотела взять Хельге, чтобы свести его с Питером, но в тот вечер у меня была работа. Зато я несколько раз ходила с Питером в SLM.

— SLM?

— Ты совсем не в теме, Харри. Scandinavian Leather Man[79]. Гей-клуб для всех. Там тоже нуж-

---

[79] Notes: 79

Scandinavian Leather Man — клуб представителей «кожаной субкультуры», посвященной сексуальной активности, связанной с одеждой из кожи.

но соблюдать дресс-код, а в подвале есть особые комнаты и все такое. Полагаю, для клиентов «Виллы Данте» это немного вульгарно. Питер говорил, что пытался вступить в этот клуб, но это нереально сложно. Надо принадлежать к некому закрытому кругу, своего рода гейскому Opus Dei[80]. Там, конечно, чертовски стильно. Думаю, как в фильме «С широко закрытыми глазами»[81]. Работает всего один вечер в неделю в формате бала-маскарада для геев в дорогих костюмах. Все ходят в масках животных, носят соответствующие прозвища, соблюдается строжайшая анонимность. Всевозможные эскапады и официанты, которые… давай назовем их *молодыми людьми*.

— Совершеннолетние?

— Теперь уже, наверное, доросли. По этой причине клуб уже закрывали. Он тогда назывался Tuesdays — «Вторники». Сотрудник, четырнадцатилетний подросток, обвинил одного из гостей в изнасиловании. Мы взяли образец спермы,

---

[80] Notes: 80

Opus Dei — организация, входящая в состав католической церкви.

[81] Notes: 81

«С широко закрытыми глазами» — мелодрама о конфликте между сексуальным желанием человека и его религиозным долгом. Конфликт показан через любовь между двумя мужчинами и обстоятельства, препятствующие этой любви.

но, конечно, не обнаружили совпадений в базе данных.

— Почему «конечно»?

— У клиентов «Вторников», как правило, не было судимостей. Как бы то ни было, теперь клуб вновь открыт и носит название «Вилла Данте».

— И о нем, похоже, никто не слышал.

— Шумиха им не нужна, они работают тайно. Вот почему люди вроде Питера одержимы идеей туда попасть.

— Ты сказала, раньше клуб назывался «Вторники».

— Да, вечеринки в нем проходили по вторникам.

— И до сих пор проходят?

— Если хочешь, могу спросить у Питера.

— Хм. Как ты думаешь, что мне понадобится, чтобы получить право на вход?

Она рассмеялась.

— Постановление суда; возможно, ордер на обыск. Именно его, кстати, я предоставляю тебе на эту ночь в отношении самой себя.

Харри потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что она имеет в виду. Он приподнял бровь.

— Да. — Она отсалютовала ему бокалом. — Всё

согласно ордеру.

* * *

— Ты здесь живешь? — спросила Хелена.

— Нет, — ответил мужчина, назвавшийся Примом. Он вел машину между новыми, современными коммерческими зданиями, разбросанными по равнинам по обе стороны дороги, ведущей к оконечности полуострова Снарёйя[82].

— Я живу в центре города, но после того, как закрылся аэропорт, по вечерам я выгуливал здесь своего пса. Тогда тут никого не было, и он мог побегать на свободе. Вон там. — Он указал на запад, в сторону моря, и съел из пачки немного чипсов, или что там было. Хелене он этим не угощал.

— Но это же заповедник на болотах, — удивилась Хелена. — Ты не боялся, что собака нападет на птиц, которые там гнездятся?

— Конечно, пару раз так и случилось. Я утешал себя, говоря, что это естественный порядок вещей и что мы не можем препятствовать природе. Но это, конечно, неправда.

— Неправда?

---

[82] Notes: 82

Снарёйя — густонаселенный полуостров во внутреннем Ослофьорде. Раньше здесь располагался главный аэропорт Осло.

— Нет. Человечество — тоже часть природы, и человек — не единственный организм, всеми способами уничтожающий планету, какой мы ее знаем. Но мать-природа одарила нас не только разумом для совершения коллективного самоубийства, но и способностью к саморефлексии. Возможно, это спасет нас. Надеюсь, что так. В любом случае, я уже подчинился законам природы и стал ими пользоваться.

Он указал на ручку над ее дверью, и Хелена увидела собачий поводок-рулетку с болтающимся карабином для ошейника

— Он был хорошим псом, — сказал Прим. — Я мог сидеть в машине и читать с включенными фарами и открытым окном, а он в это время бегал себе в радиусе пятидесяти метров. Собакам — да и людям — больше и не нужно. Многие люди не хотят большего.

Хелена покачала головой.

— Но все же когда-нибудь они могут захотеть большего и попытаются сбежать. Что тогда делать владельцу собаки?

— Понятия не имею. Мой пес никогда не хотел большего. — Он свернул с главной дороги на лесную.

— А что сделала бы ты на моем месте?

— Отпустила бы.

— Даже если бы знала, что он не выживет в одиночку?

— Все мы когда-нибудь умрем.

— Верно, — согласился он.

Он сбавил скорость. Дорога закончилась. Он выключил двигатель и фары, и вокруг воцарилась кромешная тьма. Она слышала, как в тростниках шелестит ветер. Между деревьями виднелось море и огни на островах и мысе вдалеке.

— Где мы?

— Рядом с болотами, — объяснил он. — Вот на том берегу мыс Хёвикодден, а те два острова называются Бурёйя и Устёйя. С тех пор, как здесь появились жилые дома, это популярное место для прогулок. Днем здесь отдыхают многие семьи. Но сейчас, Хелена, мы с тобой полностью предоставлены сами себе.

Он отстегнул ремень безопасности и повернулся к ней.

Хелена глубоко вздохнула, закрыла глаза и стала ждать.

— Это безумие, — произнесла она.

— Безумие?

— Я замужняя женщина. Это… это очень не вовремя.

— Почему?

— Потому что я расхожусь с мужем.

— Тогда, по-моему, как раз вовремя.

— Нет. — Она покачала головой, не открывая глаз. — Нет, ты не понимаешь. Если Маркус узнает об этом, пока мы не обсудили условия…

— То ты получишь на несколько миллионов меньше.

— Да. То, что я делаю сейчас, просто глупо.

— Так зачем же ты это делаешь, как тебе кажется?

— Не знаю. — Она прижала ладони к вискам. — Как будто кто-то или что-то завладело моим разумом. — И тут ее осенила другая мысль. — Почему ты решил, что у него миллионы? — Она открыла глаза и посмотрела на него. В нем определенно было что-то знакомое. Что-то в глазах… — Ты был на той вечеринке? Ты его знаешь?

Он не ответил. Просто чуть улыбнулся и сделал музыку погромче. Поставленный голос пел, щедро используя вибрато, что-то о страшных монстрах. Она уже слышала это раньше, но не могла вспомнить где именно.

— Мартини, — неожиданно вспомнила она. — Ты был в «Даниэле». Это ведь ты прислал тот напиток, не так ли?

— И что заставляет тебя так думать?

— Стоять за мной в очереди, подойти, сесть рядом — это не просто знакомство в театральном антракте. Это не было случайностью.

Он провел рукой по волосам и взглянул в зеркало.

— Признаюсь, — согласился он. — Я наблюдал за тобой какое-то время. Хотел побыть с тобой наедине. И теперь я с тобой. Итак, что мы будем делать?

Она глубоко вздохнула и сама отстегнула ремень безопасности.

— Мы будем трахаться, — сказала она.

* * *

— Несправедливо, не так ли? — спросила Александра. Они покончили с едой и переместились в бар. — Я всегда хотела ребенка, но у меня никогда его не было. Зато ты, который никогда не хотел… — Она щелкнула пальцами над своим коктейлем «Белый русский».

Харри сделал глоток воды.

— Жизнь редко бывает справедливой.

— И вот так *случайно*, — продолжала она, — Бьёрн Хольм отправил ДНК на анализ, чтобы проверить, он ли отец… Напомни, как зовут

мальчика?

— Герт.

Александра видела по лицу Харри, что он не хочет говорить на эту тему. Тем не менее она продолжила — возможно, потому, что хватила лишку:

— Оказалось, он не был отцом. И сразу после этого я провожу анализ ДНК твоей, как выяснилось потом, крови, по ошибке прогоняю его по базе тестов на отцовство, и выясняю, что отец Герта — ты. Если бы не я…

— Ты не виновата.

— В чем не виновата?

— Ни в чем. Забудь об этом.

— Что Бьёрн Хольм покончил с собой?

— Что он… — Харри остановился.

Александра увидела, как его лицо скривилось, будто от боли. О чем же он недоговаривал? О чем не мог сказать ей?

— Харри?

— Да? — Его взгляд, казалось, был прикован к ряду бутылок на полке за спиной бармена.

— Ведь твою жену убил тот насильник, да? По фамилии Финне.

— Спроси его.

— Финне мертв. Если это был не он, то…

— То?..

— То подозреваемым был бы ты.

Харри кивнул.

— Мы всегда подозреваем партнера. И обычно оказываемся правы.

Александра сделала глоток из бокала.

— Это был ты, Харри? Ты убил свою жену?

— Двойную вот этого, — выговорил Харри, и Александре понадобилось время, чтобы понять: он говорит не с ней.

— Вот этого? — переспросил бармен, указывая на квадратную бутылку, что кверху донышком висела на кронштейне.

— Да, пожалуйста.

Харри молчал, пока перед ним не возник стакан с золотисто-коричневой жидкостью.

— Да, — сказал он, поднимая стакан. Подержал его мгновение, будто в страхе. — Я убил ее.

Харри опустошил стакан одним глотком и прежде, чем поставил его на стойку, уже заказал следующий.

* * *

Хелена восстановила дыхание, но осталась верхом на мужчине.

Она усадила его на пассажирское сиденье и

откинула спинку, пока он включал верхний свет и надевал презерватив. Потом оседлала его — словно какую-нибудь из своих лошадей, но без ощущения полного контроля. Он кончил, не издав ни звука — она только почувствовала, как напряглись, а потом расслабились его мышцы.

Она тоже кончила. Не благодаря его умениям, а потому что она так завелась, еще не сняв брюки и трусики, что хватило бы чего угодно.

Теперь она чувствовала, как его член обмякает внутри нее.

— Так почему же ты меня преследовал? — спросила она, глядя на него сверху вниз — раздетого, как и она, лежащего на разложенном сиденье.

— А ты как думаешь — почему? — Он закинул руки за голову.

— Ты в меня влюбился.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Я не влюблен в тебя, Хелена.

— Нет?

— Я влюблен, но в другую.

Хелена почувствовала, что начинает раздражаться.

— Ты что, в игры играешь?

— Нет, просто говорю как есть.

— Тогда почему ты здесь, со мной?

— Я даю тебе то, чего ты желаешь. Точнее — чего желают твои тело и мозг. Меня.

— Тебя? — Она фыркнула. — Почему ты уверен, что не просто любого мужчину?

— Потому что именно я посеял в тебе это желание. И теперь оно крадучись пробирается по твоему телу и мозгу.

— Желание получить тебя?

— Да, меня. Вернее — то, что ползет внутри тебя, хочет проникнуть в мой кишечный тракт.

— Как мило. Ты имеешь в виду, не хочу ли я оттрахать тебя страпоном? Когда мы начали встречаться с мужем, он однажды такое предлагал.

Человек, назвавшийся Примом, покачал головой.

— Я имею в виду тонкий и толстый кишечник. Его бактериальную флору. Чтобы они могли размножиться. Что до твоего мужа — для меня новость, что он хочет проникновения в собственный задний проход. Когда я был маленьким мальчиком, он проникал сам.

Хелена уставилась на него сверху. Она оторопела, но знала, что не ослышалась.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве ты не знала, что твой муж трахается с

мальчиками?

— Мальчиками?

— Маленькими мальчиками.

Она сглотнула. Конечно, ей приходило в голову, что Маркусу нравятся мужчины, но она никогда не говорила с ним об этом. Если Маркус бисексуал или — более вероятно — скрытый гей, ничего постыдного тут нет. Самое мерзкое заключалось в том, что Маркус Рёд, один из самых богатых и влиятельных людей в городе, не осмелился признаться миру в этом свойстве собственной натуры и, возможно, вздохнуть свободнее. Это он-то, знававший общественные обвинения в жадности, уклонении от налогов, дурном вкусе и бог знает в чем еще. Он выбрал жизнь хрестоматийного гомосексуалиста-гомофоба, ненавидящего себя нарцисса, словом, ходячего парадокса. Но… маленькие мальчики? Дети? Нет. Однако теперь, когда эта мысль прозвучала и Хелена обдумала ее, стало ясно: все весьма логично. Она вздрогнула. Ей вдруг пришло в голову: это может оказаться полезным при разводе.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, не двигаясь, лишь оглядываясь в поисках своих трусиков.

— Он был моим отчимом. И насиловал меня с

тех пор, как мне исполнилось шесть лет. Я говорю «шесть», потому что помню, как он насиловал меня в день, когда подарил мне велосипед. Три раза в неделю. Три раза в неделю он трахал мою детскую попку. Годами. Год за годом.

Хелена глубоко дышала ртом. Воздух в машине был насыщен запахом секса и особым мускусным ароматом. Она сглотнула.

— А твоя мать знала о…

— С нею та же история, что со многими другими: полагаю, она подозревала, но не делала ничего, чтобы докопаться до истины. Она была безработной алкоголичкой и боялась потерять его. И все же потеряла.

— Кто боится, всегда в конечном итоге остается ни с чем.

— А ты не боишься?

— Я? С чего бы мне бояться?

— Ты ведь уже поняла, почему мы с тобой здесь.

Ей показалось, или его член внутри нее снова отвердел?

— Сюсанна Андерсен? — спросила она наконец. — Это сделал ты?

Он кивнул.

— А Бертина?

Он кивнул снова.

Может, он блефовал. А может, и нет. В любом случае Хелена знала, что ей следует бояться. Почему же ей не было страшно? Почему она начала двигать бедрами взад-вперед? Сначала медленно, потом интенсивнее…

— Не надо… — выговорил он, внезапно побледнев.

Но она снова оседлала его. Словно ее тело обладало собственной волей, она приподнялась на его члене и с силой опустилась снова. Почувствовала, как напрягся его живот, услышала приглушенный стон и подумала, что он вот-вот кончит снова. И увидела, как из его рта хлынул каскад желто-зеленой рвоты. Жидкость выплеснулась ему на грудь, частью пролилась на сиденье, потекла по его животу к Хелене. Запахло так едко, что у Хелены тоже скрутило желудок и она зажала пальцами нос и задержала дыхание.

— Нет, нет, нет, — простонал он, не шевелясь и только нащупывая что-то на полу. Нашел свою рубашку и стал вытираться ею. — Все из-за этого дерьма. — Он указал на пакет чипсов на центральной консоли. Хелена разглядела на пакете надпись «Hillman Pets». — Мне нужно это есть, чтобы контролировать популяцию парази-

тов. — Он вытер живот рубашкой. — Но трудно соблюсти баланс. Если ем слишком много, желудок не справляется. Надеюсь, ты понимаешь. Или сочувствуешь.

Хелена не понимала и не сочувствовала, она просто зажимала нос и пыталась не дышать. И она ощутила странную перемену. Вожделение, похоть как будто улеглись, и на их место пришло другое. Страх.

Сюсанна. Потом Бертина. И вот настала ее очередь.

Ей надо убираться отсюда, и немедленно!

Он посмотрел на нее так, словно почувствовал этот страх. Хелена через силу улыбнулась. Ее левая рука была свободна, она могла открыть дверцу и выскочить, убежать. До таунхаусов, мимо которых они проезжали, и до начала лесной дороги было не больше трехсот-четырехсот метров. Хорошо. Четыреста метров — ее лучшая беговая дистанция, и босиком она побежит быстрее, чем в туфлях. К тому же Хелена догадывалась, что назвавшийся Примом не последует за ней сразу, потому что они оба голые, и это даст ей необходимую фору. И у него не будет времени развернуть машину и догнать ее, а если он попытается, она может побежать не по дороге, а по

лесу. Его просто нужно немного отвлечь, пока рука нащупывает дверную ручку. Хелена уже собралась отнять правую руку от носа и якобы нежно прикрыть ею его глаза. И тут она поняла кое-что еще: перемена в ней произошла, когда она не дышала. Не чувствовала запаха. Здесь есть какая-то связь.

— Понимаю, — заискивающе прошептала она. — Бывает. Теперь все чисто. Давай снова погасим свет. — Она старалась не вдыхать и надеялась, что он не замечает дрожи в ее голосе. — Где выключатель?

— Спасибо, — ответил он с еле заметной улыбкой и указал на потолок машины.

Она нащупала кнопку и погасила свет. В темноте левой рукой провела по пассажирской двери. Нашла дверную ручку, с силой потянула — и широко распахнула дверь. Ощутила на коже прохладный ночной воздух. Оттолкнулась — бежать. Но он оказался быстрее. Его руки сомкнулись на ее горле. Сдавили. Она ударила его в грудь обеими руками, но хватка на горле только усилилась. Она оперлась коленом о сиденье, а другим саданула вперед, надеясь попасть ему в пах. Не поняла, попала ли, но он отпустил, и она вырвалась, почувствовала под босыми ногами

гравий, упала, поднялась снова и побежала. Было трудно дышать, словно он все еще сдавливал ее шею, но она понимала: не надо обращать на это внимание, важно уйти. Она вдохнула немного свежего воздуха. Увидела огоньки внизу, у главной дороги. До них меньше четырехсот метров, верно? Да, скорее триста. Всё должно получиться. Она ускорилась, помчалась со всех ног. Ему ни за что не догнать ее…

И словно кто-то появился перед ней в темноте и ударил ее по горлу так сильно, что она упала на землю. Приземлилась на спину, ударилась головой о гравий.

Должно быть, на несколько секунд она потеряла сознание, потому что когда снова открыла глаза, услышала шаги по гравию.

Она попыталась закричать, но шею снова сдавило.

Она коснулась горла и поняла, что́ это.

Ошейник.

Этот человек застегнул на ней собачий ошейник и позволил убежать, спокойно ожидая, пока размотается рулетка и беглянка достигнет предела своих пятидесяти метров свободы.

Когда она нащупала застежку, шагов уже не было слышно. Она расстегнула застежку и осво-

бодилась от ошейника. И не успела подняться на ноги — ее снова повалили на гравий.

Он стоял, поставив одну ногу ей на грудь, и в темноте его обнаженное тело было мерцающе-белым. Она уставилась на предмет в его правой руке. Во тьме слабо поблескивал металл. Нож. Огромный нож. И все же Хелене не было страшно. По крайней мере не так страшно, как в машине, когда она задержала дыхание. Не потому, что она не боялась умереть — похоже, потому, что похоть вытеснила страх. Другого объяснения у Хелены просто не было.

Он присел на корточки, приставил лезвие к ее горлу, наклонился к ней и прошептал в ухо:

— Закричишь — зарежу. Кивни, если поняла.

Она молча кивнула. Он выпрямился, не поднимаясь с корточек. Она по-прежнему чувствовала на коже холодную сталь.

— Мне жаль, Хелена. — В его голосе звучали слезы. — Несправедливо, что тебе придется умереть. Ты ничего не сделала, и не ты моя цель. Тебе просто не повезло оказаться необходимым инструментом.

Она закашлялась.

— Нео… необходимым для чего?

— Для унижения и уничтожения Маркуса Рё-

да.

— Потому что он…

— Да, потому что он трахал меня. А когда не трахал, мне приходилось сосать его чертов уродливый член на ужин, завтрак, а иногда и на обед. Такое знакомо тебе, Хелена? Разница в том, что я-то ничего за это не получал. Не считая велосипеда в тот единственный раз. Ну и, конечно, того, что этот урод оставался с моей матерью. Ужасно, правда? Я боялся, что он покинет нас. Не знаю, кто стал слишком старым для него, я или моя мать, но от нас он ушел к более молодой женщине с маленьким сыном. Не думаю, что ты знаешь об этом, ведь это происходило задолго до тебя.

Хелена покачала головой. Она будто видела себя со стороны, обнаженную, замерзающую, растянувшуюся на гравийной дорожке, у горла нож. Она чувствовала, как в кожу впиваются камни, но не могла придумать, как спастись. Похоже, сейчас он ее прикончит. И все же она хотела быть здесь. Хотела его. Она сошла с ума?

— Моя мать впала в депрессию, — сказал он дрожащим голосом, и Хелена увидела, что теперь и ему очень холодно. — Только когда она выкарабкалась, у нее нашлись силы выполнить обещание. Она столько раз обещала мне это,

когда напивалась. Мама покончила с собой и пыталась оборвать и мою жизнь. Пожарная команда определила это как несчастный случай из-за курения в постели. Ни я, ни ее брат, мой дядя Фредрик, не видели причин сообщать страховой компании, что она не курила. Найденная ими пачка принадлежала Маркусу Рёду.

Он замолчал. Хелена почувствовала что-то теплое на своей груди. Слеза.

— Ты убьешь меня прямо *сейчас*? — спросила она.

Он прерывисто вздохнул.

— Как я уже говорил — мне жаль, но жизненный цикл паразитов должен завершиться. Знаешь, чтобы они дали потомство. Для заражения новой особи мне нужны новые, свеженькие паразиты. Понимаешь?

Она покачала головой. Ей захотелось погладить его по щеке, она чувствовала всеобъемлющую любовь к нему, почти экстаз. Нет, не любовь — похоть. Она была чертовски возбуждена.

— Ну и важно, конечно, что мертвые не болтливы, — добавил он.

— Конечно, — произнесла она. И глубоко вздохнула. Будто то был ее последний вздох.

— Но скажи, Хелена, пока мы занимались

сексом, ты хоть ненадолго почувствовала себя любимой?

— Не знаю. — Она устало улыбнулась. — Наверное, все-таки да.

— Хорошо, — ответил он и взял ее за руку той рукой, в которой не было ножа. Стиснул ее. — Я хотел сделать тебе такой подарок перед твоей смертью. Ведь только это имеет значение, не так ли? Чувствовать себя любимым.

— Может быть, — прошептала она, закрывая глаза.

— Помни об этом, Хелена. Скажи себе: «Я любима».

Прим посмотрел на нее сверху вниз. Увидел, как ее губы беззвучно произносят: «*Я любима*». Затем поднял нож, направил острие на ее сонную артерию, наклонился вперед, наваливаясь всем весом, и позволил лезвию погрузиться. Теплая струйка крови, брызнувшая на его ледяную кожу, заставила его содрогнуться от восторга и ужаса.

Он крепко держал рукоять ножа. Дрожь ее тела сказала ему, что жизнь ее покидает. Кровь брызнула еще раз — и потекла спокойно. Через несколько секунд по неподвижности ножа он понял, что Хелена Рёд мертва.

Прим вытащил нож и сел на землю рядом с

ней. Вытер слезы. Он дрожал от холода, страха и отпускающего напряжения. Легче не становилось. От раза к разу только хуже. Но это все были люди невинные. Виновный жив. С ним было бы совсем по-другому. Когда он лишит жизни Маркуса Рёда — вот это будет радость! Но сначала ублюдок будет страдать так, что смерть станет избавлением.

Прим почувствовал что-то на коже. Закапал дождь. Он поднял глаза. Небо черное. Прогноз погоды обещал сильный дождь сегодня вечером. Вода смоет большую часть следов, но ему все же предстоит потрудиться. Он взглянул на часы — единственную вещь, которую не снял. Половина десятого. Если он хорошо поработает, к половине одиннадцатого снова окажется в городе.

ГЛАВА 29
Суббота
Tapetum Lucidum[83]

До полуночи оставался час, и мокрые дорожки в парке Королевского дворца блестели под светом фонарей.

Харри впал в сладостный дурман, и реальность казалась ему более радужной. Он находился в самой приятной точке опьянения, когда еще понимаешь, что обманываешь себя, но душевной боли уже не чувствуешь. Они с Александрой шли по парку. Мимо проплывали лица прохожих. Чтобы поддержать Харри, Александра положила его руку себе на плечо и обняла за талию. Она все еще злилась.

— Ладно бы они отказались нас обслуживать… — прошипела она.

— Отказались *меня* обслуживать, — поправил

---

[83] Notes: 83

Tapetum lucidum — светоотражающий слой клеток в глазах некоторых животных, как правило ведущих ночной образ жизни. Расположен непосредственно за сетчаткой, отражает видимый свет обратно через сетчатку, что увеличивает количество света, доступного зрительным рецепторам носителя. Tapetum lucidum способствует превосходному ночному зрению.

ее Харри. Его дикция была куда тверже походки.

— …но они нас вышвырнули.

— *Меня* вышвырнули, — снова поправил Харри. — По моим наблюдениям, бармены не любят, когда клиенты засыпают головой на стойке.

— Неважно. Все дело в том, *как именно* они это сделали.

— Бывает гораздо хуже, Александра. Поверь мне.

— Да ладно!

— Да точно. Это был один из самых тактичных способов вышвыривания на моей памяти. Думаю, он может попасть в мой шорт-лист «Пять самых приятных вышвыриваний».

Она рассмеялась, прислонившись головой к его груди. В результате Харри снесло с дорожки на королевскую лужайку, где пожилой мужчина со справлявшей нужду собакой на поводке неодобрительно уставился на них.

Александра вернула Харри на дорожку.

— Давай зайдем в «Лорри» и выпьем кофе, — предложила она.

— И пива, — дополнил Харри.

— Кофе. Если не хочешь, чтобы тебя опять выбросили на улицу.

Харри подумал немного.

— Окей.

«Лорри» был переполнен, но они нашли места возле двух франкоговорящих мужчин в третьей кабинке слева от входной двери. Им подали большие чашки горячего кофе.

— Эти люди говорят об убийствах, — прошептала Александра.

— Нет, — возразил Харри, — они говорят о гражданской войне в Испании.

К полуночи они покинули «Лорри», напившись кофе и чуть протрезвев.

— Ко мне или к тебе? — спросила Александра.

— Есть еще альтернативы?

— Нет, — ответила она. — Значит, ко мне. Давай прогуляемся. По свежему воздуху.

Квартира Александры находилась в доме на улице Маркуса Тране, на полпути между Сант-Хансхаугеном и площадью Александра Кьелланда[84].

— В прошлый раз ты жила по другому адресу, — сказал Харри, стоя в спальне. Александра пыталась его раздеть, он слегка покачивался. — Но кровать, вижу, все та же.

— Приятные воспоминания?

---

[84] Notes: 84
Прогулка Харри и Александры составила около 2,5 км.

Харри задумался.

— Идиот, — заявила Александра, толкая его на кровать и вставая на колени, чтобы расстегнуть на нем брюки.

— Александра… — Он накрыл ее руку своей.

Она остановилась и встретилась с ним взглядом.

— Я не справлюсь, — объяснил он.

— Ты имеешь в виду — слишком пьян?

— Наверное, поэтому тоже. Но я сегодня был на ее могиле.

Он ожидал гнева, ведь Александра скорее всего почувствует себя униженной. Ждал холодности. Презрения. Но прочел в ее глазах только усталую покорность. Она затолкала его прямо в брюках под одеяло, погасила свет и легла, прижавшись к нему.

— Все еще больно? — спросила она.

Харри попытался подобрать слова, чтобы объяснить это чувство. Пустота. Потеря. Одиночество. Страх. Нет, паника. Но все же Александра попала в самую точку — доминирующим ощущением была боль. Он кивнул.

— Тебе повезло, — произнесла она.

— Повезло?

— Любить так сильно. До такой боли.

— М-м.

— Извини, если прозвучало банально.

— Нет, ты права. Наши эмоции банальны.

— Я не имела в виду, что банально любить кого-то. Или хотеть быть любимым.

— И я не имел.

Они обняли друг друга. Харри уставился в темноту. Потом закрыл глаза. Оставалась еще половина отчетов. Ответ мог быть там. В противном случае ему придется испробовать отчаянный план. Он уже отмел этот план, но после разговора с Трульсом у «Шрёдера» возвращался к нему снова и снова. Харри отключился.

Он скакал верхом на механическом быке. Его бросало из стороны в сторону, а он удерживался что есть сил и при этом пытался заказать выпивку. Он старался сфокусировать взгляд на бармене за стойкой, но рывки были слишком резкими, а черты лица перед ним — мутными.

— Чего ты хочешь, Харри? — Это был голос Ракели. — Скажи мне, чего ты хочешь.

Это действительно была она? *Я хочу, чтобы бык остановился. Я хочу, чтобы мы были вместе.* Харри пытался выкрикнуть это, но не мог издать ни звука. Он нажимал кнопки на шее быка, но броски и повороты только усиливались и уско-

рялись.

Он услышал звук, с которым нож разрезает плоть. А потом ее крик.

Бык стал двигаться медленнее и постепенно остановился.

Харри не видел никого за барной стойкой, только кровь стекала по зеркальным полкам, бутылкам, стаканам. Он почувствовал, как что-то твердое прижалось к виску.

— Я могу сказать, что ты в долгу, — прошептал по-английски голос позади него. — Да, ты должен мне жизнь.

Он посмотрел в зеркало. В конусе света, льющегося сверху, Харри увидел собственную голову, ствол пистолета и руку, держащую палец на спусковом крючке. Лицо того, кто держал пистолет, скрывала темнота, но он видел проблеск чего-то белого. Тот человек голый? Нет, это белеет воротничок.

— Подожди! — окликнул Харри и обернулся. Это был не мужчина из лифта. И не человек за тонированным стеклом «камаро». Это был Бьёрн Хольм. Рыжеволосый коллега Харри прижал пистолет к собственному виску и нажал спусковой крючок.

— Нет!

Харри внезапно обнаружил, что сидит в постели.

— Господи! — раздалось бормотание, и он увидел рядом черные волосы на белой подушке. — Что случилось?

— Ничего, — хрипло ответил Харри. — Просто сон. Мне пора идти.

— Почему?

— Мне надо прочитать отчеты. И я обещал пойти утром погулять в парке с Гертом.

Он вылез из постели, нашел на стуле рубашку, надел, начал застегивать. Почувствовал, как поднимается тошнота.

— Ты волнуешься перед встречей с ним?

— Просто хочу прийти вовремя. — Он наклонился и поцеловал ее в лоб. — Спокойной ночи и спасибо за прекрасный вечер. Дверь я найду.

Когда Харри выбрался во внутренний дворик, его вырвало. Ему удалось протиснуться между зелеными мусорными баками у стены, прежде чем желудок скрутило узлом и содержимое изверглось на грязные булыжники. Приходя в себя, он увидел красноватые огоньки у стены на другой стороне двора. Это были кошачьи глаза. *Tapetum lucidum* — как объяснила ему Люсиль, слой клеток в задней части глаза — отражал

свет из окна на первом этаже. Он различил и саму кошку — та тихо сидела и смотрела на него. Точнее, понял Харри, когда его глаза привыкли к темноте, внимание кошки привлек не он, а крыса неподалеку от него. Крыса медленно двинулась от мусорных баков к кошке. Это было совсем как в последнее утро в бунгало на Доэни-драйв. Крыса волочила за собой длинный блестящий хвост, будто осужденный, вынужденный тащить на виселицу собственную веревку. Кошка подалась вперед и мгновенным рывком впилась зубами в шею грызуна. Харри снова вырвало. Он опирался о стену, когда кошка бросила на землю перед ним уже мертвую крысу. Светящиеся глаза смотрели на Харри, словно ждали аплодисментов. Театр, подумал Харри. Гребаный театр, где мы появляемся ненадолго и играем роли, которые кто-то написал для нас.

ГЛАВА 30
Воскресенье

Утреннее солнце еще не высушило улицы, когда Тхань пришла к «Монсу». Она не взяла с собой ключи от зоомагазина. Было воскресенье, и здесь ей просто назначили встречу, чтобы передать собаку для выгуливания. Клиент позвонил Тхань накануне, обратившись к ней впервые. Обычно услугами по присмотру за собаками редко пользовались по выходным — в эти дни у владельцев хватало времени на питомцев. Тхань с нетерпением ждала возможности прогуляться. Она надела спортивный костюм на случай, если собака захочет побегать. Вчера они с матерью готовили еду к возвращению отца Тхань из больницы. И, хотя врач дал отцу строгие указания не переедать и не есть острую пищу, отец, к удовольствию матери, с жадностью набрасывался на все блюда, какие она подавала. Тхань увидела человека с собакой, идущего по гравию пустой площади Весткантторгет. Собака оказалась лабрадором, и судя по походке, страдала дисплазией тазобедренных суставов. Когда они подошли

ближе, Тхань узнала во владельце собаки полицейского, заходившего в магазин два дня назад. Он был в строгом костюме, и, скорее всего, поэтому первая ее мысль была о том, что собаке нужен присмотр, потому что хозяин идет на воскресную службу или на конфирмацию. В прошлый раз, когда она увидела его впервые, на нем тоже был костюм. Может, он так одевается для работы? В таком случае хорошо, что Тхань не взяла ключи — вдруг полицейский собирается уговорить ее, чтобы она впустила его в магазин.

— Привет, — улыбнулся он. — Меня зовут Сон Мин.

— Тхань, — представилась она и погладила виляющую хвостом собаку.

— Тхань. А его зовут Каспаров. Как можно оплатить?

— Vipps, если у тебя есть приложение. Могу выдать квитанцию.

— Что, не хочешь работать по-черному, когда клиент — полицейский? — Он рассмеялся. — Извини, плохая шутка, — сказал он, когда она не засмеялась в ответ. — Не возражаешь, если я немного пройдусь с вами?

— Конечно, нет, — ответила она и взяла поводок, отметив, что ошейник Каспарова — от

«William Walker» — фирмы, выпускавшей дорогие, но мягкие и удобные для собак ошейники и поводки. Тхань предлагала добавить их в ассортимент магазина, но Юнатан отказался. — Обычно я гуляю во Фрогнер-парке, — сказала она.

— Хорошо.

Они двинулись на юг и свернули на Фуглехауггате в сторону парка.

— Я вижу, ты в спортивном костюме, но боюсь, для Каспарова пробежки остались в прошлом.

— Я заметила. Ты думал об операции?

— Да, — ответил он. — Несколько раз хотел сделать. Но ветеринар был против. Все же, думаю, мы придерживаемся неплохой тактики — правильное питание, а в периоды обострений — обезболивающие и противовоспалительные средства.

— Похоже, ты заботишься о собаке.

— О да. А у тебя есть собака?

Она покачала головой.

— Мне больше нравятся мимолетные интрижки. Как сейчас с Каспаровым.

Теперь рассмеялись оба.

— Кажется, на днях я не слишком поладил с твоим боссом, — сказал Сон Мин. — Он всегда такой угрюмый?

— Не могу сказать, — ответила Тхань.

Полицейский молчал. Тхань понимала, что он ждет разъяснений. Конечно, она не была обязана что-то говорить, но такие паузы могли подчеркнуть нежелание сказать слишком много, будто она скрывает что-то подозрительное.

— Я не очень хорошо его знаю, — объяснила Тхань, хотя теперь ее слова прозвучали, как будто она хотела дистанцироваться от Юнатана. Это могло выставить его в невыгодном свете. Такого Тхань определенно не желала.

— Странно, что вы мало знакомы, — удивился полицейский. — Ведь вы единственные сотрудники магазина.

— Да, — согласилась она. Они остановились на красный свет на пешеходном переходе через Киркевейен. — Это может показаться странным. Но ведь на самом деле тебя интересует, провозил ли он какую-нибудь контрабанду. Честно говоря, мне ничего об этом неизвестно.

Боковым зрением Тхань видела, что новый знакомый смотрит на нее. Когда загорелся зеленый, она так стремительно двинулась через дорогу, что полицейский остался стоять на тротуаре позади нее.

* * *

Сон Мин поспешил за девушкой из зоомагазина.

Он был раздосадован. Ясно, что ни к чему это не приведет. Она настороже и не собирается ничего рассказывать. Выходной потрачен зря, и вчерашняя ссора с Крисом отнюдь не улучшает настроения.

У монументальных главных ворот Фрогнер-парка стоял продавец цветов, предлагая туристам унылые экземпляры своего товара.

— Роза для прекрасной возлюбленной…

Продавец сделал шаг вперед, перегородив небольшой боковой вход, к которому шли Сон Мин и Тхань.

— Нет, спасибо, — отказался Сон Мин.

Продавец повторил предложение на ломаном норвежском, будто Сон Мин не понял его в первый раз.

— Нет, — снова ответил Сон Мин и последовал за Тхань и Каспаровым — те уже обошли продавца и миновали ворота.

Но продавец не отставал.

— Роза для прекрасной…

— Нет!

Мужчина явно решил по одежде Сон Мина, что тот может позволить себе купить цветок, а по азиатской внешности и Сон Мина, и Тхань, — что они пара. Предположение небезосновательное, и в другой день оно не задело бы Сон Мина. Он редко, практически никогда не позволял чужим предубеждениям спровоцировать себя. Стереотипы — один из способов, с помощью которых люди справляются со сложным миром вокруг. На самом деле Сон Мина чаще раздражали те, кто обижается на каждое, даже самое невинное, проявление чужих предубеждений против собственной персоны.

— Роза для…

— Я гей.

Продавец остановился и несколько секунд тупо пялился на Сон Мина. Потом облизнул губы и протянул ему бледный цветок, обернутый в целлофан.

— Роза для пре…

— Я гей! — взревел Сон Мин. — Понимаешь? Я самый настоящий гей!

Продавец попятился. Сон Мин видел, что люди, проходящие через ворота, оборачиваются на них. Тхань остановилась, на ее лице был испуг, а Каспаров коротко гавкнул и рванул поводок,

стремясь на помощь хозяину.

— Прости, — вздохнул Сон Мин. — Вот. — Он взял цветок и вручил продавцу банкноту в сто крон.

— У меня нет… — начал было тот.

— Все в порядке. — Сон Мин подошел к Тхань и протянул ей розу.

Сначала она просто удивленно смотрела на него. Потом начала смеяться.

Сон Мин на мгновение замешкался, но увидел ситуацию со стороны и тоже рассмеялся.

— Мой папа говорит, что это чисто европейская традиция — дарить возлюбленной цветы, — поделилась Тхань. — В древности так делали греки, в Средние века — французы и англичане.

— Да, но розы родом из нашей части света, — ответил Сон Мин. — Я родился в Южной Корее, в городе Самчхок, где проводят знаменитый фестиваль роз. А мугунхва, роза Шарона[85] — национальный символ Кореи.

— А разве мугунхва — роза?

---

[85] Notes: 85

Мугунхва, роза Шарона — гибискус сирийский, национальный цветок Южной Кореи. Украшает герб страны, символизирует бесконечное процветание и преуспевание нации.

Прежде чем они добрались до Монолита[86], разговор перешел от цветов к домашним животным.

— Я не знаю, любит ли вообще Юнатан животных, — сказала Тхань, когда они стояли в верхней части парка и смотрели вниз на район Скёйен. — Думаю, он оказался в этом бизнесе случайно. С тем же успехом у него мог быть продуктовый магазин или магазин электроники.

— Но ты не знаешь, продолжил ли он закупать «Hillman Pets» после запрета на ввоз?

— Почему ты думаешь, что он это делал?

— Он был очень напряжен, когда я расспрашивал его в магазине.

— Может, он боялся…

— Да?

— Нет, ничего.

Сон Мин глубоко вздохнул.

— Я не таможенник и не собираюсь выдвигать обвинения в незаконном ввозе. Я отрабатываю зацепку, которая может помочь нам выйти на убийцу двух пропавших девушек и задержать

---

[86] Notes: 86

Монолит — 16-метровый вертикальный монумент, полностью состоящий из переплетенных обнаженных человеческих фигур. Скульптор Густав Вигеланд работал над этим монументом двадцать лет. Монолит — венец грандиозного скульптурного комплекса «Парк скульптур Вигеланда» во Фрогнер-парке.

его. И предотвратить новые смерти.

Тхань кивнула. Казалось, она колеблется перед тем, как принять решение.

— Единственная незаконная вещь, которую на моей памяти сделал Юнатан, — согласился взять лисенка, которого кто-то привез из Лондона — видимо, там держат лис в городе. Провозить лис в Норвегию, конечно, нельзя. Возможно, те люди узнали о запрете уже здесь и испугались. Они не решались пойти к ветеринару, чтобы усыпить его, и не могли ничего сделать сами, так что отдали лисенка Юнатану. Без сомнения, они щедро ему заплатили за избавление от хлопот.

— Ну и народ!

— Это еще что! Я дважды сталкивалась с хозяевами, которые не приходили за своими собаками — просто растворялись в воздухе.

— И что ты делала?

— Забирала их домой. Но места у нас немного, так что в итоге увозила их в приют для животных. Так грустно.

— А что случилось с лисенком?

— Не знаю и не уверена, что хотела бы знать. Я любила этого лисенка, — Сон Мин видел, что глаза у нее совсем мокрые. — Однажды он просто исчез. Наверное, его смыли в унитаз…

— В унитаз?

— Нет, конечно, нет. Повторяю — не хочу знать, как он избавился от Нхи.

Они продолжали гулять. Тхань рассказывала о своих планах, о мечте стать ветеринаром. Сон Мин слушал. Эта девушка не могла не нравиться.

Она была сообразительной, поэтому он мог больше не притворяться, что обратился к ней ради присмотра за собакой, и сопровождать ее всю прогулку. Расспросы результата не дали, но Сон Мин утешал себя тем, что хотя бы провел время с таким же любителем четвероногих друзей, как он сам.

— Ой, — сказала Тхань, когда они снова подошли к «Монсу». — Это Юнатан.

Дверь магазина была открыта, а снаружи припаркован «вольво»-универсал. Мужчина склонился к открытой пассажирской двери. Похоже, он не слышал их из-за шума пылесоса. У его ног стояло ведро с водой, через край переливалась пена, а машина влажно блестела. Из шланга, лежащего на асфальте, еще сочилась вода.

Сон Мин взял поводок Каспарова. Он подумал, не ускользнуть ли незамеченным, предоставив Тхань самой решить, рассказывать ли боссу об их

встрече. Но прежде чем он успел что-то решить, владелец магазина выпрямился и повернулся в их сторону.

Сон Мин увидел, как загорелись глаза парня, когда тот все понял и, несомненно, правильно истолковал.

— Как-то не по-христиански мыть машину в часы церковной службы, нет? — спросил Сон Мин, опередив Юнатана.

Глаза того сузились.

— Мы только гуляли в парке, — быстро добавила Тхань. — Присмотр за собакой.

Сон Мину хотелось бы, чтобы ее голос звучал менее тревожно. Ведь это не им следовало оправдываться, а Юнатану.

Не говоря ни слова, мужчина унес в магазин пылесос и шланг. Вышел снова, взял ведро, вылил содержимое на тротуар. Мыльная пена и грязная вода заляпали дорогие, ручной работы туфли Сон Мина.

Сон Мин этого не замечал. Его внимание было сосредоточено на Юнатане, направляющемся к магазину с пустым ведром. Этот человек рассердился только из-за встречи с настырным полицейским? Потому что он вел себя иначе, чем тогда, в магазине. Сейчас парень излучал

ненависть. Ту ненависть, которая вспыхивает, когда человеку страшно. Когда кто-то подобрался к тебе слишком близко и угрожает вломиться внутрь — туда, где у тебя самое больное место, где ты в опасности.

Сон Мин не знал, на какую мозоль наступил, но на какую-то наступил, это уж точно. Мужчина вернулся, запер дверь магазина и подошел к машине, не удостаивая взглядом Сон Мина и Тхань. Полицейский увидел, что в воде, стекающей с шин «вольво» на крышку канализационного люка, плавают комья земли.

— Ездил в лес? — спросил Сон Мин.

— Идешь по ложному следу? — парировал владелец магазина. Сел на водительское сиденье, закрыл дверь и запустил двигатель.

Сон Мин смотрел, как «вольво» стремительно уезжает по спокойной воскресной Нойберггате.

— Что у него было в багажнике?

— Террариум — сказала Тхань.

— Террариум… — повторил Сон Мин.

* * *

— Ох, — прошептала Катрина, вытащив руку из-под локтя Харри

— Что случилось? — спросил он.

Она не ответила.

— Что слутилось, мамочка? — спросил Герт, державший Харри за руку.

— Мне показалось, я кое-кого заметила, — объяснила Катрина, покосившись на возвышенность за Монолитом.

— Опять Сон Мин? — спросил Харри. Катрина рассказала, что, поджидая его, они с Гертом увидели, как в парк вошел Сон Мин с какой-то девушкой. Катрина не стала привлекать его внимание: ей не хотелось, чтобы коллеги видели ее вместе с Харри. В этом отношении Фрогнер-парк в солнечное воскресенье представлялся сомнительным выбором для прогулки: там бродило множество людей, а некоторые даже сидели на траве, еще, должно быть, влажной после ночного дождя.

— Нет, мне показалось, это… — Она сделала паузу.

— Парень, с которым ты ходила на свидание? — спросил Харри. Герт, одетый в детский комбинезон для прогулок в любую погоду, тянул его за рукав, требуя, чтобы «дядя Халя» еще разок поднял его и покружил.

— Может быть. Иногда думаешь о ком-нибудь и вдруг начинаешь видеть его везде, куда бы ни

пошел, понимаешь?

— Тебе кажется, ты видела его вон там?

— Нет, это не мог быть он, сегодня он собирался поработать. Но я все равно не могу разгуливать с тобой под руку, Харри. Если бы нас вот так вдвоем увидел кто-то из коллег…

— Понимаю. — Харри проверил время. Оставалось двое суток. Он объяснил Катрине, что у него только пара часов, а потом надо вернуться в отель и продолжить работу. Но он знал: это всего лишь ради ощущения, будто чем-то занят. Смешно полагать, что он найдет зацепку в оставшихся отчетах. Должно что-то *произойти*.

— Не тудя, вот сюдя! — велел Герт, уводя Харри с дорожки на тропу между деревьями. Тропа вела к детской площадке и замку Фрогнер, маленькой деревянной крепости, где играли дети.

— Как, ты сказал, он называется? — невинно спросил Харри.

— Замок Флогнел!

Харри увидел предупреждающий взгляд Катрины и изо всех сил постарался сдержать смех. Что, черт возьми, с ним такое? Он слышал, что недостаток сна может вызвать у человека психоз — неужели дело в этом?

У него зазвонил телефон, и он взглянул на

дисплей.

— Мне надо ответить. Вы идите вперед.

— Спасибо за вчерашнее, — произнес он в трубку, когда Герт и Катрина больше не могли его слышать.

— Нет, это *тебе* спасибо, — ответила Александра. — Но я звоню не поэтому. Я на работе.

— В воскресенье?

— Если ты среди ночи покидаешь теплые женские объятия и гостеприимную постель ради чтения отчетов, значит, и я могу позволить себе немного поработать.

— Справедливо.

— На самом деле я пришла позаниматься своей диссертацией, но оказалось, что готов анализ ДНК с бумажного полотенца, тот, о котором ты просил. Я решила, что ты захочешь сразу узнать результаты.

— Мм.

— Профиль ДНК совпадает со слюной, которую мы нашли на соске Сюсанны Андерсен.

Переутомленный мозг Харри постепенно обрабатывал информацию. Сердцебиение учащалось. Он хотел, чтобы что-то *произошло* — и вот это случилось. Некоторые начинали верить в Бога и по более мелким поводам. Но еще ему пришло в

голову, что не стоит так удивляться. Подозрение относительно того, чья слюна найдена на груди Сюсанны, было достаточно сильным, чтобы он постарался заполучить ДНК Маркуса Рёда.

— Спасибо, — произнес он и завершил звонок.

Добравшись до детской площадки, он увидел Катрину — та стояла на четвереньках на песке перед замком и подражала конскому ржанию, а Герт сидел на маминой спине и упирался пятками ей в бока. Катрина объяснила, не поднимаясь с четверенек, что Герт видел фильм о рыцарях и теперь настоял на том, чтобы въехать в замок верхом на лошади.

— Слюна, обнаруженная на Сюсанне, принадлежит Маркусу Рёду, — сообщил Харри.

— Откуда ты знаешь?

— Я заполучил ДНК Рёда и передал Александре.

— Черт!

— Мама…

— Да, мама будет следить за своим языком. Но если ДНК получена не по правилам, это незаконно и мы не сможем использовать этот результат в суде.

— Да, все делалось не в установленном полицией порядке, но именно об этом мы с тобой и

говорили. Тебе и твоим людям ничто не мешает использовать информацию, полученную другими.

— Можешь?.. — Она мотнула головой на своего всадника.

Харри снял протестующего Герта с «лошадки», и Катрина поднялась на ноги.

— Жена Рёда по-прежнему обеспечивает ему алиби. Но анализ может стать достаточным основанием для его ареста, — сказала Катрина, отряхивая брюки и глядя на Герта. Тот убежал к горке, спускавшейся с одной из башен.

— М-м. Думаю, Хелена Рёд колеблется по поводу алиби.

— Вот как?

— Я говорил с ней. Алиби — ее разменная монета в предстоящем разводе.

Катрина нахмурилась и достала зазвонивший телефон. Посмотрела на экран.

— Братт.

«Ее рабочий голос», — подумал Харри. И по тому, как изменилось ее лицо, догадался об остальном.

— Скоро буду, — проговорила она и оборвала связь. Взглянула на Харри. — Найдено тело. Лилльёйплассен.

Харри на мгновение задумался. Это вроде бы на окраине Снарёйи, около заболоченных земель?

— Понятно, — ответил он. — Но тебе-то зачем туда нестись? Криминалисты и сами справятся. Лучше занялась бы арестом Рёда.

— Это все то же дело. Девушка. С отрезанной головой.

— Дерьмо.

— Можешь пока поиграть с ним? — Катрина кивнула в сторону Герта.

— Ты будешь занята до конца дня, — возразил Харри. — И весь вечер. Рёда нужно…

— От ворот и от квартиры. — Она сняла со связки два ключа. — В холодильнике есть еда. И не смотри так скептически, ты отец, в конце концов.

— Хм. Очевидно, я отец, когда тебе это удобно.

— Точно. И ты сейчас говоришь словами этакой жены полицейского, которая вечно жалуется на свою долю. — Она протянула ему ключи. — После этого возьмемся за Рёда. Я буду держать тебя в курсе.

— Разумеется, — ответил Харри и стиснул зубы.

Он смотрел, как Катрина подошла к горке, обняла Герта и немного поговорила с ним. А потом

проводил ее взглядом, когда та трусцой выбегала из парка держа телефон возле уха.

Вдруг Харри почувствовал, как его тянут за руку, и увидел обращенное к нему лицо малыша.

— Лосадь.

Харри улыбнулся и сделал вид, что не понял.

— Лосадь!

Улыбка Харри стала еще шире. Он посмотрел на свои брюки и понял: придется сдаться.

ГЛАВА 31
Воскресенье
Крупные млекопитающие

Было одиннадцать часов утра. Солнце грело, но едва оно пряталось за облако, Катрина зябко ежилась. Она стояла у рощицы и смотрела на пляж, поросший высокой желтой травой песколюбкой. За полосой пляжа раскинулось сверкающее море, по которому скользили парусные лодки. Катрина повернулась. Носилки с женским трупом несли к машине скорой помощи, а от машины к ней шел Сон Мин.

— Ну что? — спросил он.

— Лежала в высокой траве прямо на берегу. — Катрина тяжело вздохнула. — Сильно истерзана, хуже, чем две другие девушки. Здесь много семей с маленькими детьми, это ранние пташки, и, конечно, кого-то из них и угораздило ее найти. Приятное зрелище для маленьких детей.

— О боже. — Сон Мин покачал головой. — Есть идеи, кто она?

— Она была совсем голая, и голова отрублена. О пропаже никто не заявлял. Пока не заявлял.

Но мне кажется, она была молодой и красивой, так что…

Катрина не договорила, мол, это ненадолго. Опыт показывал, что быстрее всего заявляют о пропаже молодых и красивых.

— Следов, очевидно, нет.

— Нет. Преступнику повезло — прошлой ночью шел дождь.

Сон Мин вздрогнул от внезапного порыва холодного ветра.

— Я не считаю это удачей, Братт.

— Я тоже.

— Можно что-нибудь сделать, чтобы опознать тело побыстрее?

— Я думала позвонить Моне До в «ВГ» и предоставить ей эксклюзив с условием, что они хорошенько поработают над нужной нам подачей информации: не слишком много, не слишком мало. Тогда остальные смогут ссылаться на ее статью, а потом жаловаться на особое отношение полиции к «ВГ».

— Неплохая идея. Мона До пойдет на это, чтобы поиметь Воге.

— Читаешь мои мысли.

Они молча наблюдали, как техники-криминалисты продолжают фотографировать и

тщательно прочесывать оцепленную зону в поисках улик.

Сон Мин покачивался на каблуках.

— Ее привезли сюда на машине, как Бертину, тебе не кажется?

Катрина кивнула.

— Похоже, ты прав. Здесь нет автобусов, а фирмы такси, которые мы успели проверить, вчера вечером не получали заказов в этот район.

— Не знаешь, есть ли в окрестностях какие-нибудь гравийные или грунтовые дороги?

Катрина внимательно посмотрела на него.

— Ты о следах шин? Я видела здесь только асфальтовые дороги. Но все следы шин, наверное, смыл дождь.

— Конечно, просто я…

— Просто ты?..

— Ничего, — сказал Сон Мин.

— Тогда я позвоню в «ВГ», — сообщила Катрина.

* * *

Было без четверти двенадцать. Прим медленно развернул перед собой лист пергаментной бумаги. Его снова захлестнул гнев. Эти волны то и дело — через неравные промежутки времени

— окатывали его с тех пор, как он увидел этих двоих вместе. Его Возлюбленная и тот парень. Словно парочка воркующих голубков. Когда мужчина и женщина вот так гуляют в парке, вряд ли можно усомниться в происходящем между ними. Он преследует ее. Да еще и полицейский! Не было времени придумать план избавления от этого неожиданного соперника, но скоро он это сделает.

На пергаментной бумаге перед ним лежал человеческий глаз.

Прим почувствовал, как пересохло во рту.

Но он должен.

Он взял глаз двумя пальцами, чувствуя, как накатывает тошнота. Нельзя, чтобы его снова вырвало, тогда все будет напрасно. Он снова перевел взгляд на бумагу. Постарался дышать глубоко и спокойно. Снова проверил с телефона сайты газет. Вот и оно! «ВГ», верхняя статья, на большой иллюстрации изображение болот. В статье за авторством Моны До он прочитал, что в заповеднике Лиллёйплассен на полуострове Снарёйя найдено тело пока не опознанной женщины. Это тело тоже обезглавлено, и «ВГ» призывала читателей, владеющих какой-либо информацией о личности убитой, обращаться в полицию. К это-

му же призывали тех, кто находился в указанном районе накануне вечером — вне зависимости, видели они там что-нибудь или нет. Мона До написала также, что полиция пока отказывается комментировать, связано ли это убийство с делом Сюсанны Андерсен и Бертины Бертильсен, но очевидно, что такая связь есть.

Прим смотрел на статью. Она размещалась над несколькими статьями о политическом деятеле, мухлевавшем с налогами, о сегодняшнем решающем матче между футбольными клубами «Будё/Глимт» и «Мольде», а также о войне на Востоке.

Он чувствовал странное опьянение от того, что был там, в центре событий, в главной роли. Не так ли чувствовала себя мамочка перед завороженной, затаившей дыхание публикой, взмахивая волшебной палочкой рассказчицы? Неужели ее гены, ее страсть наконец пробудились в нем?

Прим достал одноразовый телефон, который купил на eBay — с латвийской сим-картой, зарегистрированной на вымышленное имя. Набрал номер горячей линии «ВГ». Сказал, что речь идет о мертвой женщине в Лиллёйплассен, и попросил соединить с Моной До.

Когда журналистка взяла трубку, ее голос прозвучал, будто приказ:

— До.

Прим придал голосу особый глубокий тембр — он знал по опыту, что по этому голосу никто его не узнавал.

— Не имеет значения, кто я такой, я просто очень волнуюсь. Я должен был встретиться сегодня во Фрогнер-парке с Хеленой Рёд. Она так и не пришла, на звонки не отвечает, и дома ее тоже нет.

— Кто…

Прим нажал кнопку отбоя. Взглянул на пергамент. Поднял глаз и внимательно рассмотрел его. Положил в рот. И разжевал.

* * *

В половине первого Юхан Крон позвонил Харри Холе.

Адвокат сошел с веранды, где, повернув лицо к солнцу, еще сидела с чашкой кофе его жена. Она сказала, что не доверяет метеосводкам, обещающим потепление. Ожидая ответа, Юхан застегивал пальто. Наконец он услышал голос запыхавшегося Харри.

— Извини, Харри, я мешаю тренировке?

— Нет, я играю.

— Играешь?

— Я дракон, я атакую замок.

— Понятно, — отозвался Юхан Крон. — Я звоню, потому что со мной только что связался Маркус. Его помощник сообщил ему о звонке из Института судебной медицины. Они хотят, чтобы Маркус пришел опознать тело. — Крон глубоко вздохнул. — Они думают, что это может быть Хелена.

— Угу.

Юхан Крон не понял, шокировало это Холе или нет.

— Я предположил, что ты, возможно, захочешь составить ему компанию. Тогда ты сможешь увидеть тело. Хелена это или нет, убийца, вероятно, тот же.

— Хорошо, — согласился Холе. — Можешь подъехать и присмотреть несколько минут за трехлетним ребенком?

— Трехлетним?

— Ему нравится, когда притворяются животным. Предпочтительно крупным млекопитающим.

* * *

Юхан Крон во второй раз нажал кнопку звонка под надписью «Институт судебно-медицинской экспертизы».

— Сегодня воскресенье. Ты уверен, что здесь кто-то есть?

— Мне велели прийти как можно скорее и позвонить в эту дверь, — ответил Маркус Рёд, взглянув на фасад здания.

Наконец они увидели, как за стеклянной дверью бежит кто-то в зеленой форме. Бежавший впустил их.

— Извините, у моего коллеги сегодня выходной, — проговорил он из-под хирургической маски. — Я Хельге, судмедэксперт по предварительным вскрытиям.

— Юхан Крон. — Адвокат машинально протянул руку для приветствия, но судмедэксперт покачал головой, подняв руки в перчатках.

— А мертвецы могут болеть? — саркастически вопросил Рёд, маячивший сзади.

— Нет, но они могут заразить живых, — ответил Хельге.

Они последовали за Хельге через пустой коридор в комнату с окном, через которое было видно, как предположил Крон, помещение для вскрытий.

— Кто из вас будет участвовать в опознании?

— Он. — Крон кивнул в сторону Маркуса Рёда.

Мужчина вручил Рёду маску, форму и шапочку,

такие же, как у него самого.

— Могу я спросить, кем ты приходишься человеку, которым предположительно является умерший?

Какое-то мгновение Рёд казался растерянным.

— Мужем, — сказал он. Саркастический тон пропал, будто магнат начал осознавать, что на секционном столе действительно может лежать Хелена.

— Прежде чем наденешь маску, выпей воды — сказал эксперт.

— Спасибо, в этом нет необходимости, — отказался Рёд.

— Опыт подсказывает, что в таких случаях вода в организме попросту необходима. — Судмедэксперт налил воду из графина в стакан. — Поверь мне. Когда войдем туда — поймешь.

Рёд посмотрел на него, коротко кивнул и осушил стакан.

Судмедэксперт держал дверь открытой. Они с Рёдом вошли внутрь.

Крон подошел к окну. Судмедэксперт и Рёд стояли по обе стороны от каталки, на которой под белой простыней виднелись очертания женской фигуры. Без головы. Вероятно, в помещении работали микрофоны, потому что Крон слышал их

голоса через динамик над окном.

— Готов?

Рёд кивнул, и патологоанатом убрал простыню.

Крон отпрянул от окна. По роду занятий ему приходилось видеть трупы, но такие — ни разу. Голос эксперта звучал в динамике сухо, буднично:

— Мне очень жаль, но преступник подверг ее жестокому насилию. Видишь вот эти колото-резаные раны? Они по всему телу, и живот рассечен. Но больше всего, по-видимому, досталось области ануса, где, как мы предполагаем, преступник использовал что-то другое — не нож и не руки, здесь нанесены слишком серьезные травмы. Вся прямая кишка разорвана, и увечья идут выше, так что он, должно быть, использовал трубку, толстую ветку или что-то подобное. Прошу прощения, если сказал больше, чем ты хотел бы услышать, но необходимо объяснить степень примененного к ней насилия, чтобы ты понимал: она больше не такая, какой ты ее знал или привык видеть. Не торопись и постарайся смотреть не только на травмы.

Из-за маски на лице Рёда Крон не мог видеть его лицо, но разглядел, как тот дрожит.

— Он сделал это, пока… пока она была жива?

— Я хотел бы уверенно ответить, что она была мертва, но, увы, не могу.

— Значит, она страдала? — Голос Рёда сделался сделался тонким, он явно сдерживал плач.

— Как я уже сказал, мы не знаем. Мы смогли установить, что некоторые повреждения нанесены после остановки сердца, но об остальных точно судить не можем. Мне жаль.

Рёд всхлипнул. Юхан Крон никогда, ни на каком этапе отношений не жалел Маркуса Рёда. Ни на секунду. Потому что его клиент был конченным ублюдком. Но сейчас Крон ощутил сострадание — возможно, потому, что на мгновение невольно представил, что оказался на месте Рёда, а на каталке лежит его жена.

— Это больно, я знаю, — произнес эксперт, — но я должен попросить тебя не торопиться. Посмотри на нее и сделай все возможное, чтобы точно подтвердить или точно опровергнуть, что это именно Хелена Рёд.

Крону показалось, сама связь между именем Хелены и изуродованным телом на каталке заставила Рёда судорожно зарыдать.

Крон услышал, как позади него открылась дверь.

Вошел Харри Холе в сопровождении темноволосой женщины.

Холе коротко кивнул.

— Это Александра Стурдза. Она работает здесь. Мы встретились по дороге.

— Юхан Крон, адвокат Рёда.

— Я знаю, — отозвалась Александра, подходя к раковине и начиная мыть руки. — Я уже была здесь сегодня, но, кажется, все пропустила. Ее опознали?

— Занимаются этим сейчас, — ответил Крон. — Это… э… задача не из простых.

Холе подошел к окну, встал рядом с Кроном и теперь тоже смотрел в прозекторскую.

— Ярость, — просто сказал он.

— Извини?

— То, что он с ней сделал. Не похоже на то, как было с двумя другими. Это ярость и ненависть.

У Крона пересохло во рту, он сглотнул.

— Ты имеешь в виду — тот, кто это сделал, ненавидит Хелену Рёд?

— Может быть. Или он ненавидит то, что она представляет. Или ненавидит себя. Или ненавидит того, кто любит ее.

Как юристу Крону доводилось слышать такие слова раньше. Это были более или менее стан-

дартные формулировки судебных психологов в делах о насилии и убийствах на сексуальной почве. Кроме последней — о ненависти к тому, кто любил жертву.

— Это она, — зазвучал из динамика шепот Рёда, заставивший замолчать их троих, стоящих у входа в прозекторскую.

Темноволосая женщина закрыла кран и повернулась к смотровому окну.

— Извини, но я должен спросить, уверен ли ты, — сказал эксперт.

У Рёда вырвался новый судорожный всхлип. Он кивнул. Указал на плечо трупа.

— Шрам. Она получила его, когда мы были в Ченнаи, в Индии. На пляже она ездила верхом. Я нанял скаковую лошадь, которая должна была участвовать в скачках на следующий день. Они так красиво смотрелись вместе… Но лошадь не привыкла бегать по песку и не заметила яму, возникшую после прилива. Они были так прекрасны, когда… — Он замолчал и закрыл лицо руками.

— Должно быть, чертовски хорошая лошадь, раз его так пробрало, — заявила темноволосая. Крон недоуменно повернулся к ней, но под ее холодным взглядом проглотил выговор, готовый

слететь с языка. Вместо этого он раздраженно обернулся к Харри.

— Она провела анализ ДНК Рёда, — пояснил Харри. — Его ДНК соответствует слюне, найденной на груди Сюсанны Андерсен.

Произнося эти слова, Харри внимательно смотрел в лицо Юхану Крону. Ему показалось, он видит искреннее удивление, будто адвокат и правда верил в невиновность своего клиента. Но на самом деле не имеет значения, во что верят юристы и полицейские. Исследования показывают, что представители самых различных профессий с трудом определяют, лжет ли собеседник. Иными словами, все мы в этом примерно так же безнадежны, как детектор лжи Джона Ларсона. Тем не менее, Харри трудно было поверить, что удивление Крона или слезы Рёда — всего лишь игра. Конечно, мужчина может оплакивать женщину, которую убил, хоть собственноручно, хоть заплатив кому-то за убийство. Харри повидал достаточно мужей, виновных в убийстве, рыдающих от гремучей смеси разных чувств: вины, отчаяния от потери любимой, все той же пламенной ревности, приведшей к убийству, и потрясения при осознании содеянного. Господи, да разве он сам не поверил на какое-то время, что

в пьяном угаре убил Ракель? Но Маркус Рёд *и в самом деле* не был похож на человека, убившего лежавшую перед ним женщину, хотя Харри не мог объяснить, почему он так думает. Рёд как-то слишком искренне плакал. Харри закрыл глаза. *Слишком искренне плакал*? Он вздохнул. К черту эту эзотерическую чепуху! Доказательства налицо, и они говорят сами за себя. Вот-вот должно произойти чудо, которое спасет и его, и Люсиль, так почему не приветствовать его с распростертыми объятьями?

В комнате послышался звонок.

— Кто-то у главной двери, — произнесла Александра.

— Вероятно, полиция, — предположил Харри.

Александра пошла открывать.

Юхан Крон посмотрел на него.

— Это ты их вызвал?

Харри кивнул.

Рёд вошел в комнату с окном и снял форму, маску и шапочку.

— Когда мы сможем перевезти ее в похоронное бюро? — спросил он Крона, не обращая внимания на Харри. — Невыносимо видеть ее такой. — Его голос был хриплым, глаза — мокрыми, покрасневшими. — И голова. Нужно сделать ей голову.

У нас есть тонны фотографий. Нужен скульптор. Лучший, Юхан. Он должен быть лучшим. — Он снова заплакал.

Харри отошел в угол комнаты и стал внимательно наблюдать за Рёдом.

Он увидел, какое недоумение отразилось на лице магната, когда в открывшуюся дверь вошли четверо полицейских — трое мужчин и одна женщина, двое схватили Рёда за руки, третий надел на него наручники, а четвертая объяснила, почему он арестован.

На пути к двери Рёд повернул голову, словно чтобы увидеть напоследок через смотровое окно тело женщины, но сумел обернуться лишь настолько, чтобы заметить Харри.

Взгляд, который бросил на него Рёд, напомнил Харри о лете, когда он работал на литейном заводе. Расплавленный металл заливали в форму, и за секунды он из горячего, красного, жидкого становился холодным, серым и твердым.

Потом они ушли.

Вошел эксперт и снял маску.

— Привет, Харри.

— Привет, Хельге. Можно кое о чем тебя спросить?

— Да? — Он повесил халат.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы кто-нибудь из виновных так плакал?

Хельге задумчиво надул щеки и медленно выпустил воздух.

— Проблема метода, опирающегося только на факты, в том, что он не всегда позволяет получить ответ на вопрос, кто виновен, а кто нет, не так ли?

— Угу. Хороший ответ. Можно мне?.. — Харри кивнул в сторону помещения для вскрытий. Увидел, как заколебался Хельге. — Тридцать секунд, — произнес Харри. — Я никому не скажу. По крайней мере не тем, кто может устроить тебе неприятности.

Хельге улыбнулся.

— Все в порядке. Только поскорее, пока кто-нибудь не пришел. И ничего не трогай.

Харри вошел прозекторскую. Взглянул на то, что осталось от жизнерадостной женщины, с которой он говорил всего два дня назад. Она ему понравилась. И он понравился ей. Он не ошибался в тех редких случаях, когда замечал подобные вещи. В другой жизни он мог бы пригласить ее на кофе. Он изучил раны и срез на месте обезглавливания. Вдохнул слабый, едва различимый запах, навеявший смутные воспоминания. Из-за

аносмии он не воспринимал трупный запах, так что дело было не в этом. Ах да — это был запах мускуса, мускус вызвал воспоминания о Лос-Анджелесе. Харри выпрямился. Время — его и Хелены Рёд — вышло.

Покидая институт, Харри и Хельге увидели уезжающую полицейскую машину. Александра стояла, прислонившись к фасаду здания, и курила сигарету.

— Вот это я называю «два милых мальчика», — проговорила она.

— Спасибо, — ответил Харри.

— Да не вы, а те двое. — Она кивнула в сторону автостоянки. Там стоял старый «мерседес» со знаком «такси», а перед ним — клон Кита Ричардса с трехлетним ребенком на плечах. Клон держал руку как продолжение собственного носа и издавал звук, который должен был, по предположениям Харри, имитировать слона. И пошатывался — Харри надеялся, что намеренно.

— Ага, — согласился он, пытаясь разобраться в хаосе мыслей, подозрений и впечатлений. — Милые.

— Эйстейн спросил, не пойду ли я завтра с вами в бар «Ревность» отпраздновать раскрытие дела. — Она протянула Харри сигарету. — Пойти?

Харри сделал долгую затяжку.
— А пойдешь?
— Да, пойду. — Она забрала сигарету обратно.

ГЛАВА 32
Воскресенье Орангутанго

Пресс-конференция началась в четыре часа.

Катрина оглядела конференц-зал. Народу было полно. Воздух звенел от эмоций. Очевидно, имена жертвы и заключенного под стражу мужчины становились известны все большему числу людей. Кедзиерски рассказывал присутствующим о ходе расследования. Катрина подавила зевок. Воскресенье оказалось долгим, и оно еще не окончилось. Она отправила Харри сообщение с вопросом, как дела, и Харри ответил: «Мы с Гертом собираемся выпить. Какао». Она ответила «ха-ха», добавила суровый смайлик и постаралась не думать о них, освободить мысли для насущных проблем и сосредоточиться. Кедзиерски закончил и разрешил журналистам задавать вопросы. Все загалдели наперебой.

— Норвежская вещательная компания, пожалуйста, — пригласил начальник отдела информации, чтобы упорядочить ход конференции.

— Как среди ваших доказательств оказался

образец ДНК Маркуса Рёда? Ведь мы знаем, что он отказался пройти тест ДНК.

— Анализ ДНК был выполнен без участия полиции, — ответила Катрина. — Человек, не являющийся сотрудником полиции, получил образец и провел анализ, позволивший подтвердить совпадение с ДНК, найденной на месте преступления.

— Кто этот человек? — послышался голос, перекрывший шум зала.

— Частный детектив, — сообщила Катрина.

Шум внезапно прекратился, и в недолгой тишине она произнесла имя. С огромным наслаждением. Она знала, что как бы сильно Будиль Меллинг ни хотела получить ее голову на блюде, все же начальница не сможет преследовать ее за честный рассказ, как Харри Холе фактически раскрыл дело вместо них.

— Каков был мотив Рёда для убийства Сюсанны Андерсен и Берти…

— Мы не знаем, — перебил журналиста Сон Мин.

Катрина покосилась на него. Это было правдой: они не знали. Но они успели обсудить это, и именно Сон Мин вспомнил старое дело об убийстве — его тоже расследовал Харри Холе — где

ревнивый муж убил жену и начал убивать случайных женщин и мужчин, чтобы имитировать серийные убийства и отвлечь подозрения от себя самого.

— «ВГ», — пригласил Кедзиерски.

— Если это дело раскрыл вместо вас Харри Холе, почему его здесь нет? — спросила Мона До.

— Это пресс-конференция с представителями полиции, — парировал Кедзиерски. — Вы можете поговорить с Холе сами.

— Мы пытались связаться с ним, но он не отвечает.

— Мы не можем… — начал Кедзиерски, но Катрина перебила его:

— У него, вероятно, полно других дел. Как и у нас, так что если вопросов по сути больше нет…

Зал протестующе загудел.

* * *

Было шесть часов вечера.

— Пива, — попросил Харри.

Официант кивнул.

Герт оторвал взгляд от стакана с какао и убрал соломинку изо рта.

— Бабуска говолит — люди, котолые пьют пиво, не попадают в лай. И не смогут встлетиться с

моим папой, потому сто он мелтв.

Харри посмотрел на мальчика, и его осенило: если кружка пива отправит его в ад, там-то он и встретит Бьёрна Хольма. Харри огляделся по сторонам. За несколькими столиками сидели одинокие мужчины, и компанию им составляли только пол-литровые кружки пива. Эти люди не помнили его, и он не помнил их, но они были неотъемлемой частью «Шрёдера», как запах табака, исходящий от стен и мебели даже через бог знает сколько лет после запрета курить в ресторанах и кафе. Тогда они были старше него, и над ними словно витала надпись, сопровождающая скелеты в Крипте Капуцинов[87]: «Мы были тем, что вы есть сейчас, вы станете тем, что мы есть».

Харри всегда знал о своей наследственной тяге к алкоголю. Она нитью тянулась сквозь его родословную, сидела внутри и требовала сахара и спирта. Этот маленький демон-кровосос, проклятый паразит, передающийся в генах, нуждался в пище.

---

[87] Notes: 87

Крипта Капуцинов — несколько маленьких часовен под церковью Санта Мария делла Кончецьоне деи Каппуччини в Риме. Часовни крипты полностью «оформлены» скелетами монахов-капуцинов, умерших между 1528 и 1870 годами. Процитированная надпись расположена над входом в крипту. Некоторые исследователи предполагают, что созданием этой крипты монахи хотели напомнить живым о бренности тела и мимолетности человеческой жизни.

Зазвонил телефон. В голосе Юхана Крона слышалось скорее смирение, чем гнев.

— Поздравляю, Харри. Я видел в новостях, что Маркуса арестовали благодаря тебе.

— Я заранее предупредил вас обоих.

— Ты использовал методы, к которым не могли прибегнуть полицейские.

— Для этого вы меня и наняли.

— Прекрасно. В контракте указано, что три юриста правового отдела полиции должны признать высокую вероятность того, что Рёд будет осужден.

— С этим разберемся до завтрашнего дня. И тогда же должна быть переведена оплата.

— Кстати об этом. Тот счет на Каймановых островах, что ты предоставил…

— Не спрашивай меня об этом, Крон.

Повисла пауза.

— Я завершаю разговор, Харри. Надеюсь, ты сможешь спокойно спать.

Харри вернул телефон во внутренний карман пиджака Рёда. Посмотрел на Герта — тот был полностью поглощен какао и большими картинами с видами старого Осло, украшающими стены.

Когда официант вернулся с пол-литровой кружкой, Харри заплатил и попросил унести пиво

обратно. Очевидно, официант не впервые видел алкоголика, сдержавшегося в последний момент — он даже бровью не повел и исчез вместе с кружкой, не сказав ни слова. Харри посмотрел на Герта. Он думал о нити в родословной.

— Бабушка права, — произнес он. — Пиво никому не приносит пользы. Запомни это.

— Окей.

Харри улыбнулся. Мальчик перенял это «окей» от него. Харри оставалось надеяться, что больше Герт ничего не позаимствует. Бывший полицейский вовсе не хотел, чтобы его дитя становилось его копией, скорее наоборот. Любовь и непроизвольное желание заботиться о ребенке, сидящем по другую сторону стола, значили лишь одно: Харри хотел, чтобы мальчику было хорошо, лучше, чем ему самому.

От стакана с соломинкой донеслось хлюпанье какао, а телефон Харри завибрировал.

Сообщение от Катрины: «Я дома. Вы где?»

— Теперь поедем к маме, — сообщил Харри, отвечая ей, что они уже в пути.

— Чем ты хочес заняться? — спросил Герт, пнув ножку стола.

— Я пойду в отель, — ответил Харри.

— Нееееет. — Мальчик положил на руку Харри

маленькую теплую ладошку. — Я лягу спать, а ты будес петь ту песню про каку.

— Про каку?

— Кака буллиииит… — пропел Герт.

Харри хотел рассмеяться, но в горле встал комок. Черт возьми. Что же это такое? То, что Столе называет прайомингом[88]? Значит, Харри любит мальчика только потому, что его уверили, будто он отец этого мальчика? Или это нечто обусловленное телесно, биологически — безудержная тяга, зов крови, которому беспомощно покоряются два человека?

Харри поднялся на ноги.

— А ты какой зверь? — спросил Герт.

— Орангутанго, — заявил Харри, поднял Герта и закружил так, что какой-то одиночка за столиком зааплодировал. Харри опустил Герта на пол, и они направились к двери, держась за руки.

* * *

Было десять вечера, Прим только что покормил Босса и Лизу. Он сел перед телевизором, чтобы

---

[88] Notes: 88

Прайминг, также эффект предшествования, фиксированная установка — механизм, обеспечивающий неосознаваемое и непроизвольное влияние некого стимула на обработку последующих стимулов.

опять посмотреть новости. Еще раз насладиться результатами своей работы. Хотя полицейские не говорили об этом прямо, по их обтекаемым фразам можно было понять, что на месте происшествия не нашли никаких улик. Значит, он принял правильное решение, после того как Хелена выскочила из машины и ему пришлось убить ее на гравийной дороге. Он не мог не оставить свою ДНК — волосы, фрагменты кожи, следы пота — и не мог провести тщательную уборку на дороге, где в любой момент могли появиться свидетели. Вот и пришлось позаботиться о том, чтобы отвести глаза полиции от истинного места преступления. Прим погрузил тело в машину и увез на другую сторону полуострова, где можно было не беспокоиться, что там кто-нибудь появится поздней осенней ночью, и спокойно работать под прикрытием высоких камышей. И уж тем более не сомневаться, что на следующий день туда приедут семьи с детьми и тело Хелены будет обнаружено. Сначала он отрезал ей голову, затем обработал тело, отмыв и отскоблив из-под ее ногтей собственную ДНК: когда они занимались сексом, Хелена вонзила ногти в его бедра. Необходимая предосторожность. Хотя у Прима никогда не было никаких судимостей, его ДНК-

профиль содержался в полицейской базе.

Ведущая телевизионных новостей говорила по телефону с полицейским юристом. В правом верхнем углу экрана разместили его фотографию и имя — Крис Хиннёй. Они обсуждали заключение Рёда под стражу. Неудивительно, что у журналистов уже не осталось каких-либо более захватывающих тем: весь день информационные каналы кричали об аресте Маркуса Рёда и убийстве его жены, в тени осталась даже победа клуба «Будё/Глимт» — они выиграли у «Мольде» с незначительным перевесом. На сайтах тоже речь только о Маркусе Рёде. А значит, и о нем, о Приме. Теперь, когда в интернете разместили кучу фотографий Маркуса Рёда, вместе с ними начали появляться снимки Харри Холе. Писали, что именно он, чужак, частный детектив, связал ДНК Маркуса Рёда со слюной на груди Сюсанны. Как будто это нечто экстраординарное! Как будто это не должны были сделать полицейские. Вообще-то этот Харри Холе уже начинал изрядно раздражать. По какому праву он оказался в центре внимания? На первом плане должно быть само дело, загадка, тайна. Его, Прима, тайна. Журналюгам следует сосредоточиться на том, что Маркус Рёд, богач, считавший себя выше закона,

теперь накрепко пригвожден к позорному столбу. Людям такое нравится. Приму точно нравится, просто бальзам на душу. Однако надо признать, публике досталась изрядная доза этого бальзама: ведь СМИ всегда стремятся максимально удовлетворить запросы масс. Прим надеялся, что отчим, где бы тот ни находился сейчас, может читать новости и страдать, как он того заслуживает. Надеялся, что публичное унижение стало для отчима кислотной ванной, которую подготовил он, его пасынок. Как велики, должно быть, смятение, отчаяние и страх Маркуса Рёда! Может, он уже успел подумать о самоубийстве? Прим задумался. Нет, последней каплей, заставившей маму пойти на это, стала безнадежность, а у отчима еще была надежда. Его защитой занимался не кто иной, как Юхан Крон, а единственной уликой полицейских была слюна. Они еще не сопоставили ее с фальшивым алиби, которое Хелена обеспечила Маркусу на ночи исчезновения Сюсанны и Бертины. И тут Прима встревожили слова юриста, прозвучавшие из телевизора.

Крис Хиннёй объяснил, что завтра состоится предварительное слушание. На этом слушании судья, несомненно, предоставит полиции право посадить Рёда под стражу на четыре недели

— обычный срок предварительного заключения. И, учитывая улики и серьезный характер преступления, срок содержания под стражей могут продлить, если сочтут это необходимым. Норвежское законодательство не ограничивает срок предварительного заключения, в принципе это могут быть годы. И для полиции особенно важно иметь возможность задерживать состоятельных людей, которые иначе могли бы использовать свои деньги и связи для уничтожения улик, или воздействия на свидетелей, или — да, были и такие прецеденты — для влияния на следователей.

— Например, на Харри Холе? — спросила ведущая. Как будто это как-то относилось к делу!

— Рёд оплачивает работу Холе, — ответил юрист. — Но Холе получил образование и подготовку норвежского полицейского и, естественно, имеет такое понятие о чести, какого мы всегда ожидали и ожидаем сейчас от сотрудников полиции.

— Спасибо, что присоединились к нам, Крис Хиннёй…

Прим убавил громкость. Выругался, обдумывая ситуацию. Если Хиннёй прав, Маркус Рёд может сидеть за решеткой непонятно сколько — причем в безопасной камере, где Прим не сможет до него

добраться. Это не входило в план.

Он попытался собраться с мыслями.

Нуждался ли план — великий план! — в изменении?

Он посмотрел на розового слизня на кофейном столике. На скользкий след, который тот оставил за полчаса движения. Куда он направлялся? Была ли у него цель? Он охотился? Или убегал? Знал ли он, что рано или поздно улитки-каннибалы наткнутся на его след и пустятся в погоню? Знал ли, что промедление смерти подобно?

Прим прижал пальцы к вискам.

* * *

Харри бежал, чувствуя ток крови от сердца по всему телу, и одновременно смотрел, как ведущая новостей благодарит Хиннёя.

Крис Хиннёй был одним из трех полицейских юристов, с которыми Харри и Юхан Крон связались пару часов назад. Оба хотели узнать их субъективное и неофициальное мнение о том, есть ли шанс, что Маркус Рёд, учитывая имеющиеся в деле доказательства, призна́ет вину. Двое хотели дать ответ сразу, но Крон попросил их подумать до утра.

В новостях началось интервью с тренером «Бу-

дё/Глимта», и Харри перевел взгляд с телеэкрана, встроенного в беговую дорожку, на зеркало перед собой.

Небольшой тренажерный зал отеля был в полном его распоряжении. Он оставил костюм в номере, переодевшись в гостиничный халат. Зеркало напротив занимало всю стену. Харри бежал в обычных боксерах, футболке и ботинках ручной работы от Джона Лобба. Конечно, Харри выглядел нелепо, но ему было наплевать. По пути в зал он даже подошел в этом наряде к стойке регистрации и сказал, что встретил в баре приветливого священника, но забыл его имя. Чернокожая женщина-администратор кивнула и улыбнулась:

— Это не наш постоялец, но я знаю, кого вы имеете в виду, мистер Холе. Потому что он тоже подходил и спрашивал о вас.

— Правда? Когда?

— Не помню точно, вскоре после вашего заселения. Он интересовался номером вашей комнаты. Я ответила, что такую информацию мы не предоставляем, но я могу позвонить вам в номер. Он отказался и ушел.

— Хм. Он сказал, чего ему надо?

— Нет, просто ему было… *curious*[89]. — Она снова улыбнулась. — Люди склонны заговаривать со мной по-английски.

— Но он американец, не так ли?

— Может быть.

Харри прибавил скорость бегущей дорожки. Он держал хороший темп. Но достаточно ли быстро он бежит? Сможет ли он, в конечном итоге, убежать от всего? От всего, что осталось позади? От тех, кто за ним охотится? К спискам постояльцев любого отеля в мире имеет доступ как Интерпол, так и мало-мальски приличный хакер. Предположим, священник оказался здесь для присмотра за Харри; предположим, именно он «позаботится» о нем через два дня, когда истечет срок, а долг так и не будет выплачен. Ну и что? Сборщики долгов не убивают должников, пока не потеряют надежду получить с них деньги, да и тогда действуют в назидание другим должникам. И вот Рёд арестован. Найдена слюна на соске жертвы. Лучшей улики для суда, черт побери, не найдешь. Три полицейских юриста готовы сказать то же самое завтра утром, деньги переведут, и долг будет погашен, а они с Люсиль свободны. Так почему его разум все

---

[89] Notes: 89
Любопытно (англ.)

еще бурлит? Может, ему кажется, что есть в этом деле еще что-то, от чего он и пытается убежать?

Телефон, который Харри положил в углубление для бутылки, зазвонил. Никаких инициалов на экране не отобразилось, но Харри узнал номер и ответил:

— Говори со мной.

В ответ он услышал смех и затем тихий голос:

— Не могу поверить Харри, что ты отвечаешь по телефону так же, как во времена, когда мы работали вместе.

— Ха. А я не могу поверить, что ты все еще пользуешься прежним номером.

Микаэль Бельман снова рассмеялся.

— Поздравляю с Рёдом.

— С чем именно?

— И с работой на него, и с его арестом.

— Чего ты хочешь, Бельман?

— Сейчас, сейчас. — Он снова рассмеялся очаровательным сердечным смехом, эффективно убеждающим мужчин и женщин, что Микаэль Бельман — доброжелательный и искренний человек, достойный их доверия. — Должен признать, на посту министра юстиции привыкаешь, что обычно мало времени у тебя, а не у твоих собеседников.

— У меня навалом времени. Раньше не было, а теперь уйма.

За этим последовала долгая пауза. Когда Бельман продолжил, сердечность его тона казалась чуть более наигранной.

— Я позвонил, чтобы сказать, как мы ценим твое участие в этом деле и твою порядочность. Мы в Рабочей партии заботимся о всеобщем равенстве перед законом, и именно поэтому я разрешил арестовать Рёда. Важно дать людям понять, что в хорошо работающем государстве, где главенствует закон, богатство и известность не дают никаких преимуществ.

— Скорее, наоборот, — возразил Харри.

— Прошу прощения?

— Не знал, что министр юстиции санкционирует аресты.

— Это не обычный арест, Харри.

— Об этом я и говорю. Некоторые аресты важнее других. И Рабочей партии точно не повредит охота на богатого подонка.

— Хочу добавить, Харри, что я уговорил Меллинг и Винтера, и они согласны на твое участие в дальнейшем расследовании. Прежде чем мы предъявим обвинения, нужно еще кое-что сделать. Я полагаю, теперь, когда арестован твой

работодатель, ты остался не у дел. Твой вклад важен для нас, Харри.

Харри замедлил беговую дорожку до темпа обычной ходьбы.

— Они хотят, чтобы завтра утром ты присутствовал на допросе Рёда.

«Тебе важно показать, что герой дня — в твоей команде», — подумал Харри.

— Ну, что скажешь?

Харри обдумал услышанное. Почувствовал неприязнь и недоверие, как всегда при общении с Бельманом.

— Угу. Приду.

— Хорошо. Братт будет держать тебя в курсе. Мне пора. Спокойной ночи.

Харри бегал еще час. Когда понял, что убежать от неясного беспокойства не удастся, сел в одно из кресел («Пот впитается в подушку кресла? Ну и черт с ней!») и позвонил Александре.

— Ты скучал по мне? — проворковала она.

— М-м-м… Тот клуб, «Вторники»…

— Да?

— Их вечеринки проходили по вторникам. Кажется, твой друг говорил, что «Вилла Данте» верна этой традиции?

ГЛАВА 33
Понедельник

Уле Сульстад, главный редактор «Дагбладет», почесал щеку дужкой очков для чтения. Посмотрел на Терри Воге через стол, заваленный бумагами в кофейных пятнах. Тот сидел, ссутулившись в кресле для посетителей. Он не снял шерстяное пальто и шляпу фасона «свиной пирог», словно был уверен, что встреча займет не больше нескольких минут. Возможно, он был прав. Потому что Сульстад боялся этой встречи. Ему следовало прислушаться к коллеге из газеты, где Воге работал раньше. Коллега, помнится, процитировал фразу из фильма «Фарго»[90]: «Я за него не ручаюсь».

Сульстад и Воге обменялись несколькими общими фразами об аресте Рёда. Воге ухмыльнулся и заметил, что полиция схватила не того челове-

---

[90] Notes: 90

«Фарго» — фильм братьев Коэн, вышедший в 1996 году. Входит в Национальный реестр фильмов США, имеющих культурное, историческое или эстетическое значение. В титрах заявлено, что фильм основан на реальной истории похищения и нескольких убийств. Занятная деталь: город Фарго, штат Сев. Дакота, является как бы столицей норвежской Америки. Выходцы из Норвегии эмигрировали преимущественно в штаты Миннесота, Висконсин, Северную и Южную Дакоты.

ка. Сульстад обратил внимание на его уверенный тон, но уверенность была характерна и для мошенников, они успешно обманывали сами себя.

— Мы решили больше не заказывать тебе статьи, — перешел к главному Сульстад, понимая, что следует быть осторожным и избегать слов вроде «отпускаем тебя», «расторгаем договор» или «увольняем», как устно, так и письменно. Хотя Воге работал по договору внештатного корреспондента, в суде по трудовым спорам хороший юрист мог использовать фактическое увольнение против них. Формулировки, которые озвучивал Сульстад, означали только отказ от печати статей Воге, но не исключали, что корреспонденту могут поручить другие задачи, предусмотренные договором. Например, проведение исследований для других журналистов. Но, как ясно дал понять редактору юрист «Дагбладет», в трудовом законодательстве было много подводных камней.

— Почему? — поинтересовался Воге.

— Потому что недавние события поставили под сомнение правдивость твоих статей. — И, поскольку кто-то сказал ему, что выговор более эффективен, если в нем звучит имя мишени, Сульстад добавил: — Воге.

Начав говорить, Сульстад подумал, что, по-

жалуй, напрасно выбрал назидательный тон, ведь он не продавливал Воге на обещание исправиться, а хотел избавиться от него, наделав как можно меньше шума. С другой стороны, надо было объяснить Воге, что руководство идет на такой решительный шаг, потому что под угрозу поставлена репутация «Дагбладет».

— Вы можете это доказать? — спросил Воге не моргнув глазом. Более того — он даже подавил зевок. Демонстративно, по-детски, но все же провокационно.

— Вопрос в том, сможешь ли ты доказать, что написал правду. Все это выглядит, пахнет и звучит, как вымысел. Если только ты не назовешь мне свой источник…

— Господи, Сульстад, как редактор этой газетенки ты вроде бы знаешь, что я должен защищать…

— Я не предлагаю тебе предать его имя огласке. Просто скажи мне. Я твой главный редактор. Я ответственен за то, что́ ты пишешь, а наша газета публикует. Понимаешь? Если ты назовешь мне источник, я буду обязан защищать его, как и ты. В той мере, в которой закон допускает конфиденциальность источников. Ты понимаешь?

Терри Воге издал протяжный стон.

— А *ты* понимаешь, Сульстад? Ты понимаешь, что я могу пойти в другую газету, скажем, «ВГ» или «Афтенпостен», и сделаю для них то, что делал для «Дагбладет»? То есть выведу их на первые позиции по криминальной журналистике.

Конечно, Уле Сульстад и другие редакторы обдумали это, принимая решение. У Воге больше читателей, чем у любого другого журналиста — количество переходов на его страницу было огромно. И Сульстад не хотел передавать все это конкурентам. Но, как сказал кто-то в редакции, если они представят публике дело так, будто избавились от Воге по тем же причинам, что прошлая газета, где он работал, то привлекательность Воге для конкурентов сравнится только с привлекательностью Лэнса Армстронга[91] для конкурентов «US Postal»[92] после допингового скандала. Это была тактика выжженной земли, они отправляли Терри Воге на костер, но в эпоху, когда уважение к правде сдавало позиции, старые бастионы вроде «Дагбладет» должны были

---

[91] Notes: 91

Лэнс Армстронг, шестикратный чемпион «Тур де Франс», в 2012 году был лишен всех наград за применение допинга.

[92] Notes: 92

«US Postal» — команда, которая спонсирует велосипедистов «Тур де Франс».

подавать пример. И если Терри Воге окажется невиновным, они всегда смогут извиниться.

Сульстад поправил очки.

— Тогда я желаю тебе всего наилучшего у наших конкурентов, Воге. Либо ты человек исключительно честный, либо как раз наоборот, а мы не можем рисковать. Надеюсь, ты понимаешь. — Сульстад поднялся из-за стола. — Наряду с оплатой твоей последней статьи редакция намерена выплатить тебе небольшой бонус за твой общий вклад.

Воге тоже встал, и Сульстад попытался понять по языку его тела, стоит ли ожидать отказа от прощального рукопожатия. Воге сверкнул белозубой улыбкой:

— Своей премией можешь подтереть задницу, Сульстад. А потом протри очки. Все, кроме тебя, знают, что они дерьмом заляпаны, так что ты только дерьмо и видишь.

Уле Сульстад еще несколько секунд стоял, уставившись на дверь, которую Воге захлопнул за собой. Потом снял очки и стал внимательно их разглядывать. *Дерьмо*?..

* * *

Харри стоял в комнате, примыкающей к небольшой допросной, и смотрел на Маркуса Рёда, который сидел по другую сторону стеклянной стены. Вместе с Рёдом были еще три человека: женщина-следователь, проводившая допрос, ее ассистент и Юхан Крон.

Утро выдалось напряженное. В восемь часов Харри встретился с Кроном в офисе адвоката на улице Розенкранца. Оттуда они позвонили трем полицейским юристам, которые уверяли, что вероятность признания Рёда виновным высока, если только не возникнут важные факторы, которые повлияют на решение суда. Крон почти ничего не говорил, но вел себя профессионально. Без единого возражения он немедленно связался с банком и, действуя на основании заранее оформленной доверенности, поручил им перевести предусмотренную договором сумму на банковский счет на Каймановых островах. Банк сообщил, что деньги поступят на счет получателя в тот же день. Это было спасение. То есть спасение для него и Люсиль. Почему же он здесь? Почему еще не в баре, не продолжает начатое в «Тварях»? Да ладно… А почему люди дочитывают

книги, уже понимая что эти книги им не нравятся? Почему одинокие люди застилают постели? Проснувшись тем утром, Харри понял, что впервые за несколько недель ему не приснилась мать в дверях классной комнаты. Он примирился. Или нет? Вместо этого ему приснилось, как он бежит, но все, от чего отталкиваются его ноги, превращается в тренажерные бегущие дорожки, так что он не может убежать от… от чего?

«От ответственности». Он словно услышал голос своего дедушки, доброго алкоголика. Тогда, на рассвете, дедушку вырвало. А потом он вывел весельную лодку из лодочного сарая и поднял Харри на борт. А Харри спросил, почему они собираются забрасывать сети, ведь дедушка сейчас болен. Но теперь у Харри не осталось никаких чертовых обязательств, от которых нужно убегать. Или осталось? Очевидно, он думал, что да. Как бы то ни было, он стоял здесь.

Харри почувствовал, как начинает болеть голова, и отогнал мысли. Для этого он сконцентрировался на простых, конкретных, понятных вещах. Например, пытался интерпретировать мимику и язык тела Рёда, когда тот отвечал на вопросы. Харри попытался не вслушиваться в ответы, а решить, считает он Маркуса Рёда ви-

новным или нет. Иногда казалось, что весь опыт, накопленный Харри за годы работы детективом, бесполезен, что его способность определять, о чем думают другие, всего лишь иллюзия. А в других случаях эти ощущения оказывались единственной истиной, единственным, на что он мог положиться. Сколько раз без всяких вещественных доказательств и косвенных улик он *знал* и, в конце концов, оказывался прав? Или это было когнитивное искажение, обычная склонность к подтверждению?[93] Может, в каких-то случаях он «*знал*» и ошибался — но благополучно забывал об этих случаях? Почему он уверен, что, хотя Маркус Рёд не убивал этих женщин, за ним все же есть какая-то вина? Неужели Рёд заказал убийства, обеспечил себе алиби и, преисполнившись самонадеянности, заплатил Харри, и не только Харри, за расследование, уверенный, что они подтвердят его невиновность? Если так и было — почему не подыскать алиби получше пребывания дома с женой во время первых двух убийств? А на третье убийство алиби и вовсе нет — по словам Рёда,

[93] Notes: 93

Склонность к подтверждению — склонность людей искать или интерпретировать информацию так, чтобы подтверждать свои предубеждения и дискредитировать информацию, противную их взглядам. Относится к когнитивным искажениям — ошибкам мышления, мешающим объективно воспринимать реальность.

в ночь, когда убили Хелену, он был дома один. Хелена — свидетель, который мог спасти его в суде. Что-то не сходится. И все же…

— Он что-нибудь говорит? — прошептал кто-то рядом с Харри. Это Катрина вошла в полумраке и встала между Харри и Сон Мином.

— Да, — тоже шепотом откликнулся Сон Мин. — «Не знаю. Не могу вспомнить. Нет».

— Понятно. Улавливаешь что-нибудь?

— Пытаюсь, — ответил Харри.

Сон Мин молчал.

— Сон Мин? — окликнула Катрина.

— Могу ошибаться, — проговорил Сон Мин, — но думаю, Маркус Рёд — скрытый гей. Акцент на «скрытый».

Харри и Катрина посмотрели на него.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовалась Катрина.

Сон Мин криво улыбнулся.

— Долгая получилась бы лекция, но давайте просто скажем — это сумма длинного ряда неосознаваемых деталей, которые я замечаю, а вы нет. Но я, конечно, могу ошибаться.

— Ты не ошибаешься, — заявил Харри.

Теперь Катрина и Сон Мин смотрели на Харри.

Он прочистил горло.

— Помнишь, я спрашивал, слышали ли вы о «Вилле Данте»?

Катрина кивнула.

— На самом деле это клуб «Вторники», недавно снова открывшийся под другим названием.

— Звучит знакомо, — сказала Катрина.

— Эксклюзивный гей-клуб, был на слуху несколько лет назад, — вспомнил Сон Мин. — Закрылся, когда там изнасиловали несовершеннолетнего мальчика. Его сравнивали со «Studio 54», гей-баром в Нью-Йорке, потому что этот клуб проработал столько же — 33 месяца.

— Теперь и я припоминаю, — добавила Катрина. — Мы назвали это «делом бабочки», потому что насильник, по словам мальчика, был в маске в форме бабочки. Но разве клуб закрылся не потому, что алкоголь разносили официанты в возрасте младше восемнадцати?

— Технически да, — пояснил Сон Мин. — Суд не был готов признать, что деятельность клуба затрагивает права личности, и вынес постановление касательно нарушения закона о лицензировании.

— У меня есть основания полагать, что Маркус Рёд часто посещал «Виллу Данте», — продолжил Харри. — Я нашел членскую карточку и кошачью

маску в карманах вот этого костюма. Костюм принадлежал Рёду.

Сон Мин приподнял бровь.

— Ты… э-э… носишь его костюм?

— К чему ты клонишь, Харри? — Голос Катрины стал резким, взгляд — жестким.

Харри глубоко вздохнул. Еще можно было оставить все как есть.

— Похоже, на «Вилле Данте» по-прежнему проводятся вторничные вечеринки. Если Рёд так старается скрыть свои сексуальные предпочтения, возможно, у него и правда есть алиби на ночи, когда были убиты Сюсанна и Бертина, но не то, о котором он нам поведал.

— Хочешь сказать, — медленно произнесла Катрина, и у Харри возникло чувство, что она пытается просверлить его взглядом, — что у арестованного нами человека более надежное алиби, чем то, что предоставила ему жена? Что он был в гей-клубе, но не хочет, чтобы кто-то узнал об этом?

— Я говорю, что это возможно.

— Ты подразумеваешь, что Рёд готов скорее сесть в тюрьму, чем раскрыть свою сексуальную ориентацию? — Ее голос оставался ровным, но по каким-то еле уловимым ноткам Харри догадался:

она в ярости.

Харри посмотрел на Сон Мина. Тот кивнул.

— Я встречал людей, которые скорее умерли бы, чем решились на каминг-аут, — произнес Сон Мин. — Казалось бы, наше общество стало более продвинутым в этом плане, но, увы, это не так. Стыд, отвращение к себе, осуждение — это все не в прошлом. Особенно для поколения Рёда.

— И для семьи с такой историей и положением, — добавил Харри. — Я видел портреты его предков. Они не похожи на людей, готовых передать правление бизнесом мужчине, спящему с мужчинами.

Катрина так и не отвела глаз от Харри.

— А скажи-ка, что бы ты сделал?

— Я?

— Да, ты. Ведь ты не просто так рассказал об этом?

— Что ж. — Он сунул руку в карман и протянул ей записку. — Я бы воспользовался возможностью задать ему сейчас вот эти два вопроса.

Он смотрел, как Катрина читает записку. Из динамика всем троим был слышен голос Крона:

— …прошло больше часа, и мой клиент ответил на все ваши вопросы. На большинство из них — по два-три раза. Я предлагаю остановиться на

этом, в противном случае прошу занести мое возражение в протокол.

Женщина-полицейский, допрашивавшая Рёда, и ее коллега переглянулись.

— Хорошо, — согласилась следователь, взглянула на настенные часы и тут заметила Катрину, только что открывшую дверь допросной. Следователь подошла к Катрине, взяла у нее записку и выслушала. Харри отметил вопросительный взгляд Крона. Затем следователь вернулась на место за столом и откашлялась.

— Два последних вопроса. Находился ли ты в клубе «Вилла Данте» в то время, когда, по нашим данным, были убиты Сюсанна и Бертина?

Рёд обменялся взглядами с Кроном и ответил:

— Я никогда не слышал об этом клубе и просто повторю: я был дома со своей женой.

— Спасибо. Другой вопрос — к тебе, Крон.

— Ко мне?

— Да. Знал ли ты, что Хелена Рёд хотела развода и, если бы ее требования к бракоразводному соглашению не были удовлетворены, планировала отказаться от алиби, которое предоставила мужу на ночи убийств?

Харри увидел, что Крон покраснел.

— Я… Я не вижу причин отвечать на этот во-

прос.

— Не можешь даже просто ответить «нет»?

— Это абсолютно не по правилам, и мы скажем, что допрос окончен. — Крон поднялся на ноги.

— Это о многом говорит, — сказал Сон Мин, покачиваясь на каблуках.

Харри собрался уходить, но Катрина удержала его.

— Не пытайся делать вид, что до ареста Рёда ты всего этого не знал, окей? — сердито прошептала она.

— Он только что лишился алиби, на которое рассчитывал, — произнес Харри. — У него больше ничего не было. Остается надеяться, что никто на «Вилле Данте» не сможет подтвердить, что Рёд находился там.

— На что ты надеешься на самом деле, Харри?

— На то же, на что всегда.

— А именно?

— Что заберут того, чья вина больше, чем у других.

* * *

Харри пришлось ускорить шаг, чтобы догнать Юхана Крона на спуске с холма по пути от полицейского управления в сторону Грёнланд-

слейрет.

— Это ты надоумил их задать мне последний вопрос? — спросил Крон, хмурясь.

— Почему ты так решил?

— Потому что я точно знаю, что именно рассказала полиции Хелена Рёд. Совсем немногое. А когда я устраивал твою беседу с Хеленой, я имел неосторожность сказать ей, что она может доверять тебе.

— Ты знал, что она собиралась шантажировать Маркуса с помощью алиби?

— Нет.

— Но ты получил от ее адвоката письмо с требованием половины имущества вопреки брачному контракту и мог сложить два и два.

— Возможно, у нее были другие рычаги воздействия, не имеющие отношения к этому делу.

— Например, разгласить, что он гей?

— Похоже, нам больше не о чем говорить, Харри. — Крон безрезультатно махнул проезжающему мимо пустому такси. Но такси, припаркованное на другой стороне улицы, развернулось и подъехало к ним. Стекло со стороны водителя опустилось, из-за него показалось лицо с коричневой ухмылкой.

— Тебя подвезти? — спросил Харри.

— Нет, спасибо. — Крон зашагал по Грёнланд-слейрет.

Эйстейн проводил адвоката взглядом.

— Малость приуныл, а?

* * *

Было шесть часов, и в домах под низкими, плотными облаками уже зажигался свет.

Харри уставился в потолок. Он лежал навзничь на полу рядом с кроватью Столе Эуне. С другой стороны кровати в той же позе лежал Эйстейн.

— Итак, интуиция подсказывает тебе, что Маркус Рёд и виновен, и не виновен одновременно, — подытожил Эуне.

— Да, — подтвердил Харри.

— Как, например?

— Ну, он заказывает оба убийства, но не совершает их сам. Или первые два убийства совершает маньяк, а Рёд пользуется случаем и убивает жену, копируя серийного убийцу, чтобы отвести от себя подозрения.

— Особенно если у него есть алиби на первые два убийства, — добавил Эйстейн.

— Эта версия кажется вам убедительной? — спросил Эуне.

— Нет, — хором ответили Харри и Эйстейн.

— Ерунда какая-то, — продолжал Харри. — С одной стороны, у Рёда был мотив убить жену, если она его шантажировала. С другой — его алиби под большой угрозой теперь, когда она не может подтвердить свои показания под присягой в суде.

— Что ж, возможно, Воге прав, — размышлял Эйстейн. Дверь открылась. — Даже несмотря на то, что его выпнули. На свободе разгуливает серийный убийца-каннибал, и точка.

— Нет, — возразил Харри. — Тип серийного убийцы, который описывал Воге, не убивает трех участников одной вечеринки.

— Воге большой выдумщик, — добавил Трульс, ставя на стол три большие коробки с пиццей и снимая крышки. — На сайте «ВГ» появилось. Их источники утверждают, что Воге уволили из «Дагбладет» за недостоверность материалов. Да я сам мог бы им это сказать.

— Ты? — удивился Эуне.

Трульс только ухмыльнулся.

— О, пахнет пепперони и человечинкой, — сказал Эйстейн, поднимаясь на ноги.

— Джибран, ты должен помочь нам это съесть, — крикнул Эуне в сторону соседней кровати, где лежал ветеринар в наушниках.

В то время как остальные четверо обступили

стол, Харри остался сидеть на полу, прислонившись спиной к стене, и читать сайт «ВГ». И размышлять.

— Кстати, Харри, — набив рот пиццей, проговорил Эйстейн, — я сказал той девушке из Института судебной медицины, что встречаемся в «Ревности» в девять вечера, хорошо?

— Хорошо. Сон Мин Ларсен из Крипоса тоже приедет.

— А ты, Трульс?

— А что я?

— Идем в «Ревность». Сегодня 1977 год.

— А?

— 1977. В баре будут звучать только лучшие мелодии 1977 года.

Трульс жевал, хмуро и недоверчиво глядя на Эйстейна. Как будто не мог решить, смеются над ним или кто-то и правда приглашает его потусоваться.

— Ладно, — наконец согласился он.

— Отлично, мы прямо команда мечты. Харри, пицца скоро закончится. Что ты там делаешь?

— Забрасываю сети, — ответил Харри, не отрывая глаз от телефона.

— А?

— Да вот думаю, не попробовать ли обеспечить

Маркусу Рёду алиби, которого он не хочет.

Эуне подошел к нему.

— Кажется, тебе стало легче, Харри.

— Легче?

— Не буду расспрашивать, но по-моему, дело в том, о чем ты не хотел говорить.

Харри поднял на него глаза. Улыбнулся. Кивнул.

— Хорошо, — сказал Эуне. — Хорошо, тогда и мне стало легче. — Он зашаркал к кровати.

* * *

В семь часов приехала Ингрид Эуне. Эйстейн и Трульс были в кафетерии, и когда Столе пошел в туалет, Ингрид и Харри остались одни в комнате.

— Мы сейчас уйдем, чтобы вы оба могли немного отдохнуть, — произнес Харри.

Ингрид, маленькая коренастая женщина с поседевшими до стального цвета волосами, внимательным взглядом и почти сгладившимся нурландским акцентом, выпрямилась в кресле и глубоко вздохнула.

— Я только что из кабинета главного врача. Старшая медсестра подала ему доклад, в котором выразила беспокойство относительно троих муж-

чин, утомляющих Столе Эуне многочисленными и продолжительными визитами. Так как пациентам обычно трудно говорить о таком, главврач поинтересовался, могу ли я вас попросить приходить пореже, потому что сейчас Столе доживает свои последние дни.

Харри кивнул.

— Я понимаю. Ты этого хочешь?

— Ни в коем случае. Я сказала главврачу, что Столе вам нужен. И… — Она улыбнулась. — И что ты нужен ему. Я сказала: «Нам всем надо жить *для чего-то*». А иногда и умереть для чего-то. Главврач ответил, что это мудрые слова, а я — что это слова Столе.

Харри улыбнулся в ответ.

— Главврач сказал еще что-нибудь?

Она кивнула. Перевела взгляд на окно.

— Помнишь, как ты спас Столе жизнь, Харри?

— Нет.

Она коротко рассмеялась.

— Столе попросил меня спасти ему жизнь. Такие слова выбрал, чудак. Попросил меня принести шприц. Он предлагает морфий.

В наступившей тишине слышалось только ровное дыхание спящего Джибрана.

— Ты это сделаешь?

— Я бы сделала… — хрипло ответила она. Ее глаза наполнились слезами. — Но кажется, не смогу с этим справиться, Харри.

Харри положил руку на плечо Ингрид. Почувствовал, как ее затрясло мелкой дрожью. Ее голос понизился до шепота:

— И я знаю, что буду винить себя в этом всю оставшуюся жизнь.

ГЛАВА 34
Понедельник
Трансъевропейский экспресс

Прим еще раз перечитал статью на сайте «ВГ».

Там не говорилось напрямую, что Воге выдумывал истории для своих статей, но намек получился прозрачный. Однако даже если «ВГ» обходится обтекаемыми формулировками, это не значит, что у них нет доказательств. Подтвердить произошедшее, рассказать всем мог только он, Прим. Эта мысль снова вселила в него теплое, пьянящее ощущение контроля. Прим не ожидал такого, это чувство стало прекрасным бонусом.

Он думал об этом снова и снова с самого утра, с момента, когда прочитал в «Дагбладет» заметку об отстранении Терри Воге от работы в отделе криминальной хроники. Прим сразу все понял. Не только причину отстранения Воге, но и почему «Дагбладет» решили привлечь внимание к этому событию, а не промолчать. Они знали, что должны решительно дистанцироваться от Воге, пока другие газеты не обвинят их во лжи вроде публикаций о каннибализме и заново пришитых

татуировках.

Интереснее всего было вот что: теперь Воге можно использовать для решения проблемы. Проблемы Маркуса Рёда, сидящего в безопасной тюремной камере и оказавшегося вне досягаемости Прима на неопределенное время. Но времени у Прима не было: у биологии свои законы, естественные циклы подчиняются определенному ритму. Однако шаг предстоял серьезный, значительно отходящий от первоначального плана. Последний случай, когда Приму пришлось импровизировать, показал, что безнаказанно такое не проходит. Так что надо было хорошенько все обдумать.

Он еще раз прокрутил в голове все детали. Посмотрел на одноразовый телефон и на выписанный из телефонного справочника номер Терри Воге. Почувствовал волнение, как у шахматиста в цейтноте: предстоящий ход позволит ему или выиграть, или проиграть всю партию, однако фигура еще не передвинута, а время на обдумывание хода истекает… Прим еще раз прикинул, что́ может пойти не так. И что *не должно* пойти не так. Напомнил себе, что в любой момент может отступить, не оставив за собой никаких следов. *Если* сделает все правильно.

И он набрал номер. Его охватило ощущение свободного падения, чудесный нервный трепет. На звонок ответили после третьего гудка.

— Терри.

Прим попытался различить в голосе Воге какие-нибудь признаки отчаяния, которые тот наверняка испытывал. Человек на самом дне. Никому не нужный. Без альтернатив. Тот, кто однажды сумел вернуться на пьедестал почета и был готов на все ради нового возвращения. Снова утереть всем нос. Прим перевел дыхание и заговорил низким голосом:

— Сюсанне Андерсен нравилось получать пощечины во время секса; полагаю, это могут подтвердить ее бывшие бойфренды. От Бертины Бертильсен пахло потом, как от мужчины. У Хелены Рёд был шрам на плече.

В последовавшей паузе Прим слышал дыхание Воге.

— Кто ты?

— Единственный человек на свободе, который может все это знать.

Снова пауза.

— Чего ты хочешь?

— Спасти невиновного.

— Какого невиновного?

— Маркуса Рёда, конечно.
— И почему?
— Потому что девушек убил я.

* * *

Терри Воге знал: когда на дисплее высветилось «неизвестный абонент», ему следовало нажать «отклонить вызов». Но как обычно он ничего не смог поделать со своим чертовым любопытством. С верой в приятные неожиданности. Вроде того, что женщина его мечты в один прекрасный день может просто ему позвонить. Почему он никак не может усвоить урок? Сегодня ему звонили журналисты и пара преданных фанатов. Первые хотели услышать комментарий по поводу его увольнения из «Дагбладет», а вторые — посетовать на то, что с ним, Терри, несправедливо обошлись. Среди них была девушка; по телефону она показалась ему очень даже ничего, но потом Терри нашел ее страницу в Фейсбуке и обнаружил, что выглядит она старше, чем можно предположить по голосу, и к тому же страшненькая. А теперь этот звонок. Еще один псих. Почему ему не звонят нормальные люди? Друзья, например. Хотя у него нет друзей. С ним поддерживали связь мать и сестра, а брат и отец — нет. То есть

отец однажды ему позвонил — наверное, решил, что успех в «Дагбладет» несколько скомпенсировал скандальную историю, опозорившую их фамилию. В прошлом году позвонили несколько девушек. Они всегда появлялись, когда Терри оказывался в центре внимания. Так же случалось, когда он писал о музыке. Конечно, телочки шли в основном к рок-музыкантам, но перепадало и ему, и побольше, чем парням за микшерным пультом. Он старался держаться поближе к музыкантам (пара положительных отзывов — и пропуск за кулисы обеспечен), чтобы часть их благ доставалась и ему. Лучшей стратегией было бы действовать от противного: собрать группу самому и пожинать плоды. С переходом в криминальную журналистику концерты больше не были его охотничьими угодьями, но Терри компенсировал это гонзо-стилем[94], к которому пришел еще музыкальным журналистом. Он был в гуще событий, этакий уличный военный корреспондент. Если твое имя и фото публикуются

[94] Notes: 94

Гонзо-журналистика — направление в журналистике, в котором используется глубоко субъективный стиль повествования от первого лица, а репортер выступает не как беспристрастный наблюдатель, а как непосредственный участник описываемых событий, говорит о своем опыте, открыто выражает эмоции, чтобы подчеркнуть основной смысл этих событий.

рядом со статьей, всегда найдется женщина, которая захочет позвонить тебе. Именно для этого он не убирал свой номер из справочника, а вовсе не для того, чтобы ему названивали со всякими идиотскими советами и болтовней.

Ответить на анонимный звонок — одно, а продолжать разговор — совсем другое. Почему он не оборвал связь? Возможно, дело было не в самом признании этого человека в убийствах девушек. Терри зацепило, как он это сказал. Без фанфар, просто спокойно сообщил.

Терри Воге откашлялся.

— Если ты вправду убил девушек, разве ты не должен радоваться, что полиция подозревает другого?

— Конечно, у меня нет желания быть пойманным, но мне не доставляет удовольствия, что невиновный искупает мои грехи.

— Грехи?

— Согласен, звучит немного по-библейски. Я звоню, потому что, на мой взгляд, мы можем помочь друг другу, Воге.

— А мы можем?

— Я хочу, чтобы полицейские поняли, что взяли не того, и немедленно освободили Рёда. А ты хочешь снова оказаться на вершине успеха, ведь

ты так мостил туда дорогу этими фейками.

— Что ты можешь об этом знать?

— О твоем желании вернуться на вершину я только догадываюсь, но о твоей последней статье твердо знаю, что все в ней выдумано.

Воге на мгновение задумался. Его взгляд заметался по комнате, которую можно было назвать холостяцкой берлогой с большим преувеличением — лишь в хорошем настроении, когда не хочется говорить «бомжатник». С доходами, которые давала работа в «Дагбладет», Терри мечтал через год переехать в место получше. Где больше воздуха и света. Меньше грязи. На выходные к нему приедет Дагния, его латышская подружка — по крайней мере, она считала себя его подружкой. Вот она и наведет порядок.

— Разумеется, для начала я должен проверить то, что ты рассказал об убитых, — заявил Воге. — Допустим, это правда. Что ты предлагаешь?

— Я не предлагаю, я ставлю ультиматум: либо все будет сделано так, как я хочу, либо не будет сделано вообще.

— Продолжай.

— Встретимся завтра вечером на южной стороне крыши Оперного театра. Я предоставлю тебе доказательства того, что девушек убил я.

Ровно в девять. Тебе нельзя никому говорить о нашей встрече и, естественно, ты должен прийти один. Понял?

— Понял. Не мог бы ты немного рассказать мне о…

Воге уставился в телефон. Его собеседник завершил разговор.

Что это, черт возьми, такое? Слишком безумно, чтобы быть реальностью. И номер так и не определился — нельзя узнать, кто звонил.

Воге посмотрел на часы. Без пяти восемь. Ему захотелось пойти выпить пива. Но не в «Stopp Pressen»[95] или другое похожее место, а туда, где нет риска столкнуться с коллегами.

Он с тоской подумал о временах, когда мог ходить на концерты, на которых звукозаписывающие компании раздавали журналистам жетоны на бесплатное пиво в надежде на благоприятный отзыв и на которых с той же целью вполне могли искать его симпатии молоденькие артистки.

Он снова посмотрел на телефон. Слишком безумно. Или нет?

---

[95] Notes: 95

Бар «Stopp Pressen» в Осло весьма популярен благодаря вкусной пицце и живой музыке.

* * *

Часы показывали половину десятого, и в битком набитом баре «Ревность» звучала из динамиков песня «Jammin'» Боба Марли и его группы «The Wailers»[96]. Казалось, все хипстеры среднего возраста в Грюнерлёкка[97] собрались здесь выпить пива и высказать мнение о плейлисте.

Мнения озвучивались каждый раз, когда начиналась новая песня, и разнились от одобрительных возгласов до свиста.

— А я говорю, что Харри неправ! — крикнул Эйстейн Трульсу и Сон Мину. — «Остаться в живых» не лучше «Трансъевропейского экспресса», это абсолютно ясно

— Спорят о песнях групп «Bee Gees» и «Kraftwerk», — перевел Харри для Александры. Они сидели впятером в отдельной кабинке, где было не так шумно, и расправлялись с четырьмя пол-литровыми кружками пива и одним бокалом минеральной воды.

---

[96] Notes: 96

«Jammin'» — песня о том, как хорошо собраться вместе и наслаждаться моментом в хорошей компании.

[97] Notes: 97

Грюнерлёкка — модный район Осло со множеством ресторанов и забегаловок.

— Рад быть в одной команде со всеми вами, — провозгласил Сон Мин, поднимая свою кружку. — И поздравляю со вчерашним арестом.

— Завтра Харри попытается отменить этот арест, — добавил Эйстейн, чокаясь кружкой с остальными.

— Прошу прощения?

— Он сказал, что собирается обеспечить Рёду то алиби, которого Рёд не хочет.

Сон Мин посмотрел через стол на Харри. Харри пожал плечами.

— Хочу попробовать проникнуть на «Виллу Данте». Возможно, найду кого-нибудь, кто подтвердит, что Рёд был там во время убийств Сюсанны и Бертины. Если получится, слова таких свидетелей будут убедительнее показаний покойной жены.

— Зачем тебе туда идти? — спросила Александра. — Почему полиция не может устроить там облаву и допросить посетителей?

— Потому что, — объяснил Сон Мин, — нам нужен соответствующий ордер, а его мы не получим, поскольку нет причин подозревать клуб в чем-то криминальном. Во-вторых, мы никогда не смогли бы убедить кого-нибудь из клуба выступить в суде, ведь фишка «Виллы Данте» в полной

анонимности. Но мне интересно, Харри, как ты собираешься проникнуть туда и хоть кого-то разговорить.

— Что ж. Во-первых, я больше не полицейский и могу не беспокоиться об ордерах. Во-вторых, у меня есть вот это. — Харри сунул руку во внутренний карман пиджака и вынул кошачью полумаску и членскую карточку «Виллы Данте». — А еще на мне костюм Рёда, у нас одинаковый рост, одна и та же маска…

Александра засмеялась.

— Харри Холе намерен пойти в гей-клуб и выдать себя за… — Она выхватила карточку и прочитала: — …за Человека-кота? Пожалуй, сначала тебя нужно немножечко просветить.

— Вообще-то я хотел попросить тебя пойти со мной, — сказал Харри.

Александра покачала головой.

— Ты не можешь взять в гей-клуб женщину, это против правил, никто не захочет общаться с тобой. Единственный вариант для меня — притвориться дрэг-квин[98].

---

[98] Notes: 98

Дрэг-квин (drag queen) — сленговое обозначение артистов мужского пола, использующих для выступлений женские образы и женскую одежду. В отличие от кроссдрессеров и трансгендеров дрэг-квин переодеваются в женщин именно для развлечения зрителя.

— Не выйдет, дорогая, — вмешался Сон Мин.

— Слушайте, как там все устроено, — начала Александра, и, увидев ее озорную ухмылку, остальные наклонились поближе, чтобы не упустить ни слова. По ходу рассказа они то удивленно вскрикивали, то недоверчиво смеялись. Закончив, Александра посмотрела на Сон Мина, ожидая подтверждения.

— Я нечасто бываю в подобных клубах, дорогая. Но мне интересно, откуда у *тебя* такие обширные знания.

— В клуб «Scandinavian Leather Man» раз в году разрешается приводить женщин, — объяснила она.

— Все еще собираешься туда пойти? — Эйстейн ткнул Харри в бок. Трульс хрюкнул.

— Больше боюсь, как бы мне не ударить лицом в грязь, чем того, что за мной приударят, — признался Харри. — Сомневаюсь, что меня изнасилуют.

— Да никого там не будут насиловать, тем более такого двухметрового папочку, — отмахнулась Александра. — Но там наверняка найдутся твинки с желанием к тебе подкатить.

— Твинки?

— Худенькие симпатичные мальчики, кото-

рым нужен мужчина покрупнее. Но, повторюсь, медведей[99] стоит остерегаться, а в темных комнатах проявлять осторожность.

— Кто еще по одной? — спросил Эйстейн. Поднялись три руки.

— Помогу принести, — вызвался Харри.

Они протиснулись к бару и ждали очереди, когда раздался начальный гитарный рифф «Heroes» Дэвида Боуи. Зазвучали одобрительные возгласы.

— Мик Ронсон[100] — бог, — сказал Эйстейн.

— Но есть еще Роберт Фрипп[101], — напомнил Харри.

— Верно, Харри, — произнес голос за их спинами. Они обернулись. У говорившего были теплые, немного грустные глаза и многодневная щетина. На голове плоская кепка. — Все думают,

---

[99] Notes: 99

Медведь — сленговое обозначение гея с обильным волосяным покровом, особенно если это сочетается с крупным телосложением. Также медведи обычно ассоциируются с суровым мужественным характером.

[100] Notes: 100

Майкл (Мик) Ронсон — британский гитарист, аранжировщик, композитор, продюсер, наиболее известный в качестве участника группы Дэвида Боуи «The Spiders from Mars».

[101] Notes: 101

Роберт Фрипп — британский гитарист, композитор, педагог, один из основателей и постоянный участник рок-группы «King Crimson».

что Фрипп использовал EBow[102], но это просто отзвук со студийных колонок. — Он протянул руку. — Арне, парень Катрины. — Улыбка у него была приятная. Как у старого друга, подумал Харри. Если не учитывать, что парень лет на десять моложе них.

— Ага, — отозвался Харри и пожал ему руку.

— Большой поклонник, — сообщил Арне.

— Мы тоже, — подхватил Эйстейн, тщетно пытаясь привлечь внимание занятых барменов.

— Я имел в виду не Боуи, а тебя.

— Меня? — удивился Харри.

— Его? — переспросил Эйстейн.

Арне рассмеялся.

— Какой потрясенный вид. Просто я знаю, сколько хорошего ты сделал для города, пока служил в полиции.

— Хм. Это Катрина тебе рассказывала?

— Нет, что ты, я знал о Харри Холе задолго до встречи с Катриной. Я читал о тебе в газетах еще, наверное, подростком. Знаешь, из-за тебя я даже подавал заявление в полицейский колледж. — Арне радостно, беззаботно засмеялся.

---

[102] Notes: 102

EBow — электронный смычок для электрогитар. Использует принцип обратной связи для создания колебаний струны, за счет чего формирует звучание, недостижимое с помощью традиционных методов.

— М-м. Но не поступил?

— Меня пригласили на вступительные экзамены. Но в это же время я был принят в университет на образовательную программу, которая могла бы мне пригодиться, если бы я стал следователем — так я думал.

— Понятно. Катрина с тобой?

— Разве она здесь?

— Не знаю. Она прислала сообщение, что, возможно, заглянет, но здесь столько народу, что она могла столкнуться с какими-нибудь знакомыми. Кстати, как ты ее нашел?

— Она рассказывала, что я ее нашел?

— А это не так?

— Ты строишь догадки?

— Обоснованные догадки.

Мгновение Арне смотрел на Харри с притворной серьезностью. Затем расплылся в мальчишеской улыбке.

— Ты совершенно прав. Первый раз я увидел ее по телевизору — только ей не говори, пожалуйста. И вскоре она случайно зашла туда, где я работаю. Я подошел, сказал, что видел ее по телевизору и она показалась мне обалденно прекрасной, черт побери.

— То есть ты действовал так же, как и сейчас.

Снова взрыв беззаботного смеха.

— Я понимаю, Харри, почему ты решил, что я фанат.

— А разве нет?

Казалось, Арне задумался над этим.

— Да, ты снова прав — очень похоже, что так и есть. Но в таком случае мои главные кумиры не вы с Катриной.

— Звучит обнадеживающе. А кто твой главный кумир?

— Боюсь, он не покажется тебе интересным.

— Может быть, но все же скажи.

— Хорошо. Salmonella typhimurium[103].

Арне произнес это медленно, благоговейно, отчетливо выговаривая каждый звук.

— Мм… Кажется, сальмонелла — это бактерия?

— Совершенно верно.

— И почему она твой кумир?

— Потому что тифимуриум потрясающая. Она может выжить в любой среде. Где угодно, даже в космосе.

— И почему она тебя интересует?

— Это часть моей работы.

— Какой работы?

---

[103] Notes: 103

Salmonella Typhimurium — серотип палочковидной грамотрицательной бактерии со жгутиками из рода сальмонелл.

— Я изучаю микроорганизмы.

— Внутри нас или снаружи?

— Это одно и то же, Харри. Из этого состоит жизнь. И смерть.

— Вот как?

— Если бы я собрал всех микробов, бактерий и паразитов, какие есть в твоем организме — угадай, сколько они весили бы?

— Э-э…

— Два килограмма. — Эйстейн протянул Харри две пол-литровые кружки с пивом. — Читал в журнале «Иллюстрированная наука». Страшное дело.

— Было бы куда страшнее, если бы их не существовало, — ответил Арне. — Тогда мы не выжили бы.

— Хм. И они могут жить в открытом космосе?

— Некоторые микроорганизмы не нуждаются, например, в звездном свете или в кислороде. На самом деле все наоборот. На космической станции проводили исследования, которые показали, что в космосе Salmonella typhimurium даже опаснее и эффективнее, чем на поверхности Земли.

— Раз ты говоришь так, как будто разбираешься во всяких материях… — Эйстейн втянул немного пены с одной из кружек, которые держал. — Прав-

да, что гром бывает только при дожде?

Арне немного опешил.

— Э-э… нет.

— Точно, — сказал Эйстейн. — Слушайте.

Они вслушались — композиция «Fleetwood Mac» «Dreams» дошла до припева, и Стиви Никс[104] пела, что гром бывает только тогда, когда идет дождь.

Все трое рассмеялись.

— Линдси Бакингем[105] ошибся, — пояснил Эйстейн.

— Не он, — возразил Харри. — Вообще-то эту песню написала Стиви Никс.

— Ну, как бы там ни было, это лучшая песня на два аккорда, какие есть и были, — заявил Арне.

— Нет, лучшая у «Нирваны», — быстро парировал Эйстейн. — «Something in the Way».

Они посмотрели на Харри. Тот пожал плечами.

— Группа «Jane's Addiction», песня «Jane Says».

— Делаешь успехи, — усмехнулся Эйстейн. —

---

[104] Notes: 104

Стефани Линн «Стиви» Никс — американская певица и автор песен, известна по сотрудничеству с группой «Fleetwood Mac», а также успешной сольной карьере.

[105] Notes: 105

Линдси Бакингем — американский музыкант, наиболее известный в качестве гитариста и вокалиста группы Fleetwood Mac. Также активен как солист.

Ну а худшая песня на два аккорда?

Они посмотрели на Арне.

— Ну, — ответил тот, — «Born in the U.S.A.», может, и не худшая, но определенно самая переоцененная.

Эйстейн и Харри согласно кивнули.

— Давай за наш столик? — предложил Эйстейн.

— Спасибо, но у меня там приятель, надо составить ему компанию. В другой раз.

Поскольку руки у всех были заняты кружками с пивом, они осторожно стукнулись костяшками пальцев на прощание, и Арне исчез в толпе, а Харри и Эйстейн двинулись обратно к своей кабинке.

— Хороший парень, — оценил Эйстейн. — Кажется, Братт нашла нечто стоящее.

Харри кивнул. Его мозг пытался что-то осознать. Вроде бы он увидел или услышал что-то, но в тот момент не обратил на это внимания. Они принесли четыре кружки к столу, и поскольку все остальные пили очень медленно, Харри сделал глоток из одной. И еще глоток.

Когда наконец заиграла «God Save the Queen» группы «Sex Pistols», они вскочили и принялись

танцевать пого[106] прямо в кабинке, подпрыгивая вместе со всей толпой в баре. В полночь в бар «Ревность» набралось еще больше посетителей, а Харри набрался под завязку.

— Выглядишь счастливым, — шепнула Александра ему на ухо.

— Правда?

— Да. С твоего возвращения домой ни разу не видела тебя таким. И ты хорошо пахнешь.

— Хм… Похоже, это правда.

— Что «правда»?

— Что лучше пахнешь, когда никому не задолжал.

— Не понимаю, о чем ты. Кстати о возвращении домой. Проводишь меня?

— Проводить до дома или пойти с тобой?

— Можно разобраться по ходу дела.

Харри понял, до какой степени надрался, когда обнимал остальных на прощание. Сон Мин, пахнущий лавандой или чем-то похожим, пожелал ему удачи на «Вилле Данте», но добавил, что притворится неосведомленным о столь неподобающих планах.

Возможно, разговоры о запахе должника и

---

[106] Notes: 106

Пого танцуют, подпрыгивая на месте с выпрямленной спиной, сжатыми вместе ногами и прижатыми к туловищу руками.

аромат лаванды, исходящий от Сон Мина, подтолкнули разум Харри, и он понял, какая деталь не давала ему покоя. Это был запах. В какой-то момент Харри почувствовал его здесь, в этом баре. Харри вздрогнул, повернулся и окинул взглядом толпу. Аромат мускуса. Тот же запах он уловил в прозекторской рядом с трупом Хелены Рёд.

— Харри?

— Иду.

* * *

Прим шел по улицам Осло. Шестеренки в голове вращались быстрее и быстрее, словно пытались раздробить тягостные мысли на мелкие кусочки.

Его разозлило, что тот полицейский был в баре «Ревность». Надо было сразу уйти, избежать встречи, но Прима так и тянуло к нему, будто он был мышью, а полицейский — котом. И он тоже искал ее, и может, Она была там, а может, и нет. Было так людно, что большинство посетителей стояли, загораживая обзор. С Ней Прим встретится завтра. Возможно, он должен спросить, приходила ли она в бар? Нет, пусть Она заговорит об этом, если захочет сама. Ему надо отодвинуть это на задний план — сейчас многое надо обдумать, голова должна быть ясной. Прим

шел дальше. Улица Нурдала Брунса. Улица Тура Ульсена. Улица Фреденсборгвейен. Он мурлыкал мелодию «Heroes» Дэвида Боуи, а его каблуки ритмично стучали по асфальту.

ГЛАВА 35
Вторник

Во вторник резко похолодало. Вдоль улиц Оперы и Королевы Евфимии дул сильный ветер, и под его порывами падали штендеры возле ресторанов и магазинов одежды.

В пять минут десятого Харри забрал свой костюм из химчистки на Грёнланде, и спросил, нельзя ли заказать немедленную утюжку костюма, в который он одет сейчас. Азиатка за стойкой с сожалением покачала головой. Харри ответил, что это печально, ведь вечером он собирается на бал-маскарад. Он видел, как женщина заколебалась перед тем, как улыбнуться и сказать, что он наверняка прекрасно проведет время.

— Xièxiè[107], — поблагодарил Харри по-китайски, слегка поклонившись, и повернулся, чтобы уйти.

— Хорошее произношение, — сказала женщина, прежде чем он коснулся дверной ручки. — Где ты учил китайский?

---

[107] Notes: 107
Xièxiè (сьесье) — спасибо (кит.)

— В Гонконге. Я знаю всего несколько слов.

— Большинство иностранцев в Гонконге не знают ни единого. Сними костюм, я быстренько пройдусь утюгом.

* * *

В четверть десятого Прим стоял на автобусной остановке и через дорогу смотрел на привокзальную площадь Йернбанеторгет. Рассматривал людей, попадавшихся на глаза: одни целеустремленно шагали через площадь, другие слонялись без дела. Может, кто-то из них полицейский? Прим взял с собой кокаин и поэтому не решался идти на площадь без полной уверенности. Но никогда нельзя быть уверенным полностью, надо только решиться и отбросить страх. Вот так просто. И так невозможно. Он сглотнул. Перешел улицу и на площади приблизился к статуе тигра. Почесал тигра за ухом. Вот и все. Приласкай свой страх и сделай его другом. Глубоко вздохнув, Прим потрогал пакетик в кармане. Со ступенек на него уставился мужчина. Прим узнал его и неторопливо подошел.

— Доброе утро, — сказал Прим. — У меня есть кое-что для тебя. Возможно, ты захочешь попробовать.

* * *

Сумерки наступили рано, было темно, как поздней ночью, когда Терри Воге перешел улицу Оперы и ступил на каррарский мрамор[108]. Когда на набережной в Бьёрвике строили здание, выбор итальянских плит вызвал горячие споры, и, хотя аргументы против скоро утихли, жители до сих пор помнили те дебаты. Теперь же здесь было полно народу даже сентябрьским вечером. Воге проверил время. Без шести минут девять. В бытность свою музыкальным журналистом он обычно приходил как минимум на полчаса позже того момента, когда, артистам полагалось выйти на сцену. Иногда какая-нибудь странная группа начинала концерт точно в объявленное время, и он пропускал первые несколько песен, а потом спрашивал у фанатов, что это были за песни и какой была реакция публики. В статье выдавал чужое мнение за свое, добавляя немного отсебятины. Всегда прокатывало. Но сегодня он так не поступит. Терри Воге принял решение. С этого момента — никаких опозданий и никаких

[108] Notes: 108

Здание Норвежской оперы сплошь облицовано белым каррарским мрамором.

выдумок.

Он поднялся по боковой лестнице вместо того, чтобы пройти по гладкой наклонной мраморной крыше, как это делала молодежь. Воге был уже немолод и не мог позволить себе оступиться.

Достигнув вершины, он подошел к южной стороне, как велел ему по телефону незнакомец. Встал у стены между двумя парочками и окинул взглядом фьорд, по которому ветер гонял белые барашки волн. Оглянулся вокруг. Поежился и посмотрел на часы. Увидел, как из полумрака к нему кто-то приближается. Мужчина. Поднял что-то в руках и направил на застывшего Терри Воге.

— Извините, — сказал мужчина с акцентом, похожим на немецкий, и Воге подвинулся, чтобы подошедший мог сделать снимок.

Мужчина нажал кнопку на фотокамере. Затвор гулко щелкнул, фотограф поблагодарил и исчез. Воге опять поежился. Перегнулся через край и посмотрел вниз на людей, идущих по мрамору. Еще раз взглянул на часы. Две минуты десятого.

* * *

В окнах виллы горел свет. Вдоль улочки, вы-

ходящей на Драмменсвейен[109], ветер шелестел листьями каштанов. Харри попросил Эйстейна высадить его поодаль от «Виллы Данте», хотя приезд на такси вряд ли бросился бы кому-то в глаза. Припарковать же около виллы собственный автомобиль было все равно что назвать свое имя.

Харри задрожал от холода и пожалел, что не захватил пальто. В пятидесяти метрах от виллы он надел кошачью маску и позаимствованный у Александры берет.

У входа в большое здание из желтого кирпича трепетали на ветру два факела.

— Необарокко с окнами в стиле ар-нуво, — заметил Эуне, когда они нашли фотографии в «Гугле». — Я бы сказал, постройка примерно 1900 года. Возможно, это был дом судовладельца, торговца или кого-нибудь в этом роде.

Харри толкнул дверь и вошел внутрь.

Молодой человек в смокинге, стоявший за небольшой стойкой, улыбнулся ему. Харри показал членскую карту.

— Добро пожаловать, Человек-Кот. Мисс Аннабелль будет выступать в десять часов.

Харри молча кивнул и прошел к открытой две-

---

[109] Notes: 109

Драмменсвейен — улица в центре Осло на западной стороне, район посольств и огромных старинных вилл. Аристократическое место.

ри в конце коридора. Оттуда доносилась музыка Малера.

Харри вошел в комнату, освещенную двумя огромными хрустальными люстрами и обставленную мебелью из светло-коричневого дерева, возможно — из гондурасского махагони[110].

В комнате было еще тридцать-сорок мужчин, все в масках и темных костюмах либо смокингах. Между столиками сновали официанты с напитками на подносах — молодые, без масок, в облегающих костюмах. Но, вопреки описаниям Александры, не было ни танцоров гоу-гоу, ни клеток с сидящими там обнаженными мужчинами со связанными за спиной руками — этих парней гости при желании могли толкать, пинать или еще как-нибудь унижать… Судя по бокалам гостей, здесь предпочитали мартини или шампанское. Харри облизал губы. Утром на обратном пути от Александры он выпил пива у «Шрёдера» и пообещал себе, что это будет единственная порция алкоголя на сегодня. Несколько гостей обернулись, украдкой взглянули на него и вернулись к своим разговорам. Только один,

[110] Notes: 110

Название, используемое для тропических пород древесины, имеющих красноватый цвет. Некоторые из них относят к высокоценному красному дереву.

женоподобный худощавый юноша, продолжал наблюдать за Харри, когда тот направился к свободному месту у барной стойки. Харри надеялся, что этот взгляд не означает провала его маскарада.

— Как обычно? — спросил бармен.

Харри кивнул, чувствуя спиной взгляд *твинка*.

Бармен повернулся, и Харри наблюдал, как он достает высокий стакан, наливает в него водку «Абсолют», добавляет соус табаско, вустерширский соус и что-то похожее на томатный сок. Наконец он опустил в стакан стебель сельдерея и поставил коктейль перед Харри.[111]

— Сегодня у меня только наличные, — произнес Харри. Бармен ухмыльнулся, точно услышал шутку. Харри сообразил, что в месте, где необходимо соблюдать анонимность, наличные оставались единственным способом оплаты.

По спине Харри скользнула рука. Он напрягся, хотя был к этому готов: Александра предупреждала, что обычно все начинается со взгляда, а потом — иногда прежде чем будет сказано хотя бы слово — переходит в прикосновение. А дальше открывается множество вариантов.

---

[111] Notes: 111
Бармен приготовил Харри канадский коктейль «Цезарь».

— Давно не виделись, Человек-Кот. Раньше у тебя не было бороды, верно?

Это был тот твинк. Он говорил высоким голосом, таким высоким, что интонации показались Харри наигранными. Харри не мог понять, какое животное изображает его маска, но определенно не мышь. Зеленый цвет, узор из чешуек, узкие прорези для глаз — это наводило на мысли о змеях.

— Не было, — подтвердил Харри.

Парнишка поднял стакан и, увидев, что Харри колеблется, вопросительно посмотрел на него.

— Устал от «Цезаря»?

Харри медленно кивнул. В ресторане «Дэн Тана» в Лос-Анджелесе «Цезарь» считался гейским коктейлем номер один. Похоже, в канадских традициях есть нечто… нестандартное.

— Может, лучше закажем что-нибудь бодрящее?

— Например? — уточнил Харри.

Парнишка склонил голову к плечу.

— Ты какой-то другой, Котик. Дело не только в бороде. Твой голос и…

— Рак горла, — объяснил Харри. Такую версию предложил Эйстейн. — Лучевая терапия.

— О боже, — светски, почти равнодушно ото-

звался парнишка. — Ну, тогда понятно, почему ты нацепил на голову этот кошмар и почему так похудел. Быстро же это с тобой произошло, должен заметить.

— Правильно замечено, — согласился Харри. — Напомни, сколько же мы не виделись?

— Сколько же это… Месяц… или два? Время так и летит. Ты точно уже давно не появлялся.

— Кажется, я был здесь во вторник пять недель назад, так? И во вторник перед этим тоже был.

Парнишка слегка откинул голову назад, будто хотел посмотреть на Харри с другой точки.

— Ты что, сам не знаешь, когда здесь был?

Харри услышал подозрение в его голосе и понял, что поторопился.

— Это все опухоль, — оправдался он. — Врач говорит — опухоль давит на мозг и вызывает частичную потерю памяти. Извини, просто пытаюсь восстановить события минувших месяцев.

— А меня ты хоть помнишь?

— Немного, — ответил Харри. — Но не все. Извини.

Парень обиженно фыркнул.

— Можешь мне помочь? — спросил Харри.

— Если ты поможешь мне.

— С чем?

— Допустим, заплатишь за мой порошок немного больше обычного. — Он наполовину достал что-то из кармана куртки, и Харри увидел маленький пластиковый пакетик с белым порошком. — Тогда я смогу подать его тебе так же, как в прошлый раз.

Харри кивнул. Александра рассказывала, что наркотики — кокаин, спиды, попперс, «Мисс Эмма»[112] — более или менее открыто покупались и продавались в знакомых ей гей-клубах.

— А как ты подавал его мне в прошлый раз? — уточнил Харри.

— Господи, я думал, уж такое ты помнишь. Я вдул его в твою прелестную узкую медвежью норку вот этим. — Парень поднял короткую металлическую соломинку. — Может, пойдем вниз?

Харри вспомнил о предупреждении Александры относительно темных комнат. Комнат, где любой мог стать чьей-то законной добычей.

— Окей.

Они встали и прошли через помещение. Их провожали взгляды из-под звериных масок. Парень открыл дверь в дальнем конце зала, и Харри по-

---

[112] Notes: 112

Жаргонные названия наркотиков: спиды — амфетамины, попперс — алкилнитриты, «Мисс Эмма» — морфин.

следовал за ним в темноту вниз по крутой узкой лестнице. На полпути уже стали слышны звуки. Стоны, крики. Когда они достигли подвального этажа — шлепки плоти о плоть. На стенах горели маленькие голубые огоньки, и когда глаза Харри привыкли к полутьме, он смог рассмотреть подробности.

Мужчины занимались сексом и делали это всевозможными способами. Кто-то был обнажен, кто-то полуодет, кто-то просто расстегнул ширинку. Из-за дверей кабинок доносились те же звуки, что слышались вокруг. Харри попался на глаза человек в золотой полумаске, здоровенный, накачанный. Он совершал ритмичные толчки над другим, перегнувшимся через скамью. Зрачки в прорезях золотой маски были расширенными, и распахнутые глаза казались черными. Харри вздрогнул, увидев, как эти глаза уставились на него, а зубы открылись в хищном, похотливом оскале. Харри заставил себя отвести взгляд и продолжил осматриваться.

В комнате стоял запах, от которого у него едва не перехватило дыхание. Запах отличался от доминирующей здесь смеси хлора, секса, тестостерона и напоминал резкую бензиновую вонь. Харри никак не мог понять, что это, пока

не увидел, как обнаженный мужчина открыл маленький желтый флакон и понюхал. Конечно же, так пах попперс. Этот стимулятор был популярен в столичных клубах, куда Харри частенько наведывался, когда ему было двадцать с небольшим. Тогда этот наркотик называли «приливом», вероятно, из-за действия: на несколько секунд он вызывал острый прилив, когда сердце дико бьется, кровь мчится, а все чувства обостряются. Позже Харри узнал, что пассивные геи используют «прилив» для усиления удовольствия от анального секса.

— Привет.

Это был тот качок в золотой маске. Он подошел к Харри и положил руку ему на промежность. Хищная улыбка стала шире. Харри почувствовал на лице его дыхание.

— Он мой, — резко сказал твинк, схватил Харри за руку и потащил за собой. Харри услышал позади смех качка.

— Кажется, все кабинки заняты, — произнес твинк. — Может, нам…

— Нет, — отказался Харри. — Наедине.

Юноша вздохнул.

— Может, там дальше найдутся свободные. Пойдем.

Они прошли мимо комнаты с открытой дверью, откуда звучал плеск, похожий на журчание душа. Проходя мимо, Харри заглянул туда. В ванне сидели двое мужчин с открытыми ртами, а другие, некоторые в одежде, стояли вокруг и мочились на них.

Они прошли через большую комнату, где мигали стробоскопы и из динамиков гремела песня «She's Lost Control» группы «Joy Division». В центре комнаты раскачивались качели, прикрепленные цепями к потолку. К ним был прикован человек. Качели несли его, вытянувшегося, словно летящий Питер Пэн, внутри круга мужчин. Они имели его по очереди, а потом перебрасывали друг другу, будто косяк.

Харри с твинком вошли в коридор с несколькими кабинками. Здесь тоже были слышны звуки, доносящиеся из-за закрытых дверей. Из одной кабинки вышли двое, и парнишка поспешил занять ее. Харри вошел следом, парень закрыл дверь изнутри.

Комнатка оказалась размером примерно два на два метра. Без всяких предисловий твинк начал расстегивать рубашку Харри.

— Может, рак не такая уж плохая штука, Котик? На ощупь ты теперь скорее атлетичный тигр,

чем медведь.

— Подожди, — попросил Харри, повернулся спиной к парню и полез в карман пиджака. Оборачиваясь обратно, он уже держал в одной руке бумажник, а в другой — телефон. — Ты ведь хотел продать мне немного кокаина?

— Если заплатишь сколько скажу.

— Тогда давай договариваться.

— О, это уже больше похоже на тебя, Человек-Кот. Человек-Кокс, — хихикнул он и достал пакетик с порошком.

Харри взял пакет и протянул ему бумажник.

— Я получил от тебя кокаин, теперь можешь взять из моего бумажника, сколько тебе за него причитается.

Глаза твинка озадаченно уставились на него из прорезей маски.

— Ты сегодня какой-то замороченный. — Он открыл бумажник, заглянул внутрь и вытащил две банкноты по тысяче крон. — Думаю, пока этого хватит. — Он положил бумажник обратно в карман Харри и начал расстегивать его брюки. — Хочешь, чтобы я отсосал твой медвежий член? Извини — твой *атлетичный* член?

— Нет, спасибо, я уже получил что хотел, — ответил Харри и положил свободную от телефона

руку на голову парня, будто собираясь приласкать, но вместо этого стянул с него маску.

— Какого черта, Кот! Это… ну ладно, мне это не слишком важно. — Он хотел было продолжить расстегивать брюки Харри, но Харри остановил его и застегнулся. — А, понимаю, сначала кокаин.

— Не совсем, — ответил Харри и снял с себя маску и берет.

— Ты… блондин, — удивился парень.

— Важнее другое, — уточнил Харри. — Я полицейский, который только что сделал аудио- и видеозапись того, как ты продал мне кокаин. Наказание за такое — до десяти лет лишения свободы.

В свете голубых лампочек невозможно было понять, побледнел ли собеседник, и Харри не знал, сработал его блеф или нет, пока не услышал рыдания.

— Черт, я знал, что это не ты! У тебя другая походка, и акцент восточного Осло, и задница не рыхлая, как у него, я же чувствовал! Вот я дурак! Черт бы тебя побрал! И Кота тоже!

Парнишка схватился за раздвижную дверь, чтобы выйти, но Харри удержал его.

— Я арестован?

Что-то в интонации и взгляде твинка навело Харри на мысль, не возбудило ли паренька это затруднительное положение.

— Ты… наденешь мне наручники?

— Это не игра. — Харри вытащил из внутреннего кармана юноши визитницу. На ней стояло имя «Филип Кесслер».

Филип закрыл лицо руками и заплакал.

— Однако из этой ситуации есть выход, — сказал Харри.

— Выход? — Филип поднял на него заплаканные глаза.

— Мы можем уйти отсюда и отправиться в какое-нибудь тихое симпатичное место, где ты расскажешь мне все, что знаешь о Коте. Договорились?

* * *

Терри Воге еще раз проверил время. Девять тридцать шесть. Никто так и не попытался заговорить с ним. Он снова перечитал сообщение на телефоне и снова пришел к выводу, что время и место указаны вполне однозначно. В качестве широкого жеста он дал парню дополнительные полчаса, так как раньше и сам позволял себе получасовые опоздания. Но сорок минут — это уже

слишком. Он не пришел. Блеф. Возможно, розыгрыш. Может, прямо сейчас кто-то стоит в толпе туристов и смеется над ним. Над опозоренным, презираемым шарлатаном от журналистики. Может, таково его наказание. Терри плотнее закутался в шерстяное пальто и начал спускаться по наклонной крыше. К черту их, к черту их всех!

* * *

Прим продвигался среди туристов по мраморным плитам на уровне первого этажа. Он видел, как пришел Терри Воге. Узнал его по фотографии из «Дагбладет» и другим фото, которые нашел в интернете. Смотрел, как он стоит на крыше и ждет. Прим не заметил, чтобы кто-то следовал за Воге, не увидел и прохожих, в которых можно было бы заподозрить полицейских — например, заранее расположившихся возле назначенного места. Он прошелся вокруг, внимательно рассмотрел большинство находившихся там людей и через полчаса пришел к выводу, что больше не видит ни одного человека из тех, кто там был в момент его появления. Без двадцати десять Прим увидел, как Воге спускается с крыши. Воге сдался. Но теперь Прим был уверен, что он приходил один.

Прим осмотрелся напоследок. И отправился домой.

ГЛАВА 36
Среда

— И что он здесь делает? — пробурчал Маркус Рёд, указывая на Харри. — Этот человек получил от меня миллион долларов за то, что меня же отправил в тюрьму, хотя я, между прочим, невиновен!

— Как я уже говорил, — объяснил Крон, — он здесь, потому что на самом деле не считает тебя виновным. Он думает, что ты был…

— Я слышал, что он думает! Но я не был ни в каком чертовом… гей-клубе.

Последние два слова он буквально выплюнул. Харри почувствовал, что на тыльную сторону его руки попала капелька слюны, пожал плечами и посмотрел на Юхана Крона. Комната, выделенная им троим для встречи, на самом деле была комнатой для свиданий заключенных с семьями. На зарешеченном окне висели шторы с рисунком из роз, сейчас подсвеченные утренним солнцем; обстановка состояла из стола с вышитой скатертью, четырех стульев и дивана. Харри не стал садиться на диван и заметил, что Крон

также избегает этого. Похоже, адвокат тоже знал, что диван пропитан жидкостями от отчаянного торопливого секса.

— Не хочешь рассказать подробнее? — спросил Харри.

— Конечно, — согласился Крон. — Филип Кесслер рассказал, что в те два вторника, когда были убиты Сюсанна и Бертина, он был с человеком вот в этой маске. — Крон указал на кошачью полумаску, лежащую на столе рядом с членской картой. — У того человека было прозвище Человек-Кот. Оба эти предмета были найдены в твоем костюме, Маркус. И описание внешности, полученное от Кесслера, соответствует твоему облику.

— Правда? Ну и какие особые приметы он вспомнил? Татуировки, шрамы? Родимые пятна? Другие особенности? — Рёд переводил взгляд с одного на другого.

Харри покачал головой.

— Ну? — Рёд сердито рассмеялся. — Ничего?

— Ничего подобного он не помнит, — ответил Харри. — Но он почти уверен, что узнал бы тебя, если бы тебя потрогал.

— Мать твою за ногу, — сказал Рёд с видом, будто его вот-вот стошнит.

— Маркус, — увещевал Крон, — это алиби. Мы можем его использовать, чтобы немедленно освободить тебя, мы можем предъявить его как доказательство твоей невиновности, если уголовное дело все же решат возбудить. Понимаю, ты беспокоишься о влиянии этого алиби на твой имидж, но…

— Понимаешь? — взревел Рёд. — Ты *понимаешь*? Ни хрена ты не понимаешь! Не понимаешь, каково сидеть здесь и быть подозреваемым в убийстве собственной жены. Да еще получить обвинение в… в такой мерзости. Я впервые вижу эту маску. Хочешь знать, что я думаю? Я думаю, что Хелена получила эту маску и карту от какого-то педика, похожего на меня, и отдала тебе, чтобы очернить меня при разводе. А тот парень, Филип — у него ничего на меня нет, он просто увидел возможность подзаработать. Так что узнай, сколько он хочет, заплати и убедись, что он закрыл рот на замок. И это не предложение, Юхан, это приказ. — Рёд громко чихнул, прежде чем продолжить.

— Не забудьте: вы оба связаны контрактами, в которых есть пункты о конфиденциальности. Если вы скажете кому-нибудь хоть слово об этом, я подам на вас в суд.

Харри откашлялся.

— Дело не в тебе, Рёд.

— А в чем?

— Убийца на свободе и наверняка убьет снова. Ему будет проще, если полиция будет уверена, что преступник, то есть ты, уже пойман. Если мы скроем, что ты был на «Вилле Данте», это сделает нас соучастниками следующего убийства.

— «Нас»? Неужели ты правда думаешь, что все еще работаешь на меня, Холе?

— Я намерен соблюдать условия контракта и не считаю это дело раскрытым.

— Правда? Тогда верни мои деньги!

— Нет, пока три полицейских юриста придерживаются мнения, что тебе грозит обвинительный приговор. Сейчас важнее заставить полицию обратить внимание на другие факты, а значит, мы должны дать им информацию об этом алиби.

— Говорю вам — меня там не было! Я не виноват, что полиция не умеет делать свою работу. Я невиновен, и пусть это выяснят обычным путем, без этого… гейского вранья. Нет причин для паники и необдуманных действий.

— Ты идиот, — со вздохом констатировал Харри. Он говорил спокойно, будто фиксируя печальный факт. — Для паники есть все основа-

ния. — Он поднялся.

— Куда ты собрался? — спросил Крон.

— Сообщить в полицию, — ответил Харри.

— Ты не посмеешь, — прорычал Рёд. — Если ты это сделаешь, я устрою тебе и всем, кто тебе дорог, ад. Не думай, что я на это не способен. И еще кое-что. Возможно, ты думаешь, что я не могу отменить банковский перевод на Каймановы острова через два дня после того, как велел банку его провести? Ты ошибаешься.

У Харри словно щелкнуло в голове. Возникло знакомое чувство свободного падения. Он сделал шаг к стулу Рёда, и прежде чем тот успел опомниться, схватил его за горло. Рёд откинулся на спинку стула, вцепился обеими руками в предплечье Харри и попытался освободиться. Лицо Рёда покраснело из-за пережатого кровотока.

— Сделаешь это, и я убью тебя, — прошептал Харри. — Убь-ю.

— Харри! — Крон тоже вскочил.

— Сядь, я отпущу, — прошипел Харри, глядя в выпученные, умоляющие глаза Маркуса Рёда.

— Сейчас же, Харри!

Рёд булькал и брыкался, но Харри удерживал его. Сжал еще сильнее, ощущая силу и радость от мысли, что может выжать все соки из этого

упыря. Да, радость — и то самое ощущение свободного падения, которое охватило его, когда он поднял первый бокал спиртного после нескольких месяцев трезвости. Но он уже осознавал, что радость угасает, сила хватки ослабевает. Потому что свободное падение не имело никакой награды, кроме недолгого ощущения свободы, и вело только вниз. На дно.

Харри отпустил Рёда. Тот с протяжным хрипом втянул воздух и согнулся в приступе кашля.

Харри повернулся к Крону.

— Полагаю, *теперь* меня уволили?

Крон кивнул. Харри поправил галстук и вышел.

* * *

Микаэль Бельман стоял у окна и тоскливо смотрел вниз, в сторону центра города, где виднелся небоскреб правительственного квартала. Ближе, у моста Гюльхауг, были видны верхушки качающихся деревьев. Ожидали, что ветер усилится. Говорили, ночью будет сильный шторм. Еще предсказывали что-то вроде лунного затмения в пятницу — между этими двумя событиями, само собой, не было никакой связи. Он поднял руку и посмотрел на часы — классические «Omega

Seamaster». Без одной минуты два. Сегодня он почти весь день размышлял над выбором, перед которым поставил его начальник полиции. В принципе, подобное дело не должно было входить в круг интересов министра юстиции, но Бельман заранее вмешался, чтобы взять это дело на контроль и теперь не мог просто от него отказаться. Он выругался.

Вивиан осторожно постучала в дверь, открыла. Бельман нанял ее на должность личного референта не только потому, что она имела степень магистра политологии, после двух лет работы моделью в Париже свободно говорила по-французски и была согласна выполнять любые поручения: готовить кофе, встречать гостей, расшифровывать его речи. Она была красоткой. О роли внешности в современном мире многое можно сказать и многое уже сказано. Так много, что совершенно ясно: внешность так же важна сейчас, как была важна всегда. Бельман и сам был красивым мужчиной и не питал иллюзий, что это никак не повлияло на его карьеру. Вивиан, хоть и работала раньше моделью, не была выше него ростом, так что он мог брать ее с собой на встречи и ужины. Она жила с парнем, но Бельман рассматривал это скорее как вызов,

а не как препятствие. На самом деле это было даже преимуществом. На наступающую зиму у него был запланирован визит в страны Южной Америки, главной темой визита заявили права человека — словом, поездка обещала быть чисто увеселительной. И, как Бельман говорил самому себе, на министра юстиции направлено куда меньше любопытных и осуждающих глаз, чем на премьер-министра.

— К вам начальник полиции, — тихо сказала Вивиан.

— Впустите его.

— В Зуме, — уточнила она.

— О?.. Я думал, он приедет.

— Да, но он только что позвонил и сказал, что добираться до Нюдалена слишком долго, а у него потом еще одна встреча в центре города. Он прислал ссылку, позволишь?.. — Она подошла к компьютерному столу. Быстрые пальцы, намного проворней его собственных, пробежали по клавиатуре. — Вот, — она улыбнулась и добавила, будто пытаясь сгладить его раздражение, — он на месте, ждет тебя.

— Спасибо. — Бельман продолжал стоять у окна, пока Вивиан не вышла из комнаты. Потом подождал еще немного, пока самому не надоело

это ребячество, подошел и сел перед компьютером.

Начальник полиции загорел — похоже, провел недавние осенние каникулы где-то за границей. Но это не слишком украшало вид на экране: ракурс получился неудачный, и в кадр попадал в основном двойной подбородок. Вместо того, чтобы подставить под ноутбук стопку книг, шеф полиции водрузил его прямо на низкий письменный стол, за которым раньше сидел сам Бельман, когда был начальником полиции.

— В отличие от вашего района здесь дороги почти пустые, — произнес Бельман. — Я добираюсь домой в Хёйенхалл за двадцать минут. Тебе стоило бы попробовать приехать сюда.

— Извини, Микаэль, меня вызвали на срочное совещание по поводу одного официального визита на следующей неделе.

— Ладно, давай к делу. Кстати, ты один?

— Совершенно один, погнали.

Микаэль снова почувствовал раздражение. Право на небрежное обращение по имени и словечки типа «погнали» должно быть привилегией *министра* юстиции. Особенно когда у начальника полиции подходит к концу шестилетний срок пребывания в должности, а остаться

ему на этом посту или нет будет решать уже не комиссар Национальной полиции, а Король в Государственном Совете[113] — то есть, по сути, министр юстиции. И Бельман мало что потеряет в политическом отношении, если отдаст бразды правления Будиль Меллинг. Во-первых, потому что она женщина, во-вторых, потому что она держит нос по ветру и понимает, кто здесь главный.

Бельман глубоко вздохнул.

— Просто чтобы правильно понимать друг друга. Ты хочешь получить мой совет относительно того, следует освобождать Маркуса Рёда из-под стражи или нет. И ты уверен, что вы можете сделать как то, так и другое.

— Да, — согласился начальник полиции. — У Холе есть свидетель, который говорит, что был с Рёдом в обе ночи, когда произошли убийства первых двух девушек.

— Надежный свидетель?

— Надежный в том смысле, что у него, в отличие от Хелены Рёд, нет очевидного мотива предоставлять Рёду алиби. Но доверие к его сло-

---

[113] Notes: 113

Король в Государственном Совете — выражение, обозначающее правительство Норвегии в целом. Важнейшие государственные решения принимаются правительством Норвегии как единым органом на совместных заседаниях короля и государственного совета (кабинета министров).

вам подрывает информация Отдела по борьбе с наркотиками. Этот человек значится в их базе как продавец кокаина в Осло.

— Но он не осужден?

— Мелкий торговец, случись что — на его место тут же поставят другого.

Бельман кивнул. Они не мешали деятельности тех, кто был у них на глазах. Знакомый черт лучше незнакомого.

— А с другой стороны? — спросил Бельман, взглянув на свои дорогущие часы. Они были непрактичными и громоздкими, но подавали правильные сигналы. В данный момент — сигнал начальнику полиции, чтобы тот поторопился, ведь не у него одного напряженный день.

— Против то, что на груди Сюсанны Андерсен слюна Маркуса Рёда.

— Полагаю, это довольно весомый аргумент за дальнейшее содержание Рёда под стражей.

— Да, конечно, но существует вероятность, что они с Сюсанной встретились ранее в тот день и занимались сексом, ведь проследить все ее передвижения не представляется возможным. Но если так и было — странно, что Рёд не упомянул об этом на допросе. Вместо этого он отрицает всякую интимную близость с ней и утверждает,

что после той вечеринки с ней не виделся.

— Другими словами, он лжет.

— Да.

Бельман забарабанил пальцами по столу. Советники Бельмана не раз подчеркивали, что, единожды заняв пост министра юстиции, он всегда будет в какой-то мере разделять вину или одобрение за события в возглавляемой структуре, независимо от того, что решения принимались людьми, поставленными на эту работу предыдущим правительством. Если избиратели подумают, что Рёд, богатое привилегированное ничтожество, сорвался с крючка, это неизбежно повлияет на репутацию Бельмана. Он принял решение.

— Эта сперма — достаточное для нас основание держать его под стражей.

— Слюна.

— Да. И я уверен, ты согласишься: никуда не годится, что решение, когда отпускать Рёда, а когда нет, принимает Харри Холе.

— Никаких возражений.

— Хорошо. Тогда, думаю, ты услышал мой совет… — Бельман ждал, что имя начальника полиции всплывет в памяти, но этого не произошло, а начатое предложение требовало завершения, и

он договорил: — …не так ли?

— Да, конечно, услышал. Большое спасибо, Микаэль.

— Спасибо, начальник полиции, — сказал Микаэль, мгновение повозился с мышкой, прерывая связь, откинулся на спинку стула и шепотом добавил: — Начальник полиции почти в отставке.

* * *

Прим посмотрел на Фредрика Штайнера, сидящего на кровати. Глаза дяди были по-детски ясны, однако взгляд оставался пустым, словно внутри задернули занавес.

— Дядя, — позвал Прим, — ты меня слышишь?

Нет ответа.

Прим мог сказать ему что угодно, и это не вошло бы в его сознание. А значит, и не вышло бы. Во всяком случае, не в том виде, которому кто-нибудь мог бы поверить.

Прим закрыл дверь палаты и снова сел у кровати.

— Ты очень скоро умрешь, — произнес он, наслаждаясь звучанием этих слов. Выражение лица дяди не изменилось. Он пристально смотрел на что-то далекое, видимое только ему.

— Ты умрешь, и, полагаю, мне должно быть

хоть чуть-чуть грустно. Я имею в виду — ведь в конце концов я твой… — он на всякий случай взглянул на дверь, — биологический сын.

До него доносился только свист ветра, задувавшего в водосточный желоб дома престарелых.

— Но мне не грустно. Потому что я ненавижу тебя. Не так, как ненавижу его. Его, взявшего на себя твои проблемы, взявшего на себя заботу о маме и обо мне. Я ненавижу тебя, потому что ты знал, чем занимается мой отчим, знал, что он делает со мной. Я знаю, ты осуждал его за это и ругался с ним. Той ночью я тебя слышал. Слышал, как ты угрожал разоблачить его, а он — разоблачить тебя. Вы оставили все как есть. Ты пожертвовал мной, чтобы спасти себя. Себя, маму и честь фамилии. Того, что осталось от фамилии — ты, в конце концов, даже перестал ее носить.

Прим полез в пакет, достал чипс и с хрустом разгрыз.

— А теперь ты умрешь, безымянный и одинокий. Тебя забудут. Ты исчезнешь. В то время как я, порождение твоих чресел, греховный плод твоей похоти, увижу, как мое имя воссияет на небесах. Ты слышишь меня, дядя Фредрик? Разве это не поэтично? Я записал это в своем дневнике. Важно дать биографам материал для работы, не так ли?

Он встал.

— Сомневаюсь, что я вернусь. Так что это прощание, дядя. — Он подошел к двери, обернулся. — Я, конечно, не пожелаю тебе всех благ. Надеюсь, твое путешествие в ад будет далеко не благостным.

Прим закрыл за собой дверь, улыбнулся идущей навстречу медсестре и покинул дом престарелых.

* * *

Медсестра вошла в палату старого профессора. Тот сидел на краю кровати. Его лицо ничего не выражало, но по щекам текли слезы. Так часто бывает с пожилыми людьми, когда они теряют контроль над эмоциями. Особенно часто такое случается при старческой деменции. Она принюхалась. Неужели его надо переодеть? Нет, просто воздух спертый, скопился густой телесный запах и… аромат мускуса?

Она открыла окно, чтобы проветрить комнату.

* * *

Было восемь часов вечера. Терри Воге слушал скрежет, доносившийся из внутреннего двора, где

нарастающий ветер раскручивал общедомовую сушилку для белья. Терри решил возродить свой криминальный блог. Ему было о чем написать. И все же он сидел, уставившись в пустое белое окно на мониторе.

Зазвонил телефон.

Возможно, это Дагния. Прошлой ночью они поссорились, и она сказала, что не приедет на выходные. Теперь, наверное, сожалеет. Как обычно. Воге понял, что хочет, чтобы это оказалась она.

Он посмотрел на дисплей мобильного. Неизвестный номер. Если это вчерашний «шутник», отвечать не стоит. От психов, которым ответишь один-два раза, почти невозможно избавиться. Однажды он совершенно правдиво написал, что «The War of Drugs»[114] — самая скучная группа в мире, хоть вживую, хоть в записи, и имел безрассудство один раз ответить разозленному фанату. Тот оказался занудой, стал звонить, писать по электронной почте и даже приставал к Терри на концертах. Пришлось игнорировать его два года, прежде чем он отстал.

Телефон продолжал звонить.

---

[114] Notes: 114

The War on Drugs» — американская группа из Филадельфии. Играет инди-рок, на нее повлияла музыка Брюса Спрингстина и группы «Talk Talk».

Терри Воге бросил еще один взгляд на пустой монитор. И нажал на «ответить».

— Да?

— Спасибо, что пришел вчера один и ждал на крыше до половины десятого.

— Ты… был там?

— Я наблюдал. Надеюсь, ты понимаешь: я должен был убедиться, что ты не попытаешься меня обмануть.

Воге заколебался.

— Да, да, хорошо. Но у меня больше нет времени на игру в прятки.

— Еще как есть.

Он услышал тихий смешок.

— Но мы оставим это, Воге. Точнее, ты оставишь все дела… прямо сию минуту.

— О чем ты?

— Ты должен как можно быстрее доехать до конца дороги Топпосвейен на Колсосе[115]. Я тебе перезвоню — не скажу когда, может быть, и через две минуты. Если я услышу сигналы «занято», это будет наш последний разговор. Понятно?

Воге сглотнул.

---

[115] Notes: 115

Колсос — холм на западе от Осло. Высота холма 156 метров. Является тренировочной базой альпинистов. Также Колсос упоминается в норвежских сказках.

— Да, — ответил он. Потому что понял. Понял, что не сможет связаться с кем-нибудь — например с полицией. Понял, что имеет дело не с дураком. С психом — да, но не с дураком.

— Захвати фонарик и фотоаппарат, Воге. И оружие, если оно поможет тебе чувствовать себя в безопасности. Ты найдешь осязаемые, неопровержимые доказательства того, что разговаривал с убийцей, и потом сможешь написать об этом. В том числе и о нашем разговоре. Потому что на этот раз мы оба хотим, чтобы люди тебе поверили, не так ли?

— Что будет…

Но его собеседник уже нажал отбой.

* * *

Харри лежал в кровати Александры, и его босые ноги немного свисали с края.

Александра, как и Харри, была обнажена и лежала поперек постели, положив голову ему на живот.

После вечеринки в баре «Ревность» они занимались любовью и только что повторили то же самое. На этот раз получилось лучше.

Харри думал о Маркусе Рёде. О страхе и ненависти в его глазах, когда он боролся за глоток

воздуха. Страх был сильнее. Но не развеялся ли он, когда Рёд снова смог дышать? Если нет — если Рёд не отменил денежный перевод — Люсиль уже должна быть на свободе. Поскольку ему приказали не пытаться найти ее или связаться с ней до выплаты долга, Харри решил подождать пару дней и только потом позвонить ей. У нее не было ни его номера телефона, ни других данных, так что отсутствие вестей от нее не выглядело странным. Харри поискал Люсиль Оуэнс в интернете, и поисковик выдал только старые статьи о фильме «Ромео и Джульетта» в «Лос-Анджелес таймс». Никаких сообщений, что она пропала без вести или что ее похитили. И тут Харри понял, что́ их связывало, что́ у них двоих было общего. Не угроза извне после событий на парковке. И не то, что Харри видел в Люсиль свою мать, женщину в дверях школьного класса, женщину на больничной койке, и получил возможность спасти эту женщину. Их связывало одиночество. Оба могли исчезнуть с лица земли, и никто этого не заметил бы.

Александра передала ему сигарету, которую они курили по очереди, Харри затянулся и посмотрел на дым, поднимающийся к потолку. Из маленькой аудиоколонки на прикроватном

столике доносилась песня Леонарда Коэна «Эй, еще не время нам сказать «прощай».

— Похоже, это о нас, — сказала Александра.

— Мм… О любовниках, которые расстаются?

— Да. Как поет Коэн — чтобы не говорить о любви и оковах.

Харри не ответил. Он держал сигарету, смотрел на дым, однако заметил, что женщина по-прежнему лежит, повернув к нему лицо.

— Неправильный порядок, — произнес он.

— Неправильный, потому что когда мы встретились, Ракель уже была в твоей жизни?

— Я просто вспомнил, что мне сказала одна женщина. Как автор дурачит нас, меняя порядок строчек. — Он снова затянулся. — Но да, наверное, это и о Ракель тоже.

Через некоторое время он почувствовал на животе тепло ее слез. Ему тоже хотелось плакать.

Окно скрипнуло, как будто что-то снаружи хотело проникнуть к ним.

ГЛАВА 37
Среда
Отражения

Дорога на Топпосвейен не совсем соответствовала своему названию — «путь на вершину холма». Она петляла среди коттеджей, поднимаясь выше и выше, но закончилась, когда до вершины холма Колсос было еще довольно далеко. Терри Воге припарковался на обочине. Над ним стоял лес. В темноте он смутно разглядел какое-то светлое пятно выше по склону. Воге знал, что это скалы, по которым любят карабкаться альпинисты и прочие придурки.

Он коснулся ножен захваченного с собой ножа, посмотрел на фонарик и фотоаппарат «Nikon», лежавшие на пассажирском сиденье. Шли секунды. Шли минуты. Воге посмотрел вниз, на огни в темноте. Где-то там внизу была старшая школа «Русенвильде». Он знал это, потому что в в ней училась Джини, когда Терри сделал ее популярной. Именно он использовал свой авторитет музыкального критика и вывел ее и ту бездарную группу из андеграунда на свет, в

мейнстрим, к деньгам. Ей было восемнадцать, она ходила в эту школу, и пару раз Терри приезжал сюда на машине, потому что хотел увидеть ее в школьной обстановке. Обычный интерес. Что в этом плохого? Он просто побродил по школьному двору, чтобы краем глаза увидеть звезду, которую создал. Даже не сделал ни одного снимка, хотя запросто мог бы. Воге тогда взял с собой длиннофокусный объектив и мог бы сделать замечательные, в высоком разрешении фотографии, на которых Джини была бы совсем не похожа на ее сценический образ опасной соблазнительницы. Фотографии невинной юной девочки. Но его могли неправильно понять, если бы кто-то обратил внимание, как он слоняется по школьному двору, поэтому он приезжал сюда только дважды и потом стал искать общения с ней на концертах.

Он собирался проверить время, когда телефон зазвонил.

— Да?

— Я вижу, ты на месте.

Воге огляделся. На дороге была припаркована только его машина, и в свете дорожных фонарей он увидел бы человека неподалеку. Может, этот парень наблюдает откуда-то из леса? Рука Воге

сжалась на рукоятке ножа.

— Возьми фонарик и фотоаппарат, иди по дороге за шлагбаум и внимательно смотри налево. Примерно через сто метров увидишь на стволе пятно светоотражающей краски. Ясно?

— Ясно, — подтвердил Воге.

— Ты сам поймешь, что достиг нужного места, когда там окажешься. Как только это произойдет, у тебя будет две минуты на фотографирование. Затем ты возвращаешься, садишься в машину и едешь прямо домой. Если не уйдешь по истечении тех ста двадцати секунд — я приду за тобой. Тебе ясно?

— Да.

— Тогда пришло время пожинать плоды, Воге. Поспеши.

Связь прервалась. Терри Воге глубоко вздохнул, и тут его осенило. Он все еще может повернуть ключ в замке зажигания и убраться отсюда ко всем чертям. Он может пойти выпить пива в баре «Stopp Pressen». Рассказать всем, кто согласится слушать, что разговаривал по телефону с серийным убийцей и договорился с ним о встрече, но струсил в последнюю минуту.

Воге услышал собственный лающий смех, схватил фотоаппарат и фонарик и вышел из

машины.

Наверное, это была подветренная сторона холма — как ни странно, здесь ветер дул не так сильно, как внизу или в центре города. В нескольких метрах от дороги Воге заметил лесную тропу. Он прошел мимо шлагбаума, в последний раз оглянулся назад, на освещенную дорогу, затем включил свой фонарик и продолжил путь в темноту. Ветер шумел в верхушках деревьев, гравий хрустел под ботинками, а Воге считал шаги и светил фонариком то на землю, то на стволы деревьев с левой стороны. Он отсчитал сто пять шагов, когда заметил блеснувшее в луче фонарика первое пятно светоотражающей краски. И дальше в чаще леса — второе.

Воге снова прикоснулся к ножнам в кармане куртки, а потом перекинул ремень фотоаппарата через плечо, перепрыгнул через канаву и стал пробираться между деревьями. Это был сосновый бор, и пространство между стволами позволяло передвигаться без особых усилий и видеть довольно далеко перед собой. Краску наносили на уровне глаз на стволы, располагавшиеся через 10–15 метров друг от друга. Склон становился все круче. У одного дерева Воге остановился перевести дыхание и провел пальцем по пятну краски.

Оглядел палец. Краска свежая. Он стоял на ковре хвои среди могучих сосен. С высоты, с верхушек деревьев, доносился шелест, оттеняющий потрескивание и поскрипывание чуть качаемых ветром древесных стволов. Звуки раздавались со всех сторон, словно деревья вели между собой разговор, обсуждая, что делать с ночным гостем.

Воге пошел дальше.

Лес становился все гуще, видимость все хуже, расстояние между пятнами краски уменьшалось, земля стала неровной, а склон круто забирал вверх, и уже не было смысла считать шаги.

Затем — неожиданно — Воге оказался на полянке. Лес расступился. Луч фонарика осветил небольшое пустое пространство, и Воге пришлось внимательно осмотреться в поисках новых мазков краски. На этот раз мазок выглядел не округлым, а Т-образным. Воге подошел ближе. Нет, пометка была в виде креста. Выйдя к центру полянки, Воге поднял фонарь. За нарисованным крестом больше не виднелось светоотражающих пятен. Воге достиг конца пути. Он затаил дыхание и услышал звук, похожий на тот, что получается при стуке двух деревяшек друг о друга. Но ничего не было видно.

И тут, словно желая помочь ему, между плыву-

щими облаками выглянула луна, заливая поляну мягким желтым светом. И он увидел их.

Воге вздрогнул. Первое, что пришло в голову — это старая песня Билли Холидей «Странный фрукт»[116]. Потому что именно так выглядели две человеческие головы, висящие на ветке березы. Ветер трепал длинные волосы на обеих головах, а когда головы ударялись друг о друга, раздавался глухой звук.

Он сразу подумал, что это, должно быть, Бертина Бертильсен и Хелена Рёд. Не то чтобы он узнал застывшие, похожие на маски лица, просто у одной были темные волосы, а у другой светлые.

Его пульс зачастил, когда он вытащил из-за спины фотоаппарат и снова начал считать — на этот раз не шаги, а секунды. Он нажимал на спуск затвора снова и снова, вспышка срабатывала и гасла раз за разом, пока луна опять не скрылась за облаками. На счете «пятьдесят» он подошел ближе, перенастроил фокус и продолжил фотографировать. Скорее взволнованный, чем испуганный, он думал о двух головах не как о

---

[116] Notes: 116

В песне Билли Холидей «Странные фрукты» («Strange Fruit») есть строчки: «На южных деревьях вырастают невиданные плоды, кровь на листьях и кровь у корней, черные тела качаются от южного ветра, невиданные фрукты висят на тополях».

людях, еще недавно живых, а как о доказательстве. Доказательстве невиновности Маркуса Рёда. Доказательстве, что он, Терри Воге, не был мистификатором, а на самом деле разговаривал с убийцей. Доказательстве своего статуса лучшего криминального журналиста Норвегии, заслужившего всеобщее уважение: собственной семьи, Сульстада, Джини и этой ее дерьмовой группы. И самое главное — уважение и восхищение Моны До. После увольнения он старался не думать, как, должно быть, упал в ее глазах. Но теперь она взглянет на него иначе, ведь все любят, когда герои возвращаются. Он не мог дождаться новой встречи с ней. Буквально не мог ждать, ему нужно было убедиться, что они непременно встретятся снова, и он пообещал себе: это произойдет, как только Дагния уедет в Латвию.

Девяносто. Оставалось тридцать секунд.

Тогда я приду за тобой.

Совсем как тролль из народной сказки.

Воге опустил фотоаппарат, достал телефон и стал снимать видео. Навел камеру на себя — это послужит доказательством, что он действительно был здесь и делал снимки.

«Пришло время пожинать плоды», — сказал тот парень. Не потому ли при виде голов на деревьях

ему, Воге, вспомнилась песня Билли Холидей? В песне говорилось о линчевании чернокожих американцев на Юге США, а не… не об этом. Говоря «пожинать», имел ли он в виду, что головы можно забрать с собой? Воге шагнул ближе к березе. Остановился. Да что он — с ума сошел? Это трофеи убийцы. И время истекло. Воге закинул камеру за спину и поднял руки, чтобы показать возможному лесному наблюдателю, что закончил и уходит.

Обратный путь оказался труднее, ведь Терри больше не мог ориентироваться по светоотражающей краске, и хотя он торопился, прошло почти двадцать минут, прежде чем он снова вышел на лесную тропу. Когда он сел в машину и завел двигатель, в голову ему пришла одна мысль.

Он не взял головы, а надо было бы взять хоть что-нибудь! Прядь волос, например. А так все, что у него есть — это фотографии двух голов, и даже он, видевший бесчисленное множество фотографий Бертины Бертильсен и несколько снимков Хелены Рёд, не мог бы с уверенностью сказать, что эти головы принадлежали им. И что это настоящие головы. Черт! Если бы небольшую хитрость, на которую пришлось пойти, когда Трульс Бернтсен его подвел, не разоблачили, все

обязательно поверили бы таким веским фотодоказательствам. Но теперь это могли счесть его очередным фейком, и тогда с Терри Воге точно будет покончено. Должен ли он немедленно позвонить в полицию? Успеют ли они добраться сюда, пока убийца еще не ушел? Он уже ехал по дороге Топпосвейен, когда вспомнил слова этого парня: «Садись в машину и поезжай прямо домой».

Парень беспокоился, не решит ли Воге его дождаться. Но почему? Возможно, из леса ведет вниз только эта дорога.

Воге притормозил и достал смартфон. Следя за дорогой, открыл приложение-навигатор, по которому приехал сюда. Сверившись с картой, пришел к выводу, что если парень был на машине, он мог припарковаться только на двух дорогах. Воге проехал вниз весь Топпосвейен, затем поднялся вверх по второй дороге, которая закончилась там, где начиналась лесная дорога. Ни на одной из дорог не было припаркованных машин. Ладно, возможно, парень шел пешком от главного шоссе. Шел под уличными фонарями по спальному району прямо на глазах у жителей и нес в рюкзаке две головы и банку краски. Может быть. А может, и нет.

Воге еще некоторое время разглядывал карту. Подъемы на вершину холма и к главной дороге на другой стороне холма казались крутыми и труднопроходимыми. Он не видел на карте никаких пешеходных троп. Зато видел стену для скалолазания, к которой подходила тропа у подножия горы. И эта тропа вела на запад, вниз, к жилому району и футбольному полю. Оттуда, минуя торговый центр «Колсос», можно было выехать на главную дорогу, не приближаясь к Топпосвейен.

Воге ненадолго задумался.

Если бы Воге был на месте этого парня и если бы оказался там, в лесу, он знал бы, какой путь выбрать для отступления.

* * *

Харри внезапно проснулся. Он не собирался засыпать, но заснул. Его разбудил какой-то звук? Может, что-то зашумело во дворе под порывом ветра? Или виноват сон, кошмар, из которого он с трудом выбрался? Харри повернулся и в полумраке увидел чей-то затылок: черные волосы разметались по белой подушке. Ракель. Она пошевелилась. Может, тот звук разбудил и ее, а может, она, как всегда, почувствовала его

пробуждение.

— Харри, — сонно пробормотала она.

— А?

Она повернулась к нему.

Он погладил ее по волосам.

Она потянулась к светильнику возле кровати.

— Не надо, — прошептал он.

— Хорошо. Давай я…

— Тише. Просто… помолчи немного. Всего несколько секунд.

Они молча лежали в темноте. Он провел рукой по ее шее, плечам, волосам.

— Ты представляешь, что я Ракель, — сказала она.

Он не ответил.

— Знаешь что? — добавила она, поглаживая его по щеке. — Все в порядке.

Он улыбнулся. Поцеловал ее в лоб.

— Спасибо тебе. Спасибо, Александра. Но с этим покончено. Хочешь сигарету?

Она потянулась к прикроватному столику. Обычно она курила сигареты другой марки, но сегодня купила пачку «Кэмела» — Харри курил именно их, а у нее не было особых предпочтений. На столике что-то засветилось. Она передала Харри телефон; Харри посмотрел на дисплей.

— Извини. Мне нужно ответить.

Она устало улыбнулась и щелкнула зажигалкой, выпустив язычок пламени.

— А у тебя не бывает звонков, на которые не нужно отвечать, Харри. Попробуй сделать так, чтобы они появились. Это довольно приятно.

— Крон?

— Э-э… добрый вечер, Харри. Это насчет Рёда.

— Так и думал.

— Он хочет изменить показания.

— Вот как?

— Теперь он утверждает, что тайно встречался с Сюсанной Андерсен в день убийства в другой своей квартире, находящейся на улице Томаса Хефти. Они занимались сексом, и он целовал ее грудь. Он не сообщил об этом раньше, боясь, что это свяжет его с убийством, кроме того хотел скрыть это от жены. Он заявил, что осознавал ложность своих показаний и опасность разоблачения, но беспокоился, что если изменит показания, это вызовет еще больше подозрений. К тому же у него нет ни свидетелей, ни доказательств, что Сюсанна приходила к нему. Вот он и твердил как идиот, будто не встречался с ней, ожидая, когда ты или полиция найдете настоящего преступника или улики, которые помогут

ему вернуть доброе имя. Так он говорит.

— Угу… Может, на него повлияло пребывание в кутузке?

— Если интересно мое мнение — на него повлиял ты. Его пробудили твои пальцы на его горле. Он понимает, что существует такая вещь, как наказание. И понимает, что в расследовании нет никаких подвижек, а он не выдержит четырех недель содержания под стражей.

— Имеешь в виду — четырех недель без кокаина?

Крон не ответил.

— Что он говорит о «Вилле Данте»?

— До сих пор все отрицает.

— Ладно, — резюмировал Харри. — Полиция его не отпустит. У него нет свидетелей, и он правильно понимает, что, меняя версию, становится похож на червя, извивающегося на крючке.

— Согласен, — подтвердил Крон. — Я просто хотел, чтобы ты был в курсе.

— Ты ему веришь?

— Это так важно?

— Я тоже нет. Но пока он неплохо врет. Спасибо за информацию.

Они разъединились. Харри лежал с телефоном в руке, уставившись в темноту и пытаясь сло-

жить части пазла в единую картину. Потому что они складываются, всегда складывались. Значит, проблема в нем, а не в пазле.

— Что ты делаешь? — спросила Александра, затягиваясь сигаретой.

— Пытаюсь разглядеть, но вокруг чертовски темно.

— Ты ничего не видишь?

— Что-то виднеется, но кажется, это не то.

— С темнотой есть одна уловка: смотреть надо не на сам предмет, а немного в сторону. Так будет легче его разглядеть.

— Да, как раз это я и делаю. Но, кажется, нужный предмет именно там.

— Немного в стороне?

— Да. По-моему, человек, которого мы ищем, находится в поле нашего зрения. Будто мы смотрим на него, но не понимаем, что его-то и пытаемся разглядеть.

— Как ты это объяснишь?

— Это, — вздохнул он, — нечто такое, чего я не понимаю и не буду пытаться объяснить.

— Есть вещи, которые мы просто знаем?

— В этом нет никакой тайны, просто некоторые факты наш мозг выясняет, складывая доступную информацию в единую картину, но не освещает

подробности процесса, а просто предъявляет результат.

— Да, — тихо сказала она, снова затянувшись сигаретой и передавая ее Харри. — Например, я знаю, что Бьёрн Хольм убил Ракель.

Сигарета выпала из рук Харри на одеяло. Он подхватил ее и снова поднес к губам.

— Просто знаешь? — спросил он, затягиваясь.

— Да. И нет. Всё как ты сказал. Информация, которую мозг накапливает неосознанно или даже когда ты этого не хочешь. И вот появляется ответ без логического обоснования, и приходится прокручивать расчеты в обратном порядке, чтобы увидеть, что́ обрабатывал мозг, пока ты думал о другом.

— И что́ обрабатывал твой мозг?

— Когда Бьёрн обнаружил, что ты отец ребенка, которого он считал своим, ему нужно было отомстить. Он убил Ракель и оставил улики, указывающие на тебя. Ты сказал мне, что Ракель убил ты. Потому что чувствуешь, что в этом была твоя вина.

— В этом была моя вина. Была и есть.

— Бьёрн Хольм хотел, чтобы ты почувствовал ту же боль, что и он, верно? Чтобы ты потерял человека, которого любишь больше всего на

свете. И обвинял *себя* в потере. Иногда я думаю, как же вам обоим, наверное, было одиноко! Два друга. У которых нет друзей. Разделенные… происходящим. И в итоге оба остались без любимых женщин.

— Мм.

— Это было очень больно?

— Это было больно. — Харри отчаянно затянулся сигаретой. — Я собирался поступить так же, как он.

— Лишить себя жизни?

— Я предпочел бы называть это «закончить свою жизнь». Ее оставалось не так уж много.

Александра забрала у него сигарету, докуренную почти до фильтра, затушила в пепельнице и прижалась к нему.

— Я могу еще немного побыть Ракелью, если хочешь.

* * *

Терри Воге пытался не замечать раздражающий шум, с которым ветер ударял фалом о флагшток. Терри припарковался на автостоянке перед скромным торговым центром «Колсос». Магазины уже закрылись, поэтому машин на стоянке было немного, но достаточно, чтобы

автомобиль Воге не бросался в глаза водителям, едущим из жилого района. Воге просидел на стоянке полчаса и насчитал всего лишь сорок проехавших машин. Когда те въезжали в круг света от уличного фонаря в сорока-пятидесяти метрах от Воге, репортер фотографировал каждую, не используя вспышку. Снимки получались достаточно четкими, чтобы разобрать номера.

Но вот уже десять минут, как мимо Воге не проехало ни одной машины Было поздно, и люди, вероятно, предпочитали в такую погоду сидеть по домам. Воге прислушался к биению фала и решил, что ждал достаточно долго. Кроме того, надо было опубликовать фотографии.

Оставалось немного времени на обдумывание, как лучше это сделать. Публикация, конечно, вернула бы блог к жизни. Но если Терри хочет не просто перезапустить блог, а подняться с колен, ему понадобится помощь более крупного издания.

Он улыбнулся при мысли о том, как Сульстад поперхнется своим утренним кофе.

Потом он повернул ключ в замке зажигания, открыл отделение для перчаток и вытащил старый, поцарапанный компакт-диск, который не слушал уже лет сто. Вставил его в старую маг-

нитолу. Сделал приятный тихий голос Джини погромче и нажал на акселератор.

* * *

Мона До не верила своим ушам. Не верила ни самой истории, ни рассказчику. Но она не могла не верить собственным глазам. Вот почему сейчас она пересматривала мнение об истории Терри Воге. Когда он позвонил, она приняла звонок почти случайно, чтобы избавить себя от очередного пафосного монолога Изабель Мэй в сериале «1883»[117]. Нажала «Ответить», оставила Андерса на диване и ушла в спальню. Раздражение, вызванное мудрствованием Мэй, вовсе не уменьшалось от подозрений, что Андерс влюблен в актрису.

Но сейчас Мона забыла об этом.

Она уставилась на фотографии, которые Воге прислал, чтобы подкрепить свою историю и свое предложение. Он снимал со вспышкой, в результате снимки, несмотря на темноту и ветер, раскачивающий головы, получились очень четкими.

---

[117] Notes: 117

Изабель Мэй — рассказчица и героиня американского сериал-вестерна «1883», приквела сериалов «Йеллоустон» и «1923».

— Еще я отправил видео, чтобы ты убедилась, что я там был, — сказал Воге.

Она открыла видеофайл, и у нее не осталось никаких сомнений. Даже Терри Воге был не настолько двинутым, чтобы сфабриковать такую дикую фальшивку.

— Ты должен позвонить в полицию, — заявила она.

— Я позвонил, — ответил Воге. — Они уже в пути, найдут дорогу по светоотражающим знакам — сомневаюсь, что у него было время их убрать. Насколько я знаю, он оставил головы на месте. Что бы полицейские ни нашли, они предадут это огласке, а значит, у тебя и твоей газеты не так много времени на принятие решения. Ну что, будешь публиковать?

— А цена?

— Я обсужу это с твоим редактором. Как я уже сказал, вам разрешается использовать только ту фотографию, что немного не в фокусе — я ее отметил. И в первом предложении после лида[118] приведете ссылку на мой блог.

— В этом предложении также должно четко прозвучать, что в блоге опубликованы другие

---

[118] Notes: 118

Лид — первый абзац статьи, в котором коротко формулируется проблема публикации и раскрывается суть заголовка.

фотографии и видео. Нормальная формулировка? Да, и еще кое-что. Авторство материала твое и только твое, Мона. Я буду ни при чем.

Она снова посмотрела на фотографии и содрогнулась. Не из-за увиденного, а из-за тона, которым Воге произнес ее имя. Часть ее сознания хотела выкрикнуть «нет» и прекратить разговор. Но эта часть не была журналистом. Она *ничего* не могла поделать. И, в конце концов, слава богу, решение должна была принимать не она. Это входило в сферу ответственности редактора.

— Хорошо.

— Отлично. Попроси редактора позвонить мне через пять минут, договорились?

Мона завершила разговор и набрала номер Юлии. Ожидая, пока редактор ответит на звонок, она чувствовала, как колотится сердце. И слышала семь слов, эхом отдающихся в голове: «Авторство материала твое и только твое, Мона».

ГЛАВА 38
Четверг

Александра миллиметр за миллиметром рассматривала голову Хелены Рёд в лупу. Она занималась этим с самого утра, а уже близился обед.

— Можешь подойти на секунду, Алекс?

Александра оторвалась от поиска улик и подошла к дальнему концу стола, где Хельге работал с головой Бертины Бертильсен. Никому, кроме Хельге, Александра не позволяла сокращать свое имя до мужского варианта — возможно, потому, что в его устах оно звучало естественно, почти ласково, будто он окликал сестру.

— Что такое?

— Вот, — указал Хельге, опустив тронутую разложением нижнюю губу Бертины и держа увеличительное стекло перед ее зубами. — Вон там. Похоже на кожу.

Александра наклонилась пониже. Невооруженным глазом предмет практически невозможно было заметить, но под лупой он был четко виден. Белая сухая чешуйка, застрявшая между зубами.

— Господи, Хельге, — произнесла Александра. —

Это и в самом деле кожа.

* * *

Было без одной минуты двенадцать. Катрина оглядела публику в конференц-зале главного полицейского управления и убедилась что пресса во всеоружии, как и в прошлый раз. Она увидела Терри Воге рядом с Моной До. Неудивительно, учитывая, какой подарок он преподнес «ВГ». И все же ей показалось, что До немного не в своей тарелке. Катрина бросила взгляд на задние ряды и заметила мужчину, которого не видела раньше. Она подумала, что это, наверное, представитель церковного журнала или христианской газеты, поскольку на нем был белый воротничок священнослужителя. Мужчина сидел очень прямо и смотрел на нее в упор, будто взволнованный внимательный школьник. Легкая улыбка, не сходившая с его губ, и немигающие глаза напомнили Катрине куклу чревовещателя. В самом конце зала она увидела Харри — тот, скрестив руки на груди, прислонился к стене. Пресс-конференция началась.

Кедзиерски рассказал, что́ произошло: полиция, действуя на основании информации, полученной от журналиста Терри Воге, прибы-

ла на вершину холма Колсос, где обнаружила головы Бертины Бертильсен и Хелены Рёд. Воге дал показания, и в настоящее время полиция не намерена предъявлять ему какие-либо обвинения за его поступок. Хотя нельзя исключить, что убийства совершены по сговору двух или более людей, но при нынешнем положении дела Маркус Рёд будет освобожден.

После этого, словно эхо прошлой ночи, налетел шквал вопросов. Будиль Меллинг присутствовала, чтобы отвечать на вопросы общего характера. И — как она предупредила Катрину — на вопросы о Харри Холе.

— Думаю, было бы лучше всего, если бы ты вообще не упоминала Холе в ответах, — напутствовала главный суперинтендант. Также Катрине не следовало касаться нового алиби Рёда — пребывания в гей-клубе во время совершения двух убийств, — поскольку эта информация получена весьма сомнительным путем.

Сначала пошли вопросы о страшной находке, и Катрина отвечала стандартными фразами, мол, не может ни ответить на них, ни комментировать.

— Означает ли это, что вы не нашли никаких улик на месте преступления?

— Я уже ответила на это: без комментариев, — сказала Катрина. — Но, думаю, мы можем уверенно сказать, что место преступления — не Колсос.

Некоторые опытные репортеры усмехнулись.

После нескольких вопросов технического плана начались первые сложности.

— Не стыдно ли полиции освобождать Маркуса Рёда через четыре дня после заключения под стражу?

Катрина взглянула на Будиль Меллинг. Та кивком обозначила, что сама даст ответ.

— Как и любое другое дело, эти убийства полиция расследует с помощью доступных инструментов, — начала Меллинг. — Один из таких инструментов — задержание лиц, на которых падает подозрение ввиду обнаруженных улик или выявленных обстоятельств, с целью минимизации риска побега или фальсификации доказательств. Задержание не говорит об уверенности полиции в виновности подозреваемого и не говорит о нашей ошибке, если дальнейшее расследование приводит к устранению необходимости содержания подозреваемого под стражей. Учитывая, какой информацией мы располагали в воскресенье, мы сделали бы то же самое еще

раз. Так что нет, не стыдно.

— Однако новая информация получена не благодаря работе полицейских, а от Терри Воге?

— Использование горячих линий для звонков граждан также является инструментом расследования. Часть нашей работы заключается в тщательном анализе полученной информации, и тот факт, что мы серьезно отнеслись к звонку Воге, является примером верного суждения с нашей стороны.

— Вы хотите сказать — было сложно оценить, стоит ли принимать Воге всерьез?

— Без комментариев, — коротко ответила Меллинг, но Катрина увидела чуть заметную улыбку.

Теперь вопросы сыпались со всех сторон. Меллинг отвечала спокойно и уверенно. Катрина задалась вопросом, не ошиблась ли она, считая эту женщину всего лишь посредственной карьеристкой.

У Катрины появилось время на то, чтобы посмотреть в зал, и она увидела, как Харри достал телефон, посмотрел на экран и вышел.

Когда Меллинг закончила отвечать на очередной вопрос и Кедзиерски разрешил следующему журналисту обратиться к людям на трибуне,

Катрина почувствовала вибрацию телефона в кармане куртки. Следующий вопрос тоже адресовался Меллинг. Катрина увидела, как Харри вернулся в зал. Они встретились глазами, и он указал на свой телефон. Она поняла и под прикрытием стола вынула свой мобильный из кармана. Записка от Харри сообщала:

Судмедэксперты обнаружили ДНК, совпадение 80 %.

Катрина перечитала еще раз. Восемьдесят процентов не означали, что профиль ДНК совпадает с каким-то образцом на восемьдесят процентов — тогда в массив совпадений попало бы все человечество и еще животные вплоть до улиток. Восемьдесят процентов совпадения в данном контексте означали вероятность, что они нашли определенного — того самого — человека. Катрина почувствовала, как сердце забилось чаще. Журналист предположил верно — они не обнаружили никаких улик на вершине Колсоса, так что открытие, сделанное судмедэкспертами, прямотаки фантастика. Восемьдесят процентов — это, конечно, не сто, но это… восемьдесят. А учитывая, что сейчас только полдень и у специалистов не было времени получить полный профиль ДНК, в

течение дня процент совпадения мог увеличиться. А уменьшиться мог? Честно говоря, Катрина не до конца поняла то, что Александра когда-то объясняла ей о тонкостях анализа ДНК. Неважно; ей хотелось вскочить и выбежать отсюда, а не сидеть, подкармливая стервятников. Не сейчас, когда у них наконец появилась зацепка, появилось имя! Кто-то из их базы данных — наверное, ранее судимый или, по крайней мере, когда-то арестованный. Кто-то…

Ее остановила другая мысль.

Не Рёд! Боже, хоть бы это не был снова Рёд, она больше не вынесет этой свистопляски. Катрина закрыла глаза и поняла, что вокруг стоит тишина.

— Братт? — раздался голос Кедзиерски.

Катрина открыла глаза, извинилась и попросила журналиста повторить вопрос.

* * *

— Пресс-конференция окончена, — сказал Юхан Крон. — Вот что пишет «ВГ».

Он протянул телефон Маркусу Рёду.

Они сидели на заднем сиденье внедорожника, едущего из следственного изолятора в квартиру в Ослобукте. Им разрешили выехать через подзем-

ный тоннель в полицейском управлении, чтобы на выходе их не окружила толпа журналистов. Крон нанял машину и людей из охранной компании «Guardian», в которую Рёд обращался и раньше. Сделать так посоветовал Харри Холе, который аргументировал свой совет четко и ясно. В определенный момент в комнате с несколькими дорожками зеленого кокаина находились шесть человек. *В настоящее время* трое из шестерых убиты кем-то очень похожим на безумного серийного убийцу. Вероятность того, что теперь на очереди кто-то из оставшихся троих, весьма высока. Здравый смысл диктует спрятаться в защищенной от взлома квартире под опекой телохранителей. После некоторых размышлений Рёд согласился. Крон подозревал, что двое занявших передние сиденья мужчин с бычьими шеями, в выборе костюмов, солнцезащитных очков и режима тренировок вдохновлялись «Secret Service». Он не был уверен, чем именно так и распирает черные костюмы из масс-маркета — мышцами или бронежилетами, но верил, что Рёд в надежных руках.

— Ха! — воскликнул Рёд. — Послушай…

Конечно, Крон уже прочитал колонку До, но не возражал ознакомиться с ней еще раз.

Меллинг утверждает, что освобождение Маркуса Рёда не является постыдным, и она права. Стыдно, что его вообще взяли под стражу. Подразделение Меллинг попало в ту же ловушку, что отдел по борьбе с мошенничеством, несколько лет назад запятнавший свою репутацию в отчаянной охоте за высокопоставленными бизнесменами и промышленными магнатами, чтобы получить лишнее пёрышко на шляпу. Нравится вам Маркус Рёд или нет, даже если вы поклялись свято блюсти равенство перед законом, все же в преследовании царя Соломона ничуть не больше справедливости, чем в преследовании Йоргена Хаттемакера[119]*. Время, потраченное полицией на охоту за крупным зверем, лучше было уделить поискам того, на кого указывают обстоятельства дела: психически ненормального серийного убийцы.*

Тут Рёд обратился к адвокату:

---

[119] Notes: 119

Мона До использует отсылку к песне Альфа Прёйсена «Йорген Хаттемакер», в которой сопоставляется жизнь обычного человека по имени Йорген Хаттемакер — Йорген Шляпник — и ветхозаветного царя Соломона.

— Думаешь, слова о звере — это намек на…

— Нет, — улыбнулся Юхан Крон. — Что ты теперь собираешься делать?

— Хороший вопрос: что я собираюсь делать? — отозвался Рёд, возвращая Крону телефон. — Что обычно делают освобожденные из тюрьмы? Устраивают вечеринку, конечно.

— Я бы советовал воздержаться от этого, — произнес Крон. — На тебя сейчас смотрит вся страна, а Хелена… — Он замолчал.

— Имеешь в виду, что ее тело еще не остыло?

— Что-то вроде того. И еще я хочу свести твои контакты с людьми к минимуму.

— В смысле?

— Ты будешь находиться в квартире только с двумя твоими новыми друзьями. По крайней мере пока. Работать можешь из дома.

— Хорошо, — согласился Рёд, — но мне нужно кое-что… для поднятия настроения. Если понимаешь, о чем я.

— Кажется, понимаю, — вздохнул Крон. — Но разве это не может подождать?

Рёд засмеялся и положил руку на плечо Крона.

— Бедный старина Юхан. У тебя не так много пороков, но, похоже, тебе не случалось хорошенько повеселиться. Я обещаю не рисковать.

Я действительно хочу сохранить эту красивую, уникальную… — Он обвел пальцем свою голову.

— Хорошо, — ответил Юхан, глядя в окно на здания района «Штрихкод», строгие и одновременно элегантные, придавшие Осло по-настоящему современный вид. Он отбросил мысль, всего на секунду посетившую его. Что он недолго горевал бы, если бы Маркуса Рёда обезглавили.

* * *

— Закройте за собой дверь, пожалуйста, — попросила Будиль Меллинг, выходя из-за стола.

Катрина закрыла дверь за ними с Харри и села за стол, где уже сидел Сон Мин.

— Что мы имеем? — спросила Меллинг, занявшая место во главе стола.

Она смотрела на Катрину, но та кивнула в сторону Харри, который еще устраивался в офисном кресле.

— Ну, — ответил Харри и помолчал, пока не принял свое излюбленное полулежачее положение. Катрина отметила нетерпение на лице главного суперинтенданта. — Мне позвонили из Института судебно-медицинской…

— Почему тебе? Если у них появилась информация, следовало сообщить детективу, ведущему

расследование.

— Может, и так, — согласился Харри. — В любом случае, они сказали…

— Нет, сначала я хочу все прояснить. Почему они не связались с детективом?

Харри поморщился, подавил зевок и посмотрел в окно, будто для него это было несущественно.

— Возможно, с формальной точки зрения они неправы, — объяснила Катрина. — Но они связались с человеком, который, в сущности, тоже вел это дело, был на передовой. Может, продолжим?

Взгляды двух женщин встретились.

Катрина осознавала, что ее слова — и ее тон — могут быть восприняты как провокация. Возможно, провокацией они и были. И что? Сейчас не время для офисных интриг и споров, у кого струя бьет дальше. Возможно, Меллинг тоже понимала это. Так или иначе, она коротко кивнула Катрине.

— Окей, Братт. Продолжай, Холе.

Харри кивнул окну, будто безмолвно общался с кем-то снаружи, и снова повернулся к остальным.

— Мм. Патологоанатомы обнаружили между зубами Бертины Бертильсен фрагмент кожи. По словам судмедэкспертов, фрагмент засел не

слишком прочно и выскочил бы, прополощи она рот или почисти зубы. Так что разумно предположить, что этот кусочек оказался там незадолго до смерти — например, когда она укусила своего убийцу. В базе данных есть профиль ДНК с высоким процентом совпадения.

— Преступник?

— Не осужденный, но да.

— Вероятность большая?

— Достаточная для ареста, — ответил Харри.

— Это ты так считаешь. Мы не можем позволить себе еще один арест, когда пресса…

— Он тот, кто нам нужен. — Харри говорил тихо, но его слова, казалось, эхом отозвались в комнате.

Меллинг перевела взгляд на Катрину. Та согласно кивнула. Меллинг обратилась к Сон Мину:

— А ты что скажешь, Ларсен?

— Последняя информация от патологоанатомов дает вероятность девяносто два процента, — сообщил Сон Мин. — Это он.

— Хорошо, — заключила Меллинг и хлопнула в ладоши. — За дело.

Они встали.

На выходе Меллинг задержала Катрину.

— Тебе нравится этот офис, Братт?

Катрина неуверенно посмотрела на нее.

— Ну да, выглядит неплохо.

Меллинг провела по спинке одного из стульев для посетителей.

— Я спрашиваю только потому, что хоть еще не получила зеленый свет, но, возможно, скоро перееду в другой. А значит, этот освободится.

Меллинг улыбнулась с теплотой, какую Катрина не могла в ней заподозрить.

— Не смею больше задерживать, Братт.

ГЛАВА 39
Четверг
Декоративная капуста

Харри пришел на кладбище. Флорист из магазина на улице Грёнландслейрет предложил посадить на могиле декоративную капусту. Не только потому, что она выглядела, как красивый цветок, но и из-за того, что с наступлением осенних холодов ее окраска становилась еще изумительнее.

Харри подобрал ветку, лежавшую на надгробии. Должно быть, она упала прошлой ночью во время грозы. Положил ее у ствола дерева. Вернулся, присел на корточки и руками вкопал в землю горшок с цветком-капустой.

— Мы его нашли, — сказал Харри. — Я подумал — тебе будет интересно. Надеюсь, ты следишь за нашими делами.

Он посмотрел на ясное голубое небо.

— Я был прав, что это человек с периферии расследования, тот, кого мы видели, но не замечали. А насчет всего остального ошибался. Ты же знаешь — я всегда ищу мотив и верю, что именно он

указывает нам верное направление. И, конечно, мотив есть всегда. Просто он не всегда сияет яркой путеводной звездой, понимаешь? Во всяком случае, не когда он скрыт за тьмой безумия, как здесь. В таких случаях я перестаю задавать вопрос «почему» и концентрируюсь на вопросе «как». Об этих извращенных «почему» гораздо лучше позаботятся потом Столе и его люди. — Харри откашлялся. — Хватит ходить вокруг да около, пора перейти к вопросу «как». Ну, ладно…

* * *

Было три часа дня, когда Эйстейн Эйкеланн вошел на площадь Йернбанеторгет, где полторы недели назад встретился с Харри. Казалось, с тех пор минула целая вечность. Проходя мимо статуи тигра, он увидел Эла. Тот согнулся пополам и опирался одной рукой о стену старого здания Центрального вокзала.

— Как дела, Эл? — спросил Эйстейн.

— Да вот какую-то жуткую фигню употребил, — ответил Эл, и его стошнило. После этого он смог разогнуться и вытер рот рукавом парки. — В остальном нормально. А ты? Давно не виделись…

— Да, были кое-какие другие дела, — сказал

Эйстейн, глядя на лужу рвоты. — Помнишь, я спрашивал тебя о вечеринке у Маркуса Рёда? Говорил — мне интересно, что за чувак продавал там кокаин.

— Он раздавал бесплатно, но да, помню, а что с ним?

— Наверное, надо было тогда упомянуть, что я спрашиваю потому, что работаю на частного детектива.

— О? — Голубые глаза Эла уставились на Эйстейна. — Ты про того полицейского, что был здесь? Харри Холе?

— Ты знаешь, кто он?

— Я читаю газеты!

— Правда? Никогда бы не подумал.

— Ну, нечасто, но после того, как ты мне рассказал о тех двух девушках с вечеринки, я стал следить за этим делом.

— Да ты что? — Эйстейн огляделся вокруг. Площадь выглядела так же, как всегда. Такие же люди. Туристы, похожие на туристов, студенты, похожие на студентов, покупатели, похожие на покупателей. Он должен сейчас же остановиться. Точнее — сейчас же уйти. Почему он всегда перебарщивает, почему никак не может соблюдать завет об умеренности? Все, что он должен

был сделать — выделить Эла в толпе и немного отвлечь. Но нет, он все же…

— А может, ты не только следил за этим делом, а, Эл?

 Что? — Глаза Эла еще расширились. Теперь белки были видны вокруг всей радужки.

* * *

— Он познакомился с девушками на вечеринке, а может, и раньше продавал им кокаин, — сказал Харри надгробию. — Полагаю, они ему нравились. Или он их ненавидел — как знать. Возможно, и он нравился этим трем девушкам, он симпатичный парень, с особым обаянием. Эйстейн это называет харизмой одиночества. Так что да, пожалуй, этим он их и взял. Или заманил кокаином. Его не было дома сегодня утром, когда пришли обыскивать его квартиру — по словам Эйстейна, в будни он обычно работает на Йернбанеторгет. Судя по всему, одинокий, однако кровать была аккуратно заправлена. У него нашли много интересного. Ножи разных видов. Жесткое порно. Автомобиль, в котором сейчас, пока мы разговариваем, эксперты ищут следы. Плакат с изображением Чарльза Мэнсона над кроватью. И золотой нюхательный патрон с инициалами «Б.Б.»; думаю, какой-ни-

будь знакомый Бертины Бертильсен подтвердит, что эта вещица принадлежала ей. В патроне был зеленый кокаин. Как тебе это? Но слушай дальше. Нашли целых восемь килограммов белого кокаина под топчаном, который довольно чистый. Я имею в виду кокаин. Немного разбавить — и уличная стоимость такого запаса выйдет более десяти миллионов крон. У него нет судимостей, но дважды его арестовывали. Один из арестов — по делу о групповом изнасиловании. Он оказался ни при чем, но так его ДНК попала в базу данных. У нас еще не было времени покопаться в его прошлом, в детских годах, но зуб даю, что оно было дерьмовым. Вот так. — Харри проверил время. — Думаю, как раз сейчас производят арест. Он известен своей бдительностью, доходящей до паранойи, и коль скоро у него коллекция ножей, а у вокзала толпы народа — значит, его надо отвлечь, и для этого используют Эйстейна. Как по мне, привлекать дилетантов — плохая идея, но, похоже, это был приказ сверху.

* * *

— О чем ты, черт возьми? — удивился Эл.

— Да так, — ответил Эйстейн, не отводя взгляда от рук Эла, спрятанных глубоко в карманы парки.

Ему пришло в голову, что теперь он, возможно, в опасности. Так какого он стоит здесь и затягивает разговор? Он смотрел на руки Эла. Что у него в карманах? И тут Эйстейн понял, что́ ему так нравится в создавшейся ситуации: наконец он оказался в центре внимания. Наверняка в этот самый момент все каналы связи раскудахтались: «Чего он до сих пор там торчит?» — «Он что — вообще без нервов?» — «Твою мать, ну, крутоооой!»

Эйстейн увидел, как на парке Эла на уровне груди заплясали две красные точки.

Его звездный час подошел к концу.

— Хорошего дня, Эл.

Эйстейн повернулся и пошел к автобусной остановке.

Прямо перед ним проехал красный городской автобус, и в мелькающих оконных отражениях он увидел, как по площади одновременно начали двигаться три человека. Каждый держал одну руку под одеждой.

Он услышал крики Эла и успел заметить, как того повалили на землю. Двое направили пистолеты Элу в спину, третий застегнул наручники на его запястьях. Затем автобус проехал, и Эйстейн посмотрел на улицу Карла Юхана, ведущую ко дворцу, на людей, движущихся к нему и от него, и

на секунду задумался обо всех людях, которых он встретил и покинул на своем жизненном пути.

* * *

Харри поднялся на затекшие ноги и посмотрел на розоватый цветок, который был на самом деле капустой. Поднял взгляд на имя на надгробии — Бьёрн Хольм.

— Итак, теперь ты знаешь, Бьёрн. А я знаю, где ты лежишь. Возможно, я еще когда-нибудь вернусь. Кстати, в баре «Ревность» по тебе тоже скучают.

Харри повернулся и пошел к воротам, через которые входил.

Достал телефон и снова набрал номер Люсиль.

Ответа снова не было.

* * *

Микаэль Бельман стоял у окна, когда Вивиан вручила ему краткий отчет об успешном аресте на площади Йернбанеторгет.

— Спасибо, — сказал он. Как обычно, он был в курсе важнейших событий. — На самом деле мне стоит сделать заявление. Пресс-релиз, восхваляющий неустанную работу полиции, ее верность

профессиональной этике и высокую компетентность в расследовании сложных дел. Не могла бы ты набросать черновик?

— Конечно, — ответила она, и Микаэль услышал в ее голосе энтузиазм. Впервые ей доверили написать что-то с нуля. Однако он услышал еще и колебание.

— Что такое, Вивиан?

— Тебя и не беспокоит, что это может выглядеть как предвзятость?

— Нет.

— Нет?

Бельман повернулся к ней. Она была такой красивой. Такой сообразительной. Но такой молодой. Может, ему стали нравиться девушки постарше? Умные, а не просто сообразительные?

— Сформулируй это как дань уважения полицейским всей страны, — разъяснил он. — Отдельные дела министр юстиции не комментирует. Если кто-то захочет связать пресс-релиз и раскрытие конкретного дела — пусть связывает.

— Но так как именно это дело сейчас у всех на устах, эту связь ведь увидит большинство?

— Я надеюсь на это, — улыбнулся Бельман.

— А это не будет воспринято как… — Она неуверенно посмотрела на него.

— Знаешь, почему премьер-министры отправляют поздравительные телеграммы, когда кто-нибудь получает золотую медаль на зимних Олимпийских играх? Потому что эти телеграммы попадают в газеты и премьер-министр получает возможность погреться в отраженных лучах славы и напомнить людям, ктó создал условия для того, чтобы такая маленькая страна смогла взять столько золотых медалей. Наш пресс-релиз будет корректным, но в то же время покажет, что я на одной волне с народом. Мы посадили за решетку серийного убийцу, торговавшего наркотиками, и это даже лучше богача. Мы взяли золотую медаль. Понимаешь?

Она кивнула.

— Думаю, да.

ГЛАВА 40
Четверг
Отсутствие страха

Терри Воге поднял стул на уровень бедер — выше не получилось — и швырнул в стену.

— Черт, черт, черт!

Найти владельцев автомобилей, проехавших мимо торгового центра «Колсос», было несложно. Всего-то зайти на специальный сайт, ввести номерной знак, заплатить определенную сумму — и получить имя и адрес. Это обошлось Терри в две с лишним тысячи крон и заняло пару часов, но наконец он собрал полный список из пятидесяти двух имен и приготовился обзванивать найденных людей. Но вдруг он читает на сайте «ВГ», что парня нашли и арестовали на площади Йернбанеторгет!

Стул даже не опрокинулся, просто прикатился обратно по немного наклонному полу, словно предлагая сесть и спокойно оценить ситуацию.

Воге обхватил голову руками и постарался последовать совету стула.

У него был план по созданию сенсации всех

времен, которая превзойдет даже фотографии голов, сделанные им на Колсосе. Он собирался найти убийцу самостоятельно и — самое гениальное — потребовать эксклюзивное подробное интервью об убийствах и совершившем их человеке в обмен на полную защиту источника информации. Воге намеревался объяснить, что конфиденциальность источника будет обеспечена с помощью обнародования материалов, это защитит их обоих от преследования полиции и прочих властей. Однако он забудет упомянуть, что защита источника информации — как и конфиденциальность информации, и обязательства по сохранению тайны, актуальные для некоторых профессий — простирается лишь до определенных пределов и случаи угрозы жизни, разумеется, в эти пределы не входят. Поэтому, как только интервью будет опубликовано, Воге сообщит полиции, где найти убийцу. Он журналист, и никто не сможет поставить ему в вину выполнение его работы — особенно когда убийцу нашел именно он, Терри Воге!

Но кто-то опередил его.

Черт!

Он просмотрел сайты других газет. Ни фотографий парня, ни его имени. Обычное дело, когда

арестованный не крупная шишка вроде Маркуса Рёда. Это проклятое скандинавское потворство, защита всяких придурков, от которой так и хочется эмигрировать в США или куда-нибудь еще, где журналистам предоставляется хоть какая-то свобода действий. Впрочем, даже если бы он и узнал имя — что с того? Всё, что ему осталось бы в этом случае — пялиться на это имя в своем списке и ругать себя за то, что не успел позвонить раньше. Воге тяжело вздохнул. Настроение испорчено на все выходные. И выместит он его на Дагнии. Ничего, она потерпит — ведь он, в конце концов, оплатил половину ее авиабилета.

* * *

В шесть часов все члены группы Эуне собрались в палате 618. Эйстейн принес бутылку шампанского и пластиковые стаканчики.

— Дали в полицейском управлении, — пояснил он. — Типа в знак благодарности. Думаю, они и сами приговорили несколько бутылок. Никогда не видел столько весёлых полицейских.

Эйстейн извлек пробку и наполнил стаканчики. Трульс раздал их всем, в том числе улыбающемуся Джибрану Сетхи. Они подняли стаканчики

— Может, нам не прекращать эти встречи? —

предложил Эйстейн. — Не обязательно же раскрывать преступления. Мы можем обсуждать… например, кто самый недооцененный барабанщик в мире. Кстати, правильный ответ — Ринго Старр. Самый переоцененный — Кит Мун из «The Who», а лучший, конечно, Джон Бонэм из «Led Zeppelin».

— Кажется, эти встречи получились бы довольно короткими, — сказал Трульс. Все засмеялись, в том числе сам Трульс — в основном из-за осознания, что и правда сказал нечто забавное.

— Так-так, — сказал с кровати Эуне, когда смех утих. — Думаю, пора подвести итоги.

— Ага, — поддержал его Эйстейн, откинувшись на спинку стула.

Трульс просто кивнул.

Все трое выжидающе посмотрели на Харри.

— Хм, — откликнулся он, крутя в руках еще непочатый стаканчик. — Пока мы не знаем всех подробностей, так что некоторые вопросы остаются. Но давайте соединим те точки, которые видим, и оценим, получится ли осмысленная картинка. Окей?

— Давай-давай, — поторопил Эйстейн и подбадривающе пошлепал подошвой по полу.

— У нас есть убийца с неизвестным или непо-

нятным мотивом, — начал Харри. — Надеюсь, допрос поможет нам с этим разобраться. Даже если нет — мне кажется очевидным, что все началось на вечеринке у Рёда. Как вы помните, я думал, что надо найти торговца кокаином, но, должен признать, сосредоточился не на том торговце. В конце концов, парня в маске, солнечных очках и бейсболке легко считать злодеем. Давайте вспомним, что́ мы о нем знаем, а потом поговорим об убийце. Итак, мы видим новичка с дозами зеленого кокаина, полученными от недавней конфискации. Назовем парня Зеленый. Я предполагаю, что Зеленый случайно оказался на каком-то этапе передачи наркотиков на анализ, то есть он один из таможенников или работников полицейского склада. Он понимает, что перед ним товар превосходного качества, и видит свой шанс получить большой куш. После кражи такой крупной партии конфиската самое лучшее для него — продать все разом человеку, который ценит хороший продукт и может оплатить крупную поставку.

— Маркусу Рёду, — подхватил Эйстейн.

— Точно. Именно поэтому Зеленый так настаивает на том, чтобы Рёд попробовал продукт. Рёд — его цель.

— А вину повесили на меня, — сказал Трульс.

— Но пока оставим Зеленого, — продолжал Харри. — После того, как Маркус чихнул на стол и испортил бедняге все планы, именно Эл снабдил Маркуса кокаином. Наверное, девушек тоже, хотя они успели попробовать немного зеленого порошка. Девушкам нравится Эл. Они нравятся ему. Он заманивает их на прогулку в лес. И вот тут мы подходим к тому, что остается для меня загадкой. Как ему это удается? Как он уломал Сюсанну охотно поехать через весь город ради встречи в уединенном месте? Просто подсунув ей свой не лучшего качества кокаин? Едва ли. Как он заставил Бертину с готовностью согласиться пойти с ним в лес после того, как ее знакомая неожиданно исчезла? И как после двух этих убийств он убедил Хелену Рёд по собственной воле уйти с ним в антракте «Ромео и Джульетты»?

— Это точно? — спросил Эуне.

— Да, — подтвердил Трульс. — Полицейские связались с билетной кассой и узнали номера мест, билеты на которые отослали Рёду. И нашли людей, которые сидели рядом с Хеленой. К тому же гардеробщица вспомнила даму, забиравшую пальто, и мужчину, который ждал в стороне, повернувшись спиной. Она запомнила, потому

что они оказались единственными ушедшими в антракте спектакля

— Я общался с Хеленой Рёд, — напомнил Харри. — Она была умной женщиной, способной позаботиться о себе. У меня в голове не укладывается, что она по доброй воле ушла со спектакля ради незнакомого торговца наркотиками. Ну уж нет.

— Ты все время твердишь о добровольности, — отметил Эуне.

— Да, — согласился Харри. — А ведь они должны были испытывать страх.

— Продолжай.

— И не просто страх, а ужас. — Харри не сидел развалившись, как обычно, а устроился на краешке стула, наклонившись вперед. — Это напоминает мне мышь, которую я видел, проснувшись как-то утром, еще в Лос-Анджелесе. Она шла прямо в лапы к домашней кошке. Кошка ее, конечно, убила. И несколько дней назад я видел то же самое на одном заднем дворе здесь, в Осло. Не знаю, что не так с этими мышами, может, они были под наркотой или почему-то не ощущали страха.

— Страх — это хорошо, — заявил Эйстейн. — По крайней мере, несильный. Ксенофобия, напри-

мер, слово с чертовски негативной окраской, и да, под влиянием этой штуки люди натворили кучу всякого дерьма. Но в мире, в котором мы живём, действует правило «съешь, или съедят тебя». Так что если не бояться неизвестного, то рано или поздно окажешься в жопе. Что скажешь, Столе?

— Верно, — согласился Эуне. — Когда органы чувств сигнализируют об опасности, миндалевидное тело высвобождает нейротрансмиттеры, например глутамат, которые заставляют нас испытывать страх. Это дымовая сигнализация, данная нам эволюцией, и без нее…

— …мы сгорим, — договорил Харри. — Что же не так с жертвами этих убийств? И с мышами?

Все четверо молча переглянулись.

— Токсоплазмоз.

Они обернулись на пятого, присутствующего в палате.

— У этих мышей токсоплазмоз, — разъяснил Джибран Сетхи.

— Что это? — спросил Харри.

— Паразит в организме мыши. Он блокирует реакцию страха и заменяет ее сексуальным влечением. Мышь идет к кошке, потому что чувствует сексуальное желание.

— Ты, наверное, шутишь, — произнес Эйстейн.

Джибран улыбнулся.

— Нет. Паразит называется Toxoplasma gondii и вообще-то является самым распространенным в мире.

— Подожди, — заговорил Харри. — Он поражает только мышей?

— Нет, он может жить практически в любом теплокровном животном. Но для его жизненного цикла необходимы животные, на которых охотятся кошки, потому что для размножения паразиту необходимо вернуться в кишечник кошки — основного хозяина.

— Значит, теоретически паразит может жить и в человеке?

— Не просто теоретически. В некоторых странах мира люди довольно часто заражаются токсоплазмами.

— И тогда их сексуально привлекают… эээ… кошки?

Джибран рассмеялся.

— О таком я не слышал. Может, об этом что-нибудь знает наш психолог?

— Я знал об этом паразите, так что мне следовало раньше увидеть связь, — проговорил Эуне. — Он поражает мозг и глаза, и исследованиями подтверждено, что люди, ранее не имевшие

психических проблем в анамнезе, начинают демонстрировать ненормальное поведение. Нет, в половую связь с кошками они не вступают, но у них отмечают жестокость, направленную прежде всего на самих себя. Известны многочисленные случаи самоубийств, произошедших, как считается, по вине этого паразита. Я читал научную статью об увеличении времени реакции у людей — носителей паразита Toxoplasma gondii. Из-за этого вероятность попадания таких людей в дорожно-транспортные происшествия в три-четыре раза выше. Есть еще одно интересное исследование, согласно которому студенты, больные токсоплазмозом, становятся бизнесменами чаще здоровых. Дело в том, что у них отсутствует страх неудачи.

— Отсутствует страх? — переспросил Харри.

— Да.

— Но не сексуальное влечение?

— Почему ты спрашиваешь?

— Я думаю о том, что женщины не просто добровольно шли куда-то — они проделывали путь через весь город или уходили вместе с убийцей с любимой театральной постановки. Никаких следов изнасилования так и не обнаружено, а по следам в лесу можно предположить, что они

держались за руки, будто влюбленные.

— Зараженных мышей привлекает запах кошки и кошачьей мочи, — сказал Джибран. — Представляете, паразит питается мозгом и глазами мыши, но при этом знает, что ему необходимо вернуться к кошке, потому что только среда кошачьего кишечника благоприятна для его размножения. И он воздействует на мозг мыши, манипулирует им, чтобы ее сексуально привлекал запах кошки. Таким образом, мышь добровольно помогает паразиту вернуться в кошачий кишечник.

— Охренеть, — оценил Трульс.

— Да, это отвратительно, — признал Джибран. — Но так функционирует паразит.

— Хм… Возможно ли, чтобы убийца как бы стал кошкой для женщин, после того как заразил их токсоплазмами?

Джибран пожал плечами.

— Возможно, это мутация паразита; может, кто-то вывел Toxoplasma gondii, которому требуется человеческий кишечник в качестве первичного хозяина. Я хочу сказать, в наши дни даже студент-биолог может заниматься генными манипуляциями на клеточном уровне. Но об этом лучше спросить у паразитолога или микробио-

лога.

— Спасибо, но сначала послушаем, что скажет Эл. — Харри взглянул на часы. — Катрина сказала, что его допросят сразу после того, как он поговорит с назначенным ему адвокатом.

* * *

В следственном изоляторе мало кто осмеливался спрашивать дежурного начальника смены Грота о причине его вечно плохого настроения. Тот, кто осмеливался, тут же отправлялся куда подальше. А геморрой Грота оставался. Он обитал в следственном изоляторе вместе с Гротом вот уже двадцать три года.

Грота оторвали от очень перспективной партии пасьянса на компьютере, и теперь он морщился от боли, сидя на стуле и глядя на удостоверение личности, которое положил перед ним на стойку посетитель. Незнакомец представился адвокатом заключенного, арестованного сегодня на площади Йернбанеторгет. Грот и адвокатов-то в дорогих костюмах не любил, а что уж говорить о таких, как этот, щеголяющий бомбером и с плоской кепкой на голове — ни дать ни взять портовый грузчик.

— Хочешь, чтобы в камере присутствовал

охранник, Бекстрём? — спросил Грот.

— Нет, спасибо, — ответил адвокат. — И слушать под дверью тоже не надо.

— Он убил троих…

— *Подозревается* в убийстве.

Грот пожал плечами и нажал кнопку, открывающую высокий, в человеческий рост, проходной турникет.

— Внутри охранник, он обыщет тебя и откроет дверь камеры.

— Спасибо, — сказал адвокат, забрал удостоверение и прошел через турникет.

— Козел, — буркнул Грот, не удосужившись оторваться от компьютера и убедиться, что адвокат не услышит.

Через четыре минуты стало ясно, что пасьянс не сходится.

Грот выругался, тут же услышал, как рядом кто-то откашлялся, и увидел за турникетом человека в маске. Грот на мгновение растерялся, но тут же узнал плоскую кепку и бомбер.

— Короткий получился разговор, — заметил Грот.

— У него что-то болит, и он вопит во всю глотку, — ответил адвокат. — Организуйте ему медицинскую помощь, после этого я приду снова.

— Ну, доктор только что там был, но не смог выяснить, что с ним не так. Парень получил обезболивающее, так что, я уверен, скоро прекратит выть.

— Он кричит так, будто вот-вот умрет, — сообщил адвокат, направляясь к выходу. Грот смотрел ему вслед. Что-то было не так, но он не мог понять, что именно. Он нажал кнопку вызова.

— Свейн, как дела у номера 14? Так и кричит?

— Кричал, когда я отпирал дверь и впускал адвоката, но когда я подходил снова, чтобы открыть адвокату и проводить на выход, уже перестал.

— Ты заглядывал к нему?

— Нет. А надо?

Грот колебался. У него была выработана линия поведения с заключенными, которая основывалась на обширном опыте: к их крикам, слезам или ругани не стоит относиться слишком серьезно. У них изъяли все, чем они могли бы себе навредить, и, если каждый раз прибегать на их нытье, они, словно плачущие младенцы, очень быстро соображают, что таким образом можно привлечь к себе внимание. В ящике перед дежурным лежали вещи, изъятые у заключенного номер 14, и Грот автоматически взглянул на них в поисках подсказки. Служба хранения и изъятия вещдоков

уже забрала пакетики с кокаином и деньги, так что он увидел только ключи от дома и машины да измятый театральный билет с надписью «Ромео и Джульетта». Никаких лекарств, рецептов или чего-то еще, что могло бы дать какой-то намек. Он повернулся в кресле, почувствовал укол боли от защемления геморроидального узла и выругался себе под нос.

— Ну? — спросил Свейн.

— Да, — хрипло ответил Грот. — Иди проверь этого ублюдка.

* * *

Эуне и Эйстейн сидели за столиком буфета в клинике «Радиум». Трульс пошел в туалет, а Харри стоял на террасе неподалеку от буфета с телефоном возле уха и сигаретой в углу рта.

— Ты специалист по таким вещам. — Эйстейн кивнул в сторону Харри. — Что его грызет?

— Грызет?

— Заставляет искать дальше. Он не перестал работать даже сейчас, когда парня схватили, а ему больше не платят.

— Ах, это, — произнес Эуне. — Полагаю, ему важна упорядоченность. Ответ. Потребность в подобном зачастую усиливается, когда жизнь

становится хаотичной и утрачивает смысл.

— Окей.

— Окей? Не похоже, что я тебя убедил. А на твой взгляд — в чем причина?

— На мой? Ну-у… Это как Боб Дилан ответил на вопрос, зачем он продолжает гастролировать, когда уже стал миллионером, а от голоса ничего не осталось: «*Это то, что я делаю*».

Харри оперся на перила, держа телефон в левой руке и затягиваясь единственной сигаретой, которую позволил себе взять из пачки «Кэмела» у Александры. Возможно, принцип умеренности применим и к курению. Ожидая ответа на звонок, он заметил человека, стоящего внизу на слабо освещенной автостоянке. Тот смотрел на Харри. Трудно было разобрать с такого расстояния, но на шее у него виднелось что-то белое. Свежевыстиранный воротник рубашки. Шейный платок. Или воротничок священнослужителя. Харри попытался выбросить из головы мысль о мужчине в «камаро». Тот получил свои деньги, так зачем ему охотиться на Харри? Ему пришла в голову еще одна мысль — его ответ Александре на вопрос, считает ли он, что убил человека тем ударом в горло: «*Если бы он умер, его друзья вряд ли оставили бы меня в живых*». А после того как

убедятся, что получили свои деньги?..

— Хельге.

Харри вырвался из своих мыслей.

— Привет, Хельге, это Харри Холе. Я взял твой номер у Александры, она говорила, что сейчас ты, возможно, пришел в Институт поработать над диссертацией.

— Она не ошиблась, — подтвердил Хельге. — Кстати, поздравляю с арестом.

— Угу. Я собирался попросить тебя об одолжении.

— Выкладывай.

— Существует паразит под названием Toxoplasma gondii.

— Ага.

— Тебе о нем что-нибудь известно?

— Это очень распространенный паразит, а я биоинженер.

— Окей. Я тут подумал — а ты можешь проверить жертв на этого паразита? Или на его мутировавшую версию.

— Понимаю. Хотелось бы, но этот паразит живет в основном в мозге, а у девушек мозг удален.

— Да, но мне сказали, он может быть и в глазах, а убийца оставил один глаз Сюсанны Андерсен.

— Верно, в глазах их концентрация тоже высо-

ка. Но уже слишком поздно — останки Сюсанны отправили на похороны, а похороны должны были пройти сегодня утром.

— Знаю, но я проверил. Отпевание состоялось, однако тело все еще в крематории. У них очередь, и Сюсанну кремируют только завтра. Я получил устное постановление суда по телефону, так что могу сейчас подъехать в крематорий, забрать глаз и привезти его тебе. Подойдет?

Хельге недоверчиво рассмеялся.

— Ладно, а как ты собираешься извлечь глаз?

— Хороший вопрос. Есть предложения?

Харри ждал. Наконец он услышал вздох.

— Строго говоря, это можно считать частью вскрытия, так что лучше мне пойти туда и сделать все самому.

— Родина тебя не забудет! — сказал Харри. — Встретимся там через тридцать минут.

* * *

Катрина мчалась ко входу в следственный изолятор. Сон Мин — по пятам за ней.

— Открывай, Грот! — крикнула она, и дежурный полицейский безропотно выполнил приказ. На этот раз он выглядел скорее потрясенным, чем сварливым. Но это не слишком утешало.

Катрина и Сон Мин прошли через турникет. Охранник придержал дверь, ведущую в коридор с камерами для заключенных.

Дверь камеры номер 14 была открыта. Еще в коридоре Катрина почуяла запах рвоты.

Она остановилась в дверях. Через плечи двух медиков увидела лицо человека, лежащего на полу. Вернее — то, что когда-то было лицом, а теперь стало кровавой массой. На передней части головы выделялись белыми пятнами фрагменты носовой кости, остальное сливалось в сплошное красное месиво. Будто… Катрина не знала, откуда взялись эти слова… кровавая луна.

Ее взгляд остановился на кирпичной стене — на том месте, о которое мужчина, очевидно, бился головой. Должно быть, это происходило совсем недавно — наполовину свернувшаяся кровь еще стекала по стене.

— Инспектор Братт, — представилась она. — Мы только что получили сообщение. Он?..

Врач поднял взгляд.

— Да. Он мертв.

Катрина закрыла глаза и мысленно выругалась.

— Можно ли что-то сказать о причине смерти?

Доктор мрачно улыбнулся и устало покачал

головой, будто услышал идиотский вопрос. Катрина почувствовала, как в ней закипает гнев. Она увидела на одежде доктора логотип «Врачей без границ»[120] — вероятно, он относился к тем, кто проводил несколько недель где-нибудь в зоне боевых действий и после этого всю оставшуюся жизнь носил маску закоренелого циника.

— Я спрашиваю…

— Фрёкен, — резко перебил он, — как видишь, нельзя даже сказать, кто он.

— Заткнись и дай мне договорить, — отрезала она. — А уж потом разевай пасть. Значит, как…

«Врач без границ» рассмеялся, но она увидела, как вздулась вена на его шее и как покраснело лицо.

— Даже если ты инспектор, но я врач и…

— И ты только что объявил, что заключенный мертв, значит, твоя работа окончена. Все остальное — забота патологоанатомов. Так что можешь либо ответить мне прямо здесь, либо оказаться в одной из соседних камер. Окей?

Катрина услышала рядом тихое покашливание

---

[120] Notes: 120

«Врачи без границ» — международная независимая некоммерческая медицинская гуманитарная организация, которая оказывает чрезвычайную медицинскую помощь людям, пострадавшим в результате военных конфликтов, голода, эпидемий, вынужденной миграции, природных катастроф. Действует более чем в 70 странах мира.

Сон Мина. Она проигнорировала это осторожное предупреждение о том, что зашла слишком далеко. Все уже полетело к чертям, она так и видела заголовки газет: «Подозреваемый в убийстве умер в полицейском участке». Самое крупное убийство, по которому она когда-либо работала, теперь никогда не будет полностью раскрыто, ведь главный подозреваемый замолчал навсегда. Семьи убитых никогда не узнают, что же на самом деле произошло. А этот напыщенный эскулап пытается тут строить из себя крутого?

Она сделала вдох. Выдох. Снова вдох. Конечно, Сон Мин прав. Ненадолго выплыла из глубин старая Катрина Братт, которая, как надеялась Катрина — новая Катрина, — похоронена навсегда.

— Извини, — вздохнул доктор, посмотрев на нее. — Я веду себя как ребенок. Похоже, он очень долго мучился, но никто ему не помог, вот я и… словом, я обвинил во всем тебя и твоих коллег. Это была эмоциональная реакция. Извини.

— Все в порядке, — ответила Катрина. — Ты тоже меня извини. Можешь сказать что-нибудь о причине смерти?

Он помотал головой.

— Возможно, из-за этого. — Он кивнул на кровь на беленой стене. — Но должен сказать — ни разу

не видел, чтобы кому-то удавалось покончить с собой, разбив голову о стену. Так что, возможно, патологоанатомам стоит поработать вот с этим. — Он указал на желтовато-зеленую рвоту на полу. — Я слышал, ему было больно.

Катрина кивнула.

— Есть еще варианты?

— Ну, — доктор поднялся на ноги, — возможно, его кто-то убил.

ГЛАВА 41
Четверг
Скорость реакции

Было семь часов вечера. Во всем здании Института судебно-медицинской экспертизы свет горел только в одной лаборатории. Харри уставился сначала на скальпель в руке Хельге, а затем на глазное яблоко, лежащее на лабораторном стекле.

— Ты действительно?.. — спросил он.

— Да, мне нужно посмотреть, что внутри, — ответил Хельге и сделал разрез.

— Ну да, — сказал Харри. — Прощальная церемония закончилась, и теперь, полагаю, родственники больше не увидят покойную.

— Вообще-то они собирались прийти попрощаться и завтра. — Хельге поместил отрезанный фрагмент под микроскоп. — Но в похоронном бюро уже вставили стеклянный протез на место ее утраченного глаза, теперь просто вставят второй. Посмотри-ка.

— Ты что-то нашел?

— Да. Таксоплазмы. Или, по крайней мере,

очень похожие. Смотри.

Харри наклонился к микроскопу. Показалось ему, или он и правда уловил едва заметный запах мускуса?

Он спросил об этом Хельге.

— Возможно, так пахнет от глаза, — ответил тот. — И тогда у тебя исключительное обоняние.

— М-м. У меня аносмия, я не ощущаю трупный запах. Но, может, из-за нее же я лучше воспринимаю какие-то другие запахи. Как со слепотой и слухом, понимаешь?

— Ты уверен?

— Нет. Однако я думаю, убийца мог с помощью паразитов сделать так, чтобы Сюсанна перестала бояться и почувствовала к нему сексуальное влечение.

— Не может быть. Ты имеешь в виду — убийца сделал себя первичным хозяином?[121]

— Да. Почему не может быть?

— Просто эта тема близка к области моей научной работы. Теоретически это возможно, но если ему правда удалось такое, это достойно премии

---

[121] Notes: 121

Первичный хозяин — организм, в котором паразит или симбионт вырастает до зрелости; вторичным или промежуточным хозяином называется организм, в котором паразит или симбионт обитает в течение короткого периода.

памяти Одиль Ба[122]. Э-э-э… это что-то вроде Нобелевской премии по паразитологии.

— Хм… Думаю, он получит пожизненное, а не премию.

— Да, конечно. Извини.

— И еще кое-что, — добавил Харри. — Мышей привлекает запах кошки, то есть — любой кошки. Почему же этих женщин привлекал один конкретный мужчина?

— Кто его знает… — задумался Хельге. — По сути, важен запах, которым паразиты привлекают к себе инфицированную особь. Возможно, он носил при себе что-то с запахом, который повлиял на женщин. Или нанес запах себе на кожу.

— Какой именно запах?

— Ну, самая простая версия — что-то из желудочно-кишечного тракта: там благоприятная для размножения паразита среда.

— То есть экскременты?

— Нет, экскременты он использовал бы для распространения паразита. Но чтобы привлечь инфицированного, он может брать кишечные

---

[122] Notes: 122

Мемориальная премия памяти выдающегося паразитолога, француженки Одиль Ба. Ежегодно присуждается медицинским журналом «Parasites and Vectors» совместно с многонациональной ветеринарной компанией «Boehringer Ingelheim Animal Health».

соки или ферменты из тонкого кишечника. Или пищеварительные выделения поджелудочной железы и желчного пузыря.

— Ты говоришь — он распространяет паразита с собственными фекалиями?

— Если он создал собственного паразита, то он, вероятно, единственный совместимый с паразитом хозяин, и тогда только он один может обеспечить продолжение жизненного цикла, чтобы его паразиты не вымерли.

— И как он это делает?

— Как кошка. Например, он может проследить, чтобы вода, которую пьют жертвы, была заражена его фекалиями.

— Или кокаин, который они нюхают.

— Да, или пища, которую они съедают. Через какое-то время паразит достигнет мозга жертвы и сможет им манипулировать.

— Как долго?

— Ну… если бы ты спрашивал о мыши, я бы сказал — пара дней. Может быть, три или четыре. Дело в том, что иммунная система людей, как правило, уничтожает паразита за пару недель или за месяц, так что если парню нужно поддерживать жизненный цикл паразитов, он ограничен во времени.

— Значит, ему надо было подождать несколько дней, но не слишком много, перед тем, как убивать.

— Да. А еще ему надо съесть свою жертву.

— Целиком?

— Нет, он может ограничиться частями с наиболее высокой концентрацией готовых к размножению паразитов. Это, например, мозг… — Хельге осекся и уставился на Харри, как будто до него дошло только сейчас. Сглотнул. — …или глаза.

— Последний вопрос, — хрипло выговорил Харри.

Хельге молча кивнул.

— Почему паразиты не захватывают еще и мозг первичного хозяина?

— В том-то и дело, что захватывают.

— Вот как? И что они с ним делают?

Хельге пожал плечами.

— То же самое. Он теряет чувство страха. И поскольку в данном случае происходит непрерывная подпитка новыми паразитами, иммунная система не может избавиться от захватчика, и человек попадает в зону риска, например, из-за замедления реакции. Также существует риск развития шизофрении.

— Шизофрении?

— Да, на это указывают недавние исследования. Если только хозяин не будет контролировать количество паразитов в своем организме.

— Каким образом?

— Вот этого я не знаю.

— А как насчет противопаразитарных препаратов? Например, вроде продукции фирмы «Hillman Pets»?

Хельге задумчиво уставился куда-то вдаль.

— С этим препаратом я не знаком, но теоретически правильная дозировка средства от паразитов могла бы создать некий баланс, да.

— Угу… Значит, имеет значение, сколько паразитов живет в теле человека, верно?

— О да. Если бы ты дал кому-нибудь большую дозу вещества с высокой концентрацией токсоплазм, паразиты за несколько минут заблокировали бы мозг и парализовали человека. Смерть наступила бы в течение часа.

— Но если бы он нюхнул дозу зараженного кокаина, он не умер бы?

— Может, не за час, но если концентрация достаточно высокая, такое легко может убить за день или два. Секунду…

Хельге достал зазвонивший телефон.

— Да? Хорошо. — Он нажал отбой. — Извини,

сейчас я буду занят, сюда везут тело из следственного изолятора. Я должен произвести предварительное вскрытие.

— Ладно, — ответил Харри, застегивая пиджак. — Спасибо за помощь, выход я найду сам. Сладких снов.

Хельге слабо улыбнулся ему.

Харри вышел за двери лаборатории, но тут же вернулся обратно.

— Как ты сказал — чье тело сюда везут?

— Не знаю имени. Парня, арестованного сегодня на площади Йернбанеторгет.

— Черт, — тихо сказал Харри, легонько стукнув кулаком по дверному косяку.

— Что-то не так?

— Это он.

— Кто?

— Первичный хозяин.

* * *

Сон Мин Ларсен стоял за стойкой следственного изолятора и смотрел на ящичек с личными вещами покойного. С ключами от дома большой спешки не было, поскольку его квартиру уже обыскали, но за ключами от машины уже ехал криминалист — машину нашли на мно-

гоуровневой парковке недалеко от площади Йернбанеторгет. Сон Мин повертел в руках театральный билет. Он был на том же представлении, что и Хелена? Нет, билет на более раннюю дату. Но, возможно, он ходил в Национальный театр на разведку, чтобы спланировать похищение и убийство Хелены Рёд.

Его телефон зазвонил.

— Ларсен.

— Мы сейчас у Бекстрёма, но дома только его жена. Говорит — думала, он на работе.

Сон Мин был озадачен. В офисе Бекстрёма тоже никто не знал, где находится адвокат. Бекстрём был ключевым свидетелем, ведь именно он последний видел заключенного живым. Найти его следовало немедленно. Правда, СМИ еще не связывали арест на площади Йернбанеторгет с чем-то конкретным; в конце концов, задержание наркоторговца в том районе не выглядело необычным мероприятием. Но, возможно, всего через несколько минут или часов пресса пронюхает о смерти в следственном изоляторе, и тогда все они выйдут на тропу войны.

— Грот, — окликнул Сон Мин начальника смены, прислонившегося к стойке, — как выглядел Бекстрём, когда выходил?

— По-другому, — кисло ответил Грот.

— Как — по-другому?

Грот пожал плечами.

— На нем была маска, может, поэтому мне так показалось. А может, он выглядел огорченным из-за такого тяжелого состояния заключенного. Но глаза у него были дикие, совершенно не такие, как когда он пришел сюда. Может, он слишком чувствительный, откуда мне знать?

— Может быть, — проговорил Ларсен, рассеянно глядя на театральный билет и пытаясь отыскать, осознать причину, по которой его разум забил тревогу.

* * *

Было почти девять часов вечера, когда Юхан Крон набрал номер квартиры и посмотрел в видеокамеру перед входом. Через несколько секунд он услышал низкий голос, явно не принадлежащий Маркусу Рёду:

— Ты кто?

— Юхан Крон. Я адвокат, был сегодня в машине.

— Верно. Входи.

Крон поднялся на лифте, и охранник с бычьей шеей впустил его в квартиру. Рёд казался раздра-

женным и беспокойно расхаживал по гостиной взад-вперед, словно один из облезлых старых львов, которых Крон еще маленьким мальчиком видел в Копенгагенском зоопарке. Белая рубашка Рёда была расстегнута, под мышками виднелись пятна пота.

— Я пришел с хорошими новостями, — сообщил Крон. И сухо добавил, увидев, как просветлело лицо клиента: — Новостями, а не кокаином. — Когда выражение лица Рёда изменилось на гневное, Крон поспешил погасить эту вспышку: — Подозреваемый в убийствах пойман.

— Правда? — Рёд недоверчиво моргнул. Потом рассмеялся. — И кто же он?

— Его зовут Кевин Селмер. — Крон увидел, что это имя Рёду незнакомо. — Харри говорит, он один из твоих поставщиков кокаина.

Крон ожидал, что его клиент примется возражать, мол, нет у него никакого поставщика, но вместо этого Рёд, казалось, пытался вспомнить имя.

— Он был на той вечеринке, — уточнил Крон.

— А! Я не знал его имени, он никогда не говорил. Сказал — я могу называть его попросту Ко. Я думал, это означает… ну, можешь догадаться.

— Могу.

— Значит, их убил Ко? Непостижимо. Должно быть, он сумасшедший.

— Да, думаю, это верное предположение.

Рёд уставился на террасу на крыше. Там стоял сосед и курил сигарету, прислонившись к стене рядом с пожарной лестницей.

— Надо купить его квартиру, и две соседние тоже, — произнес Рёд. — Не выношу, что они стоят там с таким видом, будто они хозяева… — Он не договорил. — Ну, по крайней мере, теперь я выберусь из этого заключения.

— Да.

— Отлично, я знаю куда пойти. — Рёд направился в спальню. Крон последовал за ним.

— Давай не на вечеринку, Маркус.

— А почему нет? — Рёд прошел мимо большой двуспальной кровати и открыл один из встроенных шкафов.

— Потому что после убийства твоей жены прошло всего несколько дней. Представь, что подумают люди.

— Ты неправ, — заявил Рёд, просматривая костюмы. — Они поймут, что я радуюсь аресту ее убийцы. Привет, давно я тебя не надевал. — Он достал темно-синий блейзер с золотыми пуговицами. Надел его, порылся в карманах, вытащил

что-то, бросил на кровать. — Ого, неужели *настолько* давно?

Крон увидел черную полумаску в форме бабочки.

Рёд застегивал блейзер, глядя в зеркало в золотой раме.

— Уверен, что не хочешь пойти выпить, Юхан?

— Совершенно уверен.

— Может, возьму телохранителей. На какой срок мы их наняли?

— Им запрещено пить на работе.

— Точно, не выйдет из них веселой компании. — Рёд вышел в гостиную и со смехом крикнул: — Слышите, ребята? Вы уволены!

Крон и Рёд вместе спустились в лифте.

— Позвони Холе, — сказал Рёд. — Он любит выпить. Скажи — я собираюсь пройтись по барам на улице королевы Евфимии. С востока на запад. Выпивка за мой счет. И я смогу поздравить его прямо там.

Крон кивнул, задавая себе все тот же неизменный вопрос: если бы он знал, какую большую часть жизни юрист проводит рядом с такими неприятными людьми, выбрал бы он эту профессию?

* * *

— Бар «Твари».

— Привет. Это Бен?

— Да. Кто это?

— Харри. Высокий, светловолосый…

— Привет, Харри, давно не виделись. В чем дело?

Харри посмотрел с высоты Экеберга[123] вниз, на город, раскинувшийся, будто перевернутое отражение звездного неба.

— Это насчет Люсиль. Я в Норвегии и не могу дозвониться до нее. Ты ее не видел?

— Да уже где-то месяц не видел.

— Хм. Ты же знаешь, она живёт одна, и я забеспокоился, не случилось ли с ней чего-нибудь.

— Думаешь?

— Если я дам тебе адрес на Доэни-драйв, не мог бы ты проверить, как она? Если ее там нет, тебе, вероятно, следует обратиться в полицию.

Повисла пауза.

— Хорошо, Харри, я записываю адрес.

После звонка Харри подошел к «мерседесу»,

---

[123] Notes: 123

Экеберг — район Осло. Располагается на возвышенности к югу от центра города.

припаркованному за старыми немецкими бункерами.[124] Снова сел на капот рядом с Эйстейном, закурил, и они продолжили разговор с того места, на котором прервались, а из открытых окон машины звучала музыка. Они болтали о разных людях и о том, что с ними стало, о девушках, которых так и не получили, о мечтах, которые не разбились вдребезги, но канули в пустоту, как недописанная песня или длинный анекдот без кульминации. О жизни, которую они выбрали, или которая выбрала их, ведь это одно и то же, поскольку, как заявил Эйстейн, ты можешь разыграть только ту карту, которая тебе выпала.

— Жарко, — сказал Эйстейн через некоторое время после того, как разговор угас.

— Старые двигатели отлично греют, — отозвался Харри, похлопывая по капоту.

— Нет, я имел в виду погоду. Я думал, уже все, но тепло вернулось. А завтра будет кровавая луна, затмение. — Он указал на бледный лунный диск.

Телефон Харри зазвонил.

— Говори со мной.

— Так это правда, — сказал Сон Мин. — Ты дей-

[124] Notes: 124

В годы Второй Мировой войны немцы построили в Осло ряд сооружений, в основном оборонительных. Некоторые из них сохранились до наших дней.

ствительно так отвечаешь на звонки.

— Увидел, что это ты, и попытался соответствовать мифу, — парировал Харри. — Что случилось?

— Я в Институте судебно-медицинской экспертизы. И если честно, не совсем понимаю, что происходит.

— А что такое? На вас уже напала пресса, почему подозреваемый вдруг умер?

— Пока нет, мы решили повременить с публичным заявлением о происшествии. До установления его личности.

— В смысле, правда ли его зовут Кевин Селмер? Эйстейн звал его Элом.

— Нет, мы сомневаемся, что человек, умерший в камере № 14 — тот самый, которого мы привезли сюда.

Харри сильнее прижал телефон к уху.

— Что ты имеешь в виду, Ларсен?

— Его адвокат исчез. Он был наедине с Кевином Селмером в камере. И ушел через пять минут после появления. Если это *он* уходил. Мужчина, который ушел, был в медицинской маске и в одежде, в которой пришел адвокат, но дежурному начальнику охраны показалось, что этот человек выглядит как-то иначе.

— Ты думаешь, Селмер…

— Я не знаю, что думать, — отмахнулся Сон Мин. — Но да, вполне возможно, что Селмер бежал. Он мог убить Бекстрёма, разбить ему лицо, переодеться и просто уйти. И труп рядом с нами — это Бекстрём, а не Эл. То есть не Селмер. Лицо совершенно неузнаваемо, а мы не можем найти ни друзей, ни родственников Селмера, которые знают его достаточно хорошо для опознания. И вдобавок Бекстрёма нигде нет.

— Хм… Как-то очень уж накручено, Ларсен. Я знаю Дена Бекстрёма, и, вероятно, он просто снова слетел с катушек. Слышал о Судном Дене?

— Э-э-э… нет.

— Бекстрём известен как человек впечатлительный. Когда какое-то дело расстраивает его, он идет и где-нибудь напивается, после чего становится Судным Деном и начинает карать всех и каждого. Иногда это длится несколько дней. Наверное, у нас как раз такой случай.

— Что ж, будем надеяться. Скоро узнаем. Жена Бекстрёма уже едет сюда. Я просто хотел тебя предупредить.

— Хорошо. Спасибо.

Харри завершил разговор. Они сидели молча и слушали, как Руфус Уэйнрайт поет «Алли-

луйя»[125].

— Пожалуй, я недооценивал Леонарда Коэна, — сказал Эйстейн. — И переоценивал Боба Дилана.

— Распространенное заблуждение. Кончай дымить, нам пора.

— Что случилось? — спросил Эйстейн, спрыгивая с капота.

— Если Сон Мин прав, Маркус Рёд может быть в опасности. — Харри плюхнулся на пассажирское сиденье. — Пока ты отливал в кустах, звонил Крон. Рёд отправился в поход по барам и хотел, чтобы я составил ему компанию. Я сказал «нет», но нам все-таки надо его найти. Едем на улицу королевы Евфимии.

Эйстейн повернул ключ в замке зажигания.

— Харри, ну давай же, скажи «гони вовсю. — Он завел двигатель. — Пожалуйста.

— Гони вовсю.

* * *

Маркус Рёд качнулся в сторону, переступил, чтобы удержаться на ногах, и уставился на стакан

---

[125] Notes: 125

Руфус Уэйнрайт — американо-канадский музыкант, автор и исполнитель песен. Самой популярной песней в его исполнении является «Аллилуйя», написанная Леонардом Коэном.

на столе перед ним.

Там внутри алкоголь — в этом он был уверен. Что еще, кроме алкоголя — в этом он уверен не был, но цветовое решение ему нравилось. И содержимого бокала, и самого бара. Как называется бар, он не знал. Другие гости были моложе Маркуса и украдкой — а кто-то и не совсем украдкой — поглядывали на него. Они знали, кто он такой. Нет — они знали его имя. Видели фотографии в газетах, особенно в последние дни. И составили о нем какое-то мнение. Было ошибкой выбрать для прогулки по пабам именно эту улицу. Достаточно взглянуть на претенциозное название этой очередной попытки проложить в Осло настоящую просторную авеню: «Улица королевы Евфимии». Улица гомиков это, а никакой не королевы! Надо было пойти в какое-нибудь старое местечко, где люди дружно стекались к барной стойке, когда влиятельный человек заявлял, что следующая порция выпивки — за его счет. В последних двух барах, куда он заходил, на него таращились так, словно он развел в стороны свои булки и показал им дырку в заднице. В одном месте бармен даже попросил его сесть на место. Как будто им не нужна прибыль. Погодите, через год они все обанкротятся. Потому что выживают только ста-

рые рысаки, знающие правила игры. Он, Маркус Рёд, их знал.

Его туловище стало клониться вперед, темные волосы чуть не угодили в стакан. В последний момент он успел распрямиться. Густая челка. Настоящие волосы, не требующие окрашивания каждую гребаную неделю. У Рёда все без дураков!

Он схватился за стакан, чтобы держаться хоть за что-то. Осушил. Может, стоило пить помедленнее? По пути между двумя первыми барами он переходил улицу — извините, авеню, — услышал пронзительное треньканье трамвайного звонка и среагировал так медленно, словно его тело окружала вязкая грязь. Должно быть, в первом баре ему подали что-то очень крепкое, потому что он не только стал медленнее реагировать, но и как будто утратил чувство страха. Трамвай проехал так близко, что он почувствовал спиной воздушную волну, но его пульс почти не участился. И это теперь, когда он снова хотел жить! Это ощущение вызвало у него почти уже стершееся воспоминание, как он, уже под стражей, попросил Крона одолжить ему галстук. Не чтобы носить, а чтобы повеситься. Крон ответил, что заключенным нельзя ничего передавать. Идиот.

Рёд оглядел зал.

Кругом одни идиоты. Этому научил его отец, вбил намертво — что все, кроме носящих фамилию Рёд, — дураки. Перед тобой пустые ворота, и тебе нужно просто раз за разом забивать мяч. Ты должен это делать. Не жалей их, не говори «теперь достаточно», продолжай двигаться. Приумножай состояние, наращивай преимущество, бери, что идет в руки, и даже сверх того. Черт возьми, может, в учебе он и не блистал, но, в отличие от других, всегда делал то, что велел отец. И разве это не давало ему права время от времени пожить полной жизнью? Занюхать несколько дорожек. Шлепнуть пару крепких мальчишеских задниц. Даже если они не достигли этого идиотского возраста согласия — что с того? В других странах и культурах к этому относятся спокойно, знают, что мальчикам это не вредит, что потом они вырастают и живут обычной жизнью, становятся обычными порядочными гражданами. Не истеричками и педиками. В юности принимать член взрослого мужчины не заразно и не опасно, никаких последствий не будет. Он часто видел, как ругается его отец, но лишь однажды видел, как отец потерял самообладание. Это было, когда Маркус учился в пятом

классе. Отец вошел в его спальню и увидел, что Маркус и соседский мальчик играют в мамочку и папочку в постели. Господи, как он ненавидел этого человека! Как боялся его! И как сильно его любил. Одно-единственное слово одобрения Отто Рёда — и Маркус чувствовал себя непобедимым властелином мира.

— Так вот ты где, Рёд.

Маркус поднял голову. Перед его столом стоял мужчина, на лице его была маска, на голове — плоская кепка. Что-то в нем казалось знакомым. Даже голос. Но Маркус слишком опьянел, и все вокруг так и плыло.

— У тебя есть кокс для меня? — машинально выдал Маркус и тут же задумался, почему у него вырвались эти слова. Наверное, просто захотелось нюхнуть.

— Тебе не следует нюхать кокс, — заявил тот, устраиваясь за столом. — А еще тебе не следует шататься по барам и пить.

— Не следует?

— Нет. Ты должен был сидеть дома и оплакивать гибель красавицы жены. И Сюсанны. И Бертины. Теперь и еще один человек мертв. А ты сидишь здесь и веселишься. Ты гребаная никчемная свинья.

Рёд поморщился. Не потому, что услышал о тех женщинах. В цель попало слово «никчемная». Эхо из детства — мужчина, с пеной у рта ругающий его.

— Ты кто такой? — невнятно пробормотал Рёд.

— А ты не видишь? Я пришел из следственного изолятора. Привокзальная площадь Йернбанеторгет. Кевин Селмер. Ничего не вспоминается?

— А должно?

— Да, — ответил собеседник, снимая маску. — Теперь ты узнаёшь меня?

— Ты выглядишь, как мой чертов старик, — промямлил Маркус. — Мой отец.

У Рёда возникло смутное ощущение, что ему надо бы испугаться. Но этого не случилось.

— Как смерть, — произнес незнакомец.

Возможно, именно медлительность и отсутствие страха не дали Маркусу выставить руку в защитном жесте, когда он увидел, как мужчина замахнулся на него. А может, это был условный рефлекс, заученная реакция мальчика, который усвоил, что отец имеет право его ударить. Плоская Кепка держал что-то в руке. Это был… молоток?

Харри вошел в бар, который, если верить красным неоновым буквам над дверью, назывался просто «Бар». Это было третье заведение, в ко-

торое он заходил этим вечером, и оно ничем не отличалось от двух других: глянцевое, вероятно — стильное и, без сомнения, дорогое. Он оглядел зал и увидел за одним столиком Рёда. Перед ним сидел спиной к Харри мужчина в плоской кепке. Он держал что-то в высоко поднятой руке. Харри разглядел этот предмет и тут же понял, что́ сейчас произойдет. И что предотвратить это он не успеет.

* * *

Сон Мин и Хельге стояли рядом с женщиной, которая не отрывала глаз от трупа.

Женщине было за шестьдесят, и прической, одеждой и макияжем она походила на хиппи. Сон Мин предположил, что она относится к посетительницам музыкальных фестивалей с участием престарелых рок-идолов семидесятых. Когда ей открыли дверь Института судебно-медицинской экспертизы, она уже была в слезах, и Хельге дал ей несколько бумажных платков. Сейчас она вытирала ими слезы и потёки туши.

Теперь, когда Хельге смыл всю кровь, Сон Мин мог видеть, что лицо мертвеца было не настолько изуродованным, как он полагал ранее.

— Не торопитесь, фру Бекстрём, — произнес

Хельге. — Если хотите, мы можем оставить вас с ним.

— Не нужно, — всхлипнула она. — У меня нет никаких сомнений.

* * *

Гул голосов в баре мгновенно смолк, посетители повернулись на звук — грохот, похожий на пистолетный выстрел. Посетители, ошарашенные почти до ступора, уставились на поднявшегося парня в плоской кепке. Некоторые узнали сидящего за столом владельца компании по торговле недвижимостью, мужа женщины, которую нашли мертвой на Снарёйе. В наступившей тишине они услышали голос первого, звонкий, как колокол, и увидели, как он размахнулся рукой, сжимающей оружие:

— Я сказал: смерть! Я приговариваю тебя к смерти, Маркус Рёд!

Снова грохнуло.

Они увидели, как к столику быстро идет высокий мужчина в костюме. И когда человек в кепке занес руку в третий раз, высокий выхватил у него оружие.

* * *

— Это не он, — всхлипнула фру Бекстрём. — Слава богу, это не Ден. Но я не знаю, где Ден. Я с ума схожу от беспокойства каждый раз, когда он так исчезает.

— Ну-ну, — произнес Сон Мин и подумал, не положить ли руку ей на плечо. — Уверен, мы его найдем. И мы тоже рады, что это не твой муж. Мне жаль, что тебе пришлось пройти через это, фру Бекстрём, но нам очень важно было убедиться.

Она молча кивнула.

* * *

— Хватит, Судный Ден!

Харри усадил Бекстрёма обратно в кресло и положил молоток себе в карман. Двое пьяных, Рёд и Бекстрём, тупо уставились друг на друга, словно оба только что проснулись и не понимали, что произошло. На стеклянной столешнице между ними была большая трещина.

Харри сел.

— Знаю, у тебя выдался тяжелый день, Бекстрём, но тебе надо связаться с женой. Она отправилась в Институт судебно-медицинской экспертизы,

чтобы узнать, не твой ли труп привезли под именем Кевина Селмера.

Адвокат уставился на Харри.

— Ты его не видел, — прошептал он. — Ему было ужасно больно. Он говорил им, что у него болят живот и голова, но врач дал ему только легкое обезболивающее, а когда средство не подействовало и никто не пришел на помощь, он стал биться о стену головой, и бился, пока не потерял сознание. Вот насколько ему было больно.

— Мы этого не знаем, — возразил Харри.

— Знаем, — упорствовал Бекстрём, и его глаза были мокрыми от слез, — мы знаем, потому что и раньше видели подобное. При этом такие, как вот этот, — адвокат указал дрожащим пальцем на Рёда, который сидел опустив подбородок на грудь, — плевать хотели на всех и на все. Такие, как он, просто хотят быть богатыми и по пути топчут и угнетают всех, кто слабее, всех, кто не родился с серебряной ложкой во рту. Но настанет день, когда солнце обратится во тьму, настанет этот день…

— Судный день — так, Судный Ден?

Бекстрём сердито посмотрел на Харри. Казалось, ему стоило огромных трудов держать голову прямо.

— Извини. — Харри положил руку ему на плечо. — Расскажешь в другой раз, пожалуй. А прямо сейчас, думаю, тебе нужно позвонить жене, Бекстрём.

Ден Бекстрём открыл рот, чтобы что-то сказать, но снова закрыл. Кивнул, вынул телефон, поднялся на ноги и ушел.

— Ты отлично с этим справился, Харри, — пьяно прохрипел Рёд и чуть не промахнулся, пытаясь опереться локтями о стол. — Угостить тебя выпивкой?

— Нет, спасибо.

— Нет? Теперь, когда ты раскрыл это дело и все такое… или почти все… — Рёд подал официанту знак повторить, но официант его проигнорировал.

— Что ты имеешь в виду под «почти»?

— Что имею в виду? — переспросил Рёд. — Ну-ну!

— Выкладывай.

— Или что? — Кончик языка Рёда высунулся наружу, Рёд улыбнулся и снизил голос до хриплого шепота. — Или опять начнёшь меня душить?

— Нет, — ответил Харри.

— Нет?

— Скорее я задушу тебя, если ты все мне ска-

жешь.

Рёд рассмеялся.

— Наконец-то появился человек, который понимает меня. Просто теперь, когда дело раскрыто, я должен кое в чем признаться. Я солгал, что у нас с Сюсанной был секс в день, когда ее убили. Я вообще с ней не встречался.

— Значит, не встречался?

— Нет. Я сказал это только ради правдоподобного объяснения полицейским, почему мою слюну обнаружили на ее теле. Это было то, что они хотели услышать, и это должно было избавить меня от многих неприятностей. Можно сказать — путь наименьшего сопротивления.

— Угу.

— Давай это останется между нами?

— Почему? Дело раскрыто. Ты же не хочешь, чтобы все думали, будто ты трахал другую женщину втайне от жены?

— Ха! — Рёд улыбнулся. — Это меня не волнует. Есть… другие поводы для беспокойства.

— Какие?

Рёд повертел в руке пустой стакан.

— Знаешь, Харри, когда умер мой отец, я почувствовал одновременно опустошенность и облегчение. Можешь ли ты это понять? Какое

это облегчение — избавиться от человека, которого ни за что на свете не хочешь разочаровать. Потому что знаешь: рано или поздно настанет день, когда ты все же разочаруешь, день, когда он узнает, кто ты *на самом деле* такой. И одна надежда — что тебя спасет какое-то чудо. Вот так со мной было.

— Ты боялся его?

— Да, — подтвердил Рёд. — Боялся. И, наверное, в то же время любил. Но прежде всего… — он поднес пустой стакан ко лбу, — …я хотел, чтобы он любил меня. Знаешь, я бы с радостью умер от его руки, если бы просто знал, что он меня любит.

ГЛАВА 42
Пятница

Терри Воге поморгал. Спал он плохо, настроение было мерзкое. К тому же никому не нравятся пресс-конференции, которые начинаются в девять утра. Но, возможно, он ошибался — другие журналисты в зале для пресс-конференций выглядели до противного воодушевленными. Даже Мона До — кстати, когда он прибыл, рядом с ней уже не было свободных мест — казалась бодрой и оживленной. Он безуспешно попытался установить с ней зрительный контакт. Другие журналисты тоже не обратили никакого внимания на его появление. Не то чтобы он ожидал бурных оваций, но логично было предположить, что поход в лес посреди ночи и риск столкновения с серийным убийцей вызовет хоть каплю уважения. Особенно когда ты вернулся живым и с фотографиями, которые разлетелись по медиаизданиям и вообще по всему миру. Как говорится, «так долго был Адам в раю». Если бы он получил то эксклюзивное интервью, он стал бы настоящим победителем, но сенсация ускользнула в

последнюю минуту. Словом, да, сегодня у него было больше причин для плохого самочувствия, чем у остальных. Одно к одному — вчера вечером позвонила Дагния и заявила, что все-таки не сможет приехать на выходные. Услышав это — он вовсе не был убежден, что она *не сможет* — он, естественно, разозлился и попытался ее уговорить, но все закончилось ссорой.

— Кевин Селмер, — произнесла с трибуны Катрина Братт. — Мы решили обнародовать это имя, потому что человек, подозреваемый в серьезном преступлении, умер и потому что хотим избавить других людей, попавших под пристальное внимание полиции, от подозрений общественности.

Терри Воге наблюдал, как другие журналисты делают заметки. Кевин Селмер. Он порылся в памяти. На домашнем компьютере был список владельцев автомобилей, но он не припоминал, чтобы там было это имя. Правда, его память уже не та, что раньше, когда он мог вспомнить название каждой известной группы, причем с именами участников, альбомами и датами релизов, с 1960-го по… ну, по 2000-й год.

— Я передаю слово Хельге Форфангу из Института судебно-медицинской экспертизы, — сказал Кедзиерски, глава информационного отдела.

Терри Воге был слегка озадачен. Разве в порядке вещей, что судмедэксперты принимают участие в пресс-конференциях? Разве обычно дело не ограничивается цитированием их отчетов? Еще больше его озадачило выступление Форфанга. Тот говорил, что, по крайней мере, одна из жертв была заражена мутировавшим или измененным другими способами паразитом, и улики свидетельствуют о причастности убийцы к этим мутациям или изменениям. И что убийца тоже заражён паразитом.

— Вскрытие Кевина Селмера, проведенное прошлой ночью, выявило высокую концентрацию паразита Toxoplasma gondii. Достаточно высокую, чтобы мы могли с уверенностью утверждать: причиной смерти был паразит, а не травмы головы и лица, нанесенные Кевином самому себе. К тому же может оказаться, хотя это еще не доказано, что Кевин Селмер выступал в качестве первичного хозяина паразита и мог какое-то время контролировать популяцию, возможно, с помощью противопаразитарных средств, но опять же: мы не знаем наверняка.

Когда люди на трибуне начали отвечать на вопросы, Терри Воге встал и ушел. Он узнал все, что ему было нужно. Его озадаченность рассеялась.

Надо было как можно скорее вернуться домой и кое-что выяснить.

* * *

Сон Мин прошел через столовую на террасу. Он всегда завидовал сотрудникам полицейского управления, которые могли любоваться прекрасным видом, выйдя на вершину своего стеклянного дворца. По крайней мере, в такой день, как сегодня, когда Осло залит солнцем и на улицах неожиданно потеплело. Он направился к Катрине и Харри — те стояли у перил и курили.

— Не знал, что ты куришь, — улыбнулся Катрине Сон Мин.

— На самом деле не курю, — ответила она тоже с улыбкой. — Просто стрельнула у Харри, чтобы отпраздновать.

— Ты плохо влияешь на людей, Харри.

— Ага, — согласился Харри и протянул ему пачку «Кэмела».

Сон Мин заколебался.

— Ладно, почему бы и нет. — Он взял сигарету. Харри дал ему прикурить.

— Как планируешь отмечать? — спросила Катрина.

— Дай подумаю, — ответил Сон Мин. — У меня

назначен ужин и свидание. А ты?

— У меня тоже. Арне сказал — встретимся в ресторане «Фрогнерсетерен». Будет сюрприз.

— Ресторан на опушке леса с прекрасным видом. Звучит романтично.

— Конечно, — подтвердила Катрина и на мгновение зачарованно загляделась на дым, который выдыхала через нос. — Но я не очень люблю сюрпризы. А ты собираешься отмечать, Харри?

— Собирался. Александра пригласила меня на крышу Института судебно-медицинской экспертизы. Они с Хельге собираются откупорить бутылочку вина и понаблюдать за лунным затмением.

— А, кровавая луна, — вспомнил Сон Мин. — Наверное, захватывающее будет зрелище…

— Но? — спросила Катрина.

— Но посмотрим, — отозвался Харри. — Есть нерадостная новость. Звонила жена Столе. Ему стало хуже, и он хочет, чтобы я приехал. Буду оставаться в больнице, пока у него будут силы.

— Черт.

— Да. — Харри глубоко затянулся сигаретой.

Некоторое время они молчали.

— Видели, какую хвалебную речь сегодня задвинул сам министр? — В голосе Катрины звучал

сарказм.

Оба собеседника кивнули.

— Еще кое-что, и я пошел, — сказал Харри. — Вчера вечером Рёд сообщил мне, что он не встречался с Сюсанной в день, когда ее убили. И я ему верю.

— Я тоже, — согласился Сон Мин. Он держал сигарету, манерно изогнув руку в запястье, чего обычно избегал.

— Почему? — спросила Катрина.

— Да потому что он предпочитает мужчин, — объяснил Сон Мин. — Думаю, секс с Хеленой был для него скорее обязанностью.

— Ну-у… допустим, мы верим Рёду. Тогда как его слюна оказалась на груди Сюсанны?

— Действительно, — подхватила Катрина. — Я и сама была немного сбита с толку, когда Рёд сказал, что слюна попала на грудь при сексе.

— Почему?

— Как ты думаешь, что я сделаю сегодня вечером перед встречей с Арне? И это относится ко всем моим свиданиям, при любых обстоятельствах, даже когда секса в планах нет.

— Примешь душ, — сказал Сон Мин.

— Вот именно. Мне показалось странным, что Сюсанна не побывала в душе перед тем, как села

на метро до Скюллерюда. Особенно если перед этим занималась сексом.

— Итак, я повторяю вопрос, — напомнил Харри. — Откуда могла взяться слюна?

— Э-э… появилась после того, как Сюсанну убили? — предположил Сон Мин.

— Теоретически возможно, — ответил Харри. — Но маловероятно. Подумайте, до чего тщательно были спланированы все три убийства. Считаю, что убийца поместил слюну Рёда на Сюсанну с намерением увести расследование в ложном направлении.

— Вполне возможно, — согласился Сон Мин.

— Покупаю, — проронила Катрина.

Но вряд ли мы когда-нибудь получим ответ, — проговорил Харри.

А мы никогда и не получаем *всех* ответов, — сказала Катрина.

Они немного постояли, жмурясь на солнце, будто уже знали, что это будет последний теплый день в году.

* * *

Юнатан спросил об этом почти перед самым закрытием магазина. Он стоял у клеток с кроликами, и его вопрос, есть ли у Тхань планы на

вечер, прозвучал совершенно невинно.

Если бы Тхань хоть что-то заподозрила, она, естественно, ответила бы «да». Но она не заподозрила и честно призналась, что планов нет.

— Хорошо, — ответил он. — Тогда я хотел бы, чтобы ты поехала со мной в одно место.

— В одно место?

— Я хочу кое-что показать тебе. Но это секрет, так что ты не должна никому рассказывать. Хорошо?

— Э-э…

— Я заеду за тобой.

Тхань почувствовала нарастающую панику. Она не хотела никуда идти. Уж точно не с Юнатаном. Правда, он вроде больше не сердился из-за ее прогулки с полицейским и собакой. Вчера даже принес для нее в магазин большой стакан кофе, чего никогда раньше не делал. Но она все еще немного боялась его. Юнатана было трудно понять, а ведь Тхань считала, что весьма неплохо разбирается в людях.

Однако теперь она сама загнала себя в угол. Конечно, можно было сказать, что у нее назначена другая встреча, о которой она случайно забыла, но Юнатан не поверил бы, ведь она совсем не умела лгать. В конце концов, он ее босс, а ей

нужна эта работа. Не любой ценой, конечно, но разумной — вполне. Она сглотнула.

— Что ты хочешь мне показать?

— Тебе это понравится, — ответил он. Его голос звучит так раздраженно, потому что она не сказала сразу «да»?

— Но что именно?

— Это сюрприз. В девять часов тебя устроит?

Надо было решать. Тхань посмотрела на него. На странного замкнутого типа, которого она боялась. Попыталась встретиться с ним глазами, будто это помогло бы. И вдруг мельком увидела то, чего не видела раньше. На его лице отразилось что-то вроде попытки улыбнуться, и этот намек на улыбку тут же пропал — словно, несмотря на внешнюю невозмутимость, Юнатан очень нервничал. Неужели он боялся ее отказа? Возможно, поэтому она вдруг почувствовала, что, в общем-то, не так уж и боится его.

— Хорошо, — ответила она. — В девять часов.

И тут к нему, кажется, вернулось самообладание. Он улыбнулся. Да, он улыбался, и Тхань не припоминала, видела ли его таким раньше. Улыбка была приятная.

Но в метро по пути домой она снова засомневалась, так как не была уверена, что, согласившись,

поступила разумно. И вот что еще показалось ей странным, хотя, возможно, напрасно: он сказал, что заедет за ней, но не спросил, где она живет. И она не помнила, чтобы когда-либо говорила ему об этом.

ГЛАВА 43
Пятница
Алиби

Сон Мин вышел из душа и услышал, что звонит телефон, оставленный заряжаться у кровати.

— Да?

— Добрый день, Ларсен. Это Мона До из «ВГ».

— Добрый вечер, До.

— А, ты намекаешь, что уже поздно? Извини, если беспокою тебя в нерабочее время, я просто хотела узнать мнение людей, принимавших участие в расследовании. Как оно проходило, и какие эмоции у тебя сейчас, когда дело раскрыто? Должно быть, у тебя и у всего Крипоса гора с плеч свалилась. Это ведь настоящий триумф! Вы же участвовали в расследовании с самого начала, со дня исчезновения Сюсанны Андерсен, верно?

— Ты отличный криминальный репортер, До, и поэтому я готов кратко ответить твои вопросы.

— Большое спасибо! Мой первый вопрос касается…

— Я имею в виду те, что ты уже задала. Да, сейчас вечер, и да, мой рабочий день окончен. Нет, у

меня нет комментариев, позвони лучше Катрине Братт, которая руководила расследованием, или моему боссу Уле Винтеру. И нет, Крипос принимал участие не с самого начала, не с момента объявления Сюсанны Андерсен пропавшей без вести… э…

— Тридцатого августа, — напомнила Мона До.

— Спасибо. На том этапе нас еще не привлекали. Крипос подключился к работе после того, как пропали два человека и стало ясно, что это дело об убийстве.

— Еще раз извини, Ларсен. Я понимаю, что сейчас веду себя назойливо, но это моя работа. Я могу процитировать что-нибудь из твоих слов, например какие-то общие фразы о расследовании, и использовать твою фотографию?

Сон Мин вздохнул. Вот, оказывается, в чем дело — журналистка стремится поставить галочку в графе «разнообразие». Ей нужна фотография полицейского, не являющегося гетеросексуальным мужчиной норвежского происхождения в возрасте старше пятидесяти. Он как раз подходил по всем пунктам. Не то чтобы он имел что-то против разнообразия контента СМИ, однако знал, что стоит ступить на эту дорожку, и он тут же обнаружит себя на диване в телестудии отвеча-

ющим известному телеведущему, каково быть геем в полиции. Нет, кто-то, конечно, должен когда-нибудь это сделать. Но не Сон Мин Ларсен.

Он ответил отказом. Мона До сказала, что все поняла, и извинилась еще раз. Приятная женщина.

Окончив разговор, Сон Мин замер, глядя перед собой. Застыл — но не потому, что был раздет. В его голове зазвенел тот самый тревожный звонок, который беспокоил его в следственном изоляторе. Снова этот сигнал. Беспокойство вызвали не слова Грота о том, что Бекстрём выглядел совсем по-другому, когда уходил. Дело было в чем-то другом. Однозначно в другом.

* * *

Терри Воге уставился на монитор. Еще раз проверил имена.

Конечно, это *могло быть* совпадением — Осло маленький город, чего уж там. Последние несколько часов Терри провел, решая, что делать. Обратиться в полицию или следовать первоначальному плану. Он даже подумывал позвонить Моне До и посвятить ее в свой план, чтобы — если его подозрения оправдаются и получится сорвать джек-пот — опубликовать материал в ведущей

газете страны. Такое совместное приключение что-то да значило бы, верно? Но нет, она слишком порядочна и, без сомнения, будет настаивать на привлечении полиции. Воге уставился на телефон с уже набранным номером. Оставалось только нажать кнопку вызова. Он прекратил спорить сам с собой, и решающим стал такой аргумент: это *действительно может быть* совпадением. Ему нечего предоставить полиции в качестве неопровержимых доказательств, так что можно продолжать копать самому. Чего же он мешкает? Неужели боится? Терри Воге усмехнулся. Конечно, черт возьми, он боится! И решительно прижал указательный палец к кнопке вызова.

Пока шли гудки, он слышал в трубке собственное прерывистое дыхание. На краткий миг журналист понадеялся, что никто не ответит. А если ответит, то кто-нибудь другой.

— Да?

Разочарование и облегчение, но в основном — разочарование. Это был кто-то другой. В предыдущие два раза он слышал по телефону не этот голос. Терри Воге глубоко вздохнул. Он заранее решил, что при любых обстоятельствах будет действовать в соответствии с планом, чтобы

потом не осталось никаких сомнений.

— Это Терри Воге, — сказал он, стараясь унять дрожь в голосе. — Мы с тобой уже разговаривали. Но, прежде чем ты сбросишь звонок, — я не обращался в полицию. Пока нет. И не буду, если ты со мной поговоришь.

На стороне собеседника воцарилось молчание. Что оно значило? Может, человек на другом конце линии пытался понять, не сошел ли он с ума или его разыгрывает приятель? И вот зазвучал другой голос, тихий и медленный:

— Как ты узнал, Воге?

Это был он. Тот же низкий, вибрирующий голос Воге слышал при звонках со скрытого номера — вероятно, с одноразового телефона.

Журналист вздрогнул — и сам не понял, от восторга или от ужаса. Сглотнул.

— Я видел, как ты проехал мимо торгового центра «Колсос» два дня назад. Ты проехал через двадцать шесть минут после моего ухода с того места, где ты подвесил головы. На всех моих фотографиях есть отметки со временем съёмки.

Повисла долгая пауза.

— Чего ты хочешь, Воге?

Терри Воге перевел дыхание.

— Я хочу твою историю. Всю историю, не толь-

ко рассказ об убийствах. Доподлинный портрет человека, стоящего за ними. Эти события затронули уйму людей, и не только тех, кто знал жертв. И эти люди должны понять. Вся страна должна понять. Надеюсь, ты понимаешь, что мне неинтересно изобразить тебя монстром.

— Почему нет?

— Потому что монстров не существует.

— Ты уверен?

Воге снова сглотнул.

— Само собой, даю слово не раскрывать твое имя.

Короткий смешок.

— С чего мне верить твоему слову?

— С того… — начал Воге и сделал паузу, возвращая контроль над голосом. — С того, что как журналист я стал изгоем. Я словно застрял на необитаемом острове, и ты — мое единственное спасение. С того, что мне нечего терять.

Еще одна пауза.

— А если я откажусь от интервью?

— Тогда мой следующий звонок — в полицию.

Воге ждал.

— Хорошо. Давай встретимся в «Вайсе» за музеем Мунка.

— Я знаю, где это.

— Ровно в шесть часов.

— Сегодня? — Воге посмотрел на время. — Это через сорок пять минут.

— Если ты придешь слишком рано или слишком поздно, я уйду.

— Ладно, ладно. Увидимся в шесть.

Воге положил трубку. Сделал три судорожных вдоха. И тут на него напал приступ хохота. Уронив голову на клавиатуру, журналист хлопнул ладонью по столу. Черт вас возьми! Черт возьми вас всех!

* * *

Харри и Эйстейн сидели по обе стороны кровати, когда дверь отворилась и вошел Трульс.

— Как у него дела? — прошептал Трульс и тоже присел у кровати, глядя на бледного Столе Эуне, лежащего с закрытыми глазами.

— Можешь спросить у меня, — резко ответил Эуне, устремляя на него взгляд. — Так себе, если честно. Харри пришел по моей просьбе, но неужели в пятницу вечером у вас двоих нет занятий поинтереснее?

Трульс и Эйстейн переглянулись.

— Не-а, — ответил Эйстейн.

Эуне покачал головой.

— На чем ты остановился, Эйкеланн?

— Да, — вспомнил Эйстейн. — Значит, я оплатил проезд из Осло в Тронхейм, ехать было пятьсот километров, а этот парень без конца слушал кассету с кавером Джорджа Майкла «Careless Whisper» в сопровождении пан-флейты. И посреди горного хребта Доврефьель я психанул, выдернул кассету, опустил стекло…

Зазвонил телефон Харри. Наверное, это Александра — хочет поинтересоваться, успеет ли он к лунному затмению в 22:35. Но нет — звонил Сон Мин. Харри поспешно вышел в коридор.

— Да, Сон Мин?

— Нет. Скажи «говори со мной».

— Говори со мной.

— Вот я и говорю: мы ошиблись.

— Ошиблись в чем?

— С Кевином Селмером. У него есть алиби.

— Вот как?

— Я был в изоляторе временного содержания, и оно лежало прямо передо мной. Билет Селмера на «Ромео и Джульетту». Если бы я был чуточку сообразительнее, я понял бы еще там, на месте. Мой мозг пытался подать мне сигнал, но я его не слушал. Пока звонок Моны До не помог мне понять.

Сон Мин сделал паузу.

— В день, когда пропала Сюсанна Андерсен, Кевин Селмер ходил в Национальный театр на спектакль «Ромео и Джульетта». Я проверил билет, его в числе прочих отправили Маркусу Рёду как спонсору, у Хелены был такой же.

— Да, она говорила мне, что раздала несколько на вечеринке. Наверное, там Селмер его и получил. И я думал, что так он узнал, когда Хелена тоже пойдет в театр. Ее билет был прилеплен на дверцу холодильника.

— Нет, это был не Селмер! В смысле — не он убил Сюсанну Андерсен. Работники билетной кассы связались с теми, кто сидел рядом с Селмером, и те подтвердили, что мужчина в соседнем с ними кресле подходил под описание Кевина. Они запомнили его, потому что он не снял парку, так и сидел в ней. И после антракта не уходил.

Харри удивился. Главным образом тому, что удивился совсем чуть-чуть.

— Мы снова там же, откуда начали, — произнес Харри. — Это другой парень — Зеленый.

— Извини?..

— Убийца — это дилетант с зеленым коксом. Все же это он. Вот дерьмо!

— Кажется, ты в этом уверен.

— Уверен-то я уверен, но на твоем месте я бы не доверял тому, кто уже столько раз ошибался. Мне надо позвонить Катрине. И Крону.

Они разъединились.

Харри застал Катрину, как раз тогда, когда она собиралась укладывать Герта, так что Харри рассказал ей о новом повороте дела несколькими короткими фразами. Потом позвонил Крону и объяснил, что дело, похоже, не раскрыто.

— Верни Рёда под домашний арест. Не знаю, что планирует этот тип, но он все время водил нас за нос, так что стоит принять все меры предосторожности.

— Звоню в охранную компанию, — ответил Крон. — Спасибо.

ГЛАВА 44
Пятница
Интервью

Прим проверил время.

Без одной минуты шесть.

Он сидел за одним из столиков у окна в «Вайсе». Перед ним стояли две пол-литровые кружки с пивом, и из окна в свете заходящего солнца открывался вид на музей Мунка и дом с террасой на крыше, тот самый, в который он проник на вечеринку Рёда.

Полминуты до шести.

Он осмотрелся по сторонам. Посетители выглядели такими счастливыми. Они сидели и стояли группами, улыбаясь, болтая, смеясь, похлопывая друг друга по плечу. Друзья. Как мило! Приятно быть с кем-то. Быть с Ней. Они выпили бы пива. Ее друзья стали бы и его друзьями.

Вошел мужчина в шляпе-«пироге». Репортер. Остановился, принялся осматриваться. За его спиной заскользила, закрываясь, раздвижная дверь. Сначала он не заметил, как Прим осторожно махнул ему: его глазам нужно было привыкнуть

к тусклому освещению. Но затем коротко кивнул и направился к столу Прима. Репортер был бледным и запыхавшимся.

— Это ты?..

— Да. Садись, Воге.

— Спасибо. — Воге снял шляпу. Его лоб блестел от пота. Он кивнул на пиво на своей стороне стола: — Это для меня?

— Я собирался уйти, как только пена опустится ниже ободка на кружке.

В ответ на это журналист ухмыльнулся и поднял кружку. Они выпили. Поставили кружки с пивом на стол и почти синхронно вытерли пену с губ тыльной стороной ладони.

— Ну вот, — начал Воге, — наконец мы сидим здесь и пьем, как два закадычных друга.

Прим понял, что́ пытается сделать его собеседник. Растопить лед. Войти в доверие. Забраться ему под кожу как можно быстрее.

— Как они? — Прим кивнул в сторону шумной компании возле бара.

— А, офисный планктон! Пятничные попойки — главное событие недели, и после они отправляются по домам, обратно к скучной семейной жизни. Ну, ты знаешь — поесть тако всей семьей, потом уложить детей спать, потом, пока не надо-

ест, смотреть телевизор все с той же бабой. Потом — спать. Утром — все те же сыкливые отпрыски. Свозить их в детский развлекательный центр. Полагаю, ты живешь совсем другой жизнью?

«Другой, — подумал Прим. — Но не имел бы ничего против такой жизни. С Ней».

Воге знал: когда возьмешься за блокнот, выпить уже не получится, так что он сделал большой глоток пива. Господи, как ему был необходим этот глоток!

— Что ты знаешь о моей жизни, Воге?

Репортер всмотрелся в собеседника, пытаясь понять его. Тому что-то не понравилось? Было ошибкой сразу перейти к расспросам? Портретные интервью похожи на филигранный танец. В конечном счете, Воге хотел, чтобы его собеседники чувствовали себя в безопасности, относились к нему как к другу, чуткому и понимающему, и рассказывали о вещах, о которых при других условиях не обмолвились бы. А точнее — чтобы рассказывали то, о чем пожалеют. Но иногда он шел к этой цели слишком настойчиво и прямолинейно.

— Кое-что знаю, — ответил Воге. — Невероятно, что можно найти в интернете, если знаешь, куда заглянуть.

Воге заметил, что голос собеседника звучит не так, как по телефону. И обратил внимание на запах. Он навевал воспоминания о детстве, каникулах, дядином сарае, пропотевшей лошадиной упряжи. Воге почувствовал легкую боль в животе. Наверное, передает привет старая язва — как всегда после стрессов и периодов потакания вредным привычкам. Или после поспешного питья, как сейчас. Воге отодвинул кружку и положил блокнот на стол.

— Расскажи мне, как все началось.

Прим не знал, долго ли уже говорит, когда упомянул, что дядя приходится ему еще и родным отцом и что об этом стало известно только после смерти матери в пожаре.

— Инбридинг[126] в первом поколении не обязательно приводит к неудаче, напротив, может давать отличные результаты. Дефекты у потомства возникают именно из-за продолжительного кровосмешения. Я заметил, что у меня и дяди Фредрика есть общие черты. Как незначительные — например, в задумчивости мы оба прижимаем средний палец к уголку рта — так и более серьезные: у нас обоих исключительно высокий IQ. Но

[126] Notes: 126

Инбридинг — скрещивание близкородственных форм в пределах одной популяции организмов, спаривание родственных особей.

я заподозрил истинную природу нашей связи только тогда, когда стал погружаться в зоологию и вопросы селекции. Я отправил на анализ наши ДНК, его и мою. Вообще-то мысли о мести жили во мне уже давно — я собирался унизить отчима так же, как он унизил меня. К тому же он был виновен, хоть и косвенно, в смерти моей матери. Однако в тот момент я понял, что виноват не только отчим. Дядя Фредрик тоже бросил нас с матерью в беде. Словом, я сделал дяде рождественский подарок — коробку шоколадных конфет. Дядя Фредрик любит шоколад. Я добавил в конфеты подвид Angiostrongylus cantonensis, крысиного легочного червя. Этот паразит очень охотно питается человеческим мозгом, а найти его можно только в выделениях слизней с горы Капутар. Заражение влечет медленную мучительную смерть, сопровождаемую нарастающим слабоумием. Но я вижу, что утомляю тебя. Итак, перейдем к делу. Я потратил годы на разработку собственного подвида Toxoplasma gondii, и когда он был готов, мой план начал обретать форму. Первая и самая большая сложность заключалась в том, как добраться до Маркуса Рёда и внедрить паразита в его организм. Богатые люди гораздо менее доступны, к ним очень нелегко подо-

браться. Ты как журналист, не раз пытавшийся получить пару слов от рок-звезд, отлично это знаешь, не так ли? Проблема решилась более или менее случайно. Я не из тусовщиков, но однажды я узнал о вечеринке на крыше дома, где жил Рёд. Вон там… — Прим указал на здание за окном. — И тогда же я — тоже случайно — наткнулся на работе на партию зеленого кокаина и понял, что с ней можно похимичить. Тебе знакомо это выражение? Да, я подмешал в кокаин моих друзей токсоплазм. Добавил совсем немного, только чтобы гарантированно хватило для желаемого эффекта после того, как Рёд примет дозу. Я планировал подождать пару дней после вечеринки, а потом снова навестить его. Двух дней было бы достаточно, после этого он уже учуял бы запах первичного хозяина, то есть мой, и не смог бы меня отвергнуть. Напротив — он делал бы все, о чем я попрошу, потому что с того момента у него на уме было бы одно: заполучить меня. Возможно, мальчишеской задницы, желанной ему, у меня больше нет, но токсоплазмы в мозгу не дают шанса противостоять первичному хозяину.

* * *

Группа Эуне снова собралась вокруг кровати в палате 618. Харри объяснил им новые обстоятельства дела.

— Черт побери, но это какая-то ошибка, — воскликнул Эйстейн. — Между зубами Бертины был фрагмент кожи Селмера. Откуда же он там взялся? Может, они трахались в тот же день, перед тем как она пропала?

Харри покачал головой.

— Кожу подбросил Зеленый. Точно так же, как слюну Рёда на грудь Сюсанны.

— Как? — спросил Трульс.

— Не знаю. Но он должен был это сделать, потому что хотел ввести нас в заблуждение. И это сработало.

— Хорошая версия. — Эйстейн наморщил нос. — Но бегать подбрасывать ДНК… Кто, черт возьми, так делает?

— Хм… — Харри задумчиво посмотрел на Эйстейна.

* * *

— К сожалению, на вечеринке все пошло не по

плану, — вздохнул Прим. — Пока я выкладывал дорожки на журнальном столике, другой дилер — как я потом узнал из газет, его звали Кевин Селмер — все трещал, что никогда раньше не пробовал зеленый кокаин, только слышал о нем. Его глаза так и сияли, и едва дорожки оказались готовы, он нагнулся, готовый втянуть первую. Я схватил его за руку и оттащил — я-то хотел быть уверенным, что Рёд получит свою порцию. Я вцепился в парня… — Прим посмотрел на свою руку. — Под моими ногтями остались его кровь и кожа. Позже, уже дома, я извлек их оттуда и сохранил. Подобные вещи могут пригодиться в самый неожиданный момент… Так или иначе, проблемы на вечеринке на этом не закончились. Рёд настоял, чтобы прежде него нюхнули две его подруги. Я не хотел рисковать, поэтому не возражал, но девушки, по крайней мере, оказались достаточно воспитаны, чтобы выбрать из трех моих дорожек две потоньше. А когда настала очередь Рёда, вошла его жена Хелена и принялась его отчитывать. Должно быть, из-за этого он занервничал, чихнул — и дорожка разлетелась. Это было плохо, ведь я не взял с собой запаса. Так что я побежал в кухню, нашел тряпку и собрал кокаин со стола и пола. Показал тряпку Рёду и

предложил собрать из этого дорожку. Но он и слышать не хотел. Заявил, что там полно гребаных соплей и слюней и лучше он возьмет немного у Ко — то есть у Кевина.

Кевин на меня разозлился, поэтому я сказал, что ему еще представится возможность попробовать зеленый кокаин в другой раз. Он все твердил, что вообще-то не употребляет наркотики, но надо же с чего-то начать. Он не назвал ни своего имени, ни адреса, но сказал — если я захочу обменять немного своего кокаина на его товар, то смогу найти его в обычное рабочее время на Йернбанеторгет. Вслух я согласился, но вообще-то не планировал когда-либо с ним встречаться. Словом, вечеринка провалилась, и я вернулся в кухню прополоскать тряпку и положить на место. И тут я кое-что заметил на дверце холодильника. Театральный билет на «Ромео и Джульетту». На террасе крыши такие же раздавала нам жена Рёда. Мне тоже достался, и я сунул его в карман, но использовать не собирался. Я видел, как такой же получил и Кевин. Пока я стоял там, мой разум принялся выстраивать план «Б». Мой мозг работает быстро, Воге. Невероятно, сколько ходов вперед может продумать человек в ситуации стресса. А мой ум был в стрессе — и, как я уже сказал, при этом

обладал исключительной быстротой. Не знаю, сколько я простоял так, едва ли больше минуты или двух. Потом сунул тряпку в карман и подошел к девочкам. Сначала к одной, потом к другой. Так как они получили от меня кокаин, они отнеслись ко мне благосклонно, и я постарался вытянуть из них как можно больше информации. Не какой-то личной — только подсказки, где их можно найти. Сюсанна допытывалась, почему я до сих пор ношу маску. Бертине хотелось еще кокаина. Но в обоих случаях девушек отвлекли от меня другие мужчины, очевидно интересовавшие их куда больше, чем такой нуль без палочки, как я. Однако домой я шел счастливым. В конце концов, всего через несколько дней паразиты достигнут их мозга, и тогда, едва учуяв мой запах, в мыслях они будут вопить, как девочки перед бой-бэндом. — Прим засмеялся и отсалютовал Воге кружкой.

* * *

— Весь вопрос в том, — рассуждал Харри, — где нам начать искать Зеленого.

Трульс хмыкнул.

— Да, Трульс?

Трульс издал еще несколько звуков, прежде чем заговорил:

— Если ему удалось завладеть зеленым кокаином, необходимо проверить людей, имевших доступ к этой партии конфиската перед отправкой на анализ. Я имею в виду людей в аэропорту и в хранилищах улик. И нас — тех, кто вез кокаин из аэропорта Гардермуэн в полицейское управление. А также ребят, перевозивших его из хранилища улик в отдел криминалистической экспертизы.

— Ага, — прокомментировал Эйстейн. — А еще мы не знаем наверняка, единственное ли это изъятие зеленого кокаина, ввезенного в страну.

— Трульс прав, — возразил Харри. — Поищем сначала на свету[127].

* * *

— Как я и подозревал, другого шанса приблизиться к Рёду мне не представилось, — со вздохом продолжал Прим. — Всех паразитов, которые у меня были, я смешал с кокаином, а с теми, что жили в моем теле, расправилась моя иммунная система и небольшая передозировка противопаразитарного. Итак, для заражения Рёда мне надо было получить паразитов из организмов тех

---

[127] Notes: 127
Намек на старый анекдот о пьянице, фонаре и полицейском.

девушек, пока их иммунная система не ликвидировала вторжение. Другими словами, мне нужно было съесть их мозги и глаза. Я начал с Сюсанны, потому что знал, в каком спортзале она тренировалась. Так как человеческое обоняние слабее мышиного, мне пришлось немного повысить свою привлекательность. Я обмазался кишечными соками, которые выделил из собственных экскрементов.

Прим широко улыбнулся и поднял глаза. Воге не ответил на улыбку, только ошеломленно смотрел не веря своим ушам.

— Я ждал ее возле спортзала. Волновался. Я протестировал действие паразита на животных, которые обычно сторонятся людей, вроде лис и оленей, и я привлекал их, особенно лис. Но я не мог знать наверняка, что на людей это действует так же. Я договорился о встрече с Сюсанной на парковке у лесной дороги в Скюллерюде. Когда она не пришла вовремя, я подумал, что ошибся и, возможно, к ней вернулась способность мыслить трезво, когда в ее ноздрях больше не стоял запах моих внутренностей. Но она все же появилась. Представь себе, как я обрадовался.

Прим отхлебнул из кружки, словно готовясь к решающему броску.

— Мы шли по лесу рука об руку, а когда немного удалились от дороги, сошли в чащу и занялись сексом. Потом я перерезал ей горло.

Прим почувствовал, как наворачиваются слезы. Ему пришлось откашляться.

— Знаю — ты наверняка хотел бы подробнее узнать об этом, но думаю, мне стоит проявить сдержанность. Как бы там ни было, я взял с собой емкость со слюной Рёда, и размазал слюну по ее груди. Одел верхнюю часть ее тела, чтобы слюну не смыло дождем до того, как ее найдут полицейские. Тогда идея со слюной казалась мне удачной, но на самом деле это только усложнило ситуацию. — Он отпил из стакана. — С Бертиной все происходило очень похоже. Я встретил ее в баре, который, по ее словам, она часто посещала, и договорился о встрече на Грефсенколлене.

Она приехала на машине, но когда я предложил ей оставить телефон и отправиться в моем автомобиле «навстречу приключениям», она пошла на это без раздумий, поскольку ею владела дикая похоть. Она принесла с собой штучку, которую называла нюхательным патроном, — что-то вроде крошечной мельницы для специй, через которую можно вдыхать кокаин. Она уговорила меня тоже нюхнуть. Я сказал ей, что хочу взять ее сзади,

надев ей на шею кожаный ремень. Кажется, она сочла это эротической игрой — и разрешила. На ее удушение ушло немного больше времени, чем я рассчитывал. Но в конце концов она перестала дышать.

Прим тяжело вздохнул и покачал головой. Вытер слезу.

— Должен отметить, я был очень осторожен и убирал любые улики против себя, которые могла бы найти полиция, так что я забрал ее нюхательный патрон, ведь ДНК из моего носа могла попасть внутрь. В то время я еще не знал, что патрон мне пригодится. Кстати, я сообразил, что если собираешься убить кого-то и заполучить его мозги и глаза, гораздо разумнее забирать с собой всю голову.

Прим вытянул под столом ноги, будто они затекли.

— Следующие несколько недель я ел кусочки мозгов и глаз. Мне нужно было поддерживать размножение недолговечных паразитов до момента, когда я окажусь близко к Рёду и нанесу ему удар. Несколько раз я сидел за этим самым столом и размышлял: может, взять да зайти к нему и спросить, не можем ли мы поговорить? Но он не появлялся в этом доме, только Хелена приходила

и уходила. Возможно, он жил в другом месте, но мне не удалось узнать где. Тем временем я съел все мозги, паразиты умирали, и мне нужна была новая «мышь». Хелена Рёд. Я надеялся, что Маркусу Рёду станет хоть немного больно, если я заберу ее. Я знал два места, где смогу приблизиться к ней: в Национальном театре в день, указанный на билете, прикрепленном к дверце холодильника, и в заведении под названием «Даниэль». Когда я расспрашивал Сюсанну, она рассказала, что встретила Маркуса Рёда именно там. И она недоумевала, зачем Хелена Рёд продолжает ходить туда на понедельничные обеды — ведь та, в конце концов, поймала свою большую рыбу. Я пошел туда в понедельник, и, конечно же, там появилась Хелена Рёд. Я заказал «грязный мартини» — на вечеринке она пила этот напиток — и добавил в бокал нужную дозу препарата с токсоплазмами. Подозвал официанта, дал ему двести крон и записку и попросил передать напиток Хелене и чтобы отправителем он назвал другого человека. Сказал, мол, у нас дружеский розыгрыш. Подождал, пока она на моих глазах не отпила из бокала, и ушел. Я уточнил время начала антракта «Ромео и Джульетты», и узнал, что билет нужен только для входа в зрительный

зал[128], а во время антракта зайти в театр и пообщаться со зрителями может любой. Так я и сделал. Я уже чувствовал, что поднаторел в этом; пришел, забрал ее и…

Прим поморщился и пнул — он не понял что — то ли ножку стола, то ли голень Терри Воге.

— На следующий день ее нашли, и Рёд оказался под стражей. И тогда я понял, что выстрелил себе в ногу. Я позаботился, чтобы он оказался в тюрьме — пусть помучается, но полицейские сказали, что он может сидеть месяцами. Пришлось искать решение этой проблемы. К счастью, у меня есть…

Прим постучал пальцем по своему лбу.

— Я подумал — и нашел еще одного невиновного, который мог занять место Рёда. Кевина, торговца кокаином. В конце концов, ему так хотелось попробовать зеленый кокаин. Идеальная кандидатура.

---

[128] Notes: 128

В Норвегии билет предъявляют не на входе в театр/кино, а на входе в зрительный зал.

ГЛАВА 45
Пятница
Коллектор

Прим покрутил свою кружку и взглянул в сторону компании офисных работников, отмечавших конец рабочей недели.

— Среди прочего у меня сохранился небольшой клочок кожи. Кожи с предплечья Кевина Селмера. Он был не единственным, чьи образцы тканей хранились у меня. Я часто собирал подобное и иногда использовал в проекте по выращиванию идеального паразита. Зубочисткой я засунул кусочек кожи между двух зубов Бертины. И затем, Воге, ты позаботился о доставке доказательств в руки полиции. Но я ожидал, что рано или поздно в телах обнаружат модифицированные токсоплазмы. И если бы кто-то понял связь, за первичным хозяином начали бы охоту. Мог ли я выставить Кевина одновременно и убийцей, и первичным хозяином? Извини, если покажусь тебе самодовольным, но решение оказалось столь же гениальным, сколь и простым. Я приготовил смесь из зеленого кокаина и гарантированно

смертельной дозы токсоплазм, заправил ею нюхательный патрон Бертины и поехал на Йернбанеторгет, чтобы заключить с Кевином сделку, на которую согласился на вечеринке. Он был в восторге, особенно когда я отдал ему заодно и нюхательный патрон. Могу только представить, как у него болел живот перед смертью. Не сомневаюсь, я бы тоже бился головой об стену, лишь бы потерять сознание и не чувствовать этого.

Прим допил остатки пива.

— Это был длинный монолог, хватит обо мне, Терри. Ты сам-то как? — Прим перегнулся через стол. — То есть в прямом смысле? Ты чувствуешь… что парализован? Ведь это происходит очень быстро, когда в пиве, которое ты пьешь, такая высокая концентрация токсоплазм. Даже больше той, которую получил Кевин. Несколько минут — и ты не сможешь пошевелить пальцем. Не сможешь издать ни звука. Но я вижу — ты еще дышишь. Верно — сердце и дыхательная система поражаются в последнюю очередь. Ну и мозг, конечно, — он перестает функционировать в последнюю очередь. Поэтому я знаю, что ты слышишь меня. Я возьму ключи от твоего дома и заберу твой компьютер. А потом выброшу его и твой телефон во фьорд.

Прим выглянул наружу. День угасал.

— Смотри — в квартире моего отчима горит свет. Он дома. Как ты думаешь — он обрадуется гостю?

* * *

Было чуть больше половины седьмого, когда Маркус Рёд услышал звонок в дверь.

— Ты кого-нибудь ждешь? — спросил старший из двух телохранителей.

Рёд покачал головой. Телохранитель вышел из гостиной в холл, к домофону.

Оставшись вдвоем с другим телохранителем, Рёд воспользовался возможностью.

— Чем же ты займёшься, когда закончишь карьеру телохранителя?

Юноша посмотрел на Рёда. У него были длинные ресницы и мягкие карие глаза. Вид необычно массивной мускулатуры компенсировался наивным детским выражением лица. Если подключить добрую волю и немного фантазии, то он сошел бы за парня лет на пять-шесть моложе, чем был на самом деле.

— Не знаю, — ответил он, отводя глаза и оглядывая гостиную.

Должно быть, этому их учили на курсах: не

вступать в личные беседы с клиентом и постоянно проверять обстановку, даже сидя за надежно запертыми дверями уютного дома.

— Ты мог бы работать на меня, понимаешь?

В быстром взгляде юноши Рёд увидел что-то похожее на презрение и отвращение. Не ответив, телохранитель снова принялся осматривать комнату. Рёд выругался про себя. Чертов щенок, он что — не понял, какое предложение получил?

— Этот парень говорит, что знает тебя, — крикнул охранник из коридора.

— Это Крон? — отозвался Рёд.

— Нет.

Рёд нахмурился: кто это посмел прийти к нему без предупреждения?

Он вышел в холл. Телохранитель стоял, широко расставив ноги, и указывал на экран домофона. В камеру над входной дверью смотрел какой-то молодой человек. Рёд отрицательно покачал головой.

— Я попрошу его уйти, — сказал телохранитель.

Рёд всмотрелся в экран. А не видел ли он этого молодого человека раньше, причем не так уж давно? Кажется, и в тот раз парень пробудил в нем воспоминания о чем-то еще более давнем,

но Рёд не стал в них копаться, решив, что просто это лицо кого-то ему напомнило. Однако сейчас… может ли это быть?..

— Подожди. — Рёд протянул руку.

Телохранитель дал ему трубку.

— Вернись внутрь, — велел Рёд.

Телохранитель на мгновение заколебался, прежде чем выполнить приказ.

— Кто ты и чего хочешь? — проговорил Рёд в трубку домофона. Это прозвучало грубее, чем он ожидал.

— Привет, папа. Я твой пасынок. Хотел всего лишь поговорить с тобой.

Рёд перевел дыхание. Да, никаких сомнений. Мальчик из стольких снов, олицетворение вечного страха быть раскрытым. Нет, уже не мальчик, но это несомненно был он. После всех этих лет! Поговорить? Это не предвещало ничего хорошего.

— Я немного занят, — заявил Рёд. — Тебе следовало позвонить заранее.

— Я знаю, — сказал молодой человек перед камерой. — Я не планировал встретиться, решил это только сегодня. Видишь ли, завтра я уезжаю в долгую поездку и не знаю, когда вернусь. Я не хочу оставлять нерешенные дела, пап. Пришло

время прощения. Я должен в последний раз увидеть тебя лицом к лицу и снять груз со своей души. Думаю, это будет хорошо для нас обоих. Это займет всего несколько минут, и я уверен — мы оба пожалеем, если не сделаем этого.

Рёд прислушался. Раньше он этого глубокого голоса не слышал — ни в те времена, ни недавно. Насколько он помнил, в те последние дни в Гаустаде голос мальчика только-только начинал ломаться. Конечно, Рёду приходила в голову мысль, что в один прекрасный день мальчик может появиться и создать ему проблемы. Это было бы слово против слова — единственный свидетель, который мог бы подтвердить факт сексуального насилия, погиб при пожаре. Но если это выплывет наружу, даже простое обвинение нанесет его репутации ущерб. Запятнает фасад, как презрительно говорят в этой стране. Да, в Норвегии понятие семейной чести было размыто чертовыми социал-демократами; для большинства людей семьей стало государство, и маленькие люди не должны отвечать ни перед кем, кроме таких же, как они сами, — забывшими традиции серыми социал-демократическими массами. Всё, однако, обстоит иначе, когда твое имя Рёд, но обывателю никогда этого не понять.

Не понять, что ты скорее покончишь с собой, чем вываляешь в грязи семейное имя. Что же делать? Надо решать. Вот он, пасынок, появился-таки. Рёд вытер лоб свободной рукой. И удивился, осознав, что не боится. Это было как тогда с трамваем. Наконец произошло то, чего он опасался, так почему же он не испуган? Может, им и вправду поговорить? Если пасынок задумал что-то плохое, то от разговора ситуация хуже не станет. А в лучшем случае они поговорят о прощении. Всё забыто, спасибо, до свидания, — и, возможно, он даже станет лучше спать по ночам. Ему только нужно соблюдать осторожность и не признаваться прямо или косвенно в том, что может быть использовано против него.

— Я дам тебе десять минут, — сказал Рёд и нажал кнопку, открывающую уличную дверь. — Поднимайся на лифте на верхний этаж.

Он повесил трубку. А вдруг мальчик собирается записывать разговор? Рёд вернулся в гостиную.

— Вы обыскиваете посетителей? — спросил он у охранников.

— Всегда, — ответил старший.

— Хорошо. Проверьте, нет ли на нем микрофонов, и заберите телефон. Вернете, когда он будет уходить.

* * *

Прим сидел в мягком кресле домашнего кинотеатра и смотрел на Маркуса Рёда.

Телохранители стояли снаружи за приоткрытой дверью.

Прим не ожидал обнаружить у него телохранителей, но на самом деле это не имело значения. Важно было, что сейчас Прим сидел перед Рёдом один. Конечно, все можно было сделать проще. Если бы он хотел убить Маркуса Рёда или причинить ему физический вред, это не стало бы сложной задачей. Ведь Рёд обзавелся телохранителями совсем недавно, а в таких городах, как Осло, жители наивны и доверчивы, и никому даже в голову не придет, что у прохожего под курткой оружие. Такого здесь просто не случается. Впрочем, с Маркусом Рёдом должно было случиться совсем другое. Он не заслуживал такой легкой смерти. Да, застрелить этого человека было бы куда проще, но если запланированная месть даст Приму хотя бы частичку той радости, которой он жаждет, то все его усилия потрачены не зря. Потому что месть, придуманная Примом, была подобна симфонии, и сейчас близилась кульминация.

— Мне жаль, что с твоей матерью случилась трагедия, — выговорил Маркус. Достаточно громко, чтобы его ясно услышал Прим, и достаточно тихо, чтобы не услышали телохранители.

Прим видел, что сидящий в кресле напротив здоровяк нервничает. Пальцы теребят подлокотники, ноздри раздуваются. Верные признаки, что он уловил запах кишечного сока. Расширенные зрачки Рёда тоже подсказали Приму: сигналы обонятельных рецепторов достигли мозга, где уже несколько дней находились паразиты, жаждущие размножаться. Результат филигранной работы, если угодно. Когда первоначальный план заразить отчима на вечеринке провалился, Приму пришлось импровизировать, строить новый план. И он сделал это, он заразил Маркуса Рёда прямо на глазах у всех: адвокатов, полицейских, даже Харри Холе.

Маркус Рёд посмотрел на часы и чихнул.

— Не хотел бы тебя торопить, но как я уже сказал, у меня мало времени, так что давай покороче. В какую страну ты собра…

— Я хочу тебя, — прервал его Прим.

Отчим так вздрогнул, что его щеки затряслись.

— Что ты сказал?

— Я мечтал о тебе все эти годы. Несомненно,

тогда это было насилием, но я… ну, думаю, мне начало это нравиться. И я хочу попробовать еще раз.

Прим посмотрел прямо в глаза Маркуса Рёда. За этими глазами, полными паразитов, делал неверные выводы мозг: *я так и знал! Мальчику это нравилось, он плакал только из притворства. Я не сделал ничего плохого, просто научил его любить то, что нравится и мне!*

— И я думаю, мы должны сделать это так же, как делали раньше.

— Так же? — переспросил Маркус Рёд. Возбуждение уже сдавливало его горло. В этом и заключался парадокс токсоплазмоза: сексуальное влечение — по сути своей желание размножиться — заставляет игнорировать опасности, подавляет страх смерти и оставляет зараженному существу только тоннель безнадежно восхитительных фантазий, тоннель, ведущий прямо в кошачью пасть.

— Тот дом, — напомнил Прим. — Он все еще стоит. Но ты должен прийти один, тебе надо ускользнуть от телохранителей.

— Ты имеешь в виду… — Маркус сглотнул, — …сейчас?

— Конечно. Я же вижу… — Прим наклонился

вперед и положил руку на его промежность, — что ты хочешь этого.

Челюсть Рёда бесконтрольно ходила вверх-вниз.

Прим поднялся на ноги.

— Ты помнишь, где это?

Маркус Рёд только кивнул.

— И ты придёшь один?

Еще один кивок.

Прим знал: не нужно говорить Маркусу Рёду, что никто не должен знать, куда он собрался и с кем намерен встретиться. Токсоплазмоз делает инфицированного похотливым и бесстрашным, но не глупым. То есть неглупым в смысле достижения единственной цели, которая у него на уме.

— Я даю тебе тридцать минут, — сказал Прим.

* * *

Старший из охранников, Бенни, работал в этой отрасли уже пятнадцать лет.

Открыв дверь, он увидел, что посетитель надел маску.

Бенни наблюдал, как младший телохранитель обыскивает гостя. Кроме связки ключей, у посетителя не оказалось при себе ничего, что можно

было использовать в качестве оружия.

При нем не было ни бумажника, ни документов, удостоверяющих личность. Он представился Карлом Арнесеном, и хотя это имя звучало как только что выдуманное, Рёд лишь коротко кивнул. Как и просил Рёд, они забрали мобильный телефон посетителя, и Бенни настоял, чтобы дверь в домашний кинотеатр осталась приоткрытой.

Разговор занял всего пять минут — по крайней мере, такое время Бенни позже обозначит в своих показаниях. Молодой «Арнесен» вышел в холл, забрал мобильный и покинул квартиру. Рёд крикнул из гостиной, что хочет побыть один, и закрыл дверь. Прошло еще пять минут, прежде чем Бенни постучал и сообщил, что с клиентом хочет поговорить Юхан Крон. Ответа Бенни не получил, когда же он открыл дверь, комната оказалась пуста, а окно, выходящее на террасу, — открыто. Взгляд Бенни упал на дверь пожарной лестницы, ведущей вниз на улицу. Охраннику сразу стало все ясно, так как за последний час клиент трижды намекнул, что заплатил бы немалую сумму, если бы Бенни или его коллега отправились на улицу Торггата или Йернбанеторгет раздобыть ему немного кокаина.

ГЛАВА 46
Пятница
Кровавая луна

Маркус вышел из такси в конце дороги у ворот.

Есть ли у него деньги — первое, что спросил таксист еще в Ослобукте, когда Рёд садился в машину. Законный вопрос, если учесть, что на Маркусе была куртка прямо поверх рубашки и домашние тапочки. Но он всегда, при любых обстоятельствах носил с собой кредитную карту и телефон, без них он чувствовал себя голым.

Петли заскрипели, когда он открыл ворота. Рёд прошел по гравийной дороге, достиг вершины холма и испытал легкий шок, увидев в сгущающихся сумерках наполовину сгоревший дом. Маркус не был здесь с тех пор, как ушел от Молле и мальчика с идиотским домашним прозвищем Прим. Он читал в газетах о смерти Молле, был на похоронах, но не знал, как сильно пострадал дом. Оставалось только надеяться, что кое-какие кулисы сохранились, словно для того, чтобы они могли, так сказать, сыграть свою пьесу как

следует. Чтобы смогли воспроизвести то, что́ они сделали и кем были друг для друга тогда. Хотя кем был Рёд для мальчика, знает только Бог.

Направившись к дому, Рёд увидел, как из входной двери кто-то вышел. Это был *он*. Непреодолимое желание, которое Рёд ощутил еще в своей квартире, сидя напротив мальчика, чуть не заставило Рёда потерять контроль и наброситься на него. Он поддавался подобным порывам не раз в жизни, но однажды переступил черту и едва не попался. Сейчас, как ему казалось, он мог контролировать желание и рационально мыслить. И все же страстное влечение, простимулированное накопленными за столько лет воспоминаниями о Приме, оказалось таким сильным, что теперь Маркуса невозможно было остановить.

Он подошел к молодому человеку; тот приветственно протянул ему руку и улыбнулся. До сих пор Рёд не обращал на это внимания, но у мальчика больше не выпирали два крупных передних зуба, делавшие его похожим на грызуна, теперь все зубы выстроились в красивый ровный ряд. Для обращения к прошлому Рёд предпочел бы прежние зубы, но едва он шагнул в дом, эта мысль вылетела у него из головы.

Снова легкий шок. Прихожая, гостиная — все

черное и выгоревшее. Перегородки исчезли, оставив пространство открытым. Молодой человек… нет, мальчик провел Маркуса по первому этажу туда, где когда-то была его, мальчика, комната. Рёд понял, что ему не нужен свет, и вздрогнул от восторга, смешанного с ужасом: он столько раз проходил путь от подножия лестницы до спальни мальчика в ночной темноте, что до сих пор мог сделать это с закрытыми глазами.

— Раздевайся и ложись сюда, — сказал мальчик и посветил фонариком телефона в нужном направлении.

Рёд уставился на грязный матрас и обгоревший остов железной кровати.

И сделал, как ему велели. Одежду повесил на кроватную спинку.

— Снимай все! — приказал мальчик.

Рёд снял трусы. Эрекция еще окрепла с тех пор, как мальчик взял его за руку. Рёду нравилось доминировать, а не оставаться пассивным — но только до этого момента. Сейчас он наслаждался звучанием повелительного голоса, холодом, вызвавшим мурашки на коже, и чувством унижения от того, что он был голым, а мальчик остался одет. Матрас вонял мочой, и Рёд ощутил спиной сырость и холод, когда лег на него.

— Давай наденем это. — Рёд почувствовал, как его руки поднимаются и что-то затягивается вокруг запястий. Посмотрел вверх. В свете телефона мальчика он увидел, что руки привязаны к спинке кровати кожаными ремнями. Затем то же самое произошло с ногами. Он оказался во власти мальчика. Так же, как мальчик когда-то был в его власти.

— Иди ко мне, — прошептал Рёд.

— Нам нужно больше света, — произнес мальчик. Он вынул мобильный Рёда из куртки на спинке кровати. — Какой код?

— По радужке… — начал Рёд, и перед его лицом появился экран.

— Спасибо.

Два источника света ослепили Рёда, и он не видел, что делает мальчик, но потом различил его фигуру между двумя светящимися телефонами. Он понял, что те, должно быть, установлены на двух штативах на высоте роста. Мальчик повзрослел. Стал мужчиной. Но оставался достаточно молодым, чтобы Рёд хотел его. Это было очевидно. Эрекция Маркуса была ошеломительной, а голос дрожал и от возбуждения, и от холода, когда он прошептал:

— Иди сюда! Иди ко мне, мальчик!

— Сначала скажи, что мне с тобой сделать. Чего ты хочешь?

Маркус Рёд облизнул пересохшие губы. И стал рассказывать.

— Повтори еще раз, — велел мальчик, стягивая брюки и обхватывая рукой свой все еще вялый пенис. — На этот раз не называя меня по имени.

Рёд смешался. Вообще-то среди посетителей «Вторников» попадались такие, кто получал удовольствие от обезличенности, предпочитая крепкий член в «дыре славы»[129] тому, чтобы видеть партнера целиком. К счастью. Он повторил свои пожелания, не упоминая никаких имен.

— Расскажи, что ты делал со мной, когда я был маленьким мальчиком, — приказал мужчина между огнями. Теперь он мастурбировал.

— Просто подойди сюда и позволь прошептать это тебе на ухо…

— Рассказывай!

Рёд сглотнул. Вот чего он хочет. Решительный, грубый, резковатый тон, яркий свет. Отлично. Рёду нужно просто настроиться на его волну. Господи, он готов на все, лишь бы его заполучить. Он

---

[129] Notes: 129

«Дыра славы» (Glory hole) — отверстие для пениса в стене. Применяется для совершения анонимных сексуальных контактов, чаще всего гомосексуальных и в общественных туалетах».

начал нерешительно, сначала не мог подобрать слов, но потом нашел верный тон. И рассказал. Прямо. Подробно. На его волне. Возбуждаясь от собственных слов, от вызванных ими воспоминаний. Рассказывал без прикрас. Использовал слова вроде «изнасилование», потому что так и было и потому что это еще усилило возбуждение — и его собственное, и мальчика. Того, отошедшего назад, в темноту, больше не было видно, но Рёд слышал его стоны. Рёд рассказал все — даже как вытирал свой пенис об одеяло мальчика, прежде чем на цыпочках вернуться к себе на второй этаж.

— Спасибо! — последовал резкий окрик мальчика. Он выключил один фонарик и шагнул в свет другого. Натянул брюки — и снова оказался полностью одетым. Он держал в руках телефон Рёда и что-то набирал на нем.

— Ч-что ты делаешь? — пробормотал Рёд.

— Делюсь последней видеозаписью со всеми твоими контактами, — ответил мальчик.

— Ты… записал это?

— На твой телефон. Хочешь посмотреть? — Мальчик поднес телефон к глазам Рёда. На экране тот увидел себя, дородного дядьку далеко за шестьдесят, бледного, при резком освещении почти белого, лежащего на грязном матрасе с

эрегированным членом, немного наклонившимся вправо. На этот раз никакой маски, ничего, что могло бы скрыть его личность. И голос, хрипловатый от волнения — и все же звучный, как колокол, жаждущий, чтобы другой мужчина услышал его. Рёд заметил, что ракурс выбран так, чтобы зритель не увидел привязанных к столбикам кровати ног и рук.

— Я отправляю его вместе с коротким текстовым сообщением, которое подготовил заранее, — сообщил мальчик. — Послушай. «Привет, мир. В последнее время я много думал и решил, что больше не могу жить с таким прошлым. Итак, я собираюсь сжечь себя заживо в доме, где это сделала Молле. *Прощайте.*». Ну, что скажешь? Не слишком поэтично, но четко и ясно, не так ли? Я поставлю таймер на отправку этого видео всем твоим контактам, чтобы они его получили сразу после полуночи.

Рёд открыл рот, чтобы что-то сказать, но прежде чем успел вымолвить хоть слово, что-то протиснулось между его зубами.

— Скоро все твои знакомые узнают, какая ты свинья и извращенец, — сказал Прим, скотчем заклеивая Рёду рот, в который он только что засунул один из носков, оставленных болгари-

ном. — И примерно через день узнает и весь остальной мир. Как ты на это смотришь?

Тишина. Пара широко открытых глаз, по круглым щекам катятся слезы.

— Ну что ты, — произнес Прим. — Позволь немного утешить тебя, отец. Я не собираюсь выполнять свой первоначальный план: разоблачить тебя, покончить с собой и оставить тебя жить с публичным унижением. Потому что мне, в конце концов, хочется жить. Видишь ли, я встретил женщину, которую полюбил. И сегодня вечером собираюсь сделать ей предложение. Посмотри, что́ я купил для нее.

Прим достал из кармана брюк обтянутую темно-бордовым бархатом коробочку и открыл. Маленький бриллиант кольца сверкнул в луче, бьющем со штатива.

— Да, вместо самоубийства я решил прожить долгую счастливую жизнь, но для этого мне необходимо остаться неузнанным. А значит, вместо меня должны умереть те, кто знает обо мне. Умереть должен *ты*, отец. Понимаю, это достаточно тяжело само по себе, а ведь, кроме того, тебе известно, что имя твоей семьи останется запятнанным. Мама рассказывала мне, как это важно для тебя. Но, по крайней мере, тебе не

придется жить с этим унижением. Это, пожалуй, приятно, верно?

Прим снял указательным пальцем одну из слезинок Рёда и слизнул ее. В книгах пишут о горьких слезах, но разве в действительности не все слезы одинаковы на вкус?

— Плохая новость: сначала я хотел убить тебя медленно, чтобы компенсировать отсутствие унижения. Хорошая новость: я не стану убивать тебя слишком медленно, ведь скоро у меня свидание с возлюбленной. — Прим посмотрел на часы. — Ох ты, мне еще нужно заехать домой, принять душ и переодеться, так что нам лучше начать прямо сейчас.

Прим ухватился обеими руками за матрас. Двумя или тремя сильными рывками ему удалось вытащить матрас из-под Рёда, и железные пружины кровати заскрипели под весом приговоренного. Прим подошел к почерневшей кирпичной стене и взял походный примус, стоявший рядом с канистрой. Установил его под кроватью, под головой отчима, и зажег.

— Не знаю, помнишь ли ты, но это лучшая пытка команчей из книги, которую ты подарил мне на Рождество. Череп — будто котел, и через некоторое время твой мозг начнет закипать. Воз-

можно, тебя утешит, что паразиты в нем умрут раньше тебя.

Маркус Рёд корчился и метался из стороны в сторону. Несколько стальных пружин вонзились в кожу, и капли крови упали на покрытый пеплом пол. Потом со спины закапал пот. Прим наблюдал, как вздулись вены на шее и лбу Маркуса Рёда, когда тот попытался закричать сквозь кляп из шерстяного носка.

Прим смотрел на него. Ждал. Он сглотнул — внутри ничего не происходило. То есть что-то определенно было, но не то, чего он ожидал. Да, он готовился к тому, что месть может оказаться не такой сладкой, как он представлял себе, но… но не к такому. Не к тому, что вкус мести будет похож на горькие слезы его отчима. И это стало скорее шоком, чем разочарованием. Он ощутил жалость к лежащему на кровати. К разрушителю его детства, к виновнику самоубийства его матери. Он не хотел этого чувствовать! Была ли Она виновата в этом? Ведь это Она принесла любовь в его жизнь. В Библии сказано, что Любовь превыше всего. Так это правда? Превыше даже Мести?

Прим плакал и не мог остановиться. Он подошел к обугленной лестнице, нашел тяжелую старую лопату, присыпанную пеплом. Взял ее и

вернулся к железной кровати. Это не входило в план! Там было долгое страдание, а не сострадание! И все же он занес лопату над головой. Увидел отчаяние в глазах Маркуса Рёда; тот мотал головой из стороны в сторону, уклоняясь от лезвия, словно хотел прожить на несколько минут дольше, пусть даже в мучениях, чем умереть быстро.

Прим прицелился. И опустил лопату. Раз, другой. Три раза. Вытер брызги крови, попавшие в глаз, и наклонился, прислушиваясь к дыханию. Выпрямился и снова поднял лопату над головой.

После этого он выдохнул. Снова проверил время. Оставалось только уничтожить все следы. И надеяться, что удар лопатой не оставил на черепе следов, заставляющих усомниться, что это было самоубийство. Все остальное скоро уничтожит пламя. Он расстегнул ремни и убрал их в карман. Начало и конец видео, снятого на телефон Рёда, он обрезал, чтобы не выдавать присутствия другого человека и создать впечатление, будто Рёд сам отредактировал запись перед отправкой. Затем отметил все контакты в адресной книге Рёда, поставил время отправки на 00:30 и нажал «Отправить». Подумал обо всех этих испуганных, недоверчивых лицах в свете экранов. Стер отпечатки своих пальцев с телефона, прежде чем

спрятать его в пиджак Рёда, и заметил, что на телефоне восемь уведомлений о пропущенных вызовах. Три из них — от Юхана Крона.

Прим облил тело бензином. Дал жидкости впитаться и повторил процесс еще трижды, пока не убедился, что бензин достаточно пропитал тело. Облил оставшиеся балки и уцелевшие стены, готовые легко поддаться огню. Прошелся вокруг, поджигая их. Не забыл оставить зажигалку у кровати, создавая впечатление, что отчим напоследок поджег себя сам. Вышел из дома своего детства, встал на посыпанную гравием дорожку и поднял лицо к небу.

Мерзость закончилась. Взошла луна. Она была прекрасна и скоро станет еще прекраснее. Небесная роза для его возлюбленной. Он скажет ей это. Именно эти слова.

ГЛАВА 47
Пятница
Черныш

Возвратись, Черныш, к нему,

К пастушонку своему…

Катрина пропела последнюю ноту почти беззвучно, пытаясь определить по дыханию Герта, заснул ли он. Да, малыш дышал глубоко и ровно. Она подтянула одеяло повыше и приготовилась уходить.

— А где дядя Халя?

Она посмотрела в широко открытые голубые глаза. Как Бьёрн мог не заметить, что это глаза Харри? Или он знал это с самого первого дня, еще в родильном зале?

— Дядя Харри в больнице, его друг приболел. Но тут рядом бабушка.

— Куда ты идёс?

— В местечко под названием Фрогнерсетерен[130]. Это почти в лесу, высоко на холме.

---

[130] Notes: 130

Фрогнерсетерен — ресторан, расположенный на опушке леса на высоте 469 м над уровнем моря недалеко от одноименной станции метро на холме Холменколлен. Это самая высокая станция метро в Осло.

Может, мы с тобой как-нибудь туда съездим.

— И дядя Халя.

Она улыбнулась, и почувствовала, как кольнуло сердце.

— И, может быть, дядя Харри, — согласилась она, надеясь, что никого не обманывает.

— Там есть медведи?

Она покачала головой.

— Никаких медведей.

Герт закрыл глаза и через несколько мгновений уже спал.

Катрина с трудом отвела от него взгляд. Посмотрела на часы. Половина девятого. Пора идти. Она поцеловала Герта в лоб и вышла из комнаты. Услышала в гостиной слабое позвякивание спиц свекрови и заглянула.

— Он спит, — шепнула она. — Я пошла.

Свекровь кивнула и улыбнулась:

— Катрина!

Катрина остановилась.

— Да?

— Можешь кое-что пообещать мне?

— Что?

— Что хорошо проведешь время.

Катрина встретилась взглядом с пожилой женщиной. И поняла, о чем она. О том, что ее сын

давно мертв и лежит в могиле, что жизнь должна продолжаться. Что она, Катрина, должна жить дальше. Катрина почувствовала комок в горле.

— Спасибо, мама, — прошептала она. Это был первый раз, когда Катрина назвала свекровь мамой — и увидела, как ее глаза наполняются слезами.

Катрина быстрым шагом направилась к станции метро рядом с Национальным театром. Она не стала наряжаться. Как и советовал Арне, надела теплую куртку и практичную обувь. Значит ли это, что они будут ужинать в части ресторана, расположенной снаружи, где установлены уличные обогреватели и открывается прекрасный вид? И над головой будет только небо? Катрина взглянула на луну.

Ее телефон зазвонил. Это снова был Харри.

— Звонил Юхан Крон, — сообщил он. — Просто к сведению. Маркус Рёд сбежал от телохранителей.

— Этого следовало ожидать, — отозвалась она. — Он же наркоман.

— Охранная компания отправила людей на площадь Йернбанеторгет. Там его нет. Он не вернулся домой и не отвечает на звонки. Конечно, он мог отправиться куда-нибудь еще, чтобы раз-

добыть наркоту, а потом в какое-то другое место праздновать освобождение. Просто подумал, что тебе следует знать.

— Спасибо. Но я планировала этим вечером не думать о Маркусе Рёде и сосредоточиться на людях, которые мне нравятся. Как там Столе?

— Удивительно хорошо для человека, чья смерть так близко.

— Правда?

— Он думает, так его приветствует Мрачный Жнец. Заставляет его добровольно переступить порог Аида.

Катрина не смогла сдержать улыбки.

— Похоже на Столе. Как его жена и дочь?

— Хорошо держатся. Справляются.

— Окей. Передай им большой привет от меня.

— Передам. Герт спит?

— Да. По-моему, он слишком часто упоминает тебя.

— Новый дядя, о котором ты раньше не слышал, — это всегда волнительно. Хорошего тебе свидания в ресторане. Не поздновато для ужина?

— Так получилось. Возникли проблемы с распределением задач в отделе криминалистической экспертизы. Кстати, Сон Мин должен был ужинать с партнером. Он знает, что…

— Да, я позвонил ему насчет Рёда.

— Спасибо.

Они завершили разговор, и Катрина спустилась в метро.

* * *

Харри опустил взгляд на свой телефон. После разговора с Катриной у него высветилось уведомление о пропущенном звонке. Номер Бена. Он тут же перезвонил.

— Доброе утро, Харри. Мы с другом побывали на Доэни-драйв. Боюсь, Люсиль там нет. Я позвонил в полицию. Возможно, они захотят поговорить с тобой.

— Понятно. Дай им мой номер.

— Я так и сделал.

— Окей. Спасибо.

Закончив разговор, Харри закрыл глаза и тихо выругался. Должен ли он сам позвонить в полицию? Нет, если Люсиль все еще у парней-«скорпионов», таким звонком он поставит под угрозу ее жизнь. Он ничего не мог поделать, только ждать. Ему пришлось на время перестать думать о Люсиль, потому что — о нелегкая мужская доля! — в его распоряжении был всего лишь обычный мозг, способный сосредоточиться

только на чем-то одном, и то не всегда, а прямо сейчас он должен был с помощью этого мозга непременно поймать убийцу.

Когда Харри вернулся в палату 618, Джибран уже встал с постели и сидел с Эйстейном и Трульсом у кровати Эуне. На одеяле лежал телефон.

— Только что вошел Холе, — сказал Эуне в сторону телефона, прежде чем повернуться к Харри. — Джибран считает, что если убийца вывел нового паразита, значит, он наверняка проводил какие-то исследования в области микробиологии.

— Хельге из Института судебно-медицинской экспертизы думает так же, — согласился Харри.

— На свете немного людей, работающих в этой области, — продолжал Эуне. — У нас на связи профессор Лёкен, который возглавляет исследовательское микробиологическое отделение Университетской больницы Осло. Он говорит, что знает только одного исследователя мутировавших паразитов Toxoplasma gondii. Профессор Лёкен, как звали этого человека?

— Штайнер, — раздалось с одеяла. — Фредрик Штайнер, паразитолог. Он проделал долгий путь в разработке подвида, который мог бы использовать людей в качестве первичных хозяев.

Эти исследования пытался продолжить его родственник, но он не смог добиться финансовой поддержки и потерял возможность заниматься исследованиями у нас.

— Ты можешь сказать почему? — спросил Эуне.

— Насколько я помню, из-за неэтичности методов.

— Что это значит?

— Не знаю точно, но в данном случае, полагаю, речь шла об экспериментах на живых людях.

— Это Харри Холе, профессор. Ты хочешь сказать — он заражал людей?

— Да. Толком ничего не доказано, но ходили такие слухи.

— Как звали этого человека?

— Я не помню, это было давно, и проект просто остановили. Такое нередко случается, необязательно даже из-за каких-то препятствий, иногда исследование просто не показывает прогресса. Сейчас, пока мы говорим, я поискал Штайнера в базе ученых и исследователей, это база персонала не только нашей больницы, а всей Скандинавии. К сожалению, такую фамилию я вижу только у Фредрика. Если это важно, я могу поговорить с кем-нибудь, кто занимался паразитологией в то

же время, что и он.

— Мы были бы очень признательны, — ответил Харри. — А далеко ли продвинулся в своих исследованиях его родственник?

— Нет, иначе я узнал бы об этом.

— А можно глупый вопрос? — спросил Эйстейн.

— Как правило, такие вопросы самые лучшие, — отозвался Лёкен. — Задавай.

— С какой вообще стати финансируют исследования по выведению или селекции паразитов, которые используют людей как хозяев? Разве это, попросту говоря, не вредно?

— Что я говорил о лучших вопросах? — усмехнулся Лёкен. — При слове «паразит» люди, как правило, вздрагивают. И это понятно, ведь многие паразиты опасны и наносят хозяевам вред. Но также многие паразиты исполняют для хозяина важную медицинскую миссию: сохраняют его жизнь и здоровье, поскольку заинтересованы в этом. Так как паразиты выполняют такую миссию для животных, не исключено, что они могут выполнять ее и для людей. Штайнер был одним из немногих в Скандинавии, кто занимался исследованиями по выведению полезных паразитов, а на международном уровне эта тема актуальна уже

много лет. Вот увидите: пройдет очень немного времени, и какой-нибудь исследователь-паразитолог получит Нобелевскую премию.

— Или даст нам самое совершенное биологическое оружие? — спросил Эйстейн.

— А ты еще называл себя глупцом! — откликнулся Лёкен. — Да, именно так — даст оружие.

— Спасением мира займемся в другой раз, — заявил Харри. — А сейчас мы заинтересованы в спасении следующей жертвы из списка убийцы. Мы знаем, что сегодня вечер пятницы, но ты сам спрашивал, важно ли это…

— Теперь я понимаю, насколько важно. Я читал о тебе в газетах, Холе. Прямо сейчас я сделаю несколько звонков, а потом снова свяжусь с вами.

Они завершили разговор.

Члены группы посмотрели друг на друга.

— Кто-нибудь голоден? — спросил Эуне.

Остальные покачали головами.

— Но вы же давно не ели, — отметил Эуне. — У вас пропал аппетит из-за этого запаха?

— Какого запаха? — спросил Эйстейн.

— Из моего кишечника. Ничего не могу с этим поделать.

— Доктор Столе, — заявил Эйстейн, похлопывая

Эуне по руке, лежащей на одеяле, — если здесь чем-то и пахнет, то от меня.

Эуне улыбнулся. У него на глазах выступили слезы: от боли или потому что он растрогался — невозможно было догадаться. Харри смотрел на друга, а в голове его тем временем метались мысли. Точнее говоря, *он* метался среди своих мыслей в поисках одной-единственной. У [broken external link: file://%25d0%25a3/] него было чувство, будто он уже что-то знает, но не видит, и найти это невидимое надо обязательно. *Одно* он знал точно и видел ясно: дело не терпит отлагательства.

— Джибран, — медленно выговорил он.

Наверное, это прозвучало как-то по-особенному, потому что остальные повернулись к Харри с ощущением, что сейчас последует что-то важное.

— А как пахнут кишечные соки?

— Кишечные соки? Не знаю. Судя по запаху изо рта людей с кислотным рефлюксом — похоже на тухлые яйца.

— М-да… То есть не как мускус?

Джибран покачал головой.

— Не у людей, насколько я знаю.

— Что значит — не у людей?

— Я вскрывал кошек, и их желудки отчетливо

пахнут мускусом. Он выделяется из анальных желез. Животные используют мускус, чтобы метить территорию или привлекать партнеров в брачный сезон. В древней исламской традиции говорилось, что запах мускуса — это запах рая. Или смерти — зависит от точки зрения.

Харри смотрел на ветеринара. Но в его сознании звучал голос Люсиль: «*Мы воспринимаем это так, поскольку думаем, что именно в этом порядке строки возникли в голове поэта. Вообще-то, ничего удивительного: люди склонны верить, что происходящее сейчас — это результат произошедшего раньше, а не наоборот*».

Мухлеж с наркотиками, подозрения — и раскрытие информации о том, что партию наркотиков чем-то разбавили. Такова была последовательность событий, которую они машинально сочли достоверной. Но некий автор изменил порядок. Теперь Харри понял, что их одурачили и что, возможно, он буквально *разнюхал*, кто это сделал.

— Трульс, мы можем поговорить наедине?

Они с Трульсом вышли в коридор. Остальные трое смотрели им вслед.

Харри повернулся к бывшему коллеге.

— Трульс, я знаю, ты говорил, что не жульничал с кокаином. И знаю, что у тебя есть все причины

лгать об этом. Мне насрать, что́ ты там натворил, и думаю, ты мне веришь. Так вот — я спрошу тебя еще раз. Это был ты? Или, может, кто-то, кого ты знаешь? Подумай пять секунд, прежде чем ответить.

Трульс набычился. Но кивнул. Помолчал. Сделал пять глубоких вдохов. Открыл рот. Снова закрыл — будто осененный какой-то мыслью. Затем заговорил:

— Знаешь, почему Бельман не запретил нашей группе продолжать расследование?

Харри помотал головой.

— Потому что я пришел к нему и сказал, что, если он запретит, я сообщу, что он убил наркоторговца из мотоклуба в Алнабру. Тело этого наркоторговца я залил цементом в полу террасы нового дома Бельмана в Хёйенхалле. Если ты мне не веришь, достаточно просто найти там тело.

Харри долго смотрел на Трульса.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

Трульс фыркнул. Его лоб еще был красным.

— Чтобы доказать, что я с тобой честен, понял? Я только что дал тебе верный способ упрятать меня за решетку на долгие годы. С чего мне признаваться в таком — и при этом умалчивать, что я подсыпал немного дерьма в кокаин, рискуя

максимум парой лет тюремного срока?

Харри кивнул.

— Понял.

— Хорошо.

Харри почесал в затылке.

— А как насчет двоих, которые вместе с тобой забирали наркотик?

— Без вариантов, — возразил Трульс. — Я нес наркотик от таможни в аэропорту до машины, а из машины до склада конфиската, не выпуская из рук.

— Хорошо, — произнес Харри. — Я уже говорил — по-моему, наркотик разбавил кто-то из таможенников или работник со склада конфиската. А ты как думаешь?

— Не знаю.

— Не знаешь — это-то понятно, но что ты *думаешь*?

Трульс пожал плечами.

— Я знаю людей, ответственных за хранение этой партии на складе конфиската, и никто из них не мошенник. Думаю, просто неправильно взвесили.

— Считаю, ты прав. Потому что есть и третья возможность, и я ее не учел, такой уж я идиот. Возвращайся в палату, я подойду через секунду.

Харри попытался дозвониться до Катрины — безуспешно.

— Ну? — спросил Эйстейн, когда Харри вернулся и снова сел у кровати. — И что мы трое не должны были слышать после всего, через что прошли вместе?

Джибран улыбнулся.

— Мы заблуждались относительно порядка событий, — объяснил Харри.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда криминалисты получили партию кокаина, ее еще никто не разбавлял. Как сказал Трульс, в аэропорту просто немного ошиблись при взвешивании. Из-за ошибки и возникло расхождение в весе. А разбавили кокаин уже после. Его разбавил эксперт-криминалист, который проводил анализ партии.

Остальные недоверчиво уставились на него.

— Представьте, — продолжал Харри, — вот ты работаешь в Кримтекниск, отделе криминалистической экспертизы, и на анализ присылают партию почти чистого кокаина, потому что таможенники заподозрили кражу части партии и замену украденного другим веществом. И ты понимаешь: нет, кокаин чистый, его ничем не разбавили. Но ты знаешь, что таможенники уже

подозревают кого-то другого, и не упускаешь свой шанс. Забираешь из партии немного чистого кокаина, восполняешь нехватку левамизолом — и возвращаешь с заключением, что кто-то действительно разбавил наркотик до того, как он поступил в Кримтекниск.

— Прекрасно! — проговорил Эйстейн дрожащим от возбуждения голосом. — Если ты прав, этот человек чертовски коварен!

— Или коварна, — добавил Эуне.

— Это мужчина, — возразил Харри.

— Откуда ты знаешь? — спросил Эйстейн. — Разве в Кримтекниск не работают женщины?

— Работают, но помните парня, который подошел к нам в баре «Ревность» и сказал, что подавал заявление в полицейский колледж, а на собеседование не пошел, потому что захотел изучать что-то другое?

— Парень Братт?

— Да. Тогда я не придал этому особого значения, но он сказал, что выбранная им сфера деятельности все же допускает его участие в расследованиях. А сегодня вечером Катрина проговорилась, что они собираются ужинать в ресторане «Фрогнерсетерен» довольно поздно, потому что в Кримтекниск сегодня много дел.

Не у нее много дел, а у него. Ты слышал о каком-нибудь Арне из отдела криминалистической экспертизы, Трульс?

— Сейчас там много новых людей. А я вообще-то не кружу по отделу, чтобы… — Он покачал головой, словно подыскивая нужное слово.

— … завести себе новых друзей? — подсказал Эйстейн.

Трульс посмотрел на него предостерегающе, но кивнул.

— Я понимаю, почему это может быть кто-то из криминалистов, — согласился Эуне. — Но почему ты так уверен и почему думаешь на парня Катрины? Намекаешь на случай Кемпера?

— И на это тоже.

— Алё, — вмешался Эйстейн. — О чем вы сейчас толкуете?

— Эдмунд Кемпер, — объяснил Эуне. — Серийный убийца 1970-х годов, которому нравилось дружить с полицейскими. Это было типично для нескольких серийных убийц. Они вступают в контакт с копами, которые, по их предположениям, будут расследовать убийства, совершенные ими. Кемпер тоже подавал заявление в полицейский колледж.

— Да, тут есть сходство, — подтвердил Харри. —

Но больше всего меня беспокоит характерный запах. Мускус. Так пахнет влажная или разогретая кожа. Хелена Рёд говорила, что чувствовала этот запах на вечеринке. Я почувствовал этот запах в морге, когда там лежала Хелена Рёд. Я почувствовал его, когда присутствовал при разрезании глаза Сюсанны Андерсен. И я чувствовал его же в баре «Ревность» в тот вечер, когда мы познакомились с парнем по имени Арне.

— Я ничего не почувствовал, — возразил Эйстейн.

— Там пахло мускусом, — ответил Харри.

Эуне приподнял бровь.

— Ты заметил этот аромат среди запаха сотни других потеющих мужчин?

— Он чертовски специфический, — пояснил Харри.

— Может, у тебя токсоплазмоз? — с притворным беспокойством предположил Эйстейн. — Он тебя… возбудил?

Трульс издал хрюкающий смешок.

Харри ощутил внезапное болезненное дежавю. Бьёрн Хольм очень тщательно прибрался после убийства Ракель.

— Это также объяснило бы, почему криминалисты не находили никаких улик на местах

преступлений и на телах, — проговорил он. — Он профессионал и умело убирал за собой.

— Конечно! — подхватил Трульс. — Если бы мы нашли хоть что-нибудь с его ДНК…

— ДНК каждого, кто работает на местах убийств и с трупами, загружена в базу данных, — добавил Харри. — Так мы можем убедиться, что какой-нибудь волосок принадлежит недостаточно осторожному судмедэксперту.

— Если это все же Арне, — произнес Эуне, — сегодня вечером он с Катриной. В ресторане «Фрогнерсетерен».

— То есть практически в лесу, — уточнил Эйстейн.

— Знаю, и я пытался до нее дозвониться, — ответил Харри. — Она не берет трубку.

— Столе, как ты думаешь, нам стоит волноваться?

Эуне пожал плечами.

— Как я понимаю, они с Катриной уже какое-то время встречались. Если бы он собирался ее убить, то вероятно, уже сделал бы это. Он может передумать только по какой-то причине.

— Например?

— Самым опасным с ее стороны было бы сделать что-то такое, отчего он почувствовал бы себя

униженным. Например, отвергнуть его.

ГЛАВА 48
Пятница
Лес

У окна квартиры на третьем этаже многоквартирного дома на Ховсетере[131] стояла Тхань и смотрела вниз. В руке она держала телефон. Было без одной минуты девять. Она смотрела на машину, уже почти пять минут стоявшую у двери подъезда. Это была машина Юнатана. Тхань вздрогнула от звонка телефона. Цифры на экране показывали девять часов. Ровно.

Она вспомнила все отговорки, какие придумала и отвергла за последний час. Нажала «принять звонок».

— Да?

— Я у подъезда.

— Хорошо, иду, — ответила она и бросила телефон в сумочку. — Я ушла! — крикнула она из коридора.

— Tam biêt[132], — откликнулась из гостиной

---

[131] Notes: 131
Ховсетер — спальный район в западной части Осло.

[132] Notes: 132
Tam biêt — до свидания (вьетн.).

ее мать.

Тхань закрыла за собой дверь и спустилась на лифте. Не потому, что ленилась ходить по лестнице — обычно именно ею она и пользовалась — а потому, что теоретически лифт мог сломаться, застрять, и потребовалось бы вызывать пожарную команду и отменять все прочие планы.

Но лифт не сломался. Тхань вышла на улицу. Ночь была непривычно теплой для последних дней сентября, тем более что небо оставалось безоблачным.

Юнатан перегнулся через пассажирское сиденье и распахнул перед ней дверцу. Тхань села в машину.

— Привет.

— Привет, Тхань.

Машина тронулась. Тхань поразило, что он назвал ее по имени. В магазине он никогда так не поступал.

Когда они выехали на главную дорогу, он направил машину на запад.

— Что ты хотел мне показать? — спросила Тхань.

— Кое-что красивое. Кое-что специально для тебя.

— Для меня?

Он улыбнулся.

— И для меня тоже.

— Ты не можешь сказать, что это?

Он покачал головой. Она сидела, держа его в поле бокового зрения. Он был каким-то другим. Во-первых, назвал ее по имени, и к тому же она ни разу не слышала от него слов типа «красивое» или «специально для тебя». Да, она волновалась, почти боялась перед тем, как села в машину, но что-то — возможно, то, как он говорил, — успокоило ее.

И вот он улыбнулся, будто заметил, что она украдкой разглядывает его. «Может, он такой, когда не на работе», — подумала Тхань. Но потом вспомнила, что она подчиненная, а он начальник, так что в каком-то смысле они и сейчас на работе. Или нет?

Ховсетер располагался в западной части города, и через несколько минут они уже миновали Рёа, поле для гольфа в Бугстаде, и углубились в долину Сёркедален, с обеих сторон окруженную огромным густым еловым лесом.

— Ты знаешь, что в этих краях видели медведей? — спросил он.

— Медведей? — со страхом переспросила она.

Он не стал смеяться над ее боязнью, просто

улыбнулся. Раньше она не замечала, что у него приятная улыбка. А может, замечала, просто не позволяла этой мысли закрепиться в голове. В конце концов, в магазине ее начальник так редко улыбался… неудивительно было забыть с прошлого раза, как эта улыбка выглядит. Как будто Юнатан боялся выдать то, чего не хотел ей показывать. Но теперь он как раз хотел показать что-то. Что-то «красивое».

Зазвонил телефон Тхань, снова заставив ее вздрогнуть.

Она посмотрела на дисплей, отклонила вызов и вернула телефон в сумку.

— Не стесняйся ответить, если хочешь, — сказал он.

— Я не отвечаю по неизвестным номерам, — объяснила Тхань. Это была ложь — она узнала номер Сон Мина, полицейского. Но, конечно, она не могла сказать об этом, не желая разозлить Юнатана.

Он включил поворотник и сбросил скорость. Тхань не видела никакого съезда — поворот появился внезапно, словно ниоткуда. ее сердце забилось быстрее, когда под колесами захрустел гравий узкой дороги. Фары были единственным источником света, лес окружал их черными

стенами.

— Где… — начала она, но осеклась, опасаясь выдать, как дрожит ее голос.

— Не бойся, Тхань. Я просто хочу сделать тебя счастливой.

Ее разоблачили. «Сделать тебя счастливой»?.. Теперь она сомневалась, что ей нравится, когда он говорит подобные странности.

Он остановил машину, выключил двигатель и фары — и внезапно они оказались в полной темноте.

— Ну вот, — сказал он. — Выходим здесь.

Она глубоко вздохнула. В его голосе звучало такое спокойствие, что оно, должно быть, оказало гипнотический эффект: теперь Тхань больше не чувствовала страха, только волнение. Показать ей наедине… что-то красивое. Она не знала почему, но вдруг ей пришло в голову, что вообще-то это не так уж странно. Ведь этого она ждала, да, на это надеялась. Сильное беспокойство, которое она испытывала весь день, было похоже на волнение невесты в день свадьбы. Она вышла из машины, вдохнула свежий вечерний воздух и запах ельника… И паника вернулась. Юнатан настоял, чтобы она не рассказывала о встрече ни единой живой душе — и поэтому она, идиотка,

так и сделала. Абсолютно никто не знал, что сейчас она тут. Девушка сглотнула. В какой момент ей следовало бы сказать «стоп, я хочу домой»? Если она сделает это сейчас — разве это не разозлит его так, что, может быть… может быть — что?

— Можешь оставить сумку, — предложил он, открыв заднюю дверцу со своей стороны.

— Я хотела бы взять телефон с собой, — возразила она.

— Как хочешь, но тогда положи его в карман. Там может быть холодно. — Он протянул ей стеганую куртку. Тхань надела ее. От куртки пахло. Возможно, это был запах Юнатана. И костра. По крайней мере, куртка недавно была рядом с открытым огнем.

Юнатан надел и включил налобный фонарь, отвернувшись перед этим, чтобы не ослепить Тхань.

— Пошли!

Он шагнул через неглубокую придорожную канаву прямо в лес, и Тхань оставалось только перескочить вслед за ним. Они углубились в чащу. Если они и шли по тропе, то Тхань ее не различала. Двигались в гору, и Юнатан то и дело останавливался и отодвигал ветки, чтобы Тхань было легче идти.

Они вышли на открытую вересковую пустошь, залитую лунным светом. Тхань решила проверить телефон, и ее сердце екнуло: связи не было.

Когда она снова подняла глаза, выяснилось, что свет экрана ослепил ее, так что теперь она видела только глухую темноту. Девушка заморгала.

— Сюда.

Она пошла на голос. Различила Юнатана — тот стоял на опушке леса и протягивал ей руку. Тхань взялась за нее не задумываясь. Теплая, сухая ладонь. Юнатан повел ее дальше в глубь леса. Может, сорваться с места и убежать? Но куда? Она уже не представляла, в какой стороне осталась дорога, в какой — город, а здесь, в лесу, он все равно ее догонит. Если она будет сопротивляться, наверное, только спровоцирует его быстрее сделать задуманное. Она почувствовала подступающие слезы — и одновременно в ней вспыхнула воля к сопротивлению. Она не какая-нибудь беспомощная, наивная девочка, к тому же часть ее мозга сообщает ей, что все в порядке, так зачем кормить паранойю? Скоро она поймет, чего он хочет, и это будет похоже на ночные кошмары, от которых просыпаешься и понимаешь, что все это время благополучно лежал в постели. Юнатан собирается показать ей что-то красивое — вот

и все. И вместо того, чтобы отпустить его руку, Тхань сжала ее чуть крепче — и, несмотря ни на что, эта рука казалась удивительно безопасной.

Когда он остановился, она вздрогнула.

— Пришли, — шепнул он. — Ложись сюда.

Она посмотрела на место, куда он светил фонарем. Это было что-то вроде ложа из сосновых веток. Словно почувствовав ее колебания и желая показать, что это безопасно, Юнатан лег сам и жестом предложил ей сделать то же самое. Она глубоко вздохнула, подыскивая слова для отказа. Облизнула губы. И увидела, как он со счастливым, мальчишеским выражением лица приложил к своим губам указательный палец. Ей почудился в этом восторг заговорщика, совсем как у ее младшего брата, когда он и Тхань делали вдвоём что-то запрещенное. Поэтому или почему-то еще, но Тхань послушалась и легла. Теперь она различала, что рядом — небольшое кострище, будто кто-то не раз бывал здесь прежде, хотя они находились в лесной глуши, где вряд ли предполагалось разбивать лагерь. С места, где они лежали, Тхань могла видеть небо и луну среди верхушек деревьев. Что он хотел ей показать?

Она почувствовала его дыхание у своего уха.

— Ты должна вести себя тихо-тихо, Тхань. Мо-

жешь перевернуться на живот? — Его голос, его запах… Это было так, словно человек, который, как она всегда знала, находился внутри Юнатана, в конце концов вышел на свет. Или, скорее, в темноту.

Она сделала, как он сказал. Она не боялась. И когда увидела его руку прямо перед своим лицом, у нее возникла единственная мысль: вот оно — сейчас это произойдет.

* * *

Сон Мин поднял бокал за Криса. После звонка Харри он подвел итоговую черту под рабочей неделей, позвонив Тхань, чтобы договориться о выгуле собаки и узнать, не воспользуется ли она возможностью рассказать ему что-нибудь о своем боссе. Она не ответила на звонок. Это не имело особого значения: Сон Мин очень тщательно проверил Юнатана и не обнаружил ни следа чего-либо криминального ни в его прошлом, ни в настоящем. Он тут же решил отбросить подозрения. Таким был метод, которому он неуклонно следовал: придерживаться строгих и опробованных принципов расследования. Пора уже выучить: нельзя чересчур часто прислушиваться к интуиции, потому что идти у нее на поводу

слишком просто он знал: чтобы выжить, расследуя убийства, надо разделять работу и личное время. А для этого нужно уметь переключать внимание между тем и другим. И теперь он переключился на Криса. На их с Крисом отношения. На этот ужин и на вечер, который они решили провести вместе. Когда Сон Мин приехал к нему, атмосфера была слегка напряженной, в ней еще звучало эхо недавней ссоры. Но постепенно становилось легче. Ужин обещал пройти приятно, а за ним явно просматривался отличный примирительный секс.

Вот почему, почувствовав вибрацию телефона, на котором опять высветилось имя Харри, и увидев, что Крис глядит на него, приподняв бровь, как бы давая понять, что тот самый примирительный секс сейчас поставлен на карту, — Сон Мин решил не отвечать на звонок. Разумеется, вопрос Харри может подождать. Сон Мин приказал указательному пальцу своей правой руки нажать «отклонить», но палец не подчинился. Сон Мин тяжело вздохнул и сделал извиняющееся лицо.

— Если я не отвечу, он будет названивать всю ночь. Обещаю — это займет всего двадцать секунд. — Не дожидаясь ответа, Сон Мин отодвинул стул и выбежал на кухню, показывая Крису, что

действительно собирается уложиться в двадцать секунд. — Давай быстро, Харри.

— Хорошо. Работает ли в Кримтекниск кто-нибудь по имени Арне?

— Арне? Никого такого не могу вспомнить. Как его фамилия?

— Не знаю. Не мог бы ты выяснить, кто в Кримтекниск проводил анализ конфискованного зеленого кокаина?

— Конечно, завтра же этим займусь.

— Надо сейчас.

— Сейчас, вечером?

— Сейчас — в пределах пятнадцати минут.

Сон Мин сделал паузу, чтобы дать Харри время осознать, как неразумно звучит такая просьба вечером в пятницу, да еще к тому, кто технически был его начальником. Не услышав ни уточнений, ни извинений, Сон Мин прочистил горло:

— Харри, я хотел бы помочь, но прямо сейчас у меня кое-какие личные дела, которым я должен уделить все свое внимание. За двенадцать часов факты не изменятся. Мой преподаватель в полицейской академии цитировал твои слова: расследование серийных убийств — это не спринт, а марафон. В нем важно распределять силы. Мои двадцать секунд уже истекли, Харри.

Я перезвоню тебе завтра утром.

— М-м.

Сон Мин хотел отвести телефон от уха, но рука снова отказалась повиноваться.

— Катрина сейчас с этим самым Арне, — сказал Харри.

* * *

Крис считал секунды. Его раздражало, что их прошло уже больше тридцати, когда Сон Мин снова сел напротив. А еще больше раздражало, что его парень не смотрел ему в глаза. По крайней мере до того, как сделал глоток красного вина, название которого Крис уже успел забыть. Он ощущал беспокойство Сон Мина, то самое, которое заставляло Криса чувствовать себя вторым номером — в лучшем случае вторым.

— Ты собираешься работать, верно?

— Нет, нет, расслабься. Сегодня вечером мы повеселимся, Крис. Почему бы тебе не отнести этот бокал на диван? А я поставлю пластинку с третьей симфонией Брамса. Я принес ее с собой.

Крис подозрительно взглянул на Сон Мина, однако прошел вместе с ним в гостиную. Именно Сон Мин убедил Криса купить проигрыватель для винила. Пока Сон Мин ставил пластинку,

Крис откинулся на спинку дивана.

— Закрой глаза! — велел Сон Мин.

Крис подчинился, и мгновение спустя в комнате зазвучала музыка. Он ждал, что диван подастся под весом Сон Мина рядом, где он оставил свободное место, но этого не происходило. Крис открыл глаза.

— Эй! Сон Мин! Где ты?

Из кухни раздался ответ:

— Я только сделаю пару коротких звонков, ладно? А ты пока хорошенько вслушайся в партию виолончелей.

ГЛАВА 49
Пятница
Кольцо

Ресторан «Фрогнерсетерен» расположен высоко над Осло, между виллами богатых горожан и их любимыми пешеходными маршрутами. Посетители внутренних залов ресторана были в костюмах и платьях, те же кто направлялся на открытую террасу, оделись по-походному. От конечной станции метро до ресторана шесть минут ходьбы, и когда Катрина добралась до места, то сразу увидела Арне — тот сидел один за просторным массивным деревянным столом на открытой террасе ресторана. Он встал и широко раскинул руки. Его добрые печальные глаза улыбались из-под плоской кепки. Катрина с некоторой неохотой шагнула в его сердечные объятия.

— Не замерзнем? — спросила она, когда они сели. — Уличные обогреватели не включены. А внутри, похоже, есть свободные столики.

— Да, но если мы зайдем внутрь, то не увидим кровавую луну.

— Пожалуй, верно.

И все же она уже дрожала: внизу, в городе, все еще не по сезону тепло, но здесь, наверху, пробирало холодом. Катрина подняла глаза на бледную луну. Та была в полной фазе, но выглядела вполне обычно.

— Когда появится кровь?

— Это не кровь, — усмехнулся он.

Порой Катрина досадовала, что он воспринимает ее слова буквально, словно она ребенок. Нынче же, когда в голове столько тревожных мыслей, а на сердце давящее ощущение, что ей следовало бы сейчас работать, ведь время явно выступает не на их стороне, это раздражало еще сильнее.

— Затмение происходит, потому что Земля находится между Солнцем и Луной. Таким образом, на короткое время Луна оказывается в тени Земли, — объяснял он. — Следовательно, Луна должна становиться черной. Но при прохождении через атмосферу направление солнечных лучей меняется, ведь атмосфера имеет определенную плотность. Разве ты не помнишь этого из школьного курса физики, Катрина?

— Я шла по гуманитарной линии, изучала языки.

— Понятно. Так вот — когда солнечный свет

падает на Землю, атмосфера Земли преломляет лучи, пропускает красную часть спектра, и эти преломленные лучи освещают поверхность Луны.

— Вот как! — насмешливо воскликнула Катрина. — Оказывается, это свет, а не кровь?

Арне улыбнулся и кивнул.

— С незапамятных времен человек с удивлением смотрит на небо. Мы продолжаем это делать даже сейчас, когда знаем так много. Я думаю, это происходит потому, что в необъятности пространства есть нечто успокаивающее. На его фоне мы и наши короткие жизни кажутся такими маленькими и незначительными. Такими же кажутся и наши проблемы. Сейчас мы здесь, а завтра исчезнем — так зачем тратить отпущенный нам короткий срок на всяческие треволнения? Это время надо использовать как можно лучше. Вот почему сейчас я попрошу тебя очистить свой разум, отключить телефон, выключить этот мир. Потому что этим вечером мы с тобой будем наедине с двумя величайшими явлениями. Со Вселенной… — Он накрыл ее руку своей. — И с Любовью.

Эти слова тронули Катрину. Да, тронули, ведь она была человеком простым. И в то же время

чувствовала, что оказалась бы тронута куда глубже, произнеси эту речь кто-то другой, не Арне. К тому же она не знала, сможет ли оставаться спокойной, если отключит телефон: во-первых, за Гертом сейчас присматривает бабушка, а не она сама, его мать, и, во-вторых, Катрина по-прежнему отвечает за расследование убийства, потому что преступление вовсе не раскрыто, как они думали всего несколько часов назад.

Но она сделала, как он попросил. Отключила телефон. Так прошел час. Всё это время, пока они ели и пили, на уме у нее было только одно: как бы прокрасться в туалет, включить телефон и проверить, нет ли пропущенных звонков или сообщений. Конечно, она могла бы сказать прямо, что, как планеты Арне не перестают вращаться, так же не останавливается и жизнь Осло. Словно вторя ее мыслям, до нее донесся отдаленный звук пожарной сирены, раздававшийся где-то внизу, в городской суете. Но она не хотела портить Арне эту ночь. В конце концов, он не знал, что это его последняя встреча с ней. Да, он говорил очень милые вещи, но это был уже перебор. Слишком много Пауло Коэльо, как сказал бы Харри.

— Ну что, пойдем? — спросил Арне, расплатившись.

— Куда?

— Я знаю место наверху, где меньше света. Оттуда еще лучше видно кровавую луну.

— Где наверху?

— У лыжного парка «Триванн»[133]. Всего несколько минут ходьбы. Пойдем, затмение начнется через… — он взглянул на часы, — восемнадцать минут.

Арне надел маленький рюкзачок. Когда Катрина спросила, что у него там, он лишь лукаво подмигнул и предложил ей руку. Они направились в сторону Триванна. С вершины горы над озером они видели уходящую в небо стометровую телебашню. Уже много лет с нее не шли сигналы, и она просто стояла, как безоружный страж у ворот Осло. Время от времени мимо Катрины и Арне проезжали машины, пробегали трусцой спортсмены, но когда они свернули на тропинку вдоль озера, там было пустынно.

— Хорошее место. — Он указал на бревно.

Они сели. Лунная дорожка желтой разделительной линией лежала на черной, как асфальт, воде перед ними. Он обнял Катрину за плечи.

— Расскажи мне о Харри.

---

[133] Notes: 133

Триванн — парк, зимний горнолыжный курорт рядом с Осло, считается самым посещаемым в Норвегии.

— О Харри? Почему о нем? — застигнутая врасплох, спросила Катрина спросила

— Вы любите друг друга?

Она то ли рассмеялась, то ли закашлялась — сама не поняла.

— Почему, черт возьми, ты так подумал?

— У меня есть глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда я увидел его в том баре, меня осенило, что он вылитый Герт. Или наоборот. — Арне рассмеялся. — Да не волнуйся ты так, Катрина. Я никому не расскажу.

— Откуда ты знаешь, как выглядит Герт?

— Ты показывала мне фотографии. Не помнишь?

Катрина промолчала, прислушиваясь к сирене, воющей внизу, в городе. Где-то что-то горело, а она находилась не там, где была нужна. Всё так просто, но как объяснить ему это? Может, воспользоваться клише «дело не в тебе, а во мне»? В конце концов, это ведь правда. Она умудрилась разрушить все хорошее в своей жизни, сохранив только Герта. Было очевидно, что мужчина, сидящий рядом, любит ее, и она жалела, что не может ответить взаимностью. Потому что не только жаждала быть любимой, но и стремилась сама

полюбить кого-нибудь. Но не того, кто сейчас обнимал ее, не мужчину с печальными глазами, который знал так много. Она открыла рот, чтобы сказать ему это, — слов еще не подобрала, лишь понимала, что должна это сказать. Но он опередил ее:

— Я даже не уверен, хочу ли знать, что было у вас с Харри. Для меня важно одно: мы сейчас вместе. И мы любим друг друга. — Он взял ее руку, поднес к губам и поцеловал. — Пожалуйста, пойми: в моей жизни более чем достаточно места для тебя и Герта. Но, боюсь, не для Харри Холе. Ведь не будет слишком много, если я попрошу, чтобы ты больше не поддерживала с ним никакой связи?

Она уставилась на него.

Теперь он держал обе ее руки в своих.

— Что скажешь, дорогая? Ты согласна?

Катрина медленно кивнула.

— Ты прав, — сказала она. Лицо Арне озарилось широкой улыбкой, и он открыл рюкзак, прежде чем она договорила: — Ты попросишь слишком много.

Уголки его рта начали опускаться, но губы все еще улыбались.

Катрина тут же пожалела о своих словах, потому что теперь у него был вид, как у побитой

собаки. Она заметила, что он успел наполовину вытащить из рюкзака бутылку «Montrachet» — того самого белого вина, которое считал ее любимым. Ладно, может, он не был мужчиной, который ей нужен. Но ведь он мог, по крайней мере, стать ее мужчиной на одну ночь. Это-то она могла бы ему дать. Она могла дать это себе. Одну ночь. И уже утром довести все до логического конца.

Арне снова полез в рюкзак.

— Еще я взял с собой вот это…

* * *

— Грегерсен.

— Сон Мин Ларсен, Крипос. Извини, что звоню домой в пятничный вечер, но я перепробовал все рабочие телефоны Кримтекниск, и никто не ответил.

— Да, мы закрылись на выходные. Но все в порядке, продолжай, Ларсен.

— Меня интересует кокаин, изъятый в аэропорту Гардермуэн; помнишь, у офицеров, перевозивших эту партию, были неприятности.

— Да, я знаю, о чем речь.

— А знаешь, кто из ваших проводил анализ?

— Да, знаю.

— Так кто?
— Никто не проводил.
— В смысле?
— Никто.
— Что ты имеешь в виду, Грегерсен? Ты хочешь сказать — исследование этой партии вообще не проводилось?

* * *

Прим посмотрел на Нее. На Женщину, на свою Избранницу. Правильно ли он расслышал? Она и правда сказала, что Ей не нужно кольцо с бриллиантом?

Она прикрыла ладонью рот, скользнула быстрым взглядом по маленькой коробочке, которую он держал перед Ней, и воскликнула:

— Я не могу это принять!

«Такая спонтанная паническая реакция, конечно, неудивительна, когда тебя застали врасплох, — подумал Прим. — Когда кто-то держит перед тобой символ всей твоей будущей жизни, символ слишком великого понятия, не умещающегося в одно предложение».

Поэтому он позволил Ей перевести дыхание и только потом повторил слова, которые заранее решил произнести в этот момент:

— Возьми это кольцо. Возьми меня. Возьми нас с тобой. Я люблю тебя.

Но Она снова покачала головой:

— Спасибо тебе. Но это было бы неправильно.

Неправильно? Но что может быть более правильным? Прим рассказал ей, как копил деньги и ждал подходящего случая, именно потому, что это было *правильно*. Более того — *идеально*. Вот — даже небесные тела в бархатной черноте над ними отмечали это исключительное событие.

— Это идеальное кольцо, — сказала Она. — Но оно не для меня.

Она опустила голову и бросила на него скорбный взгляд, ясно говоривший, что ей жаль *его*.

Да, он не ослышался.

Прим услышал какой-то быстрый, трепещущий звук. Не шелест легкого ветерка в верхушках деревьев, как он себе это представлял, а шум телевизора, который больше не принимает сигнал, одинокий, без связи, цели, смысла. Звук усиливался, давление в голове уже стало невыносимым и продолжало нарастать. Он хотел исчезнуть, перестать существовать. Но он не мог исчезнуть, не мог просто свести себя на нет. Значит, исчезнуть нужно было *ей*. *Ей* больше не нужно существовать. Или — эту мысль вдруг сменила

другая — исчезнуть нужно тому, другому мужчине. Причине. Человеку, который отравил ее, ослепил, сбил с толку. Из-за которого Она больше не могла отличить истинную любовь Прима от манипуляций этого паразита. Это он, тот полицейский, стал ее токсоплазмой.

— Ну, если это не для тебя, — проговорил Прим, закрывая коробочку с бриллиантовым кольцом, — значит, для тебя — вот это.

Прямо над ними начиналось затмение, ночь, словно жадный каннибал, начала обгладывать левый край луны. Но там, где сидели эти двое, лунного света было более чем достаточно, и он мог видеть, как расширились ее зрачки при виде ножа в его руке.

— Что… — выдавила она. ее голос звучал хрипло, и она сглотнула, прежде чем продолжить: — …это… такое?

— А ты как думаешь?

Он мог прочесть эту мысль по ее глазам, видел, как ее губы формируют слова — но слова не прозвучали, и он произнес за нее:

— Это орудие убийства.

Она, казалось, собиралась что-то сказать, но он быстро поднялся на ноги и оказался у нее за спиной. Запрокинул ее голову назад, приставил

нож к ее горлу.

— Это орудие убийства, которым были вскрыты яремные вены Сюсанны Андерсен и Хелены Рёд. И которое вскроет и твою. Если ты не сделаешь в точности то, что я скажу.

Он откинул ее голову далеко назад, чтобы заглянуть ей в глаза.

Сейчас они видели друг друга перевернутыми — вероятно, так же смотрели они и на миры друг друга. Да, скорее всего, из этого все равно ничего бы не вышло. Наверное, он заранее об этом знал. Пожалуй, именно поэтому он несмотря ни на что планировал запасное решение на случай, если она не примет кольцо. Он ожидал увидеть в ее глазах недоверие. Но нет. Она смотрела так, словно верила каждому его слову.

Отлично.

— Ч-что я должна делать?

— Ты позвонишь своему полицейскому и сделаешь предложение, от которого он не сможет отказаться.

ГЛАВА 50
Пятница
Пропущенные вызовы

Старший официант поднял трубку трезвонящего телефона.

— Ресторан «Фрогнерсетерен».

— Это Харри Холе. Я пытаюсь связаться с инспектором Катриной Братт, она ужинает у вас в этот вечер.

Старший официант немного растерялся. Не только потому, что на телефоне была включена громкая связь — ему показалось знакомым имя этого человека.

— Я сейчас просматриваю список гостей, Холе. Но не вижу брони на ее имя.

— Должно быть, столик бронировал ее спутник. Его зовут Арне, фамилии не знаю.

— Арне нет, но в списке есть несколько фамилий без имен.

— Окей. Он блондин и, возможно, в плоской кепке. Она темноволосая, с бергенским акцентом.

— А! Да, они ужинали снаружи, я обслуживал

их столик.

— Ужинали?

— Да, они уже ушли.

— Хм-м… Ты случайно не слышал, куда они могли пойти?

Старший официант колебался.

— Я не уверен, что…

— Это важно. Это касается полицейского следствия по делу об убийствах женщин.

Старший официант вспомнил, откуда ему знакомо имя Холе.

— Кавалер пришел пораньше и попросил одолжить ему два винных бокала. У него была бутылка «Remoissenet Chassagne-Montrachet», и он сказал, что после ужина собирается сделать даме предложение у Триванна. Я одолжил ему бокалы. Видите ли, это был урожай 2018 года.

— Спасибо.

Харри потянулся к телефону, лежащему на одеяле Эуне, и нажал на кнопку «завершить разговор».

— Нам надо немедленно отправиться на Триванн. Трульс, можешь связаться со службой экстренной помощи и попросить их прислать туда патрульную машину? С сиреной и мигалками?

— Попробую, — ответил Трульс, доставая телефон.

— Готов, Эйстейн?

— И да пребудет с нами Мерседес.

— Удачи, — сказал Эуне.

Троица уже покидала палату, когда Харри достал телефон, посмотрел на дисплей и остановился, да так, что его ноги оказались по разные стороны порога. Захлопывающаяся дверь выбила телефон из его рук. Он наклонился и поднял телефон с пола.

— Что происходит? — крикнул снаружи Эйстейн.

Харри сделал глубокий вдох.

— Это звонок с номера Катрины. — Он поймал себя на мгновенном предположении, что звонит не она.

— Ты не собираешься ответить? — спросил Эуне с кровати.

Харри мрачно взглянул на него. Кивнул. Нажал «Принять» и поднес телефон к уху.

* * *

— Ты уверен? — спросил командир Брисейд.

Пожарный постарше кивнул. Брисейд вздохнул и поглядел на горящую виллу, которую полива-

ла водой его команда. Перевел взгляд на луну. Сегодня вечером та выглядела странно, как-то неправильно. Он снова вздохнул, поправил на голове пожарную каску и направился к одинокой патрульной машине — автомобилю дорожной полиции, подъехавшему вскоре после прибытия пожарных. Брисейд и его коллеги прибыли на место происшествия через десять минут тридцать пять секунд после того, как в 20:50 на станцию поступило сообщение о пожаре на вилле в Гаустаде. Впрочем, задержись они еще на пару минут, ничего страшного бы не произошло. Когда-то давно дом уже пострадал от огня и много лет пустовал, поэтому опасность для чьей-то жизни была крайне маловероятна. И на соседние виллы огонь перекинуться не мог. Брошенные дома нередко поджигали подростки из неблагополучных семей, но поджог это или нет, можно будет определить позже, а пока необходимо было потушить огонь. Это было похоже на учебное занятие. Проблема была в том, что дом находился в непосредственной близи от Третьей кольцевой дороги, и густой черный дым валил прямо на автостраду— вот почему на место пожара приехали сотрудники отдела дорожного движения. К счастью, поток машин из города, по пятницам

обычно довольно плотный, уже стих, но с холма, где стоял Брисейд, еще были видны фары автомобилей, застрявших в пробке. По данным дорожной полиции, движение в районе Гаустада застыло в обоих направлениях. Брисейд объяснил женщине-полицейскому, что на тушение пожара потребуется время. Как и на то, чтобы рассеялся дым. Автомобилистам придется подождать, когда появится возможность ехать дальше. Сейчас хотя бы перекрыли подъездные пути и на автостраду больше не выезжали машины.

Брисейд подошел к полицейской машине. Женщина-офицер опустила стекло.

— Всё же тебе, наверное, стоит пригласить сюда кого-нибудь из коллег, — сказал он.

— Зачем?

— Видишь вот этого? — Брисейд указал на пожарного постарше, стоявшего рядом с одной из машин. — Мы зовем его Нюхач. Потому что он чует этот запах среди любых других запахов пожара. Нюхач никогда не ошибается.

— Какой запах?

— *Этот* запах.

— Какой именно?

Тупенькая она, что ли? Брисейд откашлялся.

— *Это* пахнет барбекю. Когда это случается,

появляется запах барбекю.

По ее лицу он понял: дошло. Она потянулась за рацией.

* * *

— Ну и что на этот раз?

— Что на этот раз? — отозвался слегка растерянный голос Харри с другого конца линии.

— Да! Что случилось? Я только что включила телефон, а там семь пропущенных звонков от тебя.

— Где ты и что делаешь?

— Почему ты спрашиваешь? Что-то не так?

— Просто ответь.

Катрина вздохнула.

— Иду на станцию Фрогнерсетерен. Оттуда собираюсь поехать прямиком домой и опрокинуть пару стопок чего покрепче.

— А Арне? Он с тобой?

— Нет. — Катрина шла вниз по той же дороге, которой они пришли, только более быстрым шагом. Наверху тьма медленно пожирала луну и, возможно, именно это зрелище заставило ее отказаться от медленной пытки и решительно пронзить ножом его сердце. — Нет, он уже не со мной.

— То есть не там, где ты сейчас?

— В обоих смыслах.

— Что случилось?

— Что случилось?... Вкратце: Арне живет в другом мире, и этот мир гораздо лучше моего. Арне знает все о механизмах Вселенной, но все же смотрит на мир сквозь розовые очки и видит вещи такими, какими хочет, а не такими, какие они есть. Наш с тобой мир, Харри, место более уродливое. Зато реальное. Нам бы позавидовать таким, как Арне. Я думала — смогу вытерпеть его этим вечером, но я плохой человек. Сорвалась и сказала ему все как есть, в том числе — что я не выдержу больше ни секунды.

— Вы... э-э-э... расстались?

— Я с ним порвала.

— Где он сейчас?

— Когда я уходила, он в слезах сидел возле Триванна с бутылкой «Montrachet» и парой хрустальных бокалов. Но хватит о мужиках. Зачем ты звонил?

— Я звоню, так как думаю, что кокаин разбавили в Кримтекниске. И сделал это Арне.

— Арне?

— Мы отправили за ним патрульную машину.

— Ты свихнулся, Харри? Арне не работает в судебно-медицинской экспертизе.

Несколько мгновений Харри молчал.

— Где…

— Арне Сэтен — научный сотрудник и преподаватель физики и астрономии в университете.

Она услышала, как Харри тихо шепчет себе под нос: «Твою мать», — а потом кричит:

— Трульс! Отменяй патрульную машину.

Затем он снова заговорил в телефон:

— Прости, Катрина. Кажется, я совсем протух.

— Вот как?

— Уже третий раз в этом долбаном деле я пошел ва-банк и ошибся. Мне пора на свалку.

Она рассмеялась.

— Просто ты немного переутомился, Харри, как и все мы. Отключи мозг и отдохни. Разве ты не собирался наблюдать затмение вместе с Александрой Стурдзой и Хельге Форфангом? Ты еще успеваешь. Вижу, закрыто чуть больше половины луны.

— Угу. Окей. Пока.

* * *

Харри завершил звонок, наклонился вперед в кресле и обхватил голову руками.

— Черт, черт…

— Не будь слишком строг к себе, Харри, — про-

изнес Эуне.

Он не ответил.

— Харри? — осторожно окликнул Эуне.

Харри поднял голову.

— Я не могу это так оставить, — хрипло сказал он. — Я знаю, что я прав. Я *почти* прав. Рассуждение верное, но где-то есть маленькая ошибка. Мне нужно ее найти.

* * *

Вот и все, подумала Тхань, увидев, как его рука приближается к ее лицу.

Она не совсем осознавала, что именно — «всё». Просто это была опасность. Волнующая опасность. Что-то, чего следует бояться, чего она боялась *раньше*, но не теперь. Не опасность с большой буквы «О», в этом Тхань была уверена, каждая его черточка говорила ей об этом.

Его рука остановилась. И замерла в воздухе, словно замороженная, сложившись «пистолетом». И после этого Тхань поняла: он не пытается дотронуться до нее, он указывает пальцем. Она повернула голову туда, куда был направлен палец, и ей пришлось приподняться на локтях, чтобы расширить обзор. Она невольно втянула воздух — и задержала дыхание.

Там, на залитой лунным светом лесной поляне, у подножия холма, она увидела четырех лисиц… нет, их было пять. Четыре лисенка тихо играли, а взрослая лиса смотрела на них. Один из детенышей был крупнее остальных, и именно на нем сосредоточилось внимание Тхань.

— Это?.. — прошептала она.

— Да, — шепнул Юнатан. — Это Нхи.

— Нхи. Откуда ты узнал, как я назвала?..

— Я наблюдал за тобой. Ты называла его так, когда играла с ним и кормила. Ты с ним разговаривала больше, чем со мной. — В темноте Тхань увидела, как он улыбнулся.

— Но как… как так получилось? — Она кивнула на лисиц.

Юнатан вздохнул.

— Я из тех идиотов, что подбирают запрещенных животных. Как-то парень, у которого было два слизня с горы Капутар, убедил меня взять одного — он думал, хотя бы у одного будет больше шансов выжить, если кормить и заботиться о каждом будут в разных местах. Мне следовало отказаться. Если бы тот полицейский обнаружил слизня, мой магазин закрыли бы. Я не спал с тех пор, как спустил его в унитаз. Но с Нхи у меня, по крайней мере, было время подумать. Ясно было,

что скрывать его бесконечно мы не сможем, и органы охраны окружающей среды усыпят его, когда обнаружат. И я отвез его к ветеринару. Ветеринар признал его здоровым. Затем я принес лисенка в эту стаю, — я знал, что они здесь живут. Конечно, уверенности, что они примут Нхи, не было, к тому же я видел, как ты любишь этого зверька. Поэтому я не хотел ничего тебе говорить, пока не съезжу сюда несколько раз и не уверюсь, что с ним все в порядке.

— Ты боялся, что я расстроюсь, и поэтому не хотел мне говорить?

Она увидела, как Юнатан слегка поежился.

— Просто подумал — если обнадежу впустую, тебе будет больно, а если все пойдет не так, как ты мечтала, то еще больнее.

«Потому что не понаслышке знаешь, как это бывает», — подумала Тхань. И еще ей пришло в голову, что однажды узнает и она.

Но прямо сейчас она просто обняла его, сама не сознавая почему — из-за темноты, опьяняющей радости и облегчения, из-за луны или просто от усталости.

— Наверное, уже слишком поздно, ты устала, — произнес он. — Мы можем вернуться в другой день, если захочешь.

— Да, — прошептала она. — Мне очень бы этого хотелось.

На обратном пути ей пришлось постараться не отстать от него. Не то чтобы он двигался быстро, но шаг у него был широкий, и он явно умел ходить по лесу. Пока они при свете луны пересекали болото, Тхань рассматривала его спину. Язык тела, манера поведения Юнатана здесь были не такими, как в магазине, в городе. От него исходило какое-то удовлетворение, счастье, чувство единения с природой, Словно это место было его настоящим домом. Возможно, он был счастлив оттого, что сделал счастливой ее? Скорее всего так. Конечно, он пытался это скрыть, но теперь Тхань его раскусила, и ее уже не могло обмануть его хмурое лицо.

Ей пришлось перейти на бег. Может быть, Юнатан решил, что, проведя час в лесу, она тоже почувствовала себя здесь как дома? Во всяком случае, он уже не считал необходимым вести ее за руку.

Она вскрикнула и притворилась, будто споткнулась. Он резко остановился, и ее ослепил фонарик на его голове.

— Ой, извини. Я… С тобой все в порядке?

— Да, порядок, — подтвердила она и протянула

руку.

Он принял ее.

И они пошли дальше.

Тхань размышляла, влюблена ли она. И если да — то давно ли? А если и правда влюблена, как сделать так, чтобы он это понял?

ГЛАВА 51
Пятница
Прим

— Ты должен бы испытать облегчение, Харри, — сказал Эуне. — Что теперь-то не так?

Эйстейн и Трульс только что вышли из палаты.

Харри посмотрел на умирающего друга.

— В Лос-Анджелесе живет пожилая женщина. Она попала в неприятности, и я пытался… ну, исправить ситуацию.

— Ты поэтому вернулся в Норвегию?

— Да.

— Я догадывался, что причина не в работе на Маркуса Рёда.

— Хм. Об этом я расскажу как-нибудь в другой раз. Я бы сказал, это история как раз для психолога.

Эуне усмехнулся и взял друга за руку.

— В другой раз, Харри.

Харри оказался совершенно не готов ко внезапно подступившим слезам. Он сжал руку Столе. Ничего не сказал, потому что знал: голос дрогнет.

Застегнул пиджак и быстро вышел в коридор. Эйстейн и Трульс, ждавшие лифт немного дальше по коридору, повернулись к нему.

Телефон Харри зазвонил. Что ему ответить, если это полиция Лос-Анджелеса? Харри достал телефон и взглянул на экран. Александра. Конечно, надо бы сообщить ей, что он не приедет смотреть затмение. Он медлил, не принимая звонок и раздумывая, стоит ли все же поехать туда. По правде сказать, пропустить прямо сейчас бокал, второй, целую бутылку в баре отеля «The Thief» в полном одиночестве казалось куда более заманчивой перспективой. Нет, плохой план. Наблюдать лунное затмение с крыши Института судебно-медицинской экспертизы? А пожалуй. Он нажал «принять», и в этот момент на экране появилось текстовое сообщение. От Сон Мина Ларсена.

— Привет, — сказал Харри, открывая сообщение.

— Привет, Харри.

— Это ты, Александра?

— Да.

— Твой голос звучит как-то по-другому — проговорил Харри, скользя взглядом по тексту сообщения:

Из-за высокой загруженности Кримтекниск не проводил анализ кокаина. Его отправили судебным медикам. Там им занимался Хельге Форфанг, он поставил дату и подпись на заключении.

Харри почувствовал, как его сердце перестало биться. Все разрозненные кусочки, не совпадавшие друг с другом, так и замелькали перед его глазами — и моментально сложились воедино. Александра показывает ему Институт судебно-медицинской экспертизы и говорит: когда Кримтекниск не может справиться с горой анализов, их перенаправляют сюда. Хельге прямым текстом сообщает Харри, что Toxoplasma gondii — область его исследований. Александра упоминает, как звала Хельге на вечеринку на крыше, куда можно было прийти без приглашений. Специалист по вскрытиям легко мог поместить материал ДНК на трупы Сюсанны и Бертины и направить подозрения на конкретного человека, он мог это сделать даже в помещении для вскрытия уже после обнаружения тел. Но самое главное — запах мускуса в зале для вскрытия, где только что находился Хельге. Харри думал, запах исходил от трупа. Тот же запах он почуял, накло-

нившись ближе к Хельге, когда тот разреза́л глаз Сюсанны Андерсен. И тогда Харри тоже думал — вот идиот! — что это пахнет глаз.

Отдельные кусочки. Все они сложились в мозаику, в большую и четкую картину. И после того, как все встало на свои места, Харри в который раз удивился, почему он не видел этого до сих пор?

Снова послышался голос Александры — настолько искаженный страхом, что Харри едва узнал его.

— Ты можешь приехать сюда, Харри?

Умоляющий тон. Слишком умоляющий. Не как у Александры Стурдзы, которую он знает.

— Где ты? — спросил Харри, пытаясь выиграть время на размышления.

— Ты знаешь. На крыше…

— Судебно-медицинского, хорошо. — Харри махнул Эйстейну и Трульсу и снова направился в палату 618. — Ты там одна?

— Почти.

— Почти?

— Я же говорила тебе — мы с Хельге собирались смотреть затмение.

— Да-да. — Харри глубоко вздохнул и понизил голос почти до шепота. — Александра? — Харри опустился в кресло рядом с кроватью. Трульс и

Эйстейн вошли в палату.

— Да, Харри?

— Слушай меня внимательно. Не шевелись, отвечай просто «да» или «нет». Ты сможешь уйти оттуда, не вызвав подозрений, под предлогом вроде сходить в туалет или принести что-нибудь?

Молчание. Харри отодвинул телефон от уха, и остальные трое из группы Эуне склонили головы к его «Самсунгу».

— Александра? — прошептал Харри.

— Да, — ответила она бесцветным голосом.

— Хельге — убийца. Тебе надо уходить. Покинь здание или где-нибудь запрись, пока мы не приедем. Окей?

Послышался треск. И еще один голос. Мужской.

— Нет, Харри. Не окей.

Голос казался знакомым и одновременно чужим, словно говорил незнакомый двойник знакомого человека. Харри глубоко вздохнул.

— Хельге, — назвал он. — Хельге Форфанг.

— Да, — подтвердил голос. Он звучал не просто ниже, чем помнил Харри, но и более уверенно, более расслабленно. Будто принадлежал тому, кто уже праздновал победу. — А впрочем, можешь звать меня Прим. Все, кого я ненавидел,

так меня звали.

— Как пожелаешь, Прим. Что происходит?

— Очень точный вопрос, Харри. Происходит вот что: я сижу здесь, держу нож у горла Александры и гадаю, что готовит будущее нам двоим. Возможно, нам троим, поскольку ты тоже часть этого, верно? Я понимаю, что разоблачен. Потерял позицию, как говорят в шахматах. Я держался, надеялся избежать этого, но даже если бы знал, что результат окажется таким, все равно действовал бы именно так, как действовал. Я очень горжусь своими достижениями. Думаю, даже мой дядя будет горд, когда прочитает об этом — если прочитает, конечно. Если его мозгу, пораженному паразитами, удастся зацепиться за жизнь.

— Прим…

— Нет, Харри, я определенно не надеялся избежать наказания за сделанное. На самом деле я планировал покончить с собой, когда все это закончится, но кое-что произошло. И это пробудило во мне желание жить дальше. Вот почему я заинтересован в переговорах о максимально мягком наказании. Но для сильной переговорной позиции нужен предмет торга, а у меня есть заложница, которую я могу пощадить… или не пощадить. Я почти уверен, что ты понимаешь,

Харри.

— Лучшее, что ты можешь сделать для более мягкого приговора — это позволить Александре уйти, а самому немедленно сдаться полиции.

— Лучшее для тебя. Ты убираешь меня с дороги, чтобы освободить дорогу себе?

— Дорогу к чему, Прим?

— Не прикидывайся дураком. К Александре. Ты заразил ее, заставил ее желать тебя, заверил, будто тебе есть что ей предложить. Например, настоящую любовь. Что ж — вот тебе шанс доказать это. Что скажешь насчет обмена — ты вместо нее?

— И ты ее отпустишь?

— Конечно. Ни один из нас не хочет, чтобы Александра пострадала.

— Окей. Тогда у меня есть предложение, как это сделать.

Смех Хельге звучал еще мягче, чем его голос.

— Хорошая попытка, Харри, но думаю, мы воспользуемся моим планом.

— Угу. И что это за план?

— Ты едешь сюда, взяв с собой еще одного человека. Паркуешься перед зданием, чтобы я мог видеть, как вы — и только вы двое — выходите из машины и идете к институту. Я дам ключ от вход-

ной двери. И я хочу увидеть, как тебе сковывают руки за спиной наручниками, едва ты выйдешь из машины. Понятно?

— Да.

— Дальше вы оба подниметесь на лифте, подойдете к двери, ведущей на крышу, приоткроете совсем чуть-чуть и дадите мне знать, что вы там. Если ты ворвёшься на крышу, я перережу Алекс горло. Ты ведь и это понимаешь, верно?

Харри сглотнул.

— Да.

— Итак, когда я скажу, вы оба войдете через дверь на крышу спиной вперед.

— Спиной вперед?

— Так делают в тюрьмах строгого режима, не так ли?

— Да.

— Вот видишь, ты знаешь, как это делается. Ты войдешь первым. Восемь шагов спиной вперед. Затем остановишься и опустишься на колени. Твой спутник сделает четыре шага спиной вперед и тоже встанет на колени. Если все не будет сделано в точности так…

— Я понял. Восемь и четыре шага, развернувшись спиной.

— А ты сообразительный. Хорошо. Я приставлю

к твоему горлу нож, пока Александра будет идти к выходу с крыши. Твой спутник проводит ее до машины, и они уедут.

— А потом?

— А потом начнутся переговоры.

Наступила пауза.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Харри. Зачем менять хорошего заложника на плохого? Зачем отказываться от молодой невинной женщины, которая, как известно и полицейским, и политикам, вызовет у обывателей куда более сильные чувства, чем старый мужик-детектив?

— Ну…

— Ответ прост: я люблю ее, Харри. И, чтобы она дождалась, когда я снова стану свободным человеком, мне нужно показать, что я люблю ее по-настоящему. Думаю, присяжные тоже увидят в этом смягчающее обстоятельство.

— Уверен, так и будет, — согласился Харри. — Может, через час?

В трубке снова раздался звонкий смех.

— Снова хорошая попытка, Харри. Ты же не думаешь, будто я дам вам время вызвать группу быстрого реагирования и собрать половину всех полицейских города?

— Хорошо, но мы далековато. Сколько времени

у нас будет, чтобы добраться?

— Думаю, ты лжешь, Харри. Думаю, не так уж ты далеко. Видишь луну оттуда, где находишься?

Эйстейн быстро подошел к окну. Кивнул.

— Да, — ответил Харри.

— Тогда ты видишь, что затмение уже началось. Когда луна закроется полностью, я перережу Александре горло.

— Но…

— Если расчеты астрономов верны, у вас… дай взглянуть… двадцать две минуты. Да, и еще кое-что. У меня глаза и уши везде, и, если я увижу или услышу, что полиция и другие силы подняты по тревоге, Александра умрет. Вот так. Поторопись.

— Но… — Харри осёкся и поднял телефон, показывая остальным, что звонок прерван.

Он взглянул на часы. Хельге Форфанг дал им достаточно времени. Если они поедут по Третьему кольцу, дорога до Института судебно-медицинской экспертизы при Риксхоспиталет[134] не займет больше пяти-шести минут…

— Все все поняли? — спросил он.

— Частично, — ответил Эуне.

— Его зовут Хельге Форфанг, он работает в

[134] Notes: 134

Риксхоспиталет (Rikshospitalet, норв.) — Государственная больница в Осло.

Институте судебно-медицинской экспертизы и держит свою коллегу в заложниках на крыше института. Он хочет обменять ее на меня. У нас двадцать минут. Мы не можем связаться с полицией — велика вероятность, что он это обнаружит. Нам нужно ехать туда сейчас же, но только мне и еще одному человеку.

— Тогда поеду я, — твердо заявил Трульс.

— Нет, — столь же твердо возразил Эуне.

Остальные посмотрели на него.

— Ты его слышал, Харри. Он собирается тебя убить. Вот почему он хочет, чтобы ты оказался там. Он любит ее, но ненавидит тебя. Он не собирается вести переговоры. Возможно, он слабо ориентируется в реальности, но он знает не хуже тебя или меня: невозможно добиться смягчения приговора, захватывая заложников.

— Может, и знает, — ответил Харри. — Но даже ты не можешь быть уверен, насколько он в своем уме, Столе. Возможно, он верит в противоположное.

— Это маловероятно. Неужели ты планируешь поставить на это жизнь?

Харри пожал плечами:

— Часики тикают, господа. И да, я думаю, заменить молодую талантливую специалистку по

медицинским исследованиям на старого никому не нужного сыщика— прямая выгода для нас. Простая математика.

— Именно! — воскликнул Эуне. — Простая математика.

— Отлично, мы друг друга поняли. Трульс, ты готов?

— У нас проблема, — сказал от окна Эйстейн. Он набирал что-то в телефоне. — Я вижу, вся дорога встала намертво. Необычно для столь позднего вечера. На сайте NRK[135] пишут — Третье кольцо закрыто из-за задымления от горящего дома. А значит, дороги поскромнее забиты под завязку, и, как таксист, я гарантирую: мы не доберемся до Риксхоспиталет за двадцать минут. И даже за тридцать.

Все в комнате, включая Джибрана, переглянулись.

— Верно, — согласился Харри. Взглянул на часы. — Трульс, не хочешь злоупотребить своим шатким служебным положением?

— С удовольствием, — ответил Трульс.

— Отлично. Тогда идем в отделение неотложной помощи. Реквизируем машину скорой с

---

[135] Notes: 135
NRK— Норвежская государственная вещательная компания.

мигалками и сиреной. Что скажешь?

— Звучит заманчиво.

— Стоп! — выкрикнул Эуне и ударил кулаком по прикроватной тумбочке, перевернув пластиковый стаканчик и пролив воду на пол. — Вы не слушаете, что я говорю?

ГЛАВА 52
Пятница
Сирены

Прим услышал, как в темноте ночи нарастает и затихает вой сирены. Скоро вся луна станет кроваво-темной, и небо останется лишь подсвеченным снизу желтыми отблесками городских огней. Звучали не полицейские сирены, не сирены пожарных машин, которые он уже слышал этим вечером. Это была сирена скорой помощи. Конечно, включить ее могла бригада, направлявшаяся в больницу Риксхоспиталет, но что-то подсказывало Приму, что это Харри Холе предупреждает о своем прибытии. Прим открыл сумку, в которой лежал полицейский радиоприемник, и включил его. Вполне возможно, Харри сообщил информацию своим коллегам, ни слова не выпустив в эфир, ведь Прим не единственный из преступников, кто может прослушивать полицейскую радиоволну. Однако спокойный, мирный тон радиопереговоров убедил Прима, что немногие городские полицейские в курсе происходящего. Судя по всему, обнаружение обуг-

ленных человеческих останков в Гаустаде стало самым драматичным инцидентом этого вечера.

Прим поставил свой стул прямо за сиденьем Александры, так что они оба видели металлическую дверь, через которую должны были войти полицейский и его спутник. Конечно, он мог бы затребовать одного Харри, но не исключал, что Александру придется уводить силой. Время от времени порыв ветра доносил запах дыма из Гаустада, расположенного примерно в полукилометре отсюда. Прим не хотел дышать этим запахом. Он больше не хотел впускать в себя хоть что-нибудь от Маркуса Рёда. С ненавистью покончено. Осталась только любовь. Сначала Она отвергла его — пусть. Неудивительно. Он так стремительно выплеснул все это на Нее — естественно, его слова стали для Единственной шоком, а первая реакция на шок — это бегство. Она думала — они просто друзья! Может, Она и правда верила, будто он гей. А может, приняла его действия за легкий флирт, и это стало предлогом для приглашений на прогулки по городу и на вечеринки — без всякого подтекста. Он немного подыграл, подумал — возможно, Ей нужен этот предлог. Даже признался, что занимался сексом с мужчиной, не развивая тему об изнасиловании

и отчиме-насильнике. Они с Александрой так хорошо проводили время! Очевидно, кольцо с бриллиантом появилось слишком рано, и Она еще не успела осознать его любовь. Да, любовь осталась. Но чтобы чувство могло расти, нужно было убрать то, что загораживало его от живительного солнца.

Прим нащупал шприц во внутреннем кармане. После разговора с Харри Прим показал его Александре и все объяснил. Возможно, из-за недостаточного знания микробиологии она не была идеальным слушателем, но медицинское образование делало ее куда компетентнее рядового обывателя. ее компетентности хватило, чтобы понять, какой это прорыв в паразитологии — создание паразитов, действующих в десять раз быстрее прежних, медленных. Однако ее реакция на рассказ о том, как модифицированные им токсоплазмы менее чем за час проникли в мозг Терри Воге, оказалась, пожалуй, далека от ожидаемых им восторгов. Без сомнения, Она была слишком напугана, чтобы все осознать. Вероятно, считала, что ее жизнь в опасности. Да, так и было бы, если бы не предсказуемость Харри Холе. Но Холе поступит как велел ему Прим. Старая школа: женщины и дети превыше всего. Так что Харри

расшибется в лепешку, но прибудет вовремя. Прим наконец почувствовал радость, которой так не хватало, пока он поджаривал голову отчима. Конечно, битва проиграна. Александра отказалась от кольца, а Харри Холе вычислил Прима. Но война еще не окончена, и он победит. Первым делом нужно устранить соперника. Таков закон животного мира, а мы, люди, в конечном итоге тоже животные. Потом ему придется отправиться в тюрьму. Но оттуда он научит ее любить его. И Она полюбит его, потому что после победы над Харри поймет: именно Прим, а вовсе не полицейский ее настоящий мужчина. Так просто. Не банально — а просто. Никаких затей. Всего лишь вопрос времени.

Он посмотрел на луну.

Затмение стало почти полным, серебрился только узенький, тоненький серпик. Но сирена приближалась, теперь она завывала совсем близко.

— Слышишь, как он спешит тебя спасти? — Прим провел пальцем по спине Александры. — Ты счастлива? Такая сильная любовь, что любящий готов за тебя умереть? Но ты должна знать: я люблю тебя еще сильнее. На самом деле я планировал умереть, но решил *жить ради тебя*, и, думаю, эта

жертва куда весомее.

Внезапно сирена смолкла.

Прим встал и сделал два шага к краю крыши. Желтые лучи света освещали пустую автостоянку внизу.

Это была машина скорой помощи.

Из машины вышли два человека. Прим узнал Холе по черному костюму. На другом человеке оказалось нечто светло-голубое, похожее на больничную одежду. Холе привел с собой медбрата или пациента? Детектив повернулся спиной к зданию, и, хотя Прим не мог разглядеть наручники, он увидел блеск металла в свете уличных фонарей. Двое внизу медленно двинулись бок о бок ко входу, прямо над которым стоял Прим.

Прим уронил пачку «Кэмела», взятую у Александры, и пронаблюдал, как она падает вдоль фасада и с мягким шлепком приземляется перед прибывшими. Они вздрогнули, но не подняли голов. Мужчина в больничной одежде взял сигаретную пачку и открыл. Достал пропуск Прима и записку — в ней Прим написал код доступа в здание и инструкцию, на какой этаж подниматься на лифте и как найти дверь на крышу: подняться до конца лестницы справа.

Прим вернулся и сел на стул позади Алексан-

дры. Теперь оба сидели лицом к двери, примерно в десяти метрах от входа.

Прим задумался. Боялся ли он того, что должно было вот-вот произойти? Нет. Он уже убил трех женщин и троих мужчин.

Но он нервничал. Это было его первое физическое противостояние человеку, не превращенному в запрограммированного, предсказуемого робота, которым управляли его паразиты. Остальные его жертвы были обмануты, их… заразили исподтишка. Хелена Рёд и Терри Воге проглотили паразитов с алкоголем, Сюсанна и Бертина вдохнули с кокаином на вечеринке. Торговец кокаином с площади Йернбанеторгет тоже втянул в себя токсоплазмы из кокаинового патрона Бертины. Приму пришла в голову эта идея в тот день, когда ему передали изъятую партию зеленого кокаина. Он уже давно слышал о пристрастии Маркуса Рёда к дорожкам и задавался вопросом, поможет ли это внедрить в его организм паразитов. Когда привезли партию конфискованного зеленого кокаина — а несколькими днями ранее Александра рассказала ему о грядущей вечеринке на крыше у Рёда — Прим осознал: это его шанс. Парадокс, конечно, но еще три человека вдохнули тот кокаин и были вынуждены заплатить за это

своими жизнями, прежде чем Прим наконец смог заразить отчима своим вариантом Toxoplasma gondii. Для этого он добавил паразитов в одно из самых полезных, натуральных, необходимых для поддержания человеческой жизни веществ — в воду. Он не мог не улыбаться, вспоминая об этом. Он позвонил Крону и сказал, что Маркусу Рёду необходимо приехать в Институт судебно-медицинской экспертизы для опознания тела жены. И Рёда ожидал стакан воды. Он даже мог дословно вспомнить фразу, которую сказал Рёду, чтобы тот выпил этот стакан перед тем, как войти в помещение для вскрытий: «*Опыт подсказывает, что в таких случаях вода в организме попросту необходима*».

Луна почти исчезла, стало еще темнее, когда Прим услышал медленные, очень медленные шаги на лестнице.

Он еще раз проверил, готов ли к использованию шприц во внутреннем кармане.

Петли металлической двери заскрипели. В стене открылся проем. Из него донесся хриплый голос:

— Это мы.

Голос Харри Холе.

У Александры вырвалось сдавленное рыдание.

Прим почувствовал, как в нем поднимается гнев, наклонился и шепнул ей на ухо:

— Не шевелись. Оставайся совершенно неподвижной, любовь моя. Я хочу, чтобы ты жила, но если ты не сделаешь, как я говорю, то мне придется тебя убить.

Прим встал со стула. Прочистил горло.

— Помнишь мои инструкции? — Он с удовлетворением понял, что слова прозвучали громко и отчетливо.

— Да.

— Тогда выходи. Медленно.

Дверь открылась.

Когда фигура в костюме шагнула спиной вперед через высокий порог, Прим понял: наступило полное затмение. Он инстинктивно посмотрел наверх, на луну, повисшую прямо над входом на крышу. Она не была черной, она залилась колдовским красным цветом. И стала походить на медузу, бледную, неяркую, ее света хватало только ей самой, а не людям внизу.

Фигура в дверном проеме сделала первый из оговоренных восьми шагов, направляясь к Александре и Приму, медленно, шаркая, будто в кандалах. «Так приговоренный движется к эшафоту», — подумал Прим. Пытается продлить

свою жалкую жизнь еще на несколько секунд. Он видел смирение и поражение в этой уже сгорбленной фигуре. Прим следил за Харри Холе и Александрой в тот вечер, когда они ужинали, и видел, как они шли в обнимку, словно влюбленные, гуляя в парке у королевского дворца. Тогда Холе выглядел большим и сильным. Как и в ночь, когда Прим шпионил за ним в баре «Ревность». Но теперь казалось, будто внутри костюма Холе уменьшился до своих действительных размеров. Прим был уверен: теперь и Александра видит, что даже костюм, пошитый на заказ, теперь не подходит Харри Холе.

В четырех шагах от Холе другая фигура ступала спиной вперед, заложив руки за голову. Кажется, от чего-то отразился последний отблеск слабого лунного света? У мужчины в больничной одежде в руке оружие? Нет, там ничего нет. Наверное, это кольцо на пальце.

Холе остановился. Должно быть, из-за скованных за спиной рук ему было трудно опуститься на колени и не упасть при этом вперед. Этот человек уже вел себя, как труп. Прим дождался, когда человек в больничной одежде тоже опустится на колени.

Затем он подошел к Холе и занес над ним пра-

вую руку со шприцем. Выбрал место на бледной, почти белой обвисшей коже на затылке выше воротника рубашки.

Секунда — и все будет кончено.

— Нет! — крикнула Александра за его спиной.

Прим взмахнул рукой. Харри Холе ничего не успел сделать — игла вонзилась глубоко в затылок. Он дернулся, но не обернулся. Прим нажал на поршень большим пальцем. Он знал: дело сделано, паразиты начали свою работу, до мозга совсем недалеко, а значит, все произойдет даже быстрей, чем с Воге. В полумраке он увидел, как поворачивается человек в больничной одежде. И снова что-то слабо блеснуло на его руке. Теперь Прим разглядел. Это было не кольцо. Палец. Металлический.

Человек уже развернулся полностью. И поднялся на ноги. Когда эти двое выходили из машины, Прим смотрел на них сверху, с крыши, и ему трудно было различить, что второй мужчина высокий, куда выше того, что в костюме, а когда они поднялись на крышу, оба шли сгорбившись. Но теперь Прим понял: мужчина в больничной одежде и был Харри Холе. И теперь Прим видел его лицо, эти яркие глаза над ухмыляющимся ртом.

Прим отреагировал быстро, как только смог. Он предполагал, что его попытаются тем или иным образом обмануть. Его обманывали все время, с тех пор как он был маленьким мальчиком. Так это началось и так должно было закончиться. Но он прихватит кое-что с собой. То, чего не получит полицейский. Ее.

Когда Прим повернулся к Александре, нож уже снова был в его руке. Александра вскочила. Прим занес нож для удара. Попытался поймать ее взгляд. Дать ей понять: смерть близка. И закипел от ярости. Потому что Александра смотрела не на него, Прима, а за его плечо — опять на этого гребаного полицейского. Так было и с Сюсанной Андерсен на вечеринке на крыше. Они всегда ищут кого получше. Что ж, тогда Холе увидит, как эта гребаная шлюха умрет.

* * *

Харри смотрел на Александру. Она явно видела и понимала — как и оба мужчины — что он слишком далеко, чтобы спасти ее. Он успел только быстро покрутить указательным пальцем перед своим горлом. Надеялся, что она вспомнит. И увидел, как она отвела одно плечо назад.

Им не хватало времени. То есть, как он понял

позже, не хватило *бы* времени, если бы, к счастью, паразиты не снизили скорость реакции и у своего первичного хозяина. Фигура Хельге заслоняла Харри обзор, и он не мог разглядеть, сложила ли Александра кисть стамеской, когда наносила удар.

Но она, кажется, сжала.

И кажется, ударила куда надо.

Похоже, сейчас Хельге Форфанг полностью сосредоточился только на том, чтобы выжить. Важнее всего на свете стали не Александра и не месть, а просто воздух. Хельге выронил и нож, и шприц и упал на колени.

— Беги! — закричал Харри. — Убирайся отсюда!

Не говоря ни слова, Александра пронеслась мимо него, распахнула металлическую дверь и исчезла.

Харри подошел к стоявшему на коленях мужчине в его костюме и взглянул на Хельге Форфанга. Тот до сих пор держался обеими руками за горло и сипел, как проколотая шина. И тут он внезапно и резко перекатился по бетону. А когда лег на спину и уставился снизу вверх на Харри, в его руке снова был зажат шприц с иглой, направленной на полицейского. Хельге открыл

рот, явно желая что-то сказать, но вышли только очередные хрипы.

Не отводя взгляда от преступника, Харри положил руку на плечо мужчины в костюме. Тот сидел с опущенной головой.

— Как ты себя чувствуешь, Столе?

— Не знаю, — едва слышно прошептал Эуне. — С девушкой все в порядке?

— В порядке.

— Тогда я чувствую себя хорошо.

Харри увидел это по глазам лежащего Хельге. Узнал этот взгляд. Такое же выражение он видел в глазах Бьёрна в ночь, когда от него ушел Харри, когда от него ушли все. И на следующее утро Бьёрна нашли в его машине — он прострелил себе голову. И потом Харри слишком часто видел этот взгляд в зеркале, когда мысли о Ракели и Бьёрне заставляли его самого взвешивать этот поступок на весах «за» и «против».

Хельге уже направлял шприц не на Харри, а на себя. Харри смотрел, как игла приближается к лицу Хельге. Как он прикрывает один глаз, а другим продолжает пристально смотреть на Харри. Краешек луны снова засиял, выходя из земной тени, и Харри увидел, как Хельге подвел иглу вплотную к глазному яблоку — кратчайше-

му пути в мозг, — как оболочка глаза начинает прогибаться, словно яйцо всмятку, а потом игла протыкает поверхность и глаз принимает исходную форму. Наблюдал, как Прим погружает иглу. Лицо Прима ничего не выражало. Харри не знал, сколько нервов в глазу и позади глаза; вероятно, это было не так больно, как казалось. Не так трудно выполнить. На самом деле — легко. Легко для человека, называвшего себя Примом, легко для родственников жертв, легко для Александры, и для государственных обвинителей, и для общественности, вечно жаждущей мести. Все получили бы что хотели и обошлись бы без дурного осадка, всегда остающегося после казней у жителей любой страны, где применяется смертная казнь.

Да, это было бы легко.

Слишком легко.

Увидев, как большой палец Хельге изготовился нажать на поршень, Харри стремительно шагнул вперед, опустился на колени и обхватил ладонью кулак противника. Хельге нажал — но ладонь Харри помешала ему сдвинуть поршень. Под его большим пальцем оказался твердый металлический протез из серого титана.

— Дай мне это сделать! — простонал Прим.

— Нет, — отрезал Харри. — Ты останешься с нами.

— Но я не хочу жить! — заскулил Прим.

— Знаю, — ответил Харри. — Поэтому и не дам.

Он крепко держал Хельге. Где-то вдалеке послышалась знакомая музыка — вой полицейских сирен.

ГЛАВА 53
Пятница
Дурачок

Александра и Харри заглянули через окно в помещение для вскрытий. Там лежал на каталке Столе Эуне, а Ингрид Эуне сидела на стуле рядом. До их семейного дома было минут пять езды, так что Ингрид приехала немедленно.

Полицейские увезли Хельге Форфанга, и с минуты на минуту здесь ожидали группу криминалистов. Харри позвонил в дежурную часть, чтобы сообщить об убийстве, но не сказал, что жертва еще жива.

Эуне внезапно издал кашляющий смешок и произнес так громко, что его слова зазвучали через динамики: «Да, да, я помню, дорогая. Я ведь не думал, что парень вроде меня может тебя заинтересовать. Давай сделаем это сейчас?»

Александра шагнула вперед и отключила звук.

Они посмотрели на чету Эуне. Харри был в комнате, когда пришла Ингрид. Муж сразу объяснил ей: паразиты подействуют, скорее всего, очень быстро, и он предпочел бы опередить их в этой

гонке. Когда Эуне сказал, что Харри предлагал сделать это, Ингрид покачала головой, решительно отказываясь. Она указала на вену, вздувшуюся на шее Эуне, и взглянула на Харри. Тот кивнул, протянул ей шприц с морфием, полученный от Александры, и вышел из помещения.

И сейчас они видели через смотровое окно, как Ингрид вытерла глаза и подняла шприц.

* * *

Харри и Александра вышли на парковку и вместе с Эйстейном выкурили по сигарете. Два часа спустя — после допроса и разговора с кризисным психологом в полицейском управлении — Эйстейн и Харри отвезли Александру домой.

— Если не собираешься окончательно разориться на ценах в «The Thief», можешь какое-то время пожить у меня, — предложила Александра.

— Спасибо, — ответил Харри. — Я подумаю.

* * *

Настала полночь. Харри сидел в баре отеля. Смотрел на стакан виски и собирался с мыслями. Пришло время подвести итоги. Подсчитать тех, кого он потерял, и тех, кого подвел. И всех

неизвестных, кого он, возможно — хотя и не наверняка, — спас. Однако был один человек, так и не подававший вестей.

Словно в ответ на эту мысль зазвонил телефон.

Харри взглянул на номер. Бен.

Внезапно Харри понял, что сейчас-то все и выяснится. Возможно, именно поэтому он помедлил, прежде чем нажать кнопку приема.

— Бен?

— Привет, Харри. Она нашлась.

— Хорошо. — Харри глубоко вздохнул. И осушил стакан одним глотком. — Где?

— Здесь.

— Здесь?

— Она сидит прямо передо мной.

— Ты имеешь в виду — в «Тварях»?

— Да. Вот она, а вот ее виски сауэр. У нее отобрали телефон, потому ты и не мог до нее дозвониться. Она уехала из Мексики и вернулась в Лорел-Каньон. Сейчас она…

Харри услышал шум и смех. А потом голос Люсиль:

— Харри?

— Люсиль. — Только это он и смог сказать.

— Не переживай за меня, Харри. Я все думала, какие слова скажу тебе первыми. И вот что приду-

мала. — Он услышал, как она перевела дыхание, а затем произнесла со смехом и одновременно со слезами, вибрирующими в ее пропитанных виски голосовых связках: — Ты спас мне жизнь, дурачок.

ГЛАВА 54
Четверг

В день похорон Столе Эуне было холодно и дул сильный ветер. Он трепал волосы присутствующих, а в какой-то момент с безоблачного неба вдруг посыпались градины. Утром Харри побрился, и худощавое лицо, взглянувшее на него из зеркала, казалось, вернулось из более счастливых времен. Возможно, это поможет. А может быть, и нет.

Поднявшись на кафедру, чтобы сказать несколько слов по просьбе Ингрид и Авроры, он оглядел переполненную церковь.

На первых двух рядах сидела семья Столе. В следующем ряду — близкие друзья. Большинства из них Харри никогда раньше не видел. Позади Харри сидел Микаэль Бельман. Хотя Бельман и радовался тому, что дело раскрыто, а Хельге Форфанг оказался за решеткой, но все же он держался в тени всю неделю, пока газеты смаковали новые и новые подробности, сообщаемые полицией. Например, был обнародован рассказ Хельге Форфанга об убийстве отчима. Правда, Мона До и «ВГ»

подали хороший пример: они не опубликовали, а лишь сослались на видео, в котором голый Маркус Рёд признается в сексуальном насилии над пасынком. Но желающие ознакомиться с видеороликом, конечно, могли найти его в Сети.

Харри увидел Катрину, сидящую рядом с Сон Мином и Будиль Меллинг. Катрина все еще выглядела уставшей, у нее было очень много работы на заключительном этапе дела, да и впереди оставалось еще немало. Но, естественно, для нее стало облегчением, что убийцу задержали и получили от него показания с признанием своей вины. На допросах Хельге Форфанг рассказал им все что нужно, и большая часть его рассказов об исполнении убийств совпала с предположениями Харри. Мотив — месть отчиму — был очевиден.

Харри прибыл в церковь на «мерседесе» Эйстейна вместе с Трульсом и приехавшим из Финнмарка Олегом. Трульс уже вернулся к работе в полиции, так как с него сняли подозрение в мошенничестве, и отметил это событие покупкой костюма для похорон, подозрительно похожего на костюм Харри. У Эйстейна тоже были новости — он утверждал, что перестал торговать кокаином, хочет вернуться к вождению и даже подумывал не стать ли ему водителем «скорой

помощи».

— Черт, трудно ездить по-прежнему, когда однажды включил сирену и увидел, как машины на дороге расступаются перед тобой, как, мать его, Мертвое море[136] перед Моисеем. Или Галилейское море?.. А, да ладно, я все равно не пойду на «скорую».

Трульс пробурчал:

— Чтобы стать водителем «скорой», нужно пройти кучу курсов и всякой прочей пурги.

— Не в этом дело, — вздохнул Эйстейн. — Понимаешь, в этих машинах куча наркотиков, а я не могу спокойно находиться рядом с ними. Потому как я не такой волевой, как Кит Ричардс. В общем, я взял дневные смены в таксомоторной компании в Холмлии[137].

Руки Харри дрожали, и бумаги, которые он держал, издавали громкий шорох. Сегодня он не пил — наоборот, вылил остатки «Джима Бима» в раковину в своем гостиничном номере. Он намеревался оставаться трезвым до конца жизни. Да,

---

[136] Notes: 136

Перед ветхозаветным пророком Моисеем расступалось Красное море. Это легендарное событие описано в Книге Исхода, повествующей об освобождении еврейского народа из египетского рабства.

[137] Notes: 137

Холмлия — район в юго-западной части Сёндре-Нуштранда, самого южного района Осло.

таков был план. И он всегда был таким. В субботу они с Гертом собирались отправиться на лодке на Несодден. Харри представил себе это — и руки перестали дрожать. Он прочистил горло.

— Столе Эуне, — произнес Харри, потому что решил начать, назвав его полным именем. — Столе Эуне стал героем, хотя никогда не стремился им стать. Но обстоятельства и его собственное мужество подарили ему такой шанс к концу жизни. Естественно, будь он здесь, он возразил бы против того, что его называют героем. Но его нет с нами. И мы все равно не приняли бы его возражений. Когда мы столкнулись с захватом заложника, о чем вы наверняка читали в газетах, его голос прорвался сквозь наши обсуждения. «Разве вы не слышите, что я говорю? — крикнул он со своей кровати. — Это простая математика». Столе Эуне утверждал бы, что только сухая логика, а вовсе не героизм, заставила его надеть мою одежду, занять мое место и принять на себя смертельный укол. План состоял в том, что я покину место происшествия вместе с заложником до того, как обнаружится наша подмена, или вмешаюсь, если Столе разоблачат. План был не моим. Его придумал он. Он попросил нас оказать ему эту услугу, позволить ему обменять свои последние дни,

полные боли, на действия, которые на самом деле имели смысл. Это был хороший аргумент. Самое лучшее в его плане было то, что если бы Форфанг сосредоточился на Столе, это повысило бы наши шансы на спасение заложника. А я мог бы вмешаться, случись что-нибудь непредвиденное. Уход Столе, как и бывает с самоотверженными героями, оставил нам чувство вины. Прежде всего мне, лидеру группы и человеку, которому предназначалась та порция яда на крыше. Да, я виновен в том, что жизнь Столе Эуне оборвалась. Жалею я об этом? Нет. Ведь Столе был прав, это действительно простая математика. И я верю: он ушел счастливым. Потому что Столе принадлежал к той части человечества, которая получает глубочайшее удовлетворение, внося свой вклад в создание лучшего мира для всех нас.

* * *

После похорон, как и хотел Столе, в кафе «Шрёдер» состоялись поминки с бутербродами и кофе. Заведение было переполнено; когда они пришли, все стулья оказались уже заняты, так что Харри и его спутникам достались места лишь в дальнем конце зала, у двери в туалеты.

— Форфанг жаждал мести и уничтожал помехи

на пути к ней, — сказал Эйстейн. — Но газеты все равно называют его серийным убийцей. А ведь он не был серийным убийцей, верно, Харри?

— Кхм… Не в классическом понимании этого слова. Такие встречаются очень редко. — Харри глотнул кофе.

— Со сколькими ты сталкивался? — спросил Олег.

— Не знаю.

— Не знаешь? — хмыкнул Трульс.

— После того, как я поймал второго в моей практике серийного убийцу, мне стали приходить анонимные письма. Люди бросали мне вызов, заявляя, что совершили убийства. Или собирались. Говорили — я не смогу их поймать. Полагаю, большинство просто получали удовольствие от отправки этих писем. Но я не знаю, отнял ли кто-то из них чью-нибудь жизнь. Большинство смертей, которые, как мы установили, оказались убийствами, успешно расследуются. Но, возможно, те «убийцы-анонимщики» так изобретательны, что удачно маскируют совершенные ими преступления под естественные смерти или несчастные случаи?

— То есть они тебя перехитрили, это ты хочешь сказать?

Харри кивнул.

— Да.

Из туалета вышел явно подвыпивший пожилой мужчина.

— Друзья или пациенты? — спросил он.

Харри улыбнулся.

— И то, и другое.

— Как и все мы, — сказал мужчина, выходя в переполненный зал.

— К тому же он спас мне жизнь, — пробормотал Харри себе под нос. И поднял чашку кофе. — За Столе.

Остальные трое подняли бокалы.

— Я тут подумал кое о чем, — проговорил Трульс. — Те твои слова, Харри. Что если ты спасаешь чью-то жизнь, то несешь за этого человека ответственность до самой его смерти…

— Да, — вспомнил Харри.

— Я проверил. Это не пословица. Эту фразу придумали для сериала «Кун-фу» и специально стилизовали под древнюю китайскую мудрость. Помнишь этот сериал? Его снимали в семидесятые.

— С Дэвидом Кэррадайном? — уточнил Эйстейн.

— Да, — подтвердил Трульс. — Совершенно

дурацкий.

— Но крутой, — добавил Эйстейн. — Ты должен его посмотреть, — заявил он, толкнув Олега локтем.

— Должен?

— Нет, — ответил Харри. — Не должен.

— Ладно, — согласился Эйстейн. — Но если Дэвид Кэррадайн сказал, что ты несешь ответственность за тех, кого спас, в этом определенно что-то есть. Я имею в виду — это же Дэвид Кэррадайн, сечете, чуваки?

Трульс почесал выпирающий подбородок.

— Ну, хорошо.

К ним подошла Катрина.

— Извините, только что добралась, ездила на осмотр места преступления, — сказала она. — Кажется, сюда пришли все. Даже священник.

— Священник? — переспросил Харри, поднимая бровь.

— А разве это был не он? — удивилась Катрина. — Во всяком случае, когда я приехала, какой-то мужчина в воротничке священника уходил.

— А что за место преступления? — спросил Олег.

— Квартира на Фрогнере. Тело разрублено на куски. Соседи слышали шум какого-то двигателя.

Обои в гостиной — будто их полили из краскопульта. Слушай, Харри, можно с тобой чуть-чуть пошептаться?

Они отошли к столику у окна — когда-то именно этот столик был обычным местом Харри.

— Приятно видеть, что Александра уже вернулась к работе, — сказала Катрина.

— К счастью, она девушка стойкая, — подтвердил Харри.

— Я слышала, ты пригласил ее на «Ромео и Джульетту»?

— Да. Хелена Рёд дала мне два билета. Говорила — отличная постановка.

— Мило. Александра — хорошая женщина. Я попросила ее кое-что для меня проверить.

— Что же?

— Она сверяла профиль ДНК слюны с груди Сюсанны с данными из базы обнаруженных преступников. Там не нашлось ни одного совпадения, но мы знаем, что этот профиль совпадает с ДНК Маркуса Рёда.

— Так.

— Но слюну не проверяли по базе данных неустановленных преступников, то есть не сличали с образцами ДНК из нераскрытых дел. Когда всплыло видео, на котором Маркус Рёд признался

в сексуальном насилии над несовершеннолетним, я попросила прогнать его ДНК и по этой базе. И знаешь, что получилось?

— Угу. Догадываюсь.

— Тогда продолжай.

— Изнасилование четырнадцатилетнего мальчика в клубе «Вторники». Напомни — как вы назвали это дело?

— Дело бабочки, — Катрина выглядела почти раздраженной. — Как ты…

— Рёд и Крон утверждали, что не предоставляют образец ДНК, так как не хотят признавать, что могут быть основания подозревать Рёда. Но я предположил другую причину и, похоже, оказался прав. Рёд знал: в базе есть его ДНК, и это сперма, фигурирующая в деле об изнасиловании.

Катрина кивнула.

— Ты молодец, Харри.

Он покачал головой.

— Если бы я был молодцом, то давно раскрыл бы это дело. А я ошибался на каждом шагу.

— Хотя это лишь слова, но я знаю, что и другие люди оценивают тебя так же, как я.

— Окей.

— Вот об этих других я и хотела поговорить. В криминальном отделе есть вакансия. Нам всем

хотелось бы, чтобы ты написал заявление на эту должность.

— Нам?

— Будиль Меллинг и мне.

— Это двум человекам, а ты сказала «всем».

— Микаэль Бельман тоже считает это хорошей идеей. Мы могли бы создать особую должность. С большей свободой действий. Ты мог бы начать, например, с этого убийства во Фрогнере.

— Есть подозреваемые?

— Был давний спор о наследстве между жертвой и братом жертвы. Брата сейчас допрашивают, но у него, кажется, есть алиби.

Она изучала лицо Харри. Голубые глаза, в которые она когда-то вглядывалась. Мягкие губы, которые когда-то целовала. Резкие черты лица, саблевидный шрам от уголка рта к уху. Она пыталась истолковать его взгляд, изменения в выражении лица, то, как он расправил плечи, будто большая птица перед полетом. Катрина считала, что хорошо разбирается в языке тела, и некоторые мужчины — вроде Бьёрна — казались ей открытой книгой. Но Харри был и оставался для нее загадкой. Она подозревала, что и для самого себя тоже.

— Передай от меня привет и поблагодари, —

попросил он. — Но нет, спасибо.

— Почему нет?

Харри криво улыбнулся.

— Расследуя это дело, я понял, что гожусь только для одного — ловить серийных убийц. Настоящих. По статистике человек встречает на улице серийного убийцу всего семь раз за всю жизнь. Если так — я исчерпал свою квоту. Больше мне никто не встретится.

* * *

Молодой продавец носил бейдж с именем Эндрю. Покупатель только что произнес это имя с акцентом, наводившим на мысль, что какое-то время он провел в США.

— Новая цепь для бензопилы? — переспросил Эндрю. — Да, могу поискать.

— Прямо сейчас, пожалуйста, — попросил мужчина. — И мне нужны два рулона клейкой ленты. И моток тонкой прочной верёвки. И рулон мусорных пакетов. Не поможешь донести все это, Эндрю?

Эндрю почему-то содрогнулся. Возможно, из-за бесцветных глаз этого человека. Или мягкого, чересчур вкрадчивого голоса с южнонорвежскими интонациями. Может, из-за того, *как* он положил

руку на предплечье продавца. Или потому, что, как некоторые люди боятся клоунов, Эндрю боялся священников.